

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

На правах рукописи

Касландзия Наала Валерьевна

**Женщины правящей элиты Абхазского царства: история, политика,
династические связи (80-е гг. VIII – середина XIII в.)**

(07.00.01 – история Абхазии; 07.00.03 – всеобщая история
(история средних веков))

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Сухум 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-15
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР. ИСТОРИОГРАФИЯ	
1.1. Источники	16-29
1.2. Историография	29-41
ГЛАВА II. Женщина и власть: социально-политический статус абхазских цариц и царевен	
2.1. Матримониальные возможности царских вдов	42-51
2.2. Материнское регентство и соправительство	51-64
2.3. Абхазские царевны как опекуны наследников престола	64-79
2.4. Царственные монахини	79-98
2.5. Женские имена из антропонимикона царских династий Леонидов и Абхазских Багратидов	98-107
ГЛАВА III. «Женский фактор» в брачной дипломатии Леонидов и Абхазских Багратидов	
3.1. Брачные стратегии династии Леонидов	108-116
3.2. Византийское направление династических связей	116-149
3.3. Матримониальные союзы абхазских царевен с иноверцами	149-176
3.4. Брачные контакты Абхазских Багратидов с Русью	149-176
3.5. Браки царей абхазов с тюркскими и аланскими аристократками	176-217
ГЛАВА IV. Женщины-монархи на престоле в царстве Абхазских Багратидов.	
4.1. Эпоха правления царицы Тамар	218-271
4.2. Репрезентация Тамар – женщины-монарха в религиозной и светской культуре	271-287
4.3. Царица Русудан и ее время в средневековых исторических нарративах	288-305
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	306-311
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	312-342

ВВЕДЕНИЕ

«Всплеск интереса к «женщине в истории», наблюдающийся в современной медиевистике, отчасти обусловлен все большей популярностью социально-культурной истории, исторической антропологии, «истории ментальностей», которые открывают новые горизонты видения и понимания человеческой личности» (Болдырева 2009: 13).

Средневековые авторы мало уделяли внимания современницам. Женщины, удостоивались упоминания, как правило, в связи с важными политическими событиями. «Несмотря на то, что от эпохи средневековья до нас дошло немало имен женщин, в той или иной степени принимавших участие в отправлении политических функций, в целом их гораздо меньше, чем мужчин. Обычно в источниках описываются такие случаи, когда женские стратегии и тактика были настолько заметны в политической сфере, что они просто не могли не быть упомянуты» (Бикеева 2010: 17).

В письменных источниках по истории средневековой Абхазии информации о женщинах немного, и она касается исключительно венценосных особ. Несмотря на отрывочность сведений, есть основания говорить о высокой политической активности представительниц правящих династий Абхазского царства.

Актуальность исследования. «Женская история» на сегодняшний день является одним из самых динамично развивающихся направлений гуманитаристики, что во многом продиктовано социальными и интеллектуальными запросами современного общества. За последние десятилетия значительно расширилась источниковая база «женских исследований», круг рассматриваемых проблем, выходят в свет монографии и статьи, предпринимаются попытки создания обобщающих трудов. Следует констатировать все возрастающий интерес к женщине в средневековой истории. Ранее медиевисты обращались к «женской теме», как правило, в рамках изучения семьи и брака в средние века, «освоение» феминной проблематики привело к тому, что в поле зрения специалистов оказались вопросы социально-правового статуса женщины,

ее участия в политической, религиозной, экономической жизни средневекового социума.

Изучение истории средневековой абхазской государственности предполагает всесторонний анализ деятельности правящей элиты, в том числе, ее женской части. В этом направлении исследований особый интерес вызывают функции и полномочия представительниц царских династий Леонидов и Абхазских Багратидов. Круг проблем, связанных со статусом, государственной деятельностью, способностями и возможностями царственных женщин имеет важное значение для общего анализа политической, социальной и культурной истории Абхазии в эпоху средневековья. Актуальность избранной темы состоит в том, что изучение таких институтов средневекового государства как династия, соправительство, регентство невозможно без учета женского фактора. Женская часть правящих домов располагала весомым потенциалом, который находил реализацию в различных сферах: от брачной дипломатии и поддержания родственных связей до репрезентации образа власти. Возникла насущная необходимость оценить вклад представительниц высшей политической элиты в теорию и практику власти на конкретном историческом материале Абхазского царства и сопредельных стран. Рассмотрение деятельности высокородных женщин на широком историческом фоне открывает перед исследователями перспективы иллюминирования ключевых событий средневекового прошлого Абхазии в гендерном измерении. Специальные работы, в которых положение царственных женщин являлось бы самостоятельным объектом исследования, в абхазоведении отсутствуют.

Объектом исследования – являются женщины-монархи, правительницы Абхазского царства, а также – жены, сестры и дочери абхазских царей.

Предмет исследования – степень политической и социокультурной правомочности царственных женщин на государственной арене Абхазского царства и сопредельных стран в конце VIII – середине XIII в., исследование необходимых для этого личных характеристик представительниц женской элиты и конкретных условий их реализации.

Целью данного исследования является выяснение места представительниц правящих домов Леонидов и Абхазских Багратидов в структуре властных отношений в Абхазском царстве и за рубежом в конце VIII – первой половине XIII в., а также рассмотрение форм активности знатных женщин в религиозной, социальной и культурной сферах.

Поставленная цель определяет конкретные задачи работы:

1. выявление всей совокупности свидетельств источников о женщинах, принадлежавших к правящей элите Абхазского царства;
2. определение, по имеющимся данным, фактов реального влияния представительниц династий Леонидов и Абхазских Багратидов на внутреннюю и внешнюю политику как Абхазского царства, так и близлежащих государств;
3. анализ представлений о социальных ролях и желательных формах поведения женщин правящей элиты;
4. выявление путей, приводивших к аскетизму в миру и уходу от мира царственных женщин;
5. рассмотрение женского сегмента царского антропонимикона Леонидов и Абхазских Багратидов;
6. составление биографических очерков рассматриваемых персоналий в сравнительно-историческом аспекте, рассмотрение индивидуальных жизненных стратегий женщин высокого социального статуса;
7. отслеживание большинства матримониальных союзов с участием, как абхазских цариц и царевен, так и представительниц зарубежных правящих домов, вышедших замуж за абхазских монархов, а также исследование конкретной политической ситуации заключения ряда династических браков;
8. анализ способов репрезентации женщины-монарха, воссоздание общей картины восприятия женского правления на основе вербальных и визуальных текстов.

Хронологические рамки диссертации охватывают период становления, расцвета Абхазского царства с конца VIII до середины XIII в.

Нижний временной отсчет определяется тем, что в конце VIII в. образовалось раннесредневековое государство – Абхазское царство.

Верхний временной отсчет обусловлен тем, что в середине XIII в. происходит распад государства Абхазских Багратидов.

Территориальные рамки исследования. В данной работе представлены сравнительно-историческое исследование и историческая реконструкция политической ситуации заключения династических союзов, имевших приоритетное значение для внешней и внутренней политики средневековых социумов и государств, по следующей историко-географической схеме – Абхазское царство и его соседи (Византийская империя, Армянское царство, Ширванское шахство, Русь, государства Сельджукидов, Алания, Дербенд, а также кочевые социумы степей Евразии). С формированием и становлением Абхазского царства как самостоятельного субъекта международных отношений устанавливались и развивались контакты со странами и народами очень разными в культурном, этническом, религиозном и языковом отношениях. И именно это многоплановое взаимодействие Абхазского царства и его контрагентов во многом определило социальное положение и политическую роль женской элиты государства.

Степень изученности проблемы. Работа посвящена практически не исследованной в отечественной историографии теме, и, соответственно, следует констатировать, отсутствие обобщающих трудов, содержащих теоретические основы разработки проблемы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что исследование, посвященное представительницам правящей элиты Абхазского царства, основанное на комплексном анализе источников в сравнительно-историческом и гендерном аспектах, на широком историческом фоне, предпринимается впервые в отечественной историографии. В работе обобщен и вводится в научный оборот весь накопленный к настоящему времени материал, о политической, религиозной и культурной деятельности женской части правящих династий Абхазского царства. Сделанные выводы позволят объективно оценить степень ее причастности к

«делам государства». Основным содержанием исследования стали статус, функции, поведенческие роли (модели) абхазских цариц и царевен. Доказывается, что политическая роль женщин из династий Леонидов и Абхазских Багратидов не оставалась неизменной, а эволюционировала на разных этапах истории абхазского государства, завися, в свою очередь, как от внутри- и внешнеполитических факторов, так и от личностных характеристик конкретной персоналии. Отражена включенность высокородных женщин в формирование поля междинастического общения, в реализацию брачной стратегии абхазских монархов, направленной на укрепление собственной власти и выстраивание союзнических отношений с ведущими политическими акторами. На основе анализа письменных источников, данных нумизматики и изобразительного искусства выявлены принципы и методы репрезентации женщины-монарха. Проведенное исследование предоставило качественно новую информацию о женской части элиты абхазского средневекового общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Природа монархической формы правления содействовала политической активности женщин и предполагала осуществление наряду с традиционными гендерными ролями, освоение ими и иных сценариев поведения. Статус соправительницы, опекуна, регента, как свидетельствуют многочисленные факты, открывал высокородным женщинам доступ к решению важных политических вопросов, касавшихся управления государством. В связи с этим, представительницы правящих домов Абхазского царства могли выполнять административные, представительские, дипломатические функции, выступая защитниками интересов династии.
2. Одной из сфер деятельности высокородных женщин было религиозное служение, предполагавшее несколько форм его реализации. Царственная особа могла избрать как принятие обета с последующим пребыванием в монастыре (традиционное монашество), так и монашество в миру, руководствуясь идеей женского сослужения во власти. Активность представительниц знати, как инокинь, так и благочестивых мирянок находила выход в эвергетизме, который

был обусловлен религиозными мотивами. Христианская благотворительность включала в себя постройку и ремонт церковных зданий, их отделку, осуществление ценных вкладов и раздачу милостыни. Практика социально-христианского служения неразрывно была связана с образом высокородной женщины.

3. Женский сегмент царского антропонимикона Леонидов и Абхазских Багратидов наравне с мужским отражал династические традиции и стратегии, нес в себе значительное идейное содержание. Круг небесных покровительниц правящих династий был сопряжен с женским религиозно-нравственным идеалом эпохи.
4. Использование средневековыми монархиями брачных союзов как инструмента дипломатической политики способствовало интеграции высокородных женщин в политическую организацию государства. Матримониальные союзы играли ключевую роль во внешнеполитической стратегии абхазских царей: их значение заключалось в освоении властными элитами внешнего мира посредством династических браков и выстраивания сетевого взаимодействия с влиятельными правящими домами. Направления матримониальных альянсов определялись международной обстановкой, внешнеполитическими интересами Абхазского царства.
5. Возможность женского правления в Абхазском царстве основывалась на представлении о том, что члены правящей династии вне зависимости от гендерной принадлежности являлись сакральными особами. Преодоления рамок своего пола для высокородной женщины было возможно только как носительнице божественной харизмы, в следствие причастности к царскому роду.
6. Театр власти в Абхазском царстве имел свою уникальную систему ритуалов и атрибутов, сложившуюся на основе синтеза различных этнокультурных традиций. Он функционировал, практически в полном объеме, и в период правления женщины-монарха. Вместе с тем, механизм репрезентации власти правительницы обнаруживает некоторую специфику, поскольку средневековая ментальность требовала сочетания внутреннего содержания власти с внешне

воспринимаемой формой, образ женщины-монарха соединял в себе и маскулинные и феминные черты.

7. В исторических нарративах представлен набор конвенциональных качеств знатной женщины, в их числе целомудрие, милосердие, смирение, набожность. Приложением к указанным характеристикам часто являлась внешняя привлекательность, красота. Поведение царственной особы в обществе прогнозировалось в соответствии с теми положительными функциями, которые ей приписывались. Содержащиеся в источниках факты биографии абхазских цариц и царевен, как правило, соответствуют ожидаемому и одобряемому типу социальной активности для представительниц высших кругов общества. Случаи порицания крайне редки.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма предусматривает: опору на наиболее достоверные источники, их всесторонний и комплексный анализ, изучение рассматриваемых явлений с учётом исторической динамики и в контексте представлений, свойственных их современникам. Принцип научной объективности предполагает непредвзятость исследователя, отказ от априорных подходов и идеологической ангажированности, максимально полный анализ всей информации источников вне зависимости от её соответствия или несоответствия той или иной научной концепции. В диссертации нашли применение такие общенаучные и специальные методы исследования, как логический, хронологический, сравнительно-исторический (компаративный), историко-типологический, историко-генетический. Использование элементов историко-биографического метода позволило проследить судьбу знатных женщин. В связи с узостью источниковой базы жизненный путь некоторых царственных особ не всегда мог быть прослежен достаточно полно, в некоторых случаях он реконструируется лишь фрагментарно.

В данной работе широко применен прием исторического описания (нарратива). Он в полной мере способствует раскрытию исторического контекста рассматриваемого нами периода. Специфическую направленность исследования

обусловил гендерный аспект, без которого невозможно полноценное раскрытие темы. Термин «гендер», в настоящее время широко используемый в различных областях знания, в 80-е гг. прошлого столетия стал одной из центральных категорий «женских исследований». Под «гендером» мы понимаем «совокупность социальных и культурных норм, которые выполняют члены общества в зависимости от своего биологического пола и в соответствии с установками этого общества и его представлениями, какие жизненные стратегии и способы социализации (адаптации к жизни в обществе) нормальны для одного или другого пола. ... Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.)» (Словарь 2002). Сфера гендерных отношений является чрезвычайно репрезентативным полем для исследования социума, в том числе и средневекового. Гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности. Учет гендерного фактора при изучении истории средневековой Абхазии не только дополняет традиционное историческое повествование, внося в него женские имена, но и открывает новые исследовательские перспективы. Гендерный подход позволяет выделить женский сегмент правящей элиты Абхазского царства в качестве самостоятельного объекта изучения и рассматривать его как группу, отличающуюся специфическими характеристиками и многоролевыми социальными функциями.

Одним из наиболее перспективных направлений исследований в рамках гуманитарных и социальных наук является изучение образов власти. Осмысление феномена «образа» в целом, и «образа власти», в частности, способствовало формированию особого направления исторических изысканий – потестарной имагологии (понятие было введено М. А. Бойцовым). В фокусе внимания медиевистов оказался коммуникативный аспект власти, сложная система ритуалов, церемоний, изображений, знаков и символов, использовавшихся для репрезентации и легитимации монарха. Концепция имиджа и его создания,

безусловно, важна для изучения некоторых вопросов нашего исследования, связанных с образами представительниц правящих династий Абхазского царства. Нахождение на абхазском престоле правительниц-женщин предоставляет возможность взглянуть на формирование образа правителя с учетом гендерного аспекта. Использование всех вышеперечисленных методов в их совокупности соответствует задачам исследования и определяет его структуру.

Необходимость обновления исследовательского подхода к средневековой истории Абхазии, в первую очередь, демонстрирует наличие в современной историографии противоречий в представлениях о сущности Абхазского царства. Концептуальное изучение облика высокородной абхазской женщины невозможно вне контекста изучения истории Абхазского царства и вопросов средневековой абхазской государственности. В течение всего XX в., в грузинской медиевистике прослеживаются националистические тенденции, особенно в части освещения событий средневековой истории Абхазии. В своих трудах большинство грузинских исследователей развивало и отстаивало реакционный тезис об Абхазском царстве как западногрузинском государстве, расширение же его государственной территории рассматривалось как процесс «собирания грузинских земель». Трансформации, которым подверглась историческая наука на постсоветском пространстве, под воздействием демонтажа марксистской парадигмы, никак не повлияла на постулаты грузинской историографии (медиевистики) в отношении Абхазского царства. Псевдонаучные построения по возвеличиванию грузинского этноса и отрицанию роли абхазов в создании и функционировании одноименного царства, наличествуют в современных коллективных монографиях и учебниках по истории Грузии. Следует констатировать, что и на нынешнем этапе, грузинская историография, в частности медиевистика, продолжает находиться под влиянием политической конъюнктуры, превратившись, по сути, в средство пропаганды идеи о неспособности абхазов к самостоятельному политическому развитию.

В советский период, несмотря на жесткое идеологическое давление со стороны грузинского исторического сообщества, абхазские исследователи успешно противостояли тенденции рассмотрения истории Абхазии в контексте

истории грузинской и стремились дать объективный анализ генезису и становлению абхазской средневековой государственности. На современном этапе задачей отечественных специалистов является выработка строго научно обоснованной концепции истории Абхазского царства.

В работе используется ряд понятий, которые требуют дополнительного пояснения. Применяя термин «Абхазские Багратиды» в отношении второй правящей династии Абхазского царства, мы исходили из того, что с восшествием на престол Баграта II происходит выделение абхазской ветви дома Багратидов.

Багратиды древний аристократический род, иранского происхождения, по некоторым данным, восходящий к Оронтидам ахеменидским сатрапам, в эпоху средневековья, по общепринятому мнению, давший правящие династии Армении, Тао-Кларджетии и Кавказской Албании. Большинство исследователей полагают, что «грузинские» Багратиды являлись ветвью армянских Багратидов. Наиболее достоверными, принято считать сведения, согласно которым, основатель Тао-Кларджетского княжества Ашот Куропалат приходился внуком ишхану Армении Ашоту Слепому (Шагинян 2011: 276). По аналогии с тем, как в конце VIII начале IX в. выделилась «грузинская» ветвь династии Багратидов, два века спустя от последней обособилась абхазская. В пользу данного утверждения свидетельствует внесение имени Баграта II, в составленную по его указанию генеалогию царей абхазов («Диван абхазских царей»), что зримо обозначило его связь с домом Леонидов, подчеркнуло преемственность власти в Абхазском царстве, приверженность политическим традициям, заложенных его предшественниками. Имена из ономастикона дома Леонидов были усвоены следующей абхазской царской династией, в частности, номинации «Георгий», «Дмитрий», «Гурандухт» не входившие в именованное Багратидов Тао. Царское достоинство Баграта II и всех его преемников до середины XIII в. обеспечивалось владением абхазской короной. В их официальном титуле имя «царя абхазов» неизменно присутствовало на первом месте. Последний факт четко фиксируют документы царской канцелярии и данные нумизматики. Сумбат Давитисдзе, биограф Багратидов Тао-Кларджетии именуется Баграта II «царем абхазов» и «великим куропалатом», но, ни разу «царем

картвелов» (Сумбат Давтис-дзе 1979: 37). Согласно тому же автору, титул «царя картвелов», который носил дед Баграта, Баграт Регуени не был унаследован ни сыном, ни внуком последнего. Нет никаких оснований говорить о том, что воцарение Баграта Багратиони привело к «слиянию двух престолов: «абхазского» (западнотурецкого) и «картвельского» (тао-кларджетского)» (по З. В. Папаскири), результатом чего стало образование объединенного «Грузинского царства» (Папаскири 2008: 135). В 990 г. правитель Тао-Кларджети магистр Давид, позже удостоенный титула куропалата, признал своим наследником императора Василия II. В 1000/1 г. Давид Куропалат, скончался и большая часть его земель перешла под юрисдикцию Византии, на их основе был образован Иберийский катепанат. Обойденный в завещании приемного отца, Давида Куропалата, Баграт II, пытался удержать старшинство среди таойских Багратидов. Поэтому в 1001 г. он принял от императора Василия II титул куропалата, высший в доме Багратидов Тао. Таким образом, как представитель династии Багратидов Тао и владетель части её территории, но не как царь абхазов – Баграт признал себя вассалом Византии. Показательно, что в «Диване абхазских царей», составленном не ранее 1008 г. византийский титул его составителя не упомянут (Сообщения 1986: 17). В дальнейшем, для укрепления своих позиций в этой части Закавказья и упреждения новых экспансионистских замыслов Византии, Баграт силой завладел Кларджетией и ее главной крепостью Артануджи. Тезис о трансформации Абхазского царства в «царство абхазов и картвелов» с приходом к власти Баграта II не находит подтверждения. Первый представитель новой династии и его преемники лишь продолжили внешнеполитический курс Леонидов, направленный на приобщение к Абхазскому царству новых территорий. Использование в XI середине XIII в. арабо-персидскими, латинскими, византийскими, русскими и собственно грузинскими источниками терминов «Абхазия» (Обезы, Авасгия) и «царь абхазов» в отношении государства и его правителей, являвшихся прямыми потомками Баграта II, могло быть детерминировано единственно тем, что династия репрезентировала себя как абхазскую. Отметим, что женщины правящей элиты именуется иноязычными авторами «абхаз-хатун», «абхаз-малик», «княжна из Обез», «авасгисса». Все

вышеизложенное, позволяет утверждать, что в конце X в. Баграт Багратиони стал основателем новой династии – династии Абхазских Багратидов.

Успешная внешняя политика абхазских монархов привела к существенному расширению пределов государства и включению в его состав территорий с населением, различающимся в языковом и конфессиональном отношении. Летописцы начинают именовать абхазскую корону «венцом, освящающим семь царств», а титул монархов дополняется и редактируется с учетом новых политических и территориальных приобретений. Между западной и восточной частями царства наблюдались заметные отличия, что отражено в грузинских письменных источниках посредством использования терминов «нижние земли» и «верхние земли». Эти дефиниции применялись для разграничения двух обширных регионов, не только и не столько в географическом смысле, а прежде всего, в историко-культурном и политическом. Следует обратить внимание и на существование в Абхазском царстве двух католикосатов абхазского и мцхетского, клир первого окормлял население западной части государства, второй – значительной части восточной. Отметим, что в означенный период принадлежность индивида к той или иной конфессии или церковной организации являлась важнейшей характеристикой, подчас совпадая этнической идентичностью.

Династия Абхазских Багратидов обеспечивала единство государственного организма, являясь его главной скрепляющим элементом. «Нижние земли» составляли домен правящей династии, «верхние» – территории, по большей части, завоеванные, присоединенные силой оружия. В завещании царя Давида I Возобновителя, составленном в 1125 г., который, к слову, при восшествии на престол «царство Абхазское малое, убавленное имел», монарх четко различает земли наследственные и приобщенные. О том, что именно «нижние земли» являлись вотчиной правящей династии, свидетельствует места устройства царских усыпальниц (Бедия, Кутаиси), ведущая роль знати и духовенства западной части государства в церемониях инаугурации и погребения монархов. Под названием «Абхазия» разноязычных средневековых письменных источников, как правило,

фигурирует все царство Абхазских Багратидов, однако, иногда оно могло применяться в узком значении, в отношении только западной его части, так называемым «нижним землям», то есть в отношении царского домена. Для обозначения государственного образования, во главе которого находилась династия Абхазских Багратидов, в работе, наряду с термином «Абхазское царство» нами использовался термин «царство Абхазских Багратидов».

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке курсов лекций, спецкурсов, семинаров по истории средневековой Абхазии, а также при подготовке монографических и обобщающих работ, посвященных абхазской женщине.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены на региональных, всероссийских и международных конференциях.

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР. ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. Источники

Для изучения избранной темы были привлечены разноязычные письменные источники, отличающиеся по характеру и объему содержащейся в них информации.

Важное значение имеют грузинские исторические сочинения и житийная литература. В древнем цикле летописного свода «Жизнь Картли», который охватывает период с V по XIV вв. собраны 10 сочинений: «История царей» (с древнейших времен до V в.) Леонтия Мровели; «История Вахтанга Горгасала» (V-VIII вв.) Джуаншера Джуаншериани; «Мученичество Арчила» (VIII в.) авторство этого агиографического произведения приписывается Леонтию Мровели; анонимная «Летопись Картлии» (VIII-XI вв.); «История царя царей Давида» неизвестного автора; «История и повествование о Багратионах» (с древнейших времен до XI в.) Сумбата Давитис-дзе; «Летопись времен Лаши Георгия» (вторая половина XII - начало XIII в.) неизвестного автора; «История и восхваление венценосцев» («первого историка» царицы Тамар) (XIII в.); «Жизнь царицы цариц Тамар» Басили Эзосмодзгвари («второй историк» царицы Тамар) (XIII в.); «Хроника» эпохи монгольского владычества» анонима (XIV в.). (Картлис Цховреба 2008).

Необходимо учитывать, что «Жизнь Картли» подверглась существенной литературной и идеологической обработке, в результате работы комиссии картлийского царя Вахтанга VI в начале XVIII в. Составители свода хотели систематизировать материал, изложить его в хронологической последовательности. «Такой замысел ... привел к деформации начала и конца, подгоняемых друг к другу исторических сочинений» (Цулая 1982: 34). В «результате такого «редактирования» были утеряны имена авторов и названия ряда, вошедших в свод историко-культурных памятников». Одно из сочинений, в составе свода, получило условное наименование «Летопись Картли». Считается, что оно было создано в период правления Баграта II в XI в. Трудно переоценить значимость данного сочинения для исследователя истории средневековой Абхазии.

К числу его достоинств следует отнести четкий лаконичный стиль изложения. Повествование летописца охватывает период с VIII по XI в. Именно у анонима содержится сообщение об образовании Абхазского царства. Этот политический акт он связывает с ослаблением Византии и помощью хазар. Поддержка планам Леона II со стороны степняков была обусловлена тем, что его мать была дочерью хазарского кагана, что специально отмечено летописцем. В источнике есть данные, иногда очень краткие, о деятельности представительниц правящих династий. В частности, представляет интерес сообщения о политической и дипломатической активности матери основателя династии Абхазских Багратидов, жен Георгия III – Мариам и Алды, дочери царя Баграта III – Гурандухт. «Летопись Картли» служит надежным источником информации о брачных контактах династий Леонидов и Абхазских Багратидов с правящими домами соседних государств. Известно, что супругами абхазских монархов в указанный период становились представительницы знатных семейств: Аргиров, Арцруни, Багратидов Тао, а также высокородные аланки.

В анонимном сочинении «Жизнь царя царей Давида» имеются сведения о второй супруге и дочерях монарха, Тамар и Кате. Данные биографа венценосца позволяют установить мотивы заключения брака царя абхазов с представительницей степного народа, а также оценить вклад кипчакской этносоциальной общности в реализацию внешнеполитических планов Давида I Возобновителя.

Произведение анонима, условно именуемое «Летописью времен Георгия Лаши», повествует о событиях XII-XIII вв. Автор сжато излагает историю царствования четырех монархов из династии Абхазских Багратидов, в том числе и Тамар. В завершении своего сочинения аноним сообщает о вступлении на престол Русудан, очевидцем царствования которой являлся сам. «Летописец времен Георгия Лаши» содержит характеристику младшей сестры царицы Тамар, Русудан. Также упоминаются другие знатные женщины: мать Тамар царица Бурдухан, дочери царя Давида I Возобновителя Ката и Тамар.

Описанию царствования женщины-монарха Тамар посвящены два исторических сочинения – анонимная «История и восхваление венценосцев» и «Жизнь царицы цариц Тамар» Басили Эзосмодзгвари. Первоначальный текст «Истории и восхваления венценосцев» сохранился в нескольких списках «Жизни Картли» («Картлис цховреба») XVII в., в частности, в списке царицы Марии и списке Мачабели. Автор произведения был современником Тамар, имя его неизвестно. Свой труд он завершил в период правления преемника царицы, Георгия VI Лаши, около 1222 г. Сочинение анонима, которого принято именовать «первым историком Тамар», по сути, является панегириком, оно изобилует претенциозными преувеличениями, словословиями в адрес царицы, ее личность идеализирована, Тамар именуется «святой и богоравной». Источник повествует об обстоятельствах прихода к власти правительницы-женщины, подробно описан обряд ее коронации. Автор прослеживает брачные проекты, связанные с царицей, сообщает об условиях заключения и причинах расторжения первого брака Тамар, повторном замужестве венценосицы и рождении наследников. В отличие от второго историка Тамар, аноним информирует о кризисных ситуациях: восстаниях знати, противоречиях в среде духовенства, сопровождавших начальный период правления царицы. «История и восхваление венценосцев» удостоверяет участие Тамар во всех сферах жизнедеятельности государства: административной, религиозной, военной, судебной, дипломатической. Она представлена как полноправный монарх, мудрый и сильный правитель. В сочинении мы находим сведения о царственных женщинах: матери, тетке и сестре Тамар.

В 1923 г. И. А. Джавахишвили в ходе изучения обнаруженного им списка «Жизнь Картли» («Картлис цховреба») удалось выявить начальную часть еще одного исторического произведения, посвященного Тамар. Путем сравнений разных списков летописного свода исследователь выделил вторую часть сочинения. Условно восстановленный текст получил название «Жизнь царицы цариц Тамар». И. А. Джавахишвили предположил, что автором сочинения является управитель царского двора, Басили. Предложенная исследователем атрибуция получила широкое распространение, однако принята не всеми специалистами.

«Жизнь царицы цариц Тамар» является достаточно надежным источником и содержит немало достоверных и ценных сведений. Автор начинает свое повествование со времени правления предшественника Тамар, ее отца Георгия V. Затем он переходит к описанию царствования женщины-монарха. В сочинении последовательно излагаются события внутри- и внешнеполитической жизни царства Абхазских Багратидов. Однако, автор делается весьма избирателен и краток, сообщая о выступлениях против центральной власти, имевших место в период царствования Тамар. Часть сведений, содержащихся в «Жизнь царицы цариц Тамар», дублируют данные первого историка, часть же отсутствует в «Истории и восхвалении венценосцев». К таковым относятся сообщения, о церковном соборе, созванном в начале правления Тамар, об участии царицы в судьбе Алексея и Давида Комнинов и ее роли создании Трапезундской империи. Историк дает общую характеристику личности правительницы, описывает внешний облик венценосицы, упоминает важные подробности семейной жизни Тамар.

«Столетняя летопись» или «Анонимный грузинский хронограф XIV в.» является главным источником сведений о царствовании Русудан. Следует отметить, что автор этого обширного повествования, в отличие от своих предшественников, склонен к реалистической подаче и объективной оценке событий и чужд чрезмерному пиетету по отношению к представителям властной элиты, в том числе и носителям верховной власти. Аноним не идеализирует Русудан, а нередко критически оценивает деятельность царицы. Последнее обстоятельство весьма ценно. Отсутствие «лакировки» и оправдания мотивов, которыми руководствовалась «корона» при принятии тех или иных решений позволяют более объективно взглянуть на женское царствование. В источнике содержатся сведения о нескольких женских особах: дочери Русудан, Тамар, неназванной по имени матери Давида Улу, а также супруга последнего.

Известный грузинский историк, географ и картограф XVIII в. Вахушти Багратиони, сын царя Картли Вахтанга VI, продолжил работу по сбору, классификации, обработке исторических источников, начатую специальной

комиссией, учрежденной его отцом. На основе этих материалов, Вахушти Багратиони создал фундаментальное сочинение «История царства Грузинского» (Вахушти 1976). Первая часть труда «с древнейших времен до 1469 г. — фактически является краткой редакцией древнего летописного свода «Жизнь Картли». Переводчик и комментатор «История царства Грузинского» Н. Т. Накашидзе отмечал: «При ее написании Вахушти учитывал те поправки, которые в этот свод были внесены комиссией Вахтанга VI. Но Вахушти не довольствовался этим: он исправлял ошибки, допущенные как комиссией, так и древними летописцами, вносил новые или дополнительные сведения. Так что, хотя первая часть труда и не является оригинальной работой, ее все же следует считать не простой краткой редакцией свода, но критической интерполяцией его с рядом важнейших исправлений, дополнений и комментариев» (Вахушти 1976: 9-10). Труд Вахушти Багратиони должен рассматриваться в контексте политической и научной мысли своей эпохи. Красной нитью через все повествование историка проходит идея возрождения государства Багратионов, укрепления института самодержавной власти. В центре повествования — история царского рода, включая и представительниц женской его части. Значительный по объему текст посвящен царствованию Тамар, заметно меньше внимания автор уделил правлению Русудан. Вахушти попытался связать второго мужа царицы Тамар с династией Багратионов, возведя его генеалогию к Дмитрию сыну царя абхазов Георгия III от аланки Алды. Заслуживает внимание и сообщение Вахушти, будто Тамар согласилась на брак с Давидом лишь после того, как узнала о его принадлежности к царскому роду (Картлис Цховреба 1973: 176).

Ценным источником по исследуемой теме, содержащим данные о деятельности реальных лиц, и в то же время, устанавливающим определенные мерилы поведения на основе художественно создаваемых идеальных образов, является житийная литература. Весьма интересные сведения сохранились в памятниках грузинской агиографии. Ее классический образец — «Житие Григория Хандзтийского» Георгия Мерчуле, был создан в 951 г. (Древнегрузинская литература 1982). Главный герой повествования — крупный религиозный деятель

Тао-Кларджети, церковный просветитель, организатор монастырской жизни. Георгий Мерчуле выходит за рамки религиозной проблематики, свойственной житийному жанру, описывая деяния Григория Хандзтийского на фоне политических событий. В сочинении Георгия Мерчуле содержится уникальная информация, о судьбе дочери царя абхазов Баграта Шаройского. Автор сообщает об обстоятельствах расторжения брака абхазской царевны, принятия ею ангельского облика под именем Анастасии и пребывания в обители в Персати. Особенно ценно свидетельство Георгия Мерчуле о том, что могила Анастасии является местом паломничества. В комментариях к памятнику Н. Я. Марр отмечал, что в лице абхазской царевны-монахини, нашел свое воплощение «тип женщины-подвижницы, осуществившей на деле идеал всепрощения» (Житие Григория 1911: 12). Автор агиографического произведения также подробно рассказывает о встрече Григория Хандзтийского с абхазским царем Дмитрием II, в связи с попыткой учреждения монастыря на территории царства.

«Житие Георгия Святогорца (Афонского)» принадлежит перу Георгия Мцире, его ученика и сподвижника (Житие и гражданство 1997: 38). Оно было создано во второй половине XI в. Георгий Мцире приводит некоторые данные об Абхазском царстве, его правителе Баграте III и его матери Мариам. Особый интерес представляет сообщение о принятии последней монашества, ее контактах с Георгием Святогорцем, в период вынужденного пребывания в столице Византийской империи, о неудавшемся паломничестве к святым местам. Георгий Мцире повествует о прибытии ко двору императрицы Феодоры малолетней абхазской царевны Марфы (Марты).

Важное место в кругу письменных источников занимает памятник царской генеалогии известный под названием «Диван абхазских царей». Генеалогии, вообще, являлись привычной формой фиксации царской (королевской) традиции в средневековом обществе. «Диван абхазских царей» был составлен по приказу, первого представителя династии Абхазских Багратидов, Баграта II на рубеже X - XI вв. «Материалы этого памятника первым использовал иерусалимский патриарх XVIII в. Досифей в своей «Истории иерусалимских патриархов». Грузинский

оригинал документа, считавшийся утерянным, был найден Е. С. Такайшвили в начале XX столетия. Он же изучил и издал текст памятника» (Сообщения 1986: 16). В «Диване» приводится двадцать одно имя, начиная с одиннадцатого царя, Леона, указаны сроки правления. Бесспорно, приказав составить «Диван абхазских царей», внося свое имя в указанный список, Баграт II позиционировал себя в качестве наследника дома Леонидов. Он специально отметил, что завладел Абхазией – «материнским наследством», поскольку является сыном дочери царя абхазов (Сообщения 1986: 17).

Использование византийских источников для изучения отечественной истории имеет давнюю археографическую традицию. Сведений о представительницах династий Леонидов и Абхазских Багратидов в них сохранилось немного, но они весьма ценны. В сочинении автора XI в. Иоанна Скилицы «Обозрение историй» (Ioannis Scylitzae 1973). освещается период с 811 до 1057 гг. Другой византийский историк Георгий Кедрин, почти дословно воспроизводит текст Скилицы (Georgius Cedrenus 1938). В трудах указанных авторов повествуется о событиях, имевших место в Абхазском царстве, в период правления Баграта III, в частности, упоминается о том, что мать монарха Мариам стала жертвой насилия со стороны находившегося в оппозиции к центральной власти знатного вельможи Липарита.

Дочь Баграта III, Марфа (Марта), вышедшая замуж за наследника византийского престола Михаила Дуку, фигурирует в сочинении известного византийского ученого и политического деятеля Михаила Пселла «Хронография» (Пселл Михаил 2003). Повествование константинопольского интеллектуала «носит мемуарный характер» (Бибиков 1998: 132), его перу принадлежат яркие, оценочные, эмоционально окрашенные, портреты представителей правящей элиты Византии. Михаил Пселл дает лестную характеристику супруге своего воспитанника Михаила Дуки.

Первоклассным историческим источником является сочинение, принадлежащее перу Анны Комниной – «Алексиада» (Анна Комнина 1965), в котором систематически и полно излагается история царствования Алексея

Комнина. Анна, будучи дочерью императора, в детстве была обручена с Константином Дукой – сыном Михаила VII и Марии Авагиссы (Аланской). Согласно византийской традиции, она воспитывалась в доме матери жениха и была чрезвычайно привязана к ней. Однако этому браку не суждено было совершиться, Константин скончался, Анна стала женой представителей аристократического семейства Вриенниев, Никифора. Византийская царица на всю жизнь сохранила доброе отношение к своей воспитательнице. В своем труде Анна повествует о ключевых моментах жизни Марии, свидетельствует о ее активной включенности в политическую жизнь империи. В изображении Анны, Мария стойкая, волевая женщина – смело и последовательно отстаивающая права своего единственного сына на византийский престол. Анна неоднократно ссылается на сведения, полученные от матери ее первого жениха, восстанавливает по памяти многие эпизоды общения с ней. «Алексиада» содержит ценные данные о местонахождении владений бывшей императрицы. Благодаря Анне мы располагаем подробным литературным портретом Марии.

Труд протасикрита императорской канцелярии Иоанна Зонары (Хроника) «Сокращение истории», в 18 книгах занимает видное место в византийской историографии XII в. (Ioannis Zonarae 1897). События царствования Алексея I и обстоятельства прихода к власти его сына Иоанна изложены автором достаточно подробно, что свидетельствует о высокой степени осведомленности. В труде Зонары нашел отражение эпизод, связанный с прибытием в Константинополь, в сопровождении свиты, невесты из Авагии, предназначенной в жены одному из представителей византийской императорской семьи.

Особое место в историографии эпохи Комнинов занимают труды Иоанна Киннама «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов» и «История» Никиты Хониата (Никита Хониат 1859). Почти современники, оба эти автора начинают свое повествование со смерти Алексея I Комнина (1118 г.) и доводят его: первый – до кануна битвы при Мириокефале (1176 г.), второй – до событий, последовавших за падением Константинополя, а именно до 1206 г. Служба при дворе, в качестве секретаря императора Мануила I позволила Иоанну

Киннаму собрать необычайно богатый материал по военно-политической и дипломатической истории империи. Повествуя о событиях, связанных с прибытием в Константинополь будущей жены императора Берты Зульцбах, историк дает описание высокородной особы-абхазки, невестки Иоанна II Комнина. В свою очередь, Никита Хониат сообщает о трагической судьбе дочери Алексея Комнина, Марии.

«Трапезундская хроника» Михаила Панарета (Панарет 2019) – единственный дошедший до нас источник, последовательно излагающий историю Трапезундской империи от момента ее образования в апреле 1204 г. до конца XIV столетия. В труде византийского историка сохранилось уникальное свидетельство участия царицы Тамар в создании государства на Понте.

Следующую группу источников составляют армянские исторические сочинения. Труды армянских авторов отличает высокий уровень информативности и надежности. В «Хронике» Матеоса Урхаеци (Матфея Эдесского) содержится уникальное сообщение об этнической принадлежности первой супруги царя Давида Возобновителя (*Chronique de Matthieu d'Édesse* 1958). Для характеристики политической обстановки накануне воцарения Тамар, а также эпохи правления царицы нами привлекались сведения армянских историков: Давида Кобайреци, Григора Акнерци (инок Магакия), Мхитара Айриванского, Смбата Спарапета. У известного ученого и богослова Мхитара Гоша в приписке-завещании (ишатакаране), датированной 1188 г., а также в сочинениях Вардана Великого, Степаноза Орбеляна находим сообщения о повторном замужестве царицы Тамар и о личности ее второго супруга Давида Сослана (*Step'annos Orbelean* 2015; Вардан 1861). Повествуют армянские авторы и о внешнеполитической деятельности женщины-монарха. Одним из видных представителей армянской историографии являлся Киракос Гандзакеци, годы жизни и деятельности которого пришлись на XIII в. В его труде «История Армении» имеется ценная информация, касающаяся деятельности царицы Русудан в период вторжения в Закавказье хорезмийцев, а затем и монголов (Киракос 1976).

В отдельную группу могут быть выделены арабо-персидские источники. Они характеризуется тем, что большинство их авторов являлись очевидцами или младшими современниками описываемых событий.

12-томный труд Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории») отличается полнотой и последовательностью изложения, взвешенностью оценок. Повествование охватывает период с древнейших времен до 1231 г. Автор сообщает важные сведения о политической деятельности Абхазских Багратидов, в том числе и царственных женщин, об обстоятельствах заключения брака царицы Русудан с сыном правителя Эрзерума и о положении последнего при дворе супруги (Ибн ал-Асир 2005).

Первостепенное значение для изучения военно-политической обстановки на Южном Кавказе в период царствования Русудан имеет труд секретаря последнего хорезмшаха Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ибн Али ибн Мухаммада ал-Мунши ан-Насави «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») (ан-Насави 1996). Автор находился в гуще событий: сопровождал Джалал ад-Дина в походах, принимал участие в составлении дипломатических документов, исполнял обязанности посла, он располагал обширной и достоверной информацией.

Сведения о деятельности царицы Русудан, взаимоотношениях царства Абхазских Багратидов с хорезмийцами и монголами содержатся в сочинении Ата Малика Джувайни «Тарих-и Джахангушай» («История мирозавоевателя»). Автор именует Русудан «Кыз-мелик» (Джувайни 2004) (от тюркского qiz - «девица», от арабского malik - «царь»).

Интересные данные по исследуемой теме находим в труде Насир ад-Дин Хусейн (Яхья) ибн Мухаммед ибн Али Джафари Ругади более известного как Ибн Биби (Ibn BiBi 1996), посвященного истории Румского султаната. Хроника «Аль-Авамир аль-алаийя фи-ль-умур аль-алаийя» охватывает период с 1188 по 1272 г. В фокусе внимания автора оказался период правления Гийас ад-Дин Кей-Хосров II, супругой которого являлась дочь царицы Русудан, Тамар. Последнюю Ибн Биби характеризует как заметную политическую фигуру, отмечая ее влияние на супруга.

Для освещения вопросов, связанных с брачными контактами правящей элиты Абхазского царства с Рюриковичами, большое значение имеют данные древнерусских источников. Ипатьевская (конец XIII в.) и Воскресенская (XVI в.) летописи сохранили уникальные сведения о браке киевского князя Изяслава Мстиславича с «обежанкой» (Ипатьевская 1908, Воскресенская 1856).

Данные эпистолографии, при кажущейся ограниченности исследовательского поля, дают возможность осветить отдельные эпизоды деятельности знатных женщин. Письмо латинского кантора и пресвитера храма Гроба Господня Анселла, Парижскому епископу Галлону и архидиакону Стефану, которое датируется 1120 г. позволяет уточнить важные факты биографии первой супруги Давида Возобновителя. Переписка царицы Русудан с папой римским Гонорием III, а затем с его преемником Григорием IX несет в себе ценную информацию о внешнеполитических связях Абхазского царства и дипломатической деятельности женщины-монарха.

Юридические акты является незаменимым средством верификации литературной традиции. Уложения Руисско-Урбнисского церковного собора 1103/4 г. сохранились в рукописи XIII в. В документе определен самый низкий предел для вступления в брак, для девочек он составлял 12 лет. По мнению грузинского исследователя З. Таргамадзе, это установление, в большей степени, относились к представительницам высшего социального слоя, поскольку заключение политических браков, не всегда предполагало немедленное вступление в супружеские отношения (Таргамадзе 2017). В «Столпописании» собора значатся имена женщин из правящей династии. В одном из завещаний царя Давида Возобновителя упоминаются его вторая супруга и дочери (Столпописание 1998).

Огромную важность для исследуемой темы имеют документы (иммунитетные грамоты, сигиллии), фиксирующие правовую деятельность монархов. Грамоты царицы Тамар Гелатскому и Шио-Мгвимскому монастырям содержат полную официальную формулу ее титулования: «Я Тамар Багратуниан волей бога апхазов, грузин (картвелов), ранов, кахов и армян царь и царица, шарванша и шаханша самодержица Востока и Запада» (Грузинские документы

1982). Отметим, что оба документа снабжены приписками ее супруга Давида Сослана – в первом случае он фигурирует статусе «эристава», во втором – «царя» (Грузинские документы 1982). Также нами использовались документ «Чин и распорядок коронования царей», датирующийся серединой XIII в. Степень достоверности этих источников относительно высока по отношению к тематике работы.

Знатные женщины из Абхазии упоминаются в поэтических произведениях византийских авторов. Ритор, эпистолограф и поэт Иоанн Цец близкий к правящим кругам империи, оставил ценное известие, касающееся этнической принадлежности византийской императрицы Марии. Представляют интерес отдельные отрывки из произведений придворного поэта Феодора Продрома.

Весьма своеобразный историко-литературный памятник, известный как «Покаянный канон», сохранившийся в рукописи 1233 г., принадлежит перу царя Давида I. Автор кается в некоем грехе перед первой супругой, не называя ее имени и не приводя подробности. Сочинение содержит свидетельство о составе семьи монарха накануне его кончины (Kanon 2011).

В нашей работе мы привлекаем также материалы литературных произведений, главным образом касыд и стихотворных отрывков ширванских поэтов, творчество которых относится к изучаемому периоду. В произведениях Хакани Ширвани, Фалаки Ширвани отражены важные политические события, дается оценка деятельности государей, приводится их титулатура, отмечаются заслуги и придворное положение знатных женщин при дворе ширваншахов, в частности шахини Тамар.

Большой объем исторических данных сохранили памятники грузинской литературы, в частности, творения современников царицы Тамар: Иоана Шавтели, Чахрухадзе, Шота Руставели. Иоанн Шавтели был придворным поэтом и религиозным деятелем. В поэме «Абдул-Мессия», написанной в панегирическом стиле, отражена эпоха царствования Тамар. Сочинение, увидевшее свет в первые годы XIII в., имеет большую ценность, поскольку дополняет сообщения источников весьма важной, порой уникальной информацией. В поэтическом

произведении Чахрухадзе «Тамариани», как явствует из ее названия, главной героиней и объектом восхваления является царица Тамар. Оно состоит из двадцати двух од и одной элегии, которые посвящены знаковым событиям правления женщины-монарха. Наконец, следует отметить и известную поэму Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Указанное произведение, по существу, навеяно эпохой Тамар и посвящено царице. Ее имя упоминается в поэме неоднократно, кроме того, правительница послужила прототипом главной героини произведения Шоты Руставели. Вместе с тем, следует учитывать, что текст поэмы дошел до нас в многократно интерполированных вариантах, отстоящих от времени создания «Витязя в тигровой шкуре» (начало XII в.) почти на пять столетий. Отсюда – в исследовательской среде такое большое многообразие толкований содержания поэмы и ее генезиса.

Особую группу письменных источников по исследуемой теме составляют памятники эпиграфики и нумизматики. Надписи сохранили имена цариц Гурандухт дочери Георгия II, Алды, Гурандухт дочери Георгия III, Тамар и Русудан. Исключительно по эпиграфическим данным известна царица цариц Саакдухт дочь Ниани. Надпись с ее именем, обнаруженная в селе Гумуриш датируется XI-XII вв. (Бгажба 1967). Следует отметить каменную стеллу, с изображением руки посередине, из села Архоти, которая представляет собой межевой знак, на котором высечен приказ царицы Русудан (Грузинские документы 1982). Среди венценосных женщин в памятниках эпиграфики чаще всего фигурирует имя Тамар.

Нумизматические данные приобретают первостепенное значение в исследовании титулования правителей Абхазского царства, в том числе, женщин-монархов. Весьма ценным и информативным источником является иконография. Памятники искусства: фрески, книжные миниатюры, иконы позволяют сделать выводы относительно программы репрезентации носителей верховной власти, культурно-историческом фоне эпохи.

Указанные группы источников в своей совокупности создают вполне определенное информационное поле, позволяющее осветить ключевые вопросы, связанные с деятельностью женщин правящей элиты Абхазского царства.

1.2. Историография

Специального современного научного исследования по рассматриваемой нами теме на сегодняшний день в отечественной науке нет. Отдельные оценки и характеристики женщин высокого социального статуса содержатся в общих трудах по истории средневековой Абхазии. Концептуальное изучение облика высокородной абхазской женщины невозможно вне контекста изучения истории Абхазского царства и вопросов средневековой абхазской государственности.

В дореволюционный период проблемы абхазской истории эпохи средневековья, зачастую рассматривались исследователями в рамках истории Грузии. Отдельные ее аспекты нашли освещение в трудах М. И. Броссе, Д. З. Бакрадзе, Е. С. Такайшвили, Ф. Д. Жордания, И. А. Джавахишвили. Дореволюционные историки второй половины XIX – начала XX в. ввели в оборот основную массу источников, на десятилетия вперед обеспечив надежный фундамент для исследований по истории средневековой Абхазии.

К 20-м годам XX в. относится становление отечественной исторической науки. В 1922 г. выходит «Сборник материалов по истории Абхазии» К. Д. Кудрявцева, первое монографическое исследование, посвященное исключительно проблемам абхазской истории. Автор дал высокую оценку деятельности царей из дома Леонидов в области внешней и внутренней политики. Наблюдения К. Д. Кудрявцева по ряду сюжетов абхазской истории представляются весьма интересными. В частности, он считал, что брак Феодосия II с дочерью Ашота Куропалата был продиктован необходимостью скрепить союз Абхазского царства и Тао-Кларджети перед лицом арабской угрозы (Кудрявцев 1922: 98). Автором рассмотрены обстоятельства, связанные с заговором вдовы Георгия I. К. Д. Кудрявцев определяет статус Гурандухт как регента при малолетнем Баграте (Кудрявцев 1922: 19). Автором приведены аргументы в пользу того, что «невеста

из Обез» русских летописей была «дочерью абхазского князя», а не особой царского происхождения.

В 1925 г., в свет вышла «История Абхазии» Д. И. Гулия. В работе был обобщен весь материал, касавшийся истории абхазов, начиная с этногенеза, кончая ранним средневековьем, накопленный к началу XX столетия. Автор на основе анализа античных и средневековых источников, этнографического материала, данных фольклора попытался выстроить целостную историческую картину. Исследователь, в частности, отмечал, что представители дома Леонидов, «установившие в Абхазии совершенно особое политическое устройство и новые формы внутренней жизни, сумели абхазов подчинить своей власти, и с тех пор отстранены цари греческого происхождения от абхазского престола и занимала их династия царей по фамилии Ачаа» (Гулия 1986: 188). С воцарением Баграта Багратиона, по Д. И. Гулия, «абхазские, карталинские» земли и Месхия объединяются в едином государстве. На политических событиях конца X в. автор завершает свое исследование истории Абхазского царства. Для нашего исследования представляет интерес, составленная Д. И. Гулия «Родословная таблица царей Абхазии по греческим и грузинским спискам» (Гулия 1986: 191-192). Автор прослеживает брачные связи абхазских монархов из династии Леонидов.

Также как и К. Д. Кудрявцев, Д. И. Гулия, верхней хронологической датой существования Абхазского царства считал конец X в. (до воцарения первого представителя династии Багратионов). С сожалением следует констатировать, что подобный подход надолго закрепился в историческом абхазоведении.

В один год с монографией Д. И. Гулия был издан еще один труд по отечественной истории, под названием «Пути развития абхазской истории» С. М. Ашхацава. Исследователь полагал, что Абхазское царство просуществовало до XV в. Излагая политическую историю средневековой монархии, С. М. Ашхацава, более чем его, предшественники уделил внимание представительницам правящих династий, но, в части конкретной оценки их деятельности весьма лаконичен. Исключение может составить царица Тамар. Автор, отмечая успехи ее правления,

заключает: «Наряду с военной славой, в царствование великой царицы возросло политическое могущество и духовные богатства Абхазского царства» (Ашхацава 2019: 44).

30-е гг. XX в. ознаменовались становлением советской исторической науки, внедрением марксистской методологии в исторические исследования, утверждением представления о всемирной истории как процессе развития и смены общественных формаций.

В 1934 г. вышла в свет книга А. В. Фадеева «Краткий очерк истории Абхазии» (Фадеев 1934), в которой, впервые, история древней и средневековой истории Абхазии была рассмотрена с позиции марксизма. В четвертой главе своей работы автор коснулся вопросов, связанных с возникновением Абхазского царства и первых веков его истории. С начала правления царя Баграта II, А. В. Фадеев считает возможным говорить о «союзнном Абхазо-Картвельском государстве». Рассматривая эпоху правления Тамар, которую он считает временем «самого блестящего расцвета», автор констатирует, что данный период был отмечен сопротивлением абхазской гегемонии со стороны картвельской знати. Главным выразителем интересов последней, А. В. Фадеев считал мцхетского каталикоса Микаэла. «Царица Тамара пыталась было сместить Микеля, но потерпела поражение. При поддержке Микеля, большинство государственных должностей в центральных учреждениях было занято карталинскими феодалами. Это завершало падение роли абхазских и западно-картвельских элементов в системе центрального управления» (Фадеев 1934: 88). В то же время автор отмечает, что «абхазская знать имела еще большой удельный вес в государственной структуре царства Тамары» (Фадеев 1934: 86). Ни одна из царственных женщин, за исключением Тамар не попала в поле зрения исследователя.

В работах под названием: «О времени и условиях образования Абхазского царства», «Абхазия с древнейшего времени до X века», «Внутриполитическая обстановка и управленческий строй в Грузии XII в.» за авторством еще одного историка-марксиста, чья активная исследовательская деятельность пришлась на 30-40-е гг. XX в., С. Н. Джанашия, женские образы не были выделены вообще.

В 50-80-е гг. марксистская методология стала прочной основой научной деятельности советских историков. Исследовательские задачи медиевистов укладывались в рамки определенного, регламентированного набора тем. «Исторический процесс ... понимался как смена социально-экономических формаций, а основное его содержание сводилось к борьбе классов; все остальное – история производства и идеологии, государства и права, политических событий, религии, философии и исторической науки определялось центральным тезисом – приматом классовой борьбы. Она представляла собой обязательную точку отсчета, универсальный критерий отбора материала». (Гуревич 1991: 22-23). Советская медиевистика была сосредоточена выявлении общих закономерностей генезиса и развития феодализма, форм эксплуатации крестьянства, изучении вопросов аграрной истории, истории средневековых городов, существенное место в исследованиях неизменно отводилось вопросам классовой борьбы. Проблемы средневековой культуры, как правило, отодвигались на второй план и рассматривались «как идеологическое выражение социально-политических процессов и социальной борьбы, происходивших в феодальном обществе» (Гутнова 1969: 84). Политические стратегии царственных женщин редко оказывались в фокусе внимания специалистов. В лучшем случае, констатировался факт участия женщин из среды социальной элиты в общественно-политической жизни средневекового государства.

С 50-х гг. XX в. советские медиевисты все чаще стали обращаться к изучению истории средневековых государств. Эта тенденция проявилась и в отечественной историографии. В 1959 г. увидела свет монография З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии VI-XVII вв.». Несмотря на жесткое идеологическое давление со стороны грузинского исторического сообщества исследователь попытался отойти от устоявшихся тенденций рассмотрения истории Абхазии в контексте истории грузинской. и дать объективный анализ становления абхазского средневекового государства. К сожалению, З. В. Анчабадзе не смог уйти от устоявшегося в советской историографии взгляда на расширение государственной территории Абхазского царства как процесс «собираания грузинских земель». Он

считал, что с момента «возникновения Абхазское царство, а вместе с ним и собственно абхазы активно включаются в общую систему политических образований феодальной Грузии» (Анчабадзе 2010: 342). Вместе с тем, следует отметить, что исследователем была проделана огромная работа по изучению разных аспектов политической и социальной истории средневековой Абхазии. Рассматривая деятельность царей из династий Аносидов и Багратидов, З. В. Анчабадзе затрагивает и женское окружение правящих монархов.

Внешнеполитическое положение Абхазского царства, его роль в системе международных отношений в период раннего средневековья были рассмотрены в диссертационном исследовании Хонелия Р. А. «Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX-X вв.» (Хонелия 1967). Автор, опираясь на свидетельства раннесредневековых, прежде всего, армянских авторов, уделил внимание политико-дипломатическим контактам Абхазского царства, в том числе, и в сфере брачной дипломатии.

Особо следует выделить монографию профессора Ш. Д. Инал-ипа «Вопросы этно-культурной истории Абхазии» (Инал-ипа 1976). Автор отметил установление брачных контактов между представителями абхазской элиты и династией Комнинов. Описывая ключевые моменты царствования Тамар, Ш. Д. Инал-ипа пришел к выводу, что «самое крупное выступление против центральной власти» в поддержку первого супруга царицы Тамар, было организовано при активном участии абхазской знати» (Инал-ипа 1976: 413). Исследователь обратил внимание на выбор имени наследника престола, сына Тамар и Давида Сослана, который был наречен Лашой (с абх. «светоч» – Авт.).

Развитие абхазской исторической науки в 1990-2000-е гг. имело свои особенности, которые во многом были предопределены изменениями в политической и социально-экономической жизни нашей страны на рубеже XX–XXI вв. Абхазские исследователи получили возможность для плодотворной работы. В означенный период появился ряд исследований (монографий и статей), в которых затрагивались вопросы средневековой истории Абхазии. Особенный интерес представляет труд Ю. Н. Воронова «Очерки истории Абхазии», в котором

автор предложил свое видение политического развития региона в раннее средневековье. Исследователь привлек разнообразный и обширный материал, сделал ряд важных и содержательных экскурсов в область событийной истории. Во второй главе второго раздела работы Ю. Н. Воронов прослеживает династические связи Леонидов, использование инструментов брачной дипломатии в реализации внешнеполитических задач. Характеризуя мать основателя династии Абхазских Багратидов, автор пишет: «О личности этой незаурядной женщины в источниках сказано немного, но то, что она была фактически первой женщиной-правительницей Картли, а затем играла важную роль в становлении «царства абхазов и картвелов» (в надписях ее имя фигурирует рядом с именем ее царственного сына), делает Гурандухт из рода Леонидов заметной политической фигурой этой эпохи» (Воронов 2014: 128-129). В своем исследовании Ю. Н. Воронов уделил внимание представительницам династии Абхазских Багратидов, особенно царице Русудан, дочери Тамар.

Проблемам политической и социально-экономической истории раннесредневековой Абхазии посвящена монография М. М. Гунба «Абхазия в первом тысячелетии н.э.» (Гунба 1989). Исследователь подробно остановился на вопросах, связанных с возникновением Абхазского княжества, а затем царства, расширением его территории. Продолжив, свои изыскания, исследователь обстоятельно изложил их в монографии «Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI-XIII вв.)» (Гунба 1999). Работы М. М. Гунба содержат интересные подходы, ценные наблюдения по политической истории средневековой Абхазии. О царственных женщинах (Гурандухт, Мариам, Тамар) автор упоминает лишь в контексте общего повествования, обеспечивая общеисторический фон и сравнительный ракурс.

В работе «Антропонимия абхазов», вышедшей в свет в 2002 г., Ш. Д. Инал-ипа был рассмотрен абхазский царский антропонимикон, в том числе и женский его сегмент (Инал-ипа 2002). Также вопросы ономастики нашли отражение в монографиях Г. А. Амичба «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии VI-X вв.» (Амичба 1999), «Историческая антропонимия абхазов» (Амичба 2010). Специалист исследовал репертуар династических имен. По поводу имени

Гурандухт, которое носили несколько представительниц венценосных семейств, исследователь отмечает, «что оно проникло в женскую часть царского антропонимикона в результате династических браков и не имело широко бытования вне двора абхазских правителей» (Амичба 2010: 237).

Фундаментальный труд «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» принадлежит перу А. Л. Папаскир (Папаскир 2005). Автор, используя материалы древнерусских, грузинских, византийских, армянских письменных источников, поставил перед собой задачу объяснить некоторые аспекты политического развития средневековой Абхазии. По мнению А. Л. Папаскир, Абхазское царство просуществовало до XII в., а после означенного времени, «судя по всему, это царство стало многоэтничным федеративным государством, с тем же названием «Абхазское царство» (Папаскир 2005: 333). Правителей из династии Абхазо-Багратидов, с точки зрения исследователя следует считать абхазскими монархами «поскольку они управляли Абхазским царством» (Папаскир 2005: 333). По мнению А. Л. Папаскир, сообщение о том, что Давид Куропалат в 975 г. передал Картли несовершеннолетнему Баграту, также не заслуживает доверия, тогда как законной правительницей Картли являлась его мать, правившая некоторое время Картли и после воцарения Баграта в Абхазии» (Папаскир 2005: 333). Работа отличается оригинальным подходом к теме, острыми комментариями, наличием живых характеристик исторических личностей, в их числе и царевны Гурандухт. Исследователь сопровождает свои научные изыскания детальным анализом историографии, активно полемизирует с грузинскими историками, в частности, по вопросу этнической принадлежности второй супруги киевского князя Изяслава Мстиславича, которая, согласно сообщениям русских летописей, была родом из Обез.

Труды грузинских медиевистов традиционно составляли наиболее, востребованную обществом, не только специалистами, но и массовым читателем, часть корпуса книжной научной литературы. Одной из важнейших задач картвелологии, являлось (и является) обоснование ведущей роли грузинского этноса и государства в Закавказье, в том числе, в истории создания и развития

Абхазского царства. Грузинские исследователи исходили из того, что, правящие дома Леонидов и Абхазских Багратидов, «однозначно представляли общегрузинский государственный и культурно-политический мир» (Папаскири 2008: 133). Следуя в русле, подобных установок, они рассматривали венценосных женщин, принадлежавших к династии Абхазских Багратидов, как цариц объединенной Грузии. В грузинской историографии особое внимание уделялось изучению периода правления царицы Тамар, с именем которой традиционно связывается «золотой век грузинской государственности». В трудах С. Н. Джанашия, П. И. Ингорюва, К. С. Кекелидзе, С. Н. Какабадзе, Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, В. В. Абашмадзе, А. Киквидзе, И. П. Антелава, Ш. А. Месхи, В. Гургенидзе, Дж. Степнадзе, Г. Гвинчидзе и др., посвященных исследованию государственного строя, политической и социально-экономической истории царства Багратидов эпохи развитого средневековья, нашли отражение различные аспекты деятельности Тамар. Вслед за М. Г. Джанашиви, еще в 1900 г., опубликовавшим монографию «Царица Тамар», под аналогичным названием вышли в свет несколько работ, в том числе, капитальный труд Р. В. Метревели «Царица Тамар (политико-культурный и социально-экономический обзор эпохи)» (Метревели 1991). Следует отметить, тема Тамар в грузинской советской историографии была излишне апологизирована, а работы часто носили дескриптивный характер, и лишены проблемного анализа. Две специальные статьи, в которых освещены жизненный путь и деятельность царственных женщин с именем Русудан, тетки и сестры царицы Тамар, принадлежат Дж. Степнадзе (Степнадзе 1987) и В. Д. Дондуа (Дондуа 1967). Интерес представляют работы И. М. Нодия (Нодия 1978), посвященные царевне Марфе (Марте) – императрице Марии.

Женщины высокого социального статуса интересовали исследователей, чаще всего, в связи с изучением внешнеполитических связей Багратидов. Обширной литературой обросла тема «Невесты из Обез». Происхождение супруги одного из князей Рюриковичей, Изяслава Мстиславича стало предметом острой дискуссии. В работах грузинских специалистов Я. З. Цинцадзе «Из истории русско-грузинских

отношений (X-XVI вв.)» (Цинцадзе 1956); Ш. А. Месхия и Я. З. Цинцадзе «Из истории русско-грузинских взаимоотношений X-XVIII вв.» (Месхия, Цинцадзе 1958); З. В. Папаскири «У истоков грузино-русских политических взаимоотношений» (Папаскири 1982); Г. Г. Пайчадзе «Название Грузии в русских письменных исторических источниках» (Пайчадзе 1989), О. Г. Жужунадзе приводились аргументы в пользу того, что в русских летописях сохранилось известие о «русском браке» дочери Дмитрия IV царевны Русудан (Жужунадзе 1968). Указанное мнение не разделялось абхазскими специалистами.

Брачные контакты Багратидов с восточными народами нашли освещение в работах Ш. Асатиани «Политические взаимоотношения Грузии и Ширвана в XII в.» (Асатиани 1968), П. А. Топурия Политические единицы Восточного Закавказья в XI-XII вв. (Топурия 1975).

В 90-2000-е гг. традиции грузинской историографии, заложенные еще в предыдущий период, мало изменились. Так, анализ концепций ведущих медиевистов (З. В. Папаскири, Г. В. Цулая, М. Д. Лордкипанидзе) показывает, что все они имели в своей основе конструкцию, узловые детали, которой были выкованы грузинской исторической наукой в еще советское время. В части освещения истории Абхазского царства работы грузинских специалистов отличаются политической ангажированностью, субъективизм, вольность трактовок. В монографическом исследовании Г. В. Цулая под названием «Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). Краткие очерки» (Цулая 1995). Абхазия рассматривается как часть Грузии, «наравне с прочими ее территориальными и этническими компонентами». Приход к власти в Абхазском царстве династии Багратидов, согласно автору, знаменовал падение последних барьеров на пути к единому Грузинскому государству: «В Баграте III (Баграт II – Авт.) закономерно слились с грузинскими Багратидами абхазские Леониды, подвергшиеся аккультурации в итоге более столетнего правления со столицей в Кутатиси» (Цулая 1995: 112). Г. В. Цулая считает Гурандухт, дочь царя Георгия II последней представительницей дома Леонидов (Цулая 1995: 107). Исследователь сделал ряд интересных замечаний относительно венценосных женщин из династии

Абхазских Багратидов. Нельзя не согласиться с автором в оценке сообщения источника о наречении Тamar своего сына именем Лаша «По своему значению... это краткое свидетельство может стоить многих летописных страниц», отмечает Г. В. Цулая (Цулая 19956 137).

З. В. Папаскири в монографии «От Давида до Давида» характеризует деятельность царицы Мариам. Причиной распада ее брака и Георгием III, он считает византинофильство царицы (Папаскири 2001: 56-57). По мнению специалиста, после смерти супруга, Мариам выполняла функции регента при малолетнем Баграта. Исследователь полагает, что позднее, в период вынужденного нахождения Баграта III в Константинополе, аналогичная функция, при его сыне Георгии, была возложена на царевну Гурандухт.

Современный этап развития исторического знания потребовал от отечественного научного сообщества значительных усилий в выработке новых теоретико-методологических подходов к истории Абхазии, расширения исследуемой проблематики, развития критики источников. В означенный период появился ряд работ, в которых затрагиваются вопросы средневековой истории Абхазии.

В монографическом исследовании И. Ш. Агрба «Абхазское царство и Византия (VIII-X вв.)» (Агрба 2011). рассматриваются как политико-дипломатические контакты, так и культурные взаимосвязи абхазов с державой ромеев. Агрба И. Ш. удалось внести существенные уточнения в события политической истории Абхазского царства, сделать ряд новых наблюдений относительно роли Гурандухт в деле воцарения Баграта II.

В 2022 г. вышел в свет труд профессора О. В. Маан «Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII-XVIII вв.) Историко-этнологическое исследование» (Маан 2022), в котором был рассмотрен целый ряд проблем, связанных с историей средневековой Абхазии и Закавказья, в целом. Автор, на основе всестороннего анализа источников, характеризует контакты Абхазского царства с народами Северного Кавказа, Русью, Арменией, Северным Причерноморьем. Исследователь обращает внимание и на некоторые брачные

проекты, встраивая их в анализ вопросов внешней политики Леонидов и Абхазских Багратидов. О. В. Маан отмечает, что «заключение нескольких таких браков с абхазскими царевнами, подчеркивает особое значение Абхазского царства в военно-политической истории Кавказа того времени» (Маан 2022: 164).

Значимой для нашего исследования работой является монография академика Кварчия В. Е. «Из этнической истории абхазского (апсуа // абазы) народа, или о языке и истории абхазов и абазин» (Кварчия 2020), которая вошла в 5-ый том собрания сочинений автора. В центре внимания специалиста оказались хронология и основные этапы развития средневековой абхазской государственности. Касаясь событий, связанных со сменой династии в Абхазском царстве, он пишет: «мать малолетнего Баграта Гурандухт была прямой наследницей абхазских правителей Картли и наследницей абхазского престола» (Кварчия 2020: 465). И далее, «Вместе с тем многие грузинские исследователи начинают именовать Абхазское многонациональное государство X–XIII вв. как «объединенное грузинское государство», а первым его грузинским царем объявляют абхазского царя Баграта III (992–1014), правившего Абхазским царством в период его расцвета. Отсюда всё абхазское государство X–XIII вв. в лучшем случае именуется абхазо-грузинским, а в большинстве раз – грузинским (Кварчия 2020: 456). По мнению исследователя, «с X в., в связи с экспансией абхазов в Восточное Закавказье, Абхазское царство начинает приобретать характер многонационального государства. В титулатуре абхазских царей начинают появляться имена покоренных и включенных в пределы Абхазского царства народов и территорий. Абхазское царство в XII и начале XIII в. представляло собой уже крупное феодальное многонациональное государство, простиравшееся практически между Черным и Каспийским морями» (Кварчия 2020: 493). В. Е. Кварчия концентрируется на анализе династической политики правящих домов Абхазского царства, посвятив этому вопросу один из параграфов работы. Широко и обстоятельно освещено правление женщин-монархов Тамар и Русудан.

На современном этапе, грузинская историография, в частности медиевистика, проявляет значительный интерес к женской проблематике. Следует особо выделить работы А. Микаберидзе, посвященные византийской императрице

Марии. Он отмечает, что Мария-Марфа «благодаря интенсивной вовлеченности в политическую и интеллектуальную жизнь» играла заметную роль в истории как своей родины, так и Византии (Mikaberidze 1998: 150). Автор на основе анализа письменных и археологических источников сделал предположение, что бывшая императрица могла быть упокоена в Иерусалиме.

В диссертационном исследовании «Время царствования Святой Благоверной царицы Тамары» (Асатиани 2009). Ф. Асатиани задался целью рассмотреть деятельность женщины-монарха сквозь призму церковно-исторической науки. В наше поле зрения попали работы: З. Таргамадзе Социально-политический статус женщин в средневековой Грузии. (Таргамадзе 2017), Н. Гамбашидзе «Положение женщин в религиозной жизни Грузии и его особенности» (Гамбашидзе 2017).

Диссертация С. Николаишвили «Византия и грузинский мир ок. 900-1210: идеология царствования и риторика на византийской периферии» (Nikolaishvili 2019) защищенная в 2019 г. в Будапеште, выгодно отличается от исследований предшествующего периода. В четвертой главе автором рассматривается образ царицы Тамар в имагологическом пространстве исторического нарратива. Автор сравнивает стратегию репрезентации женщины-правителя с представлением византийских императриц, анализирует содержание панегирических сочинений, посвященных Тамар. Различные аспекты иконографии Тамар рассматриваются в статьях З. Схиртладзе (Skhirtladze 2011).

Из англоязычных работ по теме диссертации следует выделить монографию Э. Истмонда (Eastmond 1998). В фокусе внимания американского исследователя, оказались особенности репрезентации царской власти представителей династии Багратидов. Автор прослеживает создание и интерпретацию художественных образов монархов на протяжении пяти столетий. В частности, специалист анализирует сохранившиеся изображения царицы Тамар, часто в составе сложных многофигурных композиций. Согласно Э. Истмонду, художественные средства, являлись важной частью «сценария власти», призванного возвеличить монарха, а в случае с Тамар приобрели индивидуальную манеру и стиль, служили средством пропаганды легитимации женщины-монарха.

Интерес представляет работа австралийской исследовательницы Л. Гарланд «Византийские императрицы: женщины и власть в Византии» (Garland 1999), в которой рассматривается деятельность наиболее ярких представительниц высшей аристократии империи с VI по XII в. Отдельный биографический очерк посвящен императрице Марии (Марфе).

Отдельные аспекты рассматриваемой темы нашли отражение в работах А. В. Акопяна, С. Б. Ашурбейли, Х. С. Бгажба, О. Х. Бгажба, З. М. Буниятова, Ж.-Ф. Ваннье, А. Ю. Виноградова, Г. Д. Гумба, Г. А. Гусейн-заде, архимандрита Дорофея (Дбар), Д. З. Капанадзе, Д. Кунтуракиса, А. Л. Макаровой, С. Н. Малахова, Е. А. Пахомова, Р.Т. Принке, Г. Д. Тогошвили, В. А. Чирикба, С. М. Шамба и др.

ГЛАВА II Женщина и власть: социально-политический статус абхазских цариц и царевен.

2.1. Матримониальные возможности царственных вдов.

Образовавшееся в конце VIII в. Абхазское царство стало первым независимым государством в Закавказье. В первой половине IX в. его правителям удалось сдержать экспансию византийцев и арабов, сохранить свой суверенитет. Параллельно с утверждением нового политического образования в системе международных координат, шел процесс формирования и развития отдельных структурных элементов государства, важнейшим из которых был институт царской власти. Для раннесредневековой монархии большое значение приобретала выработка принципов престолонаследия. От механизмов, обеспечивавших преемственность власти, зависели стабильность в стране, судьбы короны и династии. Составленный в начале XI в. «Диван абхазских царей», свидетельствует о том, что с середины VI в. и до конца VIII в. во главе Абасгии (Абхазского княжества) находились представители дома Аносидов, которые утверждались императором. С обретением независимости от Константинополя, основной государственной системы Абхазского царства стал родовой (династический) сюзеренитет. Принцип родового старейшинства предполагал наследование престола по очереди всеми сыновьями царя, а потом переход к сыновьям старшего из них в той же последовательности. Так, вслед за Леоном II престол занимали его сыновья: Феодосий II, Дмитрий II, Георгий I. Более того, предполагалось неременное соучастие всех наличных братьев в управлении царством по смерти их отца, что выражалось в создании уделов при сохранении государственного единства. Отсюда и оттопонимические прозвища нескольких абхазских монархов, в частности Георгия I, именовавшегося Агцепским. Пребывание у власти третьего сына основателя Абхазского царства обычно датируется 60-ми гг. IX в. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий относят его царствование к 70-м гг. указанного столетия (Виноградов, Белецкий 2015: 48). Георгий I, воспользовавшись временным ослаблением позиций Арабского халифата в Закавказье, сумел включить в состав государства Леонидов Картлию. Наместником царя, в этой

стратегически важной области, становится его племянник Тинен (Тинин) (вероятно, гипокористическая форма от имени Константин). «Летопись Картли» сообщает: «В ту же пору пришел Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Деметрэ, сын Леона; силой овладел Картли и поставил эриставом в Чихе сына Деметрэ» (Летопись Картли 1982: 49). Передача в управление наследнику престола пограничной территории свидетельствует о доверительных отношениях между дядей и племянником. Надо полагать, что Георгий I не ставил под сомнение и не оспаривал права Тинена на абхазский трон. Последний, являлся отпрыском его старшего брата, царя Дмитрия II, и следовательно, должен был наследовать Георгию, даже при наличии у последнего сыновей. Однако после смерти Георгия I Абхазское царство постиг династический кризис. Согласно «Летописи Картли», «Супруга царя Георгия умертвила сына Деметрэ, эристава Чихского, соблазнила мтавара Иованэ Шавлиани и тело Баграта (младшего сына царя Дмитрия II – Авт.) выбросили в море. Но господь спас его, и он достиг града Константинополя» (Летопись Картли 1982: 49). Таким образом, летописец считает неназванную по имени вдову царя абхазов Георгия I организатором и главным действующим лицом заговора, имевшего целью устранение законных наследников престола. Возможно, образ царицы сознательно демонизирован. Характерно, что автором «Летописи Картли» фигура Иоанна Шавлийского (Шавлиани) несколько оттеснена на второй план, он представлен лишь объектом манипуляций со стороны царственной вдовы, которая «обманула» (в переводе М. Д. Лордкипанидзе) или «соблазнила» (в переводе Г. В. Цулая) его (Картлис Цховреба 2008: 142; Летопись Картли 1982: 49). Мотивом, побудившим вдову Георгия I к подобного рода действиям, по мнению А. Ю. Виноградова и Д. В. Белецкого, послужило желание удержать свой статус. Сознавая, «что с восшествием на престол племянника потеряет власть, она предпочитает сохранить царское достоинство, выбрав нового мужа...» (Виноградов, Белецкий 2015: 54). Безусловно, личных качеств царицы и ее решимости любой ценой остаться на троне было явно мало для составления заговора, столь рискованного и масштабного. На наш взгляд, коварный план вдовы мог рассчитывать на успех только при наличии поддержки со стороны части

абхазской знати. К сожалению, источники ничего не сообщают об этническом происхождении супруги Георгия I, мы не знаем и ее имени. Нельзя определенно сказать была ли она представительницей местной элиты или иностранкой, хотя византийское происхождение, скорее всего, следует исключить. Как и любой другой матримониальный союз представителя правящей династии, брак царя абхазов Георгия I был продиктован определенными внутри- или внешнеполитическими обстоятельствами и был выгоден абхазской короне. Надо полагать, что особа, с которой соединился монарх, располагала весомым политическим капиталом. Фигура царственной вдовы могла приобрести еще большую значимость, в том случае, если на момент смерти супруга она ожидала рождения наследника. Окружение вдовы царя Георгия I, чье правление было отмечено приращением территории, а следовательно, и новыми земельными пожалованиями приближенным, не желало прихода к власти сыновей его предшественника, опасаясь перемены своего положения.

Заговорщиков, решившихся на устранение законных наследников, не мог не занимать вопрос о путях легитимации особы нового правителя, который должен был занять абхазский престол. Единственным способом законно взойти на трон и явственно продемонстрировать преемственность власти, был брак с вдовой предыдущего монарха. Женитьба на вдове недавно правившего государя была чрезвычайно мощным и политически эффективным ходом, к которому в средневековье прибегали достаточно часто. «Несмотря на явный «андроцентризм» традиции престолонаследия, возможности, которыми располагала вдова того или иного властителя, выходящая замуж вторично, приобрели особую смысловую нагрузку» (Литвак, Успенский 2014: 10).

В Византии женитьба на вдове кого-либо из предшествующих императоров служила эффективным способом легитимации собственных прав на престол. Известны примеры из ромейской истории, когда узурпаторы прибегали к такому способу действий. В 491 г. силенциарий Анастасий пришел к власти с помощью вдовы покойного императора Зинона, Ариадны, с которой сочетался браком. В 60-х гг. X в. полководец Никифор Фока провозгласил себя императором, обосновав

претензии на трон своей женитьбой на Феофано – вдове сына Константина Багрянородного. Узурпатор Никифор Вотаниат вступил в брак с женой свергнутого им императора Михаила VII Дуки, Марией, таким же образом попытался легитимировать свой статус и, пришедший к власти в 1081 г. в результате заговора, Алексей I Комнин.

Известно, что в Восточно-Римской империи сложился особый тип монархии: полномочия василевса были четко определены и зафиксированы в действующем законодательстве, отсутствовал закон о престолонаследии, на трон нередко вступали представители сановной или военной знати самого различного происхождения — греки, армяне, сирийцы и т.д. Несмотря на всю разницу политических систем Византийской империи и западноевропейских раннесредневековых монархий, практика легитимации власти посредством вступления в брак с вдовой предшественника известна и последним.

Так, после смерти лангобардского короля Аутари, в 590 г., его вдова Теоделинда, происходившая из баварского правящего дома, вышла замуж за герцога Туринского Агилульфа, тем самым возведя его на престол (Успенский 1996: 464). Отметим, что новый монарх являлся двоюродным братом предшественника. Вестготские короли довольно часто женились на вдовах своих предшественников. Судя по всему, против подобной практики в 688 г. на XV Толедском соборе был принят специальный канон. Вестготский король Эгика, наследовавший узурпатору Эрвигию, «добился принятия собором специального постановления, согласно которому никто не мог насильно заставить вдовствующую королеву выйти замуж или совершить прелюбодеяние. Хотя внешне это выглядело как защита королевы и ее чести, на деле это должно было лишить кого-либо надежды достичь трона путем брака или связи с вдовой бывшего короля. А через три года III Цезаравгустанский (Сарагосский) собор постановил, чтобы вдова короля снимала с себя светскую одежду и уходила в монастырь сразу же после смерти супруга» (Циркин 2010: 309).

О том какие политические дивиденды мог принести брак с царственной вдовой свидетельствует следующий характерный эпизод из раннесредневековой

истории Италии. Адельгейда Бургундская после смерти в 950 г. супруга, короля Италии Лотаря II вступила в борьбу за власть с Беренгаром Иврейским. Последний, попытался выдать замуж вдовствующую королеву за своего сына Адальберта и таким образом обосновать законность приобретения престола Италии. Адельгейда отвергла это предложение и обратилась за помощью к самому могущественному правителю Европы – немецкому королю Оттону I. Последний умело воспользовался возникшей ситуацией и в сентябре 951 г. во главе своей армии вошел в Северную Италию, овладел Павией, женился на Адельгейде и завладел короной (Вонсович 2002: 63). Во многом благодаря этому, десятью годами позже, Оттон стал основателем Священной Римской империи.

Династические браки с вдовами были обычным и вполне распространенным явлением и на средневековом Востоке. Женильба на вдове, имевшей отношение к «золотому роду», и соответственно усыновление ее детей от предыдущего брака существенно расширяло политические горизонты.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что легитимация прав Иоанна Шавлийского на абхазский престол произошла путем заключения брака с вдовой царя Георгия I. Исследователи чаще обращались к вопросу об этнической принадлежности и происхождении Иоанна, тогда как именно способ и обстоятельства прихода к власти имеют решающее значение для характеристики его личности. Пожалуй, только Вахушти Багратиони попытался дать объяснение событиям, связанным с воцарением Иоанна. Не видя иных законных оснований к принятию царского титула, он представил Иоанна сыном Георгия I (Вахушти 1976: 222). Сценарий политических событий IX в. и мотивы действующих лиц были непонятны историку XVIII в. Сведения Вахушти о том, что Иоанн Шавлийский являлся царским отпрыском, не согласуются с данными «Летописи Картли» и «Дивана абхазских царей».

Иоанн Шавлийский, безусловно, принадлежал к высшей знати Абхазского царства, к правящей этнической элите. Г. А. Амичба отмечал, что до овладения абхазским престолом он являлся правителем Шавли («мтаваром Шавлиани») (Амичба 2010: 301). По мнению специалиста, «двухэлементный, сильно спаянный

термин (Шавли-ани) означает «обладатель Шавли» и представляет собой ситуативное прозвище оттопонимного определения. Эту точку зрения разделял и С. Г. Каухчишвили (Каухчишвили 1974: 72). Следует обратить внимание на носящие апеллятивный характер прозвища представителей царствующего дома Леонидов, уже упомянутого Георгия Агцепского и тестя правителя Тао-Кларджетии Адарнасе, Баграта Шаройского. Летописец разъясняет, что дополнение к личному имени Георгий получил вследствие того, что до вступления на престол «имел в наследственном владении Агцепи» (Сообщения 1986: 35). Г. А. Амичба связывал оттопонимное имя абхазского царя Георгия I – Агцепский с названием местности Агца в урочище села Анухва (Амичба 2010: 207-209). Надо полагать, что и прозвище Баграта – «Шаройский» также происходило от названия области, находившейся в его наследственном владении. Дополнения к личным именам, образованные от географических названий, не могут рассматриваться в качестве родовых имен. Топонимическое прозвище могло закрепиться в качестве такового только по прошествии нескольких поколений, при условии стабильного функционирования удельной системы.

Известно, что ключевые позиции в управлении раннесредневековым государством занимали представители правящей династии и лица, связанные узами родства с царствующим домом. На наш взгляд, Иоанн был сопряжен с династией Леонидов, однако вынести однозначное суждение о характере и степени родства, в силу лапидарности источников, не представляется возможным. Наследование верховной власти в Абхазском царстве происходило как по прямой, так и по коллатеральной линиям. Выбор Иоанна в качестве преемника Георгия I не быть определен исключительно личной симпатией вдовы, но должен был быть приемлем для политической элиты. Правомерно предположить, что при наличии родственных отношений с предшественником, преемнику легче было добиться поддержки со стороны знати. Управленческие навыки, полководческий талант могли усилить персональную мощь претендента, содействовать успеху заговора и смягчить негативную реакцию общества на действия вдовы Георгия I и ее окружения. Надо полагать, что вступление на престол Иоанна не воспринималось

как приход к власти новой династии. При наличии родственных связей с Леонидами, соединившийся узами брака с вдовой предшественника, он выступал как законный наследник и продолжатель правящего дома. Несмотря на то что имена Иоанна и его сына Адарнасе не включены в «Диван абхазских царей», автор «Летописи Картли», видимо, опираясь на ранние летописные свидетельства, не ставит под сомнение законность их пребывания на абхазском престоле. Каких-либо отрицательных характеристик, коими аноним не преминул бы удостоить узурпатора, повествование не содержит. Сообщая о деятельности Иоанна, после занятия им престола, летописец именует его «царем» и «царем абхазов», не используя более оттопонимическое прозвище «Шавлиани». Этот аппелятив никогда не применялся, в качестве дополнения, к имени его наследника Адарнасе.

О признании Иоанна легитимным правителем Абхазского царства свидетельствует факт заключения брачного союза между его сыном Адарнасе и дочерью Тао-Кларджетского династа Гуарама. Как видно, царь абхазов Иоанн I продолжил традицию, заложенную его предшественниками. Известно, что брачные контакты между Леонидами и Багратидами Тао завязались еще в начале IX в. Так, царь абхазов Феодосий II был женат на дочери Ашота Куропалата, а сын последнего, Адарнасе – был зятем Баграта Шаройского.

Давая оценку внешнеполитической деятельности царя абхазов Иоанна, А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий отмечают, что он «выбирает в жены своему сыну дочь мампала Гуарама, одного из могущественнейших Багратидов (возможно, уже давнего союзника Абхазии), и сестру Насра, который уже с начала 860-х гг. враждовал с представителем средней, куропалатской линии Багратидов» (Виноградов, Белецкий 2015: 54). Таким образом, заключают авторы, царь абхазов Иоанн оказывается продолжателем политики Димитрия II.

Установление родственных связей абхазской правящей династии с младшей ветвью Тао-Кларджетских Багратидов не устраивало ишханац ишхана Армении и племянника Гуарама – Давида Куропалата. Около 881 г. произошел вооруженный конфликт: «И воевали армяне и абхазы из-за Картлии», сообщает анонимный грузинский летописец XI в. (Летопись Картли 1982: 50). Победителями в войне

вышли ишханац ишхан Армении и его союзники, поскольку известно, что в период правления царей Иоанна I и Адарнасе I Абхазским царством был утрачен контроль над Картлией. А. Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий высказали предположение, что «война между абхазами и анийцами за Картли закончилась в середине 880-х гг. мирным договором и династическим браком между дочерью царя абхазов Иоанна и одним из сыновей (или внуков) Ашота I (ишханац ишхан Армении был возведен в царское достоинство между 884-886 гг.) (Виноградов, Белецкий 2015: 54). Если решение породниться с анийскими Багратидами через сестру, принятое, наследовавшим Иоанну Адарнасе I, имело целью внесение определенных корректив во внешнюю политику государства, то молодой царь мог вызвать недовольствие части абхазской знати. Налаживание связей с бывшими противниками не устраивало и шурина абхазского монарха Насра, который после убийства своего двоюродного брата Давида Куропалата, союзника армян, вынужден был оставить родину и обосноваться в Константинополе. В Византии находился и отстраненный от власти абхазский царевич Баграт. Установлением контактов последнего с Насром счастливо совпало с желанием Константинополя возвести Баграта на абхазский престол. В середине 80-х гг. IX в., после долгих лет пребывания на чужбине, он получает военную помощь со стороны империи, что, безусловно, имело политическую подоплеку. «Летопись Картли» сообщает: «Царь Греции дал ему (Баграту – Авт.) войско и отправил его морем, и тот на кораблях подступил к Абхазии» (Летопись Картли 1982: 50). Думается, что вторжение византийцев в Абхазию, осуществленное под предлогом поддержки прав Баграта на престол, было довольно масштабной и хорошо спланированной военной акцией. «Характерно, что в данном случае империя сделала ставку на флот, вероятно, учтя опыт неудачного сухопутного похода 842 г.» (Виноградов, Белецкий 2015: 57). Царь Адарнасе не мог не отреагировать на византийскую интервенцию. По вполне объяснимым причинам автор «Летописи Картли» воздержался от описания подробностей вооруженного конфликта, констатировав факт: «Убил он (Баграт – Авт.) Адарнасе, сына Иована, и овладел Абхазией...» (Летопись Картли 1982: 59). После этого Баграт вступает в брак с вдовой поверженного царя. Надо ли полагать,

что этот акт был продиктован исключительно соглашением, заключенным с ее братом Насром? Действительно, согласно договоренностям, достигнутым в столице Византии, последний после воцарения Баграта, около 888 г. прибыл в Абхазию. Баграт I дал ему войско, с помощью которого «Наср ... овладел ... крепостями в Самцхе: Одзрахе, Джварисцихе и Ломсиана» (Летопись Картли 1982: 51). Но, на наш взгляд, царем абхазов двигали мотивы иного свойства. Большой разрыв во времени между завершением срока правления Дмитрия II и приходом к власти его сына несколько осложнял положение последнего. Нельзя упускать из виду, что срок пребывания на престоле царей Иоанна и Адарнасе суммарно составлял двадцать лет – это значительный временной отрезок. Длительное отсутствие Баграта на родине, даже при условии поддержания связей со своими сторонниками, могло вызывать недоверие к личности прибывшего из столицы империи царевича. «История с брошенным в море и чудесно добравшимся до Константинополя младшим сыном Дмитрия II Багратом имеет несколько легендарный оттенок», ... интересно, что он нашел приют в Византии, «с которой абхазские цари еще совсем недавно, четверть века назад, враждовали» (Виноградов, Белецкий 2015: 54). Занявшему трон при помощи византийцев, Баграту, даже при наличии приверженцев из числа местной знати, для укрепления своих позиций потребовалось включение дополнительных механизмов легитимации власти. Одним из них и стал брачный союз с вдовой предшественника, представительницей правящего дома Таойских Багратидов. Соединившись с дочерью Гуарама Мампала, Баграт рассчитывал на признание своего статуса и со стороны правителей соседних государств.

Таким образом, дважды, в течение IX в., восшествие на абхазский престол было сопряжено со вступлением в брак с вдовой предшественника. Анализ источников по истории Абхазского царства показывает, что не раз супруга монарха становилась ключевой фигурой политики в ситуации престолонаследия. Истоки, сформировавшегося в области матримониальных отношений, средства, обеспечивавшего легитимность перехода власти от одного правителя к другому, характерного для многих политий древности и средневековых государств, следует

искать в архаических традициях, прежде всего, в институте левирата. С принятием христианства соответствующие фрагменты Священного Писания позволяют переосмыслить этот брачный обычай. «В христианской богословской традиции сюжет о левиратном браке это устойчивый топос, который привлекался для объяснения противоречий в генеалогии Христа... один и тот же предок Иисуса мог быть включен сразу в две патрилинейные схемы, принадлежа к одной благодаря биологическому отцовству, а к другой — благодаря ветхозаветной юридической норме» (Литвина, Успенский 2014: 16). Со страниц библейского текста система левирата удачным образом встраивается в средневековый династический уклад, и обретая нормативную мощь, делает возможным и допустимым, узаконивание царского статуса посредством брака с вдовой монарха. Таким образом, матримониальные возможности царственных вдов позволяли им играть особую роль в политической жизни государства, составлять неожиданные наследственные комбинации. Повторные браки знатных женщин причудливо переплели ветви династического древа Леонидов. В период правления Абхазских Багратидов случаев вступления вдовствующей царицы в новый брачный союз не зафиксировано.

2.2. Материнское регентство и соправительство

В течение второй половины 70-х гг. X в. политический кризис в Абхазском царстве был разрешен вступлением в действие матрилateralной традиции: когда в отсутствие прямых безусловных наследников по мужской линии, трон наследовался мужскими представителями по женской линии, т. е. призывалось потомство от представительниц данного правящего рода, отданных замуж за рубеж. Сын абхазской царевны Гурандухт от брака с представителем дома Тао-Кларджетским Багратидов Гургеном стал основателем династии Абхазских Багратидов.

Гурандухт являлась дочерью царя абхазов Георгия II и сестрой трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Как и в случае с другими абхазскими царевнами, брак Гурандухт был устроен в соответствии с

брачной стратегией правителей Абхазского царства. Леониды в течение длительного времени были связаны тесными династическими узами с домом Тао-Кларджетских Багратидов. Тао-Кларджетия не была строго централизованным государством. «С конца IX в. совершенно четко сформировались два княжества – Тао с центром в Бана (Олтиси?) и Кларджети с центром в Артануджи. Старшинство принадлежало ветви Тао. ...высший византийский придворный титул «куропалата» закрепляется за домом Тао и там же утверждается титул «царя картвелов» (Очерки 1988: 313). Абхазские монархи поощряли соперничество представителей отдельных ветвей дома тао-кларджетских Багратидов, всячески способствуя их ослаблению. Между 923 и 937 гг. царю абхазов Георгию II удалось присоединить к своему государству некоторые области, принадлежавшие ранее тао-кларджетским Багратидам. Его династическая политика, в рамках которой брачная стратегия имела большое значение, была направлена на расширение влияния Абхазского царства в этом важном для него регионе. В X в. под власть абхазского царя перешла Джавахетия, он получил возможность контролировать, транспортные коммуникации. «Владея Джавахети абхазский царь легко мог оказаться в любом краю Южной и Восточной Грузии. Он владел главными дорогами с юга (Армения и юго-запада (Византия). Через Джавахети проходили все дороги в Абхазию (через Самцхе), в Шида – Картли (через Самцхе, Триалети), во Мцхета и Тбилиси (через Триалети и Манглиси) и в Кахети» (Бердзенишвили 1964: 52-53).

Во второй половине X в. северо-восточной частью Тао, землями, которые примыкали к территории Абхазского царства, в том числе и областью Самцхе, владел «царь картвелов» Баграт Регуени. Именно его наследник, Гурген и стал супругом царевны Гурандухт. В интересах дома Леонидов было налаживание союзнических отношений с династией, чей домен имел стратегическое значение. В свою очередь брак с абхазской царевной был выгоден владельцам северо-восточного Тао, поскольку обеспечивал защиту от возможных притязаний со стороны амбициозного правителя южной части Тао, магистра Давида.

Отпрыском абхазской царевны и наследника северо-восточной части Тао был Баграт, появившийся на свет в начале 60-х гг. X в. (точная дата рождения источникам неизвестна). Ему предстояло сыграть значительную роль в последующих событиях, и во многом она была предопределена родственными связями Баграта с домом Леонидов.

Во второй половине X в. Абхазское царство постиг династический кризис, причиной которого стало отсутствие наследников мужского пола у трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. «Летопись Картли» сообщает: «Когда же преставился царь Деметрэ, все жители страны, видя, что не осталось у царя преемника в Абхазии и Картли, вывели Феодосия и утвердили его царем» (Летопись Картли 1982: 56). Нахождение у власти правителя с серьезным физическим недостатком, существенно затруднявшим осуществление им управленческих функций, должно было восприниматься как крайне нежелательное. Чаще всего, любые формы калечества существенно снижали, а то и лишали возможности отпрысков царского рода занять трон. Факт воцарения Феодосия скорее можно объяснить тем, что политическая элита Абхазского царства четко осознавала, насколько опасен для государства вакуум власти. То, что новый абхазский монарх являлся слабой политической фигурой, не был способен лично руководить масштабными военными мероприятиями, создавало значительные трудности, чем не преминули воспользоваться соперники Абхазского царства. Кахетинцы и таойцы вознамерились отторгнуть от Абхазского царства Картлию. Первыми ударили кахетинцы, взявшие на приступ столицу Картлии – Уплисцихе. В отличие от кахетинцев, правитель Тао Давид попытался придать своим действиям в Картлии легитимный характер. Началу военной акции таойцев в Картлии предшествовало обращение наместника абхазского царя Иоанна Марушидзе к правителю Тао, магистру Давиду. Он «предложил выступить с войском своим и взять Картлию: или завладеть ею самому, или пожаловать её Баграту, сыну Гургена, сыну дочери Георгия – царя абхазов...» (Летопись Картли 1982: 57). «Пришел Давид Куропалат и прибыл в Квахврели, явился к нему Иванэ Марушидзе, принял от него Давид Уплисцихе и пожаловал его Баграту и отцу его

Гургену» (Летопись Картли 1982: 57). Затем, созвав картлийских азнауров, Давид заявил, что Баграт «есть преемник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и пособник; повинуйтесь ему все» (Летопись Картли 1982: 57). Таким образом, согласно данным анонимного повествователя, Баграт утверждается в Картлии в качестве наместника правителя Тао. Вместе с тем подчеркиваются права Баграта на эту территорию в силу родства с абхазским царствующим домом. В планах магистра Давида для Гурандухт не было отведено особой роли. Известно, что абхазская царица и ее супруг прибыли в Картлию вместе с Багратом, однако соправителем последнего Давид назначил Гургена. Несмотря на строгие внушения магистра Давида картлийская знать не желала находиться под властью Багратидов и, проявив, по словам летописца, «злое вероломство» сговорилась с кахетинцами против Баграта. Уплисцихе был сдан, а Баграт с родителями уведен в плен в Кахетию. В ситуацию вмешался магистр Давид, который пригрозил Кахетии войной, пленники были освобождены, но крепости Цирквали и Груи кахетинцы оставили за собой. После описанных событий правительницей Картлии становится Гурандухт. Летописец не поясняет, при каких обстоятельствах это произошло. Скорее всего, приход к власти Гурандухт явился результатом некоего компромисса по вопросу Картлии. Ни кахетинцы, ни таойцы не располагали достаточными силами для того, чтобы надежно закрепиться в Картлии и в этих условиях, важна была позиция представителей, собственно картлийской знати. Своими предыдущими действиями она наглядно продемонстрировала, что не хочет подчиняться Багратидам. К концу X в. Картлия, с небольшими перерывами, почти 150 лет находилась под властью абхазских монархов. Учитывая огромное стратегическое значение Картлии, воеводами этой области обычно становились царские сыновья. Наместниками абхазского царя в Картлии являлись царицы Тинен (чихский эристав), младший сын Константина III, Баграт, сыновья Георгия II, Константин и Леон. Слова летописца о том, что после смерти царя Дмитрия III «у него не осталось преемника в Абхазии и Картлии» (Летопись Картли 1982: 56), свидетельствуют о том, что правителями последней, чаще всего, являлись наследники престола, иногда в

статусе соправителя. Политические традиции были на стороне Леонидов и этот факт сыграл в пользу Гурандухт.

Судя по всему, Баграту и его отцу пришлось покинуть Картлию и вернуться в Тао. Картлийская знать предпочла видеть своей правительницей представительницу династии Леонидов. Осуществлять власть над Картлией Гурандухт должна была в качестве наместницы абхазского царя или его соправительницы. Сомнительно, что ее полномочия были санкционированы Феодосием III, а статус – признавался правящими кругами Абхазского царства. Не исключено, что картлийская знать подумывала и о создании собственной династии, путем устроения брака Гурандухт с представителем одного из местных аристократических кланов. В средневековой истории были нередки случаи, когда дети, рождённые в неравном браке, где муж по своему статусу уступал жене, наследовали статус матери. В таком браке передача благородной крови, вместе с правом на осуществление властных полномочий и территорию осуществлялись по материнской линии. Картлия, возглавляемая Гурандухт, по крайней мере формально, оставалась в руках Леонидов. Трудно сказать, была ли у Гурандухт возможность занять абхазский престол, допускал ли действовавший в Абхазском царстве порядок престолонаследия, при определенных условиях, приход к власти женщины. Заметим, что имени Гурандухт никогда не были предпосланы титулы мужского рода, которые прилагались к именам женщин, реально осуществлявших верховную власть в средневековых государствах ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ $\text{E}\pi\rho\acute{\iota}\nu\eta$, Тамаг тере и т.д.). Вместе с тем, в устном народном творчестве абхазов термин «апсха» (титул верховного правителя) используется применительно и к особам женского пола (Инал-ипа 1988: 320, 325).

Через некоторое время сын Гурандухт, Баграт Багратиони был призван в Абхазию. Однако речь о его немедленном воцарении, судя по всему, не шла. Феодосий III, столь рьяно боровшийся за власть со своим старшим братом вряд ли добровольно отказался бы от престола. Баграт стал соправителем Феодосия, «Летопись Картли» сообщает, что только по прошествии «двух лет, он начал править самостоятельно» (Летопись Картли 1982: 57). Смещение Феодосия могло

произойти, только при наличии поддержки действиям Баграта со стороны правящей элиты Абхазского царства.

Первым значительным военным мероприятием Баграта II был поход на Картлию. По сообщению летописца, возглавляемое царем абхазов войско расположилось в Тигве, населенном пункте на границе с Картлией. Картлийцы, «не желавшие прихода» Баграта и «пребывавшие в повиновении у Гурандухт», «выставили...главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу» (Летопись Картли 1982: 58). Военное столкновение произошло на подступах к Могриси. Баграт II одержал победу. «Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские, забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую» (Летопись Картли 1982: 58). Несколько дополняет и уточняет картину, произошедших в Картлии событий, эпиграфическая надпись из Атенского Сиони. Надпись выполнена Гержиумом сыном ЕрБасана на армянском языке. Согласно данным эпиграфического памятника, «устройство картлийских дел» заняло у Баграта не менее года, причем мать абхазского царя состояла в заговоре против своего сына. По мнению переводчика и комментатора надписи П. М. Мурадяна, надпись была высечена в 982–986 гг. (Мурадян 1985: 107-108). Таким образом, Гурандухт управляла Картлией достаточно длительное время.

Баграт II не позволил матери находиться в этой важной провинции Абхазского царства и предпочел держать ее подле себя. Несмотря на довольно серьезный конфликт с сыном Гурандухт не была исключена из политической жизни. Стабильность и единство государства, не в последнюю очередь, зависели от позиции этой сильной, волевой и, судя по всему, весьма амбициозной женщины. Царь абхазов должен был быть уверен, что значительный политический капитал и авторитет Гурандухт будет использован во благо его правления. Для Баграта II генеалогическое родство с Леонидами по материнской линии выступало юридическим обоснованием прав на осуществление верховной власти в Абхазском

царстве. Это обстоятельство обеспечило Гурандухт особую роль в системе монархии, с титулом «госпожи-матери» (*dedopal-i*).*

В своих политических притязаниях Гурандухт смогла опереться на устойчивую государственно-правовую традицию, существовавшую в Абхазском царстве – институт соправительства. В течение нескольких лет она находилась во главе Картлии и имела опыт осуществления власти, де-факто являясь сопрестольницей царя абхазов. Баграт II, лишив мать возможности непосредственного управления Картлией, вряд ли решился бы на понижение ее статуса. Она стала первой женщиной – сопрестольницей абхазского монарха, тем самым, создав важный исторический прецедент. Получил ли ее статус официальное оформление. что позволяет видеть в Гурандухт соправительницу Баграта II.

Пара сын/мать, неоднократно мобилизуемая в репрезентациях царской власти, иллюстрировала сопряжение двух династий Леонидов и Абхазских Багратидов. С титулом «госпожи-матери» имя Гурандухт, рядом с именем венценосного сына фигурирует на золотой чаше для причастия из Бедийского храма (Бгажба 1967: 18). Упоминается мать царя абхазов Баграта в надписи, вырезанной декоративными буквами на аркатуре поверх окон восточного фасада Кутаисского храма. Она гласит: «Помощью божию Баграт царь абхазов и карталин и мать его Гурандухта, построившие святой храм» (Ашхацава 1925: 24). По мнению ряда исследователей, рельефное изображение женщины из храма в Кумурдо принадлежит Гурандухт (Аладашвили 1977: 94-96). В памятнике генеалогии, известном как «Диван абхазских царей», который был составлен при Баграте II, указаны имена его отца Гургена, деда, абхазского монарха Георгия II, в

---

* В грузинском языке «засвидетельствованы различные варианты-разновидности слова с общим значением «царица». Кроме упомянутого *dedopal-i* это, например, *dedupal-i*, *deopal-i*, *didupal-i*, *diopal-i*, *dodpal-i*, *dodopal-i* и др. В отличие от более распространенной формы *dedopal-i* (детерминативный композит, производный от груз. «*deda*» - мать, женщина плюс груз. «*upal-i*» - господин, господь) *didupal-i* осмысливается как композит, возникший путем сложения-слияния *didi* плюс *upal-i*, где первый компонент не грузинское «*deda*» - мать, женщина, но груз. «*did-i*» большой(ая), великий(ая)», т.е. «великая госпожа». См.: Берадзе Г.Г. Легенды о царице Тамар в персидском историческом сочинении «Ихйа ал-Мулук». В кн.: Источниковедение и текстология Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 66.

дополнении к этому говорится и о том, что он является сыном дочери царя абхазов (без указания имени).

Дата смерти и место погребения Гурандухт неизвестны. Надо полагать, что Гурандухт не была упокоена рядом с супругом. Усыпальницей Гургена Багратиони, который скончался около 1008 г., скорее всего, является, построенная по его приказу, рядом с храмом в Ишхани, небольшая церковь (Такайшвили 1952: 42). Гурандухт могла быть погребена в Бедии, где впоследствии нашел последний приют и ее венценосный сын.

Деятельность матери первого представителя династии Абхазских Багратидов яркий пример активного участия женщины в политической истории Абхазского царства. Своим возвышением она была во многом обязана обстоятельствам и, вероятно, собственным амбициям. На наш взгляд, Гурандухт стала первой женщиной – сопрестольницей абхазского монарха. Тем самым, был создан важный исторический прецедент.

В 20-х гг. XI в. Абхазское царство впервые столкнулось с ситуацией, более никогда не повторившейся, когда на престол взошел малолетний правитель. В этой связи источниками вполне определенно фиксируется небывалый всплеск политической активности вдовствующих цариц, Мариам и Алды, супруг царя абхазов Георгия III.

Первый брак Георгием мог быть заключен еще до его вступления на престол в 1014 г. Родителями избранницы царевича, Мариам были правитель Васпуракана Сенекерим Арцруни и дочь царя Великой Армении шахиншаха Гагика I, Хушуш Багратуни. Васпуракан находился в политической зависимости от Ани. Установление династических связей с правящим домом Абхазского царства был выгоден Арцрунидам, особенно в деле ослабления, а то и вовсе, освобождения от опеки сюзерена – шахиншаха. Приобретая союзника в лице Васпуракана, Абхазское царство надеялось на координацию действий с целью противостояния агрессивным действиям империи в Закавказье. Однако этим планам не дано было осуществиться. Около 1021 г. тесть царя абхазов, Сенекерим Арцруни, преподнес свои владения империи. Иоанн Скилица сообщает: «Тогда и Синахирим

(Сенекерим), архонт Высокой Мидии, которую называют Аспраканией, явился со всей своей фамилией к императору, передал ему всю подвластную себе страну; ему были пожалованы сан патрикия и должность стратига Каппадокии, а взамен уступленной страны он получил города: Севастию, Лариссу, Авару и многие другие владения. Ибо его тревожили соседи агаряне, и, будучи не в состоянии им противостоять. Он перешел к императору, уступив свою страну» (Ioannis Scylitzae 1973: 354-355). Сведения о переселении Сенекерима Арцруни в Византию находим и у ряда армянских авторов (Повествование вардапета 1968: 64-65; Смбат Спарпет 1974: 14). Изменение политической ситуации в Закавказье, переход Васпуракана империи, планы царя абхазов по продолжению противодействия византийской угрозе, толкали его к прекращению брака с Мариам Арцруни. Между 1025 и 1027 гг. Георгий III женится на аланке Алде. Для вступления в новый брак царь должен был развестись с Мариам, однако источники хранят молчание по этому поводу. Планировавший возобновить военные действия против империи, царь абхазов в 1027 г. «в лета почти молодые» скончался, на престол взошел малолетний сын Георгия III, Баграт. Абхазское царство вступило в полосу нестабильности, которая была вызвана противоборством двух группировок знати, одна из которых поддерживала старшего сына покойного государя, Баграта, рожденного в браке с васпураканской царевной, а другая – его брата Дмитрия. Не приходится сомневаться и в том, что Дмитрий, сын Георгия и Алды был рожден в законном браке. Так, автор «Летописи Картли», чьи политические симпатии были на стороне Баграта III, не ставит под сомнение статус Дмитрия. Более того, только наличие законных прав на абхазский престол, сделало, впоследствии, младшего сына царя Георгия знаменем в руках оппозиции. Активную роль в этом противостоянии играли и их матери, Мариам и Алда.

Царствование юного монарха Баграта III, началось с того, что от него отложились крупные светские и духовные феодалы Тао. В следующем 1028 г. в пределы владений царя абхазов вступило большое византийское войско во главе с Николаем доместиком схол и паракимоменом. Разорив несколько областей, византийцы предприняли осаду сильной Клде-Карской крепости. Однако, получив

известие о смерти императора Константина VIII, паракимомен поспешил в столицу. Результатом этой военной экспедиции стал переход к византийцам еще нескольких крупных таойских вельмож. Баграт III лишился значительной территории Тао, и лишь немногие представители таойской знати остались верны царю абхазов. Не менее напряженная обстановка, надо полагать, сложилась и в северо-западной части царства. Анакопийская крепость, являясь местом пребывания второй жены и младшего сына покойного царя абхазов Георгия III, была центром притяжения одной из группировок абхазской знати, надеявшейся воцарить Дмитрия, о чем свидетельствует анонимный автор «Летописи Картли» (Летопись Картли 1982: 66). Потенциально опасная ситуация грозила вылиться в открытый конфликт между сторонниками двух вдовствующих цариц и их отпрысков. Обеспокоенная таким оборотом дел, мать молодого монарха, царица Мариам, в 1031 г. отправилась в Константинополь. Она надеялась путем заключения выгодного брака укрепить позиции своего сына. Успеху дипломатической миссии матери царя абхазов должны были содействовать ее отец и братья, после передачи своих наследственных земель Византии, находившиеся на службе империи. Подробности переговоров царицы с императором Романом III Аргиром неизвестны. По их окончании был заключен договор о мире между Византийской империей и Абхазским царством, Баграту был пожалован титул «куропалата», и выдана в жены племянница императора, дочь его брата Василия, Елена. Кстати, в следующем 1032 г. сестра Елены стала супругой Иоанна-Смбата Багратуни, дяди вдовствующей абхазской царицы. Выдавая свою племянницу замуж за Баграта, император рассчитывал на изменение внешнеполитического курса Абхазского царства. В свою очередь, Мариам Арцруни полагала, что брак ее сына с родственницей императора ослабит позиции сторонников Алды и Дмитрия, а также позволит царю абхазов удержать за собой таойские земли. Не можем согласиться с мнением З. В. Папаскири о том, что вдовствующая царица являлась главой провизантийской партии при абхазском царском дворе еще при жизни супруга, а затем и по воцарении сына (Папаскири 2001: 56-57). Миссия Мариам в Константинополе, скорее вынужденный и хорошо продуманный дипломатический

ход, чем свидетельство симпатий к Византии. Последующие события показывают, что Мариам последовательно отстаивала интересы Абхазского царства. Безвременная кончина царицы Елены привела к охлаждению отношений между Абхазским царством и империей. Вскоре после смерти супруги Баграт III вновь сочетался браком. На сей раз в жены царю абхазов была выбрана Борена дочь «овсского царя» (Летопись Картли 1982: 66). Такая быстрая смена брачной стратегии Баграта, скорее всего, была вызвана тем, что после ухода из жизни Елены Аргирополины, приверженцы его брата Дмитрия Анакопийского решили воспользоваться тем же дипломатическим приемом, которым всего годом ранее успешно воспользовалась вдовствующая царица Мариам – в борьбе за абхазскую корону они попытались заручиться поддержкой империи. Тем более что вступление Баграта III в брачный союз с аланской царевной, свидетельствовало о намерении молодого монарха продолжать курс на сохранение суверенитета Абхазского царства. Царь Баграт III и его приближенные пытались вести переговоры со сторонниками Дмитрия, но успеха не имели. Ощущая шаткость положения Дмитрия, Алда и ее окружение сочли за благо переход Анакопии под власть империи. Автор «Летописи Картли» сообщает, что Дмитрий «ушел из царства своего и обратился к царю Греции и отдал ему Анакопию» (Летопись Картли 1982: 66). По данным Иоанна Скилицы, крепость Анакопия была передана империи вдовой абхазского царя Георгия III Алдой, после чего, ее сын Дмитрий был удостоен титула «магистра» (Ioannis Scylitzae 1973: 389). Более того, согласно указанному автору, переход Анакопийской крепости под юрисдикцию Византии в 1033 г. был осуществлен именно по инициативе «жены Георгия авасгов царька» (Ioannis Scylitzae 1973: 389). Имперские власти должны были приветствовать данный шаг, поскольку, он полностью отвечал их интересам. Н. А. Скабаланович писал: «Византия стала практиковать систему обмена земель, происхождение которой, кажется, современно началу Македонской династии... по крайней мере, при сыне основателя династии путем применения этой системы была образована феода Месопотамия. До XI в. к системе обращались изредка, а в XI в. стали усердно прилагать ее в сношениях» (Скабаланович 2004: 16). с правителями Закавказья.

Подобным образом к империи были приобщены Тарон, Васпуракан, Ширак-Анийское царство, патримоний Давида Куропалата. Несмотря на то, что передача патримония Дмитрия Анакопийского императору была обставлена как акт добровольный, царь абхазов Баграт III посчитал, что действия византийцев, по приобщению удела Дмитрия Анакопийского к империи противоречат договору, заключенному между Византией и Абхазским царством. В 1035 г., под предлогом того, что император Михаил IV Пафлагон причастен к смерти своего предшественника Романа III Аргира, Баграт III разорвал мир с империей и вернул себе ряд крепостей, ранее уступленных ромеям. Весной 1045 г. Баграт III предпринял осаду Анакопийской крепости, но взять ее не смог. Под юрисдикцию царей абхазов крепость была возвращена около 1072/3 гг.

Из вышеизложенного следует, что обеими вдовствующими царицами в период малолетства сыновей принимались важнейшие политические решения, связанные с заключением договоров с соседними государствами, установлением брачных союзов, передачей суверенитета. В научной литературе статус Мариам, в период малолетства Баграта III, чаще всего, определяют как регентство. Вместе с тем, источники не содержат указаний на официальное учреждение данного института в царстве Абхазских Багратидов. «Дело в том, что сама идея регентства подразумевала признание недееспособности монарха, что не соответствовало представлениям о государственном суверенитете» (Кром 2010: 130). Баграт, несмотря на возраст, судя по всему, признавался совершеннолетним и правоспособным. Так, в «Летописи Картли» даже его юный брат Дмитрий изображается лично осуществляющим передачу своего патримония империи: «обратился к царь Греции и передал ему Анакопию» (Летопись Картли 1982: 66). Стало быть, согласно традициям Абхазского царства, стабильность политической системы была несовместима даже с временным ограничением полномочий государя, именно он являлся единственным источником легитимной власти.

Между тем, проблема реального осуществления властных полномочий требовала решения. Их исполнение могло осуществляться ближайшим кровным родственником монарха, в данном случае, эта ответственная миссия была

возложена на мать Баграта III – Мариам, которые, отметим, не имели конкурентов в лице мужчин, но могли бы их иметь в лице абхазских царевен. Аналогичные функции в отношении царевича Дмитрия выполняла его мать Алда. На основании, уже имевшегося прецедента, особого положения Гурандухт в период правления Баграта II, участие вдовствующей царицы в управлении государством, на наш взгляд, осуществлялось в форме соправительства. В правящем тандеме де-юре царица-мать являлась младшим правителем, де-факто – власть, особенно в начальный период правления юного монарха, была сосредоточена именно в ее руках. О том, что Мариам являлась соправительницей сына свидетельствует тот факт, что на протяжении всего царствования Баграта III, она оставалась одной из самых активных и влиятельных политических фигур. Обращает на себя внимание тот факт, что в 1045 г. анийцы предпочли признать над собой суверенитет царицы Мариам, а не ее сына, царя Баграта (Картлис Цховреба 2008: 155). Важным свидетельством того, что Ани находился под непосредственным управлением царицы служит следующее сообщение летописца: «А по истечении летних дней Липарит опять начал подготавливать коварные дела. Путем обмана вывел из Аниси, от царицы, Абусера, эристава Артануджи, владетеля крепостей Хиха, Цихис-джвари и Ацкури, и эристава Иване, также Дадиани Иване [и Гуарама Годердзис-дзе, владельца Бечисцихе] и захватил их у врат Анийских» (Картлис Цховреба 2008: 156). Показательно, что в результате интриг Липарита, в 50-х гг. XI в. имперские власти удерживали в Византии не только царя абхазов, но и его мать. Разделявшая с Багратом III тяготы трехлетнего нахождения в Константинополе, царица Мариам приняла постриг. По возвращении на родину, несмотря на восприятие монашеского чина, она продолжила участие в делах управления государством. О роли Алды в политических перипетиях вокруг ее сына, по достижению им совершеннолетия ничего не известно.

Если исполняющая функции регента мать монарха – «всего лишь своего рода «депозитарий» властных прав малолетнего наследника» (Зайцева 2019: 191), то соправительница – наделена широкими полномочиями на длительную политическую перспективу. Как показывают исследователи, вдовы нередко

репрезентировались в качестве символа правящего дома, самостоятельно или совместно с сыном-правителем. Похоже, обе вдовствующие царицы отказались от повторного брака, следуя, семейным интересам и стремлением сохранить власть для сыновей. Политический вес матери правящего монарха и его сопрестольницы явно превышал возможности супруги монарха. Материнское соправительство — пик политической карьеры абхазских цариц.

2.3. Абхазские царевны как опекуны наследников престола

Обычай передачи ребенка в руки специальных лиц и воспитание его вне родительского дома известен многим народам. В средние века этот обычай приобретает аристократический характер и неукоснительно соблюдается в среде знати, в том числе и представителями правящих домов. Известия письменных источников о воспитании отпрысков монархов в Абхазском царстве носят отрывочный характер. Первое сообщение о назначении опекунов малолетнему сыну царя Баграта III датируется серединой XI в. Несмотря на то что передача малолетнего Георгия мятежнику и непримиримому врагу царя абхазов Липариту фактически носила вынужденный характер и была сопряжена с коронацией царевича в Руиси, есть основания полагать, что практика воспитания наследников престола не родителями, а избранными для этого особами существовала и ранее.

Функции и обязанности лиц, исполнявших обязанности воспитателей отпрысков правящих династий, хорошо известны по материалам исследований как европейских средневековых монархий, так и стран Востока. Поэтому недостаток письменных известий по интересующему нас вопросу может быть в известной мере восполнен сравнительно-историческими данными, касающимся этого социального института, по своему происхождению и основным чертам, аналогичного существовавшему в Абхазском царстве. Выработка необходимых будущему монарху качеств во многом зависела от воспитания, поэтому довольно рано царевич поручался заботам опекуна-мужчины, избранного из числа представителей знати, обладавшего военным и политическим опытом. В деле воспитания престолонаследников важную роль играла военная подготовка.

Однако, иногда в качестве наставников царевичей могли выступать и представители духовенства, так воспитателем Давида I являлся епископ Чкондидский, Георгий.

Представление о воспитателе как лице, имеющем особое влияние на своего питомца, во многом проистекало из-за прежде широко принятого порядка, при котором дядя с материнской стороны имел особые права по отношению к детям своей сестры и выступал их опекуном и защитником. Связь института воспитателя с авункулатом несомненна, хотя нашим средневековым источникам не отмечен ни один случай, когда пестуном наследника был его родственник по материнской линии. В основе могущества нутриторов лежало искусственное родство, придававшее кормильцу по отношению к воспитаннику влияние, аналогичное родительской опеке. События политической истории средневековья, связанные с деятельностью воспитателей наследников правящих династий, свидетельствуют, что реальное кровное родство в царских (княжеских) семьях нередко отступало на второй план перед искусственным родством, основанным на этом обычае. По мере взросления престолонаследников политическая роль и статус их наставников увеличивались, с ними росли и амбиции. Воспитатели наследника могли вступать конфликт с монархами, причем их питомцы, как правило, оказывались на стороне своих опекунов. Известно, институт «воспитателей» повсюду допускал наличие нескольких «пестунов», «кормильцев», «аталыков» у одного воспитанника. Но в их числе редко бывали женщины. Материнские обязанности, по отношению живущему в семье кормильца воспитаннику, брала на себя, как правило, супруга последнего. Данные источников, свидетельствующие о функционировании института воспитателей-опекунов наследников престола в Абхазском царстве, содержат указание на то, что в качестве таковых часто выступали сестры действующих монархов.

Первое сообщение о назначении абхазской царевны опекуном наследника престола относится к 50-м гг. XI в.: сестре Баграта III была поручена забота о племяннике Георгии. Судьба Гурандухт ускользала из поля зрения исследователей, оттененная фигурой ее тезки, матери основателя династии Абхазских Багратидов.

Между тем масштаб ее личности и политическая деятельность заслуживают пристального внимания.

Точная дата рождения царевны неизвестна, она появилась на свет в конце 10-х начале 20-х гг. XI в. Ее родителями были царь абхазов Георгий III и его супруга, дочь Васпураканского царя, Мариам Арцруни. Помимо Гурандухт, в этом браке родились еще трое детей, сын Баграт и дочери: Ката и Марфа (последняя скончалась в младенчестве). Ранняя смерть отца, перипетии начального периода царствования брата, царя абхазов Баграта III, вовлеченность ее матери в управление государством не могли не оказать влияния на формирование личности Гурандухт.

В период малолетства Баграта III, клдекарский воевода Липарит приобрел большое влияние. Умелый управленец, отважный военачальник, чей отец погиб, сражаясь в рядах войск Георгия III против византийцев, вступил в конфликт с сюзереном. В 30-х начале 40-х гг. XI в., заручившись поддержкой имперских властей, заинтересованных в ослаблении Абхазского царства, он дважды предпринимал попытки возвести на трон младшего брата Баграта III – Дмитрия. Последний, еще 1033 г. передал свой патримоний – Анакопийский удел, империи. По данным анонимного автора «Летописи Картли», действия Липарита внесли раскол «...в людей царства этого: одних привел к послушанию Дмитрию, другие же остались верны Баграту» (Летопись Картли 1982: 69). После смерти Дмитрия в 1042 г. Липарит продолжил борьбу против центральной власти. В битве при Сасирети царь потерпел поражение от войск мятежного вассала. Он утратил контроль над так называемыми «верхними землями», где укрепились позиции Липарита. В 1048 г. клдекарский воевода отправился на помощь имперскими военачальниками Аарону и Катакалону Кекавмену, выступившим против тюрок-сельджуков. В сражении при Капетре Липарит попал в плен. При содействии императора Константина IX Мономаха он был отпущен сельджуками, но за время отсутствия Липарита, Баграт предпринял энергичные меры по возвращению под свой скипетр утраченных территорий, более того, ему покорился Тбилиси. «Летопись Картли» сообщает: «После этого вышел Липарит из турецкого плена и

вступил в Ани. Покинул БаграТ Тбилиси из-за Липарита, обогнул Картли и явился в Джавахети. Усилился Липарит, ибо пострадал за службу греческому царю; пошел в Грецию, встретился с царем греческим и привлек силы его. И не в силах был БаграТ ему противостоять» (Летопись Картли 1982: 70).

Царь абхазов вновь утратил контроль над «верхними землями». Согласно армянскому автору Вардану Великому, Липарит после освобождения из сельджукского плена с помощью византийских войск «схватил царя Багарата (Баграта – Авт.), отправил к императору и сам завладел всею страню» (Вардан 1861: 125). Однако это сообщение не подтверждается грузинскими и византийскими источниками. Так, Иоанн Скилица, отмечал, что «... Панкратий, пройдя через реку Фазис, сванов, колхов, пришел в Трапезунт; оттуда послав вестников, сообщил императору, что он хочет идти в Византий и с ним самим говорить» (Ioannis Scylitzae 1973: 448). По «Летописи Картли», приняв решение отправиться в Константинополь, БаграТ оставил своего сына Георгия в «Кутатиси царем Абхазии» (Картлис Цховреба 2008: 157). Надо полагать, что малолетний Георгий был венчан на царство в качестве соправителя отца.

Неизвестно вынашивали ли византийцы планы по приобщению к империи земель, находившихся под властью Липарита. Несмотря на то, что последний был их союзником, носителем высокого титула «магистра», а по некоторым данным, «куропалата», его могла не устраивать перспектива превращения «верхних земель» в византийскую фему. С другой стороны, клдекарский воевода не имел законных оснований на осуществление верховной власти на той части территории Абхазского царства, которую он контролировал, поскольку не принадлежал к правящей династии, а знать так называемых «верхних земель», скорее всего, уже не мыслила себя вне державы Абхазских Багратидов. Поэтому Липарит вступает в переговоры с ближайшим окружением малолетнего сына и соправителя царя абхазов Баграта III. Он предлагает передать власть над «верхними землями» Георгию, с условием проведения коронации в Руиси. Себе Липарит отводил роль воспитателя царя, по сути, регента. Этот план не соответствовал интересам Абхазских Багратидов, поскольку речь шла о попытке легитимации раскола

страны. Решение о передаче Георгия на воспитание мятежному воеводе не могло быть принято без согласия царя. Находясь в Константинополе, Баграт испытывал давление со стороны имперских властей, явно благоволивших Липариту. Сознавая, что отказ может грозить военной акцией со стороны могущественного вельможи, возможно и в союзе последнего с византийцами, царь и его сторонники вынуждены были дать согласие. Летописец сообщает: «Назначили воспитателем Липарита, а попечительницей – сестру Баграта, царицу Гуарандухт» (Картлис Цховреба 2008: 157). Таким образом, одновременно с де-факто регентом Липаритом, Георгию был определен опекун, им стала сестра его отца, царевна Гурандухт. Факт отделения регентства от опеки, не получил в научной литературе, сколько-нибудь пространного комментария. Учреждение института регентства предполагало создание правового механизма, обеспечивающего переход части властных полномочий, царских прерогатив к знатному вельможе. Создание таковых требовало больших усилий. По меткому наблюдению М. М. Крома, «не только в эпоху раннего Средневековья, но и много позднее регентство повсюду в Европе не имело прочных правовых оснований, и его конкретные формы в тот или иной момент определялись соотношением политических сил в данной стране» (Кром 2010: 166). Естественно, получение дополнительных полномочий главой одного из аристократических кланов неизбежно порождало ропот и недовольство в среде элиты и было чревато серьезными политическими потрясениями. По этой причине от регентства нередко отделялась опека над личностью монарха как самостоятельный институт. Принцип, по которому, должности регента и опекуна короля не могут объединяться в одном лице встречается в практике западноевропейских монархий (Кром 2010: 165). Таким образом, предусматривалось различие между «делами государственного управления» и «опекой, охраной и воспитанием малолетнего монарха»: первая функция поручалась мужчине, что касается второй, то предпочтение зачастую отдавалось женщине, находящейся в близком родстве с монархом. Обязанности опекуна малолетнего Георгия IV были возложены на его тетку Гурандухт, в обход матери – Борены.

Рассказывая об этих событиях, автор «Летописи Картли» впервые дает пространную характеристику представительницы правящей династии: «Была (Гурандухт) исполнена всех благ, прекрасная на вид, умна, щедра, ревностно исполняла богослужение» (Картлис Цховреба 2008: 157). Аноним идеализирует абхазскую царевну, представляя ее обладательницей всех качеств желательных для высокородной женщины. Отметим, что имени Гурандухт предпослан титул «царицы».

Хотя малолетний Георгий был поручен Липариту и Гурандухт их политические планы различались. Согласно «Летописи Картли», Липарит прикладывал усилия к тому, чтобы пребывание Баграта III в Византии продлилось как можно дольше. Несмотря на то, что император Константин Мономах покровительствовал Липариту, Гурандухт включилась в дипломатическую борьбу за возвращение Баграта на родину. Анонимный летописец сообщает, что именно стараниями абхазской царевны ее брату удалось вернуться в Абхазию. Подробности переговоров Гурандухт с имперскими властями, к сожалению, не освещены источниками. Но, не располагая обширными связями в Константинополе, контактами в среде придворной знати трудно было найти рычаги воздействия на василевса и его окружение, на равных противостоять Липариту. Известно, что по приезду Баграта III в Абхазию, в 1056 г. ко двору императрицы Феодоры в качестве заложницы была отправлена его дочь Марта (Марфа). Факты пребывания знатных заложников с Кавказа при византийском дворе хорошо известны, среди них могла быть и Гурандухт. Именно длительным нахождением ее в столице империи, знанием византийского закулисья можно объяснить дипломатический успех абхазской царевны. Заслуги Гурандухт не преминул отметить летописец.

Прибытие царя на родину описано автором «Летописи Картли» как масштабное, грандиозное событие: «Все войско вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря, в Хупати. Была радость большая, возносили Богу благодарность, соблаговолил (царь) и вошел в столицу свою, в Кутатиси» (Картлис Цховреба 2008: 157).

Однако противостояние Баграта III с Липаритом продолжалось. Летописец отмечает: «Непрестанно росли силы Липарита в Верхних землях и возлюбили его в Хорасане султан Доглубег, а в Греции – царь греческий. Растил он Георгия – младшего сына Баграта – именем царским. Баграт же владел землями, расположенными ниже Лихи» (Летопись Картли 1982: 71). Гурандухт оставалась рядом со своим воспитанником Георгием.

И все же возвращение царя абхазов Баграта из Константинополя способствовало изменению ситуации. Среди знати восточной части государства возобладало желание избавиться от власти Липарита. В 1058 г. Сула Калмахский, проявив беспримерную решительность, сумел взять в плен, уверенного в непоколебимости своего положения могущественного вельможу. Вместе с Липаритом был пленен и его сын Иванэ, другому сыну, Ниании удалось бежать. Сула, срочно отправив вестников в Кутаиси, сообщил царю о захвате его противника и просил срочно прибыть в Джавахетию. В это время сын Баграта, Георгий, вместе с опекавшей его царевной Гурандухт находился в Гртила, «и как только узнали о пленении (Липарита – Авт.), засели в Ахалкалаки и дожидались Баграта в Султа» (Картлис Цховреба 2008: 157), сообщает летописец. Противник царя абхазов был повержен. Потерпев поражение, Липарит принял постриг и удалился в Византию, где скончался в 1060 г. Его сына Ивана царь помиловал. Политический кризис в Абхазском царстве завершился победой царя, попытка учреждения короны «царя картвелов» провалилась.

В последующие годы Гурандухт не утратила своего влияния и наряду с матерью, царицей Мариам входила в ближайшее окружение царя Баграта III. Повествуя о стремительном рейде сельджуков во главе с Алп-Арсланом в Триалетию, летописец отмечал: «А в это время царь с матерью, сестрой и сыном шел из Тао, и стояли они в Хекребулта. И в то время, когда отправлялись, напало на них войско султана, прибыли и заняли хребет. Но они успели спуститься в Картли» (Картлис Цховреба 2008: 158). В неназванной по имени сестре Баграта надо полагать Гурандухт, тем более упоминание о сестре царя предпослано имени Георгия, ее воспитанника.

Гурандухт ушла из жизни раньше своего царственного брата. Летописец передает предсмертные слова Баграта обращенные к матери: «Мать, жалко мне тебя за то, что все рожденные тобой ушли раньше тебя...» (Картлис Цховреба 2008: 162). Известно, что царь абхазов скончался в ноябре 1072 г.

Традиция, согласно которой сестры монархов принимают участие в воспитании наследников абхазского престола, прослеживается вполне определенно и в дальнейшем. Так, наставницей Георгия V была его тетка, сестра царя Дмитрия IV. Летописец сообщает, что после взятия Ани, «сам он (Георгий V – Авт.), светлоликий, явился сперва к воспитательнице своей, царице цариц Тамар, которая омыла лицо свое слезами, а потом в радости превеликой, он, неосрамленный и мужественный, встретился с супругой своей» (Картлис Цховреба 2008: 247). Сестра Георгия V, Русудан взрастила своих племянниц Тамар и Русудан. Источники именуют ее воспитанником и Давида Сослана, супруга царицы Тамар: «А был сын осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, юноша прекрасный по наружности...» (Картлис Цховреба 2008: 306). Наставницей отпрысков царственной четы Тамары и Давида Сослана стала сестра государыни. «Дочь царя Георгия и сестра Тамар – царевна Русудан была богоугодной и милосердной, утешала и призревала нуждающихся, была воспитательницей младенцев и сирот, достойные из коих оставались при ней с царскими детьми» (Картлис Цховреба 2008: 215). Дочь царицы Тамар, Русудан воспитывала незаконного сына своего брата Георгия Лаши, Давида: «Отрока сего он отдал на воспитание сестре своей Русудан, которая была единокровной дочерью Тамар» (Картлис Цховреба 2008: 333), сообщает летописец.

Интересно, что высокородные женщины выступают опекунами как племянниц, так и племянников. Выбор в качестве пестуны юной царевны сестры отца выглядит вполне оправданно. Назначение тетки покровительницей царственного племянника ставит вопрос о детерминированности данного решения. Передача на воспитание наследника престола была одной из форм развития вассалитета. Подкрепление связей между сюзереном и вассалом путем установления искусственного родства представляло определенную ценность как

для первого, так и для второго. Прав на воспитание царского отпрыска добивались, а иногда и присваивали их, как в случае с Липаритом, наиболее могущественные представители знати. Наряду с теткой по матери, царевной Русудан, наставником сына Тамар Георгия Лаши являлся влиятельный вельможа Иванэ Мхаргдзели.

Опекун царевича получал значительное политическое влияние и в этом таилась большая опасность. Между кормильцем и его воспитанником устанавливались отношения, аналогичные отношениям между отцом и сыном, что нашло отражение на страницах летописей. Так, автор «Жизни царя царей Давида» свидетельствует: «Тогда, во время пребывания в Осетии, скончался Георгий Чкондидели, с юных лет взявший на себя служение патрону и [его останки] были перенесены с великими почестями в новый монастырь и погребены там; все царство и сам царь оплакивали его как отца и даже более чем отца: в течение сорока дней, до рождения Вахтанга, носили траурные одежды; получив же эту благую весть, траур прекратили» (Картлис Цховреба 2008: 199).

Для соблюдения баланса сил и интересов, обязанности опекуна по отношению к наследнику брало на себя и лицо, связанное с ним кровным родством, его тетка со стороны отца. Вероятно, в первые годы жизни он поручался именно ее заботам, затем к его воспитанию присоединялся и нутритор-мужчина. Источники свидетельствуют, что абхазские царевны ходили за своими воспитанниками, последние могли проживать или подолгу находиться у них.

Переданного под опеку Липарита, сына царя Баграта III мы видим подле сестры отца: «А Гуарандухт и Георгий, сын Баграта, находились в Гртила, и как только узнали о пленении (Липарита – Авт.) засели в Ахалкалаки и дожидались Баграта в Султа» (Картлис Цховреба 2008: 157). Вернувшаяся на родину после смерти супруга, дочь царя Дмитрия IV Русудан была наставницей своих племянниц: «...Тамар находилась у нее, у своей тетки, вместе со своей сестрой, которая тоже носила имя «Русудан» (Картлис Цховреба 2008: 303). Свидетельствуя о последней, как воспитательнице отпрысков венценосной сестры, летописец сообщает, что царские дети находились при ней (Картлис Цховреба 2008: 215).

Абхазские царевны оказывали покровительство племянникам, не только в период малолетства, но и в зрелом возрасте. Наравне с воспитателем-мужчиной они выступают руководителями их первых шагов на политическом поприще. После вступления воспитанника на престол, его наставница приобретала особые привилегии, входила в ближний круг молодого монарха, становилась его советчиком.

Летописец сообщает, что «исполненная всякой мудрости, Русудан распоряжалась во дворце» (Картлис Цховреба 2008: 263) своей венценосной племянницы. Именно к ней, наряду с высшими церковными иерархами обращаются участники мятежа Вардана Дадияни, которые «...раскаялись в преступлении ... просили посредничества самой царицы Русудан, католикоса и прочих епископов с придворными чинами» (Картлис Цховреба 2008: 266).

Наиболее важные судьбоносные решения в жизни царицы Тамар принимаются при непосредственном участии ее тетки Русудан. Устройство как первого, так и второго брака царицы происходило с согласия ее воспитательницы. Оба историка Тамар единодушны в том, что возражения государыни против кандидатуры княжича Юрия не были приняты в расчет: «Русудан и военные настояли на своем, выудили у нее согласие и устроили свадьбу» (Картлис Цховреба 2008: 259), «Собрались перед царицей Русудан и, по единогласному решению, отправили какого-то человека в русское царство, ввиду принадлежности русских племен к христианству и православию...Собрались перед царицей Русудан патриарх и дидебулы, спаспеты и эриставы, дали знать Тамар, предлагали ей соединиться брачными узами, торопя ее в этом» (Картлис Цховреба 2008: 305). Союз Тамар и Юрия оказался неудачным и был расторгнут, «...царица Русудан и все князья изгнали его (Юрия – Авт.)...» (Картлис Цховреба 2008: 306).

Вторым супругом Тамар стал Давид Сослан, которого летописец называет воспитанником ее тетки. Личность и происхождение второго мужа царицы вызывают дискуссии. Ряд авторов, упоминающих Давида Сослана, ничего сообщают о его происхождении, указывают лишь на этническую принадлежность супруга царицы. «Абхазская хроника» под 1189 г. свидетельствует, что «в этом

году воцарился Давид Оссъ» (Жордания 1902: 17). Армянский историк Вардан Великий свидетельствует, что Тамар вышла замуж «за оса Аслана (Сослана – Авт.), который наполнил Иверию пленными и добычею, взятыми у Турок» (Вардан 1861: 171). Второй историк царицы Тамары – Басили Эзосмодзгвари, именует Давида Сослана сыном осетинского царя (Картлис Цховреба 2008: 306). Осетином, отпрыском «древа Ефремова» называет его поэт Чахрухадзе (Чахрухадзе).

Некоторые источники содержат информацию о родственных связях Тамар и Давида Сослана. По данным армянского ученого Мхитара Гоша, «Тамар, дочь царя Георгия, разошлась с первым мужем, русским царевичем и вышла замуж за человека из Аланского царства, ее родственника со стороны матери, по имени Сослан, которого после воцарения назвали и Давидом» (Мурадян 1969: 130). В «Летописи времен Георгия Лаши» говорится, что Давид, супруг Тамар, был царем осетин, из рода Багратионов (Картлис Цховреба 2008: 215).

Наиболее развернутый текст, касающийся Давида Сослана содержит «История и восхваление венценосцев», согласно которой, второй супруг царицы Тамар «доводился Русудан родственником по линии ее тетки, дочери отца ее Давида, выданной замуж в Осетии, она, Русудан, привезла его к себе на воспитание. Приезжавшие туда или оттуда видели, что юноша этот, – по отцу и матери царского происхождения» (Картлис Цховреба 2008: 215).

Чтобы увязать Давида-Сослана с домом Багратионов, Вахушти сконструировал чрезвычайно сложную генеалогию, согласно которой супруг Тамар являлся представителем боковой, осетинской, ветви царской династии, прямым потомком Георгия III и аланки Алды: «Этот Давид происходил от Димитрия, сына царя Георгия, которого упомянули прежде, так как у Димитрия в Анакопии, в Абхазии, остался сын и он вместе с бабкой бежал в Осетию. Тут, усыновленный, женился на дочери царя овсов и сын его, находившийся в Осетии с отцом, был назван царем овсов» (Вахушти 1973: 176). Созданная по династическим соображениям, генеалогическая схема Вахушти Багратиони, была принята большинством грузинских историков.

Однако веских оснований считать, что Давид Сослан состоял в родстве по материнской или по отцовской линиям с Абхазскими Багратидами нет. Источники не содержат прямых данных об установлении брачных связей с Осетией в период правления Давида I. По справедливому замечанию Ю. Гаглойты, «обращает на себя внимание то обстоятельство, что летописец (автор Истории и восхваления венценосцев – Авт.) не называет Сослана сыном тётки Русудан и не говорит, за кого была выдана замуж дочь Давида Строителя. Это, конечно, не случайно. Будь действительно Давид Сослан потомком Давида Строителя, летописец вряд ли упустил бы возможность отметить столь любопытный факт» (Гаглойты 1969: 120-127). Приписки о принадлежности Давида-Сослана к Багратидам содержатся только в послевахтанговских (Вахтанга VI – Авт.) списках (за исключением списка царевича Теймураза) XVIII в. Таких дополнений нет в списках «Жизни Картлии» («Картлис Цхобреба») XVII в.

Г. Д. Тогошвили писал: «Сам Вахтанг VI, отец Вахушти Багратиони, в 1703 г. составил генеалогическое древо Багратионов, начиная с библейского Якова (Багратиони своим родоначальником считали сына Якова — еврейского царя Давида) и кончая своими сыновьями. Вахтанг показывает и боковые ветви Багратионов, однако, хотя на генеалогическом древе указан и Димитрий, на нем обрывается эта ветвь. Это указывает на отсутствие у Вахтанга данных о том, были ли потомки у Димитрия и об их дальнейшей судьбе» (Тогошвили 1990: 15). По мнению В. И. Абаева, появление искусственной генеалогии супруга царицы Тамар было продиктовано тем, что происхождение Давида Сослана, во времена Вахушти, казалось недостаточно знатным «и никак не оправдывало того, чтобы он стал мужем Тамары. Брак, который был равным в XII в., стал в XVIII в. казаться браком неравным, мезальянсом... Надо было задним числом исправить положение... Снять с царицы пятно мезальянса — вот та высокая цель, ради которой Вахушти и его последователи не остановились перед тем, чтобы «исправить» исторические факты» (Тогошвили 1990: 104). Предлагая Сослана в супруги Тамар, ей говорят: «Видит царское твое величество, что в жизни твоей проявляется промысл божий; в самом деле, сколько витязей, — сынов властителей греческих, римских, султанских,

скифских, персидских и осских, – добивалось [счастья быть супругом твоим], но они, по справедливости, отвергнуты были все, потому что не было на это повеления божья» (Картлис Цховреба 2008: 263). В случае с первым замужеством Тamar, выбор в пользу Юрия был сделан не только в силу его принадлежности к высокому роду и христианской вере, но и по причине его положения изгнанника. Последнее обстоятельство ставило его в зависимость от местной политической элиты. Знать была заинтересована в том, чтоб и второй муж царицы не мог рассчитывать на поддержку вне пределов царства. Поэтому при наличии нескольких кандидатов на руку царицы, чье знатное происхождение не вызывало сомнений, предпочтение было отдано Давиду Сослану, явно не отличавшегося именитостью. Историки царицы Тamar лишь упоминают о благородности крови ее супруга, обходя молчанием вопросы, связанные с его предками (приписки на полях не в счет), не сообщают конкретных сведений о его родителях. Между тем источники неоднократно называют Давида Сослана воспитанником царевны Русудан. Г. Д. Тогошвили, посвятивший Давиду Сослану отдельное исследование, сомневался в том, что последний, с малолетства рос под опекой тетки Тamar и давно был знаком с будущей супругой. Аналогичную позицию занимал и С. С. Какабадзе (Какабадзе 1966: 110). Действительно, автор «Истории и восхваления венценосцев» сообщает, что после заключения брака с царицей, Давид Сослан в течение одного года проходил обучение и «превзошел всех в умении метать стрелы, наездничать, упражняться на арене, плавать, в книжном учении и, как это видно и сегодня, во всем этом он превзошел всех отечественных своих учителей и соучеников, а что касается чужеземцев, среди них не являлся подобный ему» (Картлис Цховреба 2008: 263). Трудно предполагать, что с детства проживавший при царском дворе, юноша не успел завершить обучение и получить необходимые навыки в военном деле и иных науках ко времени вступления в брак. Неясно почему кандидатура Сослана не была предложена изначально его попечительницей, а напротив, Русудан настаивала на вступлении племянницы в брак с русским княжичем. По мнению Г. Д. Тогошвили, Давид Сослан был одним из представителей осетинской знати, выступавших претендентами на руку Тamar еще до первого ее замужества.

Об этом сообщает один из историков Тамар, добавляя, что «намерение их осталось тщетным» (Картлис Цховреба 2008: 259). «На такую мысль наводит приведенное историком место из «Псалма» в связи с вступлением в брак Тамар и Сослана-Давида: «Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего, но сам господь взял меня и помазал меня елеем помазания своего» (Тогошвили 1990: 54). После изгнания Юрия мог вновь попытать счастья.

Парсадан Горгиджанидзе, автор XVII в. отметил, что, когда встал вопрос о втором замужестве Тамар, ей показали сына осетинского государя, красивого, статного человека, по отцу и матери высокородного. Тамар понравился жених. Тетка Тамар Русудан привела Сослана-Давида в царскую палату, они полюбили друг друга» (Тогошвили 1990: 18). В силу осетинского происхождения царицы Бурдухан, логичным представляется прибывание при дворе Абхазских Багратидов ее соотечественников, их числе и Давида-Сослана. Последний, либо в качестве знатного заложника, либо родственника супруги Георгия III, а возможно, жаждавшего военной славы, витязя оказался в ближнем кругу царицы Русудан. Даже будучи представителем аристократического осетинского клана, Давид-Сослан, судя о всему, был недостаточно родовит для Тамар и этот недостаток мог быть компенсирован за счет объявления его воспитанником царицы Русудан. Опека со стороны тетки царицы, представительницы правящей династии возвышала Давида-Сослана, сообщала ему необходимую степень знатности и делала его вполне приемлемой кандидатурой в мужа государыни, как для политической элиты, так и для широких слоев населения.

Объявление Давида-Сослана воспитанником Русудан означало для него обретение значительного политического капитала. Ведь наследник престола, как правило, являлся питомцем абхазской царицы и находился под ее покровительством. Указанное обстоятельство позволяет дать удовлетворительную интерпретацию одной из строк поэмы Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Воспевая монарха в эпилоге сочинения, автор восклицает: «Для царя Давида солнце было ласковым патроном...» (Перевод Ш. Нуцубидзе). У исследователей творчества Ш. Руставели и особенно переводчиков вызывало

затруднение толкование этого отрывка. Кого автор именует «солнцем», ставшим «ласковым патроном», а если быть точным «воспитателем», Давида-Сослана? Ш. Нуцубидзе отмечал, что неправильное понимание слова «сареблад» («sareblad» – для воспитания – Авт.) ввергло некоторых руствелологов в курьез, когда, не представляя Тamar воспитателем своего мужа, они под лучом (солнцем) стали подразумевать дочь Тamar — Русудан (Тогошвили 1999: 111, прим. 24). Как нам представляется, речь идет о царице Русудан, тетке царицы, являвшейся покровительницей Давида Сослана. Вполне традиционно выглядит сравнение царской особы со светилом (солнцем, солнечным лучом), но возможно, сравнение несет и дополнительную коннотацию, связанную со значением имени Русудан – «светлая», «лучезарная».

Политический статус цариц, их роль как воспитательниц наследников престола – одна из особенностей абхазской монархии. Привилегированное положение женщин правящей семьи проистекало как из пережитков материнского права, так и из чисто династических причин. Поскольку, согласно источникам, порядок престолонаследия, действовавший в Абхазском царстве, предполагал возможность наследования не только по прямой, но и по коллатеральным линиям, престол мог перейти как к старшему сыну монарха, так и к его братьям и племянникам, в том числе, сыну сестры. К примеру, абхазская корона была унаследована Багратам Багратиони от дяди по матери, Феодосия III. Передача на воспитание своей сестре наследников престола, позволяла монархам исключить возможность передачи прав на престол по материнской линии. Взятая опеку над племянником или племянницей, тетка по отцу заменяла им мать. В случае ранней смерти монарха, при восшествии на престол юного наследника (наследницы), наиболее желательным виделся сценарий, при котором его опекуном или соправителем являлась бы представительница правящего рода. Именно он был реализован при воцарении Тamar. Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» отмечает, что после восшествия на престол племянницы, ее воспитательница «царица Русудан была уравнена [с нею]» (Картлис Цховреба 2008: 256). Таким образом, тетка и опекун венценосицы стала ее соправительницей.

Выбор сестры отца в качестве наставницы племянников, наш взгляд, свидетельствует о том, что представительницы правящих династий Абхазского царства располагали значительным влиянием и авторитетом. Дочери абхазских монархов особо выделяются повествователями, и неизменно именуются ими царицами, причем как до, так и после замужества, даже если их супруг не являлся обладателем царского титула. Абхазские царевны действуют в пространстве летописания не только как дочери, сестры или супруги монархов, но прежде всего, как мудрые наставницы наследников.

Можно сделать вывод о том, что представительницы правящей династии: матери, супруги и дочери монархов располагали весьма обширными социальными капиталами. Играя важную роль в установлении политических связей, в трансляции власти, в передаче «крови», они имели возможность достаточно активного участия в управлении страной не только в форме негласного влияния, «закулисных» интриг, но и в виде соправительства или опекуна.

2.4. Царственные монахини

Религия была существенной составляющей жизни средневекового общества, во многом определявшей психологию и мировоззрение людей. В первые века распространения христианства появился феномен монашества. Он возник на Востоке, в Египте. Начиная с IV в., формируются два основных типа иноческого существования: отшельничество и киновия. Зачинателем первого являлся Антоний Великий, учредителем общежительного монашества – Пахомий Великий. «Женская аскетическая традиция древнего христианства, развивавшаяся параллельно с мужской, закономерно привела к возникновению женского монашества на ранневизантийском Востоке» (Рышковская, Болгов 2014: 53). Старейший женский монастырь около 329 г. основал для своей сестры св. Пахомий. Ко времени Халкидонского собора (451 г.) монашество было уже и общепризнанным идеалом, и институтом, который был признан как соборными постановлениями, так и имперским законодательством. Возникновение женского монашества тесно связано с почитанием Девы Марии. В течение IV–V вв.

складывается культ Богородицы, который, по сути, реабилитировал сошедшее на нет, с установлением епископата, женское служение в церкви.

Византийские императоры покровительствовали монашеству. Уже в период правления Константина I было построено 15 монастырей. В ранневизантийское время женами и дочерьми императоров, представительницами аристократических семейств было основано множество женских обителей, часто монастыри получали имена святых покровительниц их основательниц. Золотым веком монашества стало царствование Юстиниана I. Он заботился не только о строительстве новых обителей, но и поновлении действовавших религиозных центров. По приказу его супруги императрицы Феодоры, был учрежден монастырь для кающихся женщин (Монастырь Покаяния) (Марен 2022: 9). Приемники Юстиниана, вплоть до прихода к власти в Константинополе Исаврийской династии, вели широкое монастырское строительство.

Вопрос о времени появления монастырей и возникновении монашеской жизни в Абхазии пока не находит ответа. Учитывая многовековые связи с империей, зависимость абхазских этнополитических образований от Византии, а также подчиненность, основанной не позднее второй половины VII в. Абасгской автокефальной епархии с центром в Севастополе, Константинопольскому патриархату можно полагать, что, во многом, вектор церковной жизни Абхазии был задан и синхронизирован с господствующими в державе ромеев тенденциями. Но если функционирование монастырских центров на территории Абхазии в ранневизантийское время и могло иметь место, то в период иконоборчества по ним был нанесен серьезный удар. На наш взгляд, Абхазию не обошла волна иконоклазма.

Прямых сведений о состоянии религиозной жизни в Абхазии в период господства императоров-иконоборцев нет. Косвенным, но весьма красноречивым свидетельством того, что местное духовенство разделяло политику официального Константинополя в отношении икон, может служить тот факт, что Иоанн Готский был рукоположен в сан епископа в Иберии, т.е. в Картлии. Об этом эпизоде повествуется в «Житие» святого: «... православные (люди) Готфии, чтобы не

приобщаться к нововведениям беззаконного собора, но обретаясь без пастыря, предложили этого самого преподобного Иоанна (для выбора) на должность пастыря. Он же, прежде этого отправившись в Святой град (и) обойдя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года. Тогда только жители Готфии (Готии) послали его в Иверию, к кафолическому престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру. По этому поводу он писал через Лонгина, дьякона своего, патриарху Иерусалимскому, чтобы созвать собор и послать ему определение веры» (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 11-12). Древнейшая версия «Жития Иоанна Готского» была составлена в период правления императора Никифора I Геника (802-811) и патриаршества Никифора I (806-815), между 806 и 811 гг., лицом (или со слов лица), хорошо знавшего ситуацию в Таврике и прекрасно осведомленного о перипетиях жизненного пути епископа. В связи с чем, исследователями высказано мнение, что автором «Жития» мог быть ученик святого – Лонгин (или, что более вероятно, текст писался в Амастриде со слов Лонгина) (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007: 23).

Учитывая место и время составления агиографического сочинения, чрезвычайную информированность ее автора, не вызывает сомнений тот факт, что Иоанн был рукоположен в Картлии. Под «Иберией» византийских источников подразумевалась область Восточного Закавказья, в данном случае, единственно Картлия. Подтверждение этому находим в «Житие Георгия Святогорца». В беседе с Антиохийским патриархом святой отмечает: «Святый владыко, <вы>, которые нас незнающими и легкими видите, а себя мудрыми и тяжкими сделали, было время, что во всей Греции не сыскать было православия, и Иоанн, готский епископ, в Мцхета был рукоположен в епископа, как написано в Великом Синаксаре» (Житие и гражданство 1997: 286). Если Абасгская автокефальная епархия, в означенный период, не была бы поражена иконоклазмом, то не возникла бы необходимость отправки Иоанна в далекую Иберию. Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты, находившиеся под властью мусульман, иконоборчество не затронуло. Не желая рукоположения в церкви,

подчиненной Константинополю, Иоанн выбирает Мцхету как религиозный центр, глава которого, пребывал в подчинении Антиохийского патриарха.

Находящиеся у власти в Абхазском княжестве, Аносиды были связаны родственными узами с Исаврийской династией. Византийский император Константин V Копроним и глава Абхазского княжества были женаты на представительницах правящего дома Хазарского каганата. Это обстоятельство могло иметь важное значение в поддержке религиозных реформ, проводившихся Константином V. В середине VIII в. Абхазское княжество следовало в фарватере имперской политики. Выказывание лояльности политической не могло сочетаться с оппозицией к делам церковным. Поэтому, надо полагать, что события периода иконоклазма отразились на институте монашества в Абхазском княжестве

Стоит отметить, что иконоклазм был преодолен самим клиром Константинопольского патриархата. Этапным событием стал VII Вселенский Собор, который был созван в мае 787 г. в городе Никее. В его работе участвовал глава Абасгской епархии архиепископ Константин. Он поставил свою подпись под, составленным по окончании седьмого заседания Собора, заключительным актом, провозгласившим восстановление иконопочитания. Известно, что второе десятилетие IX в. ознаменовалось в Византии возобновлением политики иконоборчества. Новый этап иконоклазма был инициирован Львом V Армянином. Пришедший к власти в 829 г. император Феофил, воспитанник видного идеолога иконоборчества, Иоанна Грамматика, жестоко преследовал почитателей икон. Но на этот раз абхазское духовенство поддержало иконопочитание. Возврат светских и духовных властей Византии в начале IX в. к политике иконоборчества противоречил постановлениям VII Вселенского собора, что дало удобный повод абхазскому духовенству выйти из подчинения Константинопольского престола. В новых политических реалиях его позиция претерпела изменения, ведь теперь церковники действовали в условиях независимого Абхазского царства. Около 830 г. был учрежден Абхазский католикосат (Сообщения 1986: 34). С обретением самостоятельности политической необходимо было обрести независимость церковную. Военные экспедиции императора-иконоборца Феофила против

Абхазского царства также не способствовали поддержке его религиозной политики.

19 февраля 842 г. в Византии иконопочитатели отпраздновали окончательную победу над ересью иконоборчества величественным богослужением в храме Святой Софии в Константинополе.

Вместе с торжеством иконопочитания в Византии началось восстановление монастырей и возрождение монашества. Сведения о возобновлении монашеской жизни в Абхазском царстве содержатся в «Житии Григория Хандзтийского» и относятся к первой половине IX в. Деятельность видного монаха-подвижника была тесно связана с Тао-Кларджетией. Он был близок к правящему дому Багратидов Тао, являлся духовным наставником Ашота Куропалата и его сыновей. В «Житие Григория Хандзтийского» повествуется о попытке организации обители на территории Абхазского царства. Согласно агиографу, сподвижники святого, Феодор и Христофор, питавшие «в сердце божественную ревность к построению монастыря» (Георгий Мерчуле 1982: 132), тайком отправились в Абхазию, где были приняты царем Дмитрием II. Григорий последовал за своими учениками и, получив аудиенцию у монарха, потребовал выдать ему беглецов. Георгий Мерчуле подробно описывает встречу святого с Дмитрием II, в ходе которой Григорий высказывает свое недовольство действиями царя. Подобная модель взаимоотношений святых и светской власти часто присутствует в житийной литературе. Вместе с тем нельзя исключать, что агиограф передает отголоски реальных событий, связанных с организацией монашеской жизни в Абхазии. Возможно, Григорий и его сподвижники предприняли попытку основать обитель на территории Абхазского царства, но столкнулись с определенными трудностями. В этой связи, интересен пассаж о выборе места для основания монастыря: «Они обошли места, представлявшиеся удобными для постройки монастыря, но не понравились они святому, и он сказал царю: «в этой стране нет ни земли, ни воды, чтобы можно было строить монастырь, ибо талант монаха – пост, а на такой земле нельзя поститься от (злокачественных) испарений в убийственный зной» (Георгий Мерчуле 1982: 134). Препятствия, возникшие в деле организации монастыря,

агиограф пытается заретушировать, ссылаясь на невозможность осуществления иночества по причине непригодности климата. Но уже само прибытие монахов из Тао в Абхазию, с целью основания обители, может быть объяснено осведомленностью о состоянии монашеского движения в царстве Леонидов, которое позволяло хандзтийской братии надеяться обрести здесь широкое поле для деятельности. Надо полагать, что действия Григория и его сподвижников вызвали негативную реакцию со стороны абхазского духовенства. Приход пустынников из Тао с целью организации обители, расценивался как посягательство на территорию подведомственную Абхазскому католикосу. Строительство же монастырей без ведома главы ближайшего епархиального центра было запрещено четвертым правилом Халкидонского собора. Отметим, местность Убе, где Григорием все-таки был основан монастырь, находилась в Аргвети, в самой восточной провинции Абхазского царства, на границе с Картлией.

Примечательно и то, что настоятелем обители стал некий Илларион, прибывший из Иерусалима старец, а не представитель хандзтийской братии. Георгий Мерчуле сообщает, что строительство монастыря произошло с согласия абхазского царя и при его участии: «Властитель же исполнился радости от построения монастыря, сделал много пожертвований на его постройку...» (Георгий Мерчуле 1982: 134). Обращают на себя внимание слова, вложенные агиографом в уста Дмитрия II: «Да исполнит Господь и желание моего сердца, ибо в душу мою запала мысль построить монастырь впервые» (Георгий Мерчуле 1982: 133-134). Нельзя утверждать наверняка, идет ли в данном отрывке речь о монастыре в Убе как первом религиозном центре, основанном в правление Дмитрия, либо как о первой обители, учрежденной в Абхазском царстве после периода иконоклазма. Но, без сомнения, перед нами самое раннее свидетельство о создании мужского монастыря на территории Абхазского царства и относится оно к первой половине IX в. Сообщение о действовавшей женской обители датируется серединой того же столетия.

Первый известный пример женского монашеского пути в Абхазии показала супруга тао-кларджетского правителя Адарнасе Багратиони, особа,

принадлежавшая к династии Леонидов. Мирское имя абхазской царевны при письменной фиксации искажено, в схиме она приняла имя Анастасия. О ее судьбе также повествуется в «Житии Григория Хандзтийского». По данным автора агиографического сочинения Георгия Мерчуле, Анастасия являлась дочерью царя Баграта Шаройского. Последний, скорее всего, был отпрыском Леона, основателя Абхазского царства и вполне оправданно выглядит отождествление его с Багратом – принявшим деятельное участие в учреждении Абхазского католикосата. Сообщение об этом содержится в некоторых списках «Летописи Картлии». Брак абхазской царевны с Адарнасе соответствовал духу союзнических отношений, установившихся в начале IX в. между Леонидами и Таойскими Багратидами, в период правления Феодосия II и Ашота Куропалата. В 825 г. союзники одержали победу над объединенным арабо-кахетинским войском в битве у реки Ксани. Однако в период серьезного обострения отношений абхазов с арабами в 50-х гг. IX в. сын Ашота Куропалата, Баграт участвовал в военных действиях на стороне противников Абхазского царства. В сражении при Кверцхоби в 853 г. абхазы потерпели поражение, что временно ослабило позиции Леонидов в регионе. Указанные события могли послужить отправной точкой для прекращения брака Адарнасе Багратиони с супругой-абхазкой. Источники свидетельствуют, что, нередко, смена политического курса служила побудительным мотивом для расторжения семейных уз представителей правящих династий. По мнению Г. А. Амичба, развод венценосных особ состоялся в конце 50-х гг. IX в. (Сообщения 1986: 15, прим. 21). Георгий Мерчуле сообщает, что Адарнасе «удалил от себя верную жену и отправил в Абхазию, ее родину, откуда он ее привез...» (Георгий Мерчуле 1982: 175). Григорий Хандзтийский решительно осудил поступок правителя Тао, «но властитель, поддавшись пустому своеволию, не внимал обличению праведника; более того, он к злу прибавил зло: взял вторую жену» (Георгий Мерчуле 1982: 175). Святой предрек правителю серьезные испытания. Через некоторое время, когда Адарнасе занемог, он вспомнил пророчество святого о том, что не исцелится «пока не получит прощения от государыни, без суда наказанной рабы Божьей» (Георгий Мерчуле 1982: 175).

Правитель Тао поспешил отправить, к удалившейся от мира бывшей супруге, верного человека. Георгий Мерчуле повествует, что, достигнув Персати, ... посланец Адарнасе застал свою государыню, дочь властителя Баграта Шароели, в великом монашестве: облачением ее служила простая ряса; одетая в священную схиму, ... несла домой громадный выюк дров, взвалив его на себя. Увидев ее в подвиге, посланец узнал ее и бросился ей в ноги за Адарнасе со словами: «тебя, о, творящая волю Христа, молит господин мой помиловать его, справедливо наказанного из-за тебя Богом, не проклипать, более того – простить великую его вину» (Георгий Мерчуле 1982: 176). Монахиня ответила, что не предавала проклятию бывшего супруга, а напротив, молится о прощении грехов и исцелении души и тела Адарнасе. Вскоре, болезнь отступила, и правитель Тао излечился.

Агиограф сообщает о месте несения монашеского служения Анастасией. Он локализует женскую обитель в местности Персати, в Аргвети (29 км от Кутаиси) «где теперь находится ее могила» (Георгий Мерчуле 1982: 176). Последнее замечание следует признать особенно важным. Сочинение Георгия Мерчуле было написано около 951 г. Следовательно, спустя почти век с момента ухода абхазской царевны в монастырь, место ее упокоения было хорошо известно. Могила Анастасии оставалась центром паломничества. «Она совершенно осрамила дьявола, и теперь верующие обретают исцеление по ее милости, унося от ее могилы землю в качестве евлогии» (Георгий Мерчуле 1982: 176), свидетельствует агиограф. Более того, представители правящего дома Тао совершали паломничества в Персати. Так, сыновья Адарнасе «в нищенском одеянии и с достойными властителей пожертвованиями» молились «на могиле вожделенной государыни» (Георгий Мерчуле 1982: 176) о ниспослании здоровья. Известно, что в средние века представители власти активно участвовали в публичных ритуалах поклонения святым и их мощам. Именно в этом ключе нужно рассматривать действия Сумбата и Гургена Багратиони. Хотя данных о канонизации Анастасии нет, существует большая вероятность того, что царственная особа почиталась абхазской церковью в лике святой. Надо полагать, что народное почитание Анастасии началось сразу после ее смерти. В средневековье связь святости и

чудотворства являлась универсальной. Несомненно, именно слава чудотворца была одним из главных условий возникновения массового почитания того или иного лица в качестве святого. Более того, этот дар рассматривался как важнейшее и обязательное подтверждение святости. Самой привлекательной чертой праведников в глазах верующих была их способность творить чудеса. Культ святых – покровителей и заступников, к которым всегда можно обратиться за помощью, вырос на почве всеобщей и неодолимой потребности в чуде, прежде всего чуде исцеления. «Телесные чудеса» являются наиболее многочисленными, а потому, очевидно, наиболее социально значимыми чудесами. Именно в амплуа целителя образ святого обретает наибольшую притягательную силу. Отметим, что Георгий Мерчуле внезапною, но в тоже время ожидаемую, болезнь Адарнасе Багратиони, воспринимаемую как наказание за грех, равно как и внезапное исцеление – в ответ на молитвы Анастасии, расценивает как чудо. «Святые, о чудесах которых ничего не было известно, были непопулярны, и, наоборот, чем больше чудес свершал святой, тем больше росла его слава. Однако гораздо более существенным представляется мне тот факт, что святой вершил чудеса именно потому, что был популярен» (Арнаутова 1995: 157). Могила праведника, творившего чудеса, становилась центром многочисленных паломничеств. После смерти влиятельной и богатой патронессы абхазской царевны, ее почитание как целительницы даже через сто лет обеспечивало защиту, насущные потребности и процветание монастыря в Персати.

Монашеский подвиг Анастасии в описании Георгия Мерчуле – это отражение архетипической библейской ситуации – борьбы Бога и Дьявола. Желая подчеркнуть истинную святость царевны-монахини, торжество добра над злом, агиограф восклицает: «Она совершенно осрамила дьявола». Монашеский подвиг царской дочери делал сильной и привлекательной идею смирения, умаления и служения. Посредством аскетических практик, целомудрия, страданий плоти и усердных работ ради добродетели Анастасия достигла совершенства, соединения с Богом. Величественный подвиг монашества царской особы, ее посмертная слава, неиссякаемый поток паломников к ее гробнице за чудом исцеления – это образ

Анастасии, представленный агиографом, точно укладывается в рамки канонического образа святой. Нельзя исключать, что монашескому подвигу абхазской царевны было посвящено отдельное агиографическое сочинение, из которого Георгия Мерчуле почерпнул основную часть сведений об Анастасии.

Религиозное почитание представительницы правящего дома Абхазского царства, возведение Анастасии в ранг святой, было весьма желательным и актуальным в обстановке укрепления и расширения власти династии Леонидов. Для раннего средневековья характерна устойчивость массовых представлений о харизме власти и крови, что проявилось и в широком распространении т.н. «аристократической святости» – предпочтении лиц благородного происхождения в качестве «кандидатов в святые». Образы «знатных святых» возникли на пересечении традиционных верований и христианского сознания. Они имели в своей основе древние религиозные представления о сакральности носителей верховной власти, которые были в значительной степени ассимилированы и стилизованы в соответствии с церковной догматикой. Для широких масс населения, определенно, высшие формы веры и подвижничества должны были исходить, прежде всего, от лиц царского происхождения. Даже за монастырскими стенами сохранялась значимость социального статуса насельницы, показательно, что религиозный писатель именует Анастасию государыней. Святые царской крови были близки и аристократии, и простому люду. Духовенство стремилось включить в число почитаемых церковью святых царского происхождения ввиду особой роли в насаждении идей и институтов христианской церкви. В эпоху раннего средневековья монастыри, в том числе и женские, становятся «поставщиками» святых. На наш взгляд, Анастасия первая представительница правящей династии Абхазского царства, почитавшаяся святой.

Согласно данным источников, еще одной царственной женщиной, принявшей монашеский обет, стала Мариам, дочь Васпураканского царя Сенекерима Арцруни и жена царя абхазов Георгия III. Рано овдовев, Мариам приобщилась к делам государственного управления. Она являлась одной из ключевых фигур при дворе Баграта III, в полной мере проявив свои не дюжие

политические и дипломатические способности. Невероятно сложными коллизиями был насыщен период противостояния монарха с могущественным вельможей Липаритом. Для царицы Мариам к тяжелым поражениям Баграта, вынужденному оставлению родины, угрозе существованию царства и династии добавились и трагические обстоятельства личного свойства. Ей пришлось пережить насилие, об этом сообщает Иоанн Скилица (Ioannis Scylitzae 1973 447). Тяготы судьбы подтолкнули Мариам к принятию схимы. Находясь в Константинополе, царица сближается с известным религиозным деятелем Георгием Святогорцем. «После этого сделалась ученицей его царица Мариам, мать Баграта царя, и была пострижена им в схиму» (Житие и гражданство 1997; 275), сообщает автор «Жития» святого Иеромонах Георгий. Имя, которое царица приняла в монашестве осталось неизвестным.

В случае с Мариам, постриг не означал отказа от участия в политической жизни, вступление в монастырь или основание своей женской монашеской общины. Царица-монахиня отправляется в паломничество. Из Константинополя она едет в Антиохию, оттуда Мариам намеревалась проследовать в «... в святой город Иерусалим, для молитвы и поклонения святым тем спасительным местам. И имела повеление владычнее к главе и патриарху Антиохийскому, чтобы со всякою славою и почетом отправили ее. Однако внемля совету патриарха оставить свои намерения, ввиду опасности путешествия, Мариам же, хотя и опечалилась, но воле Божией не смогла противостать. Тогда молила святого старца (Георгия Святогорца – Авт.), чтобы средства, которые она отобрала в дорогу, взять их в Иерусалим и нищим и убогим разделить Святого Града и монастырям святым, которые построены вокруг него» (Житие и гражданство 1997: 280).

Питая глубокое уважение к христианским святыням Мариам, как и ее сын, прежде всего, заботились о просвещении своего царства. Это следует из совместного письма монарших особ Георгию Святогорцу: «Святой отче, тамо, на Черной горе, немногочисленны монастыри наши, ибо это страна чужая, мое же царство обширно и весьма велико, и высоко и церкви и архипастырства и монастыри весьма многочисленны и славны» (Житие и гражданство 1997: 287).

Монашеский подвиг Мариам неразрывно связан с активным социальным служением. Она находит значительную нишу для приложения своих сил в эвергетизме, который проявлялся в: осуществлении паломничества; бесед с духовными наставниками, раздаче милостыни. Царица Мариам, в изображении Георгия Иеромонаха это благочестивая высокородная женщина, побывавшая в браке и выполнившая перед пострижением свои мирские обязанности супруги и матери, наделенная внутренней свободой, которая позволяет ей осуществлять свои духовные устремления на путях религиозного подвига, находясь рядом с монархом у кормила власти.

Рассматривая два условных типа образов царственных монахинь, на основе раннесредневековой агиографической литературы, можно обнаружить изменение смысловых акцентов при конструировании женского религиозно-нравственного идеала в зависимости от актуальных задач общества, в котором и для которого было создано житие. Религиозный подвиг Анастасии осуществляется путем строгой аскезы, самоотречения, глубокого смирения и кротости, рассказ о ней проникнут восхищением и благоговением. В случае с Мариам в полной мере освещены ореолом святости добродетели благочестия, благотворительности, общения с отцами церкви.

Возможно, единственный случай, когда абхазская царевна предпочла ангельский образ вступлению в брак, это принятие пострига дочерью царя Баграта III Мариам. О ее жизни мало сведений. Известно, что она посетила Константинополь в бытность ее сестры Марфы императрицей, скорее всего, это событие имело место в 1081 г., накануне или во время переворота, в результате которого к власти пришел Алексей Комнин. О пребывании Мариам в столице Византии узнаем из приписки на греческом языке, сделанной старцем Феофилом, подвизавшемся в монастыре святой Богородицы, на полях одной из переведенных им книг. Монах именует Мариам «царицей, дочерью царя Баграта», а ее сестру Марфу «царицей Греции» (Антелава 1983: 438). На первой странице другой рукописной книги Мариам фигурирует как «Мариам Баграт, дочь царя абхазского и севастоса» (Антелава 1983: 440). Она также упоминается автором «Летописи

Картли» среди лиц, находившихся у ложа Баграта III в последние дни его жизни, «к умирающему Баграту пришли его мать Мариам-царица, и его жена Борена, и его дочь Мариам» (Летопись Картли 1982: 76). Вступление в брак абхазской царевны было важным событием политической жизни и, как правило, находило отражение в сочинениях средневековых летописцев. Источники сохранили сведения об отправке Марфы в Константинополь, в качестве невесты Михаила Дуки, о браке ее двоюродной сестры с сельджукским султаном Алп-Арсланом, но при этом, ничего не сообщают о замужестве Мариам. Она именуется исключительно дочерью царя абхазов. Лишь однажды, в рукописи монаха Игнатия, которая датируется 1089-1091 гг., усопшая к тому времени, царевна Мария, названа сестрой Георгия II. В Синодике Руисско-Урбнийского собора провозглашаются многие лета Марфе, которая была жива во время его проведения, и вечная «память святой царицы и духовной матери Господа Марии, монахини ...» (Столпописание 1998: 320). Высказывалось мнение, что под монахиней Марией подразумевалась мать Баграта III, Мариам. Но И. Антелава приводит убедительные аргументы в пользу того, что речь идет именно о дочери, а не о матери указанного монарха (Антелава 1983). Таким образом, в документах собора упоминаются обе тетки его организатора Давида I, абхазские царевны, сестры Марфа и Мария. О времени и обстоятельствах принятия Марией монашества, к сожалению, ничего неизвестно.

Абхазская царевна Марфа, дважды состоявшая в браке с византийскими императорами, сначала с Михаилом VII Дукой, а затем с Никифором Вотаниаитом, вынуждена была оставить престол и принять постриг. Будучи монахиней, она какое-то время оставалась в миру, но затем предпочла келью. Местом ее пребывания стал монастырь на горе Папикион во Фракии, где Мария провела последние годы жизни (Mikaberidze 1998: 135). Бывшая императрица находилась в общении с отцами церкви, достаточно отметить ее активную переписку с богословом Феофилактом, в указанное время, возглавлявшим Охридскую кафедру. Ранее он являлся наставником наследника престола Константина Дуки и питал искреннее уважение к матери своего воспитанника. Из эпистол Феофилакта известно, что в бытность свою архиепископом Болгарским, он вознамерился

посетить Марию, которая пребывала тогда на Принцевых островах, но внезапно разыгравшаяся буря не позволила кораблю пристать к берегу. Некоторое время спустя, бывшая императрица сама сумела навестить духовное лицо. Феофилакт написал по просьбе Марии свои комментарии к евангелиям от Марка и от Луки, и к малым пророкам (Оболенский 1998: 429). Д. Кунтуракис отмечает, что есть необходимость пересмотра сложившейся в исторической литературе оценки личности императрицы Марии как умелой интриганки и беспринципного и коварного политика. Он пишет: «благотворительная деятельность, поддержка монашества, образованность и склонность к литературным занятиям, характеризуют василиссу как натуру благочестивую и духовную» (Κουντούράκης 2021: 469).

Известно, что представители правящих домов Абхазского царства активно споспешествовали религиозным центрам за пределами своего государства, в частности они делали крупные пожертвования церквям и монастырям на святой земле. Сохранились сведения о поддержке женских обителей и основании монастырей за рубежами царства Абхазских Багратидов. Так, супруга царя абхазов Баграта III, Борена и ее дочь Марфа (Мария) способствовали возрождению, располагавшегося на горе Сион, Каппатского монастыря (Кекелидзе 1957: 203-210). Он был основан еще в VI в. византийским императором Юстинианом I, а позже, в начале XI в. был разрушен арабами. Религиозный центр, воссозданный в качестве женской обители, функционировал до середины XIII в.

Деятельность знатных женщин на церковной ниве не была ограничена пределами Абхазского государства. Совершенно особыми следует признать обстоятельства принятия и осуществления иноческого обета первой супругой царя Давида Возобновителя. Она была облечена в монашеские одежды под давлением обстоятельств, в результате расторжения брака с венценосным супругом. О том, что постриг был принят недобровольно, косвенно свидетельствуют строки из «Покаянных канонов», написанных через много лет царем Давидом. Он корит себя в грехах, связанных с нарушением брачных обязательств (Κανον 2011). Обращает на себя внимание и тот факт, что после принятия монашества супруга Давида не

удалилась в один из уже существовавших на территории Абхазского царства монастырей и не стала основывать новую обитель, а предпочла отправиться на святую землю. Безусловно, решение бывшей супруги отбыть в Иерусалим должно было быть согласовано с царем и поддержано ним. Основные сведения о царице-монахине содержатся в письме латинского кантора и пресвитера храма Гроба Господня Анселла, Парижскому епископу Галлону и архидиакону Стефану, которое датируется 1120 г. Анселл ошибочно утверждает, что знатная женщина удалилась от мира по причине вдовства, после воцарения сына (Anseli Cantoris 1854: 730; Авалишвили 1989: 19-21, 46-47). На момент отбытия матери в Иерусалим, ее отпрыску Дмитрию было 16-18 лет, к этому возрасту он уже должен был быть соправителем отца. Следовательно, высокородной особа имела основание назваться матерью действовавшего монарха, что создало у кантора ложное мнение о ее вдовстве.

По сообщению указанного автора, бывшая жена Давида, «почитаемая более за святость, чем за знатность рода, постригла главу и образом благочестия облеклась и, взяв крест тот (частица Креста Господня – Авт.) и много золота, в Иерусалим с немногими прибыла, не для возвращения, но чтобы там в мирном молчании и молитве окончить жизнь; и из золота, что доставила, общинам Святого Града разделила части, а также нищим и паломникам элемосины раздала» (Anseli Cantoris 1854: 730). Затем под началом латинского патриарха Иерусалима, Гибеллина Арльского, она создала в Иерусалиме женскую монашескую общину и впоследствии, по просьбе сестер и самого патриарха приняла на себя управление обителью.

Причина, по которой высокородная женщина решила вверить, основанный ей монастырь латинскому, а не православному патриарху Иерусалима пока не нашла удовлетворительного объяснения. Царица приняла монашеский образ до того, как предприняла поездку на святую землю. Следовательно, постиг был совершен по православному обряду. До прихода крестоносцев христианское население города окормлялось православным патриархом. В 1099 г. после захвата Иерусалима крестоносцами и образования одноименного королевства, была

учреждена латинская церковная иерархия. Главная святыня христианского мира – Гроб Господень оказался на территории подконтрольной латинянам. При первом латинском патриархе Иерусалима Арнульфе де Рооле началось восстановление кувуклий Храма Гроба Господня церкви и Успения в Гефсимании. Соотношения властных полномочий патриарха и монарха в Иерусалимском королевстве долго являлось предметом спора. Вопрос о первенстве между королем и духовным владыкой окончательно был решен, в пользу светской власти, только в правление Балдуина II (1118—1131). На момент прибытия в Иерусалим бывшей супруги царя Давида притязания клириков на ведущие позиции в Иерусалимском королевстве, на святой земле, территории, усыпанной библейскими святынями, казались вполне обоснованными. Факты, сообщаемые армянскими, сирийскими и латинскими хронистами, показывают, что христиане Сирии и Месопотамии рассматривали крестоносцев-единоверцев, что было весьма существенно в данный период, если не как освободителей, то как союзников, как реальную силу, которую можно было использовать для борьбы с сельджуками (Степаненко 1985: 87). Таким образом, иллюзии об освободительном характере крестового похода были присущи и политической элите христианских государств Ближнего Востока, и достаточно широким слоям населения. Это обстоятельство создало основу для тесного контакта православных и католиков на святой земле. Сохранились сведения об евхаристическом общении православных монахов с тамплиерами. В этом удостоверяет нас, так называемый, «Голгофский синаксарь». Значительную толерантность по отношению к латинянам проявляли армяне-халкидониты (Казарян).

Царь абхазов не мог не отметить изменение политической ситуации на Ближнем Востоке, после успешных действий крестоносцев. Образование новых государств, внесло существенные изменения в расстановку сил в указанном регионе. Безусловно, Давид как опытный правитель был заинтересован в получении достоверной информации о действиях мусульманской коалиции и латинян и установлении контактов с последними. В деле налаживания дипломатических связей с европейцами бывшая супруга правителя могла сыграть

роль посредника. Легче всего установить отношения с крестоносцами можно было посредством деятелей церкви, прежде всего, латинского патриарха Иерусалима. Бывшая супруга царя абхазов привезла в Иерусалим фрагмент Древа святого Креста. Давид загодя позаботился о том, чтоб высокородная монахиня имела возможность сделать богатые пожертвования и преподнести в дар ценные реликвии. Бывшая супруга царя прибыла в святой Град в период патриаршества Гибеллина Арльского, т. е. между 1107 по 1112 гг. В 1110 г. на Иерусалимский престол всходит Балдуин I. Латинский источник «*Gesta Francorum expugnantium Iherusalem*» содержит свидетельство о получении им даров от царя Давида. Обращает на себя внимание тот факт, что в панегирике, сообщая о Давиде царе Абхазии, автор называет его армянином (*Cui David Armenus, Avesia rex*) (*Gesta Francorum* 1967: 542). Утверждение об армянском происхождении монарха легко могло возникнуть в том случае, если установление дипломатических связей с Иерусалимским королевством было возложено на принявшую монашество царицу, которая была армянкой (*Armenia and the Crusades* 1993). В окружении Балдуина было много ее соплеменников, кроме того, приемный отец и вторая жена монарха были армянами. Оказавшись при дворе иерусалимского короля с дипломатической миссией, царица могла использовать в общении армянский язык, что и привело к ложному выводу об этнической принадлежности царя абхазов.

Какие бы противоречия не существовали между супругами, оба были заинтересованы в сохранении и упрочении позиций государства Абхазских Багратидов на международной арене. Поскольку благополучие и процветание царства обеспечивало наилучшие позиции для их отпрыска, наследника престола, а на тот момент, скорее всего, и соправителя Давида I, Дмитрия.

Монаршие особы, принявшие обет, нередко становились основателями обителей. Первой представительницей династии Абхазских Багратидов, взявшаяся за обустройство в Абхазии монастыря, являлась дочь Давида I, Тамар. Более четырех десятков лет, прожившая в Ширване, будучи супругой правителя-мусульманина, матерью восьмерых детей, воспетая блестящими придворными поэтами шахиня, в силу обстоятельств политического свойства, вынужденная

вернуться на родину, посвятила остаток дней религиозной деятельности. Инициатива Тамар по устройству женской обители в Тигве (Картлис Цховреба 2008: 213), безусловно, получила поддержку как церковных, так и светских властей. Материальное благосостояние женских монастырей зачастую определялось присутствием среди их насельниц представительниц царской семьи. В том случае, если основательницей монастыря выступала представительница правящей династии, то она могла взять на себя и обязанности настоятельницы. Благодаря пребыванию в обители особы царской крови она могла рассчитывать на щедрые вклады от монарха, а сама Тамар выступала связующим звеном между церковной властью и домом Абхазских Багратидов. Ведь даже после принятия обетов представительницы знати поддерживали контакты со своей прежней средой обладая высоким социальным статусом, имели большое влияние на общество. Тамар, на страницах летописи предстает как духовная попечительница и молитвенница за царя Георгия V, своего племянника.

Согласно Василию Эзосмодзгвари, еще одной абхазской царевной, принявшей монашество была Русудан. Однако исследователи расходятся во мнениях по поводу того, о какой из монарших особ с этим именем идет речь в источнике. Текст «Жизни царицы цариц Тамар» допускает двойное толкование. Ряд специалистов считают, что иноческую стезю избрала сестра царя Георгия V: «Эта последняя была бывшей невесткой великих шамирамских султанов и царицей, носительницей власти всех хорасанских владык. Она, по причине овдовения привезенная из султанских владений обратно на свою родину...» (Картлис Цховреба 2008: 303). Другие – склоняются к мысли о том, что автор имел ввиду сестру царицы Тамар. Известно, что эта царственная женщина приняла постриг в пожилом возрасте: «она, будучи уже восьмидесятилетней, крепко возлюбила девство, святость и добродетель во всей их полноте» (Картлис Цховреба 2008: 303). Помимо духовных устремлений к уходу в монастырь в преклонных годах могли подтолкнуть болезни, немощь, предчувствие смерти.

Жизнь в монашестве была одной из сфер социальной реализации женщин. Как уже было отмечено, источники сохранили истории о монашеском пути,

исключительно, представительниц правящих домов Абхазского царства. Можно говорить о нескольких наиболее распространенных мотивах для принятия монашества знатными женщинами. Первый это распад семьи: царственная особа отправлялась в монастырь, освобождая монарху место для более выгодного династического союза. Правители отсылали своих неугодных жен в обитель под предлогом супружеской измены или стремлением последних к монашеской жизни. Постриг в таких случаях мог быть принудительным. Нельзя не согласиться с утверждением И. И. Соколова о том, что добровольное пострижение было характерно для всех классов общества, а насильственное – только для высшего сословия (Соколова 2003: 67).

Второй распространенный мотив принятия иноческого обета – вдовство. Третий – преклонные лета также становилось одной из побудительных сил, подводившей женщину к намерению «уневеститься Христу». Четвертая возможная причина – альтернатива браку для царских дочерей. Судя по всему, восприятие ангельского образа незамужними представительницами правящей династии в Абхазском царстве было редким явлением. Нельзя исключать, что ряд царственных женщин, могли принять монашеские обеты на смертном одре. На основании данных источников можно утверждать, что для женщин возможны были разные формы монашества. Наряду с традиционной – нахождение в обители, не исключался иной вид монашеского бытия – несение обета вне монастырских стен. Эта форма религиозной жизни подходила царственным особам, принимавшим активное участие в политической жизни.

Образы цариц и царевен, выбравших монашеское служение, на страницах исторических и агиографических сочинений несут исключительно положительную семантику. Их облик был идеализирован и подчинён христианским представлениям о праведности. Образы знатных монахинь демонстрировали набор добродетелей, исходя из особенностей женского религиозно-нравственного идеала эпохи, востребованных в рамках средневекового социума. Их жизнь и духовные подвиги призваны были стать определенным нормативом для остальных женщин. Личный пример религиозного благочестия обладал силой морального воздействия

на население, склонного воспринимать представителей правящей династии как образец для подражания.

Для воплощения в жизнь религиозного рвения царицами-монахинями были избраны различные модели служения: аскетические труды (Анастасия), основание и духовное руководство обителью на посту игуменьи или аббатисы (Марфа (Мария), первая супруга царя Давида Возобновителя, Тамар), эвергетизм (Мариам, первая супруга царя Давида Возобновителя), общение с отцами церкви, религиозными деятелями (Мариам, Марфа (Мария)). Монашеский статус давал возможность высокородным женщинам найти применение своим интеллектуальным и административным способностям, быть важными посредниками между светскими и духовными властями в Абхазском царстве, налаживать контакты с высшими иерархами церкви за пределами государства и даже брать на себя дипломатические функции. Благодаря духовному авторитету и личному благочестию знатных монахинь, представительниц правящих династий, царская власть поднимала свой престиж и могла рассчитывать на поддержку как церковных кругов, так и широких масс населения.

2.5. Женские имена из антропонимикона царских династий Аносидов-Леонидов и Абхазских Багратидов

Благодаря «Дивану абхазских царей», памятнику генеалогии начала XI в., репертуар именослова правителей Абхазии второй половины VI-X вв. хорошо известен (Сообщения 1986: 17). Женская же часть антропонимикона дома Аносидов-Леонидов представлена только одним именем – Гурандухт.

Впервые имя Гурандухт, в связи с домом Аносидов, упомянуто автором «Жизни Вахтанга Горгасала». Согласно его данным, «так звали дочь правителя Картлии Мира, которая была выдана в жены главе Абасгии Леону в 30-х гг. VIII в. Джуаншер Джуаншериани сообщает, что после ухода арабов «Арчил ... призвал эриставов картлийских и выдал за них (в супруги) племянниц своих. Тогда выдал он Леону в жены Гурандухт — племянницу свою от брата, и венец, что был дан греческим царем Миру» (Джуаншер 1986: 106). Интересно, что автор не приводит

имен других дочерей Мира, при этом одна из дочерей Арчила также звалась Гурандухт. Надо отметить, что сведения о разделе Картлии между воеводами, произведенному по инициативе Арчила, исследователи относят к числу легендарных (Бердзенишвили 1973: 88). На наш взгляд, содержащиеся в сочинении грузинского писателя сведения о браке Леона и Гурандухт и о передаче знаков царского достоинства, присланных византийским императором Миру, главе Абасгии не заслуживают доверия. Данный пассаж Джуаншера Джуаншериани следует расценивать как попытку представить правителей династии Аносидов-Леонидов наследниками картлийских царей в Лазике (Эгриси). Справедливо замечание Г. В. Цулая, «что домыслы Джуаншера, сами представляют свидетельства с вполне запрограммированной тенденцией» (Цулая 1986: 20) и имеют ценность для характеристики исторического периода, в который были созданы. Внимательный анализ сочинения Джуаншера или Псевдо-Джуаншера показывает, что в рамках единого повествования о нашествии арабов автор связал разновременные события и исторические личности (Касландзия 2017: 95). Реальность существования дочери эрисмтавара Картлии Мира, Гурандухт может быть поставлена под сомнение. Вместе с тем, примечательно, что супруга правителя Абхазского княжества (Абасгии) фигурирует в сочинении Джуаншера под именем Гурандухт. Надо полагать, что во времена Джуаншера (XI в.) это имя прочно ассоциировалось с представительницами царской семьи. Самой известной носительницей имени Гурандухт была, дочь царя абхазов Георгия II и сестра сразу трех абхазских монархов Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Имя Гурандухт неоднократно воспроизводилось Абхазскими Багратидами. Престижность его объясняется совершенно особой ролью в политической жизни государства матери основателя династии Абхазских Багратидов. Фигура царевны Гурандухт стала главным связующим звеном между Леонидами и новым правящим домом Абхазского царства – Багратидами. Актуализации родственных связей по женской линии, обеспечила легитимность прав Баграта Багратиони на абхазскую корону.

Следующей, зафиксированной источниками, носительницей имени Гурандухт была внучка Баграта II, активная политическая и дипломатическая

деятельность которой пришлась на середину XI в. То же имя в качестве крестильного и тронного получила и супруга царя Давида I Возобновителя, «дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана» (Картлис Цховреба 2008: 189). «Вообще говоря, в династической практике Средневековья случаи, когда женщине или даже мужчине при вступлении в брак дается одно из семейных имен, принятое в правящем роду, к которому она/он отныне приобщается, отнюдь не редкость» (Литвина, Успенский 2018: 66). В дальнейшем имя Гурандухт выпадает из царского ономастикона.

Трудно сказать что-либо определенное о времени и пути проникновения этого имени в женскую часть антропонимикона Леонидов. Персидские имена с окончанием «духт» – дочь были популярны среди армянской знати. Подобные имена могли присутствовать и в ономастиконе Тао-Кларджетских Багратидов. Учитывая это, можно предположить, что имя Гурандухт могло закрепиться в имянословии Леонидов благодаря многочисленным бракам царей абхазов с представительницами домов Армянских Багратидов и Багратидов Тао. В то же время нельзя исключать, что появлению имени Гурандухт в репертуаре женской части царского антропонимикона способствовало желание обеспечить покровительство абхазским царевнам одноименной святой. Небесной покровительницей представительниц династий Леонидов и Абхазских Багратидов с именем Гурандухт являлась мученица Голиндуха (Гурандухт) Персидская. Знатная женщина подверглась преследованиям в период правления шаха Хосрова I, во второй половине VI в. Ее судьба озаботила имперские власти. С. А. Иванов отмечает: «Византия всячески поднимала на щит тех персидских христиан, которые остались верны халкидонскому символу веры и, соответственно, Константинополю. Самой знаменитой из них стала Голиндуха, дочь и жена персидских магов, сподобившаяся откровений, обратившаяся в православие, претерпевшая гонения и муки, переехавшая в Империю и умершая в 591 г.» (Иванов 2003: 107-108). Упоминают о Голиндухе в своих трудах Феофилакт Симокатта и Евагрий Схоластик.

Первое «Житие» святой, текст которого утрачен, было написано вскоре после ее смерти епископом Иеропольским Стефаном, который виделся с Голиндухой (Гурандухт) во время пребывания последней в этом сирийском городе. Сохранилось «Житие» мученицы, созданное пресвитером Евстратием Константинопольским, также в конце VI в. Грузинская версия «Жития», в котором имя святой передано в форме «Гуландухт», основывается на агиографическом сочинении епископа Стефана. По мнению бельгийского исследователя Ж. Гаритта, грузинский вариант «Жития» содержит информацию неизвестную Евстратию, а его текстологический анализ показывает минимальное присутствие арменизмов и эллинизмов (грецизмов) (Garitte 1956: 424). Отметим, что согласно грузинской редакции «Жития», святая происходила из знатной семьи и являлась родственницей шаха (Garitte 1956: 427, 429).

Несмотря на то, что Голиндуха (Гурандухт) была крещена как Мария, прославилась она под своим дохристианским именем. Благодаря подвигу во имя веры неканонические антропонимы святых и мучеников приобретали сакральную семантику, становясь в один ряд с именами каноническими и могли даваться в качестве крестильных.

В XI в. женский локус ономастикона Абхазских Багратидов включал в себя, помимо имени Гурандухт, имена: Марфа (Марта), Мария (Мариам), Ката. Две абхазские царевны носили имя Марфа и одна – имя Мария. Марфой именовалась, почившая в младенчестве дочь царя абхазов Георгия III, следующей его носительницей была ее племянница, дочь царя Баграта III, ставшая впоследствии византийской императрицей. Другая дочь указанного монарха была названа Марией (Мариам), вероятно в честь бабки, Мариам Арцруни. Присутствие в женской части антропонимикона имен Марфа и Мария и наречение ими двух сестер, как будто должны указывать на выбор, в качестве их небесных покровительниц святых сестер из Вифании. Не отрицая такой возможности, считаем необходимым отметить, что «в древности святым сестрам была посвящена особая недвижимая дата памяти, 4 июня, но она никогда не была популярным, значительным церковным праздником» (Православная энциклопедия). В

византийском церковном календаре память Марфы и Марии совершалась в Неделю жен-мироносиц, без особого выделения их имен, отсутствовала и связанная с ними агиографическая традиция. Имя Марфа часто выступало в качестве монашеского дубликата мирского имени Мария. Если указанные преномы были унаследованы Абхазскими Багратидами от предыдущей династии, то при формировании фонда женских имен дома Аносидов-Леонидов для носительниц имен Марфа и Мария могли предполагаться иные небесные заступники. Возможно, в случае с номинацией Мария имелось ввиду покровительство Богородицы, особое почитание которой в Абхазии известно. В ее честь были освящены множество храмов. Именем Марфа высокородные особы могли быть наречены в надежде на заступничество святой Марфы Римской жены мученика Марина Персиянина, пострадавшей за веру в III в. Известно, что в VIII в. имя Марин носил глава апсиров. Памятуя о популярности имени Гурандухт, нельзя исключить внесение преномов Марфа и Мария в ономастикон Леонидов в связи с почитанием Адиабенских мучениц.

По сведениям «Жизни Картли», дочери царей абхазов Георгия III и Давида I носили имя Ката (Картлис Цховреба 2008: 153, 189). По всей вероятности, летописи передают гипокористическую форму имени Екатерина. Использование диминутивов по отношению к знатым особам нередко встречается в средневековых нарративах. Наречение абхазских царевен именем Ката, предполагало избрание их небесной покровительницей великомученицы Екатерины Александрийской. Культ этой святой был широко распространен и в Европе, и на православном Востоке. Принадлежность святой к знатному венценосному роду способствовало тому, что ее имя было отнесено к числу престижных, а ее небесное заступничество мыслилось желательным и предпочтительным для монарших особ. Имя Екатерина входило в царский ономастикон многих средневековых династий. Сведений о почитании великомученицы Екатерины в средневековой Абхазии чрезвычайно мало. По свидетельству К. Д. Мачавариани, в 1886 г., в Цебельде на развалинах древнего храма был обнаружен «серебряный образ великомученицы Екатерины во весь рост,

с церковно-грузинскою надписью сверху «святая Екатерина», а внизу «Святая Екатерина будь покровительницею Марии. Аминь». Верхняя сторона образа покрыта чистым золотом, отличающимся заметным блеском. На образе пять камней, из коих один зелёного цвета, подходящий к изумрудному цвету, два похожи на сердолик, а остальные белого цвета. Такие же позолоченные небольшие образы Спасителя с евангелием, святого Георгия и святого Феодора доставлены вместе с образом святой Екатерины. На образе Спасителя не имеется надписи, а на образах св. Георгия и св. Феодора вокруг лика по-грузински написано «святой Георгий», «святой Феодор» (Мачавариани 1886).

Позднее диминутивы от имени греческого Екатерина и персидского имени Катайун (Кетеван) в формах Ката, Като, Катай смешавшись обеспечили популярность иранского пренома и включение его в царский именник Багратидов.

В конце XI в. репертуар царского ономастикона Абхазских Багратидов демонстрирует зарождение новых тенденций в это весьма консервативной сфере. В мужскую часть антропонимикона вводится имя Давид, в женскую же часть привносится имя Тамар (Фамарь). Пополнение именника Абхазских Багратидов можно считать своеобразным индикатором «культурного сдвига», происходившего под влиянием конкретно-исторических обстоятельств.

Борьба за укрепление центральной власти, в условиях непростой международной обстановки, требовала создания мощной идеологической платформы, на основании которой была выстроена концепция, возвеличивающая правящую династию. В указанный период получила дальнейшее развитие традиция, возводившая родословную Багратидов к библейскому царю Давиду, а через него к Спасителю. XI-м в. датируется появление нарративов: «История и повествование о Багратионах» Смбата Давитисдзе, «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншериани, обосновывавших эту идеологию. Выстраивая генеалогическую линию от библейских царей до правящего монарха, средневековые книжники поновляли позолоту ореола сакральности, окутывавшего носителей верховной власти. На новом этапе развития государства, доктрина

божественного происхождения династии требовала четкого, зримого оформления, чем и было обусловлено освоению фонда библейских имен.

Выбор имени Фамарь (Тамар) для абхазских царевен был символичен. Библейская Фамарь, невестка Иуды, родоначальника легендарного колена Иудина, через своего потомка царя Давида по христианской традиции считалась праматерью мессии — Иисуса. Имя Фамарь носили также дочь и внучка царя Давида. Преном (Фамарь) Тамар прочно утвердился в женской части царского ономастикона, заметно потеснив родовые имена. Данный факт маркирует практику женского имянаречения как идеологически ценную. Имена женского сегмента царского антропонимикона, наряду с мужскими, призваны были вызывать ряд ассоциаций — родовых, религиозных, политических. Первой, из известных нам носительниц имени Тамар, была дочь царя Давида I Возобновителя, а самой известной — ее правнучка, дочь Георгия III. Впоследствии эта номинация неоднократно воспроизводилась Абхазскими Багратидами. В честь царицы Тамар, была названа ее внучка, дочь царицы Русудан, а позже и правнучка — дочь царя Давида Улу. Имя Тамар носила первая супруга Давида Нарина из рода Аманелисдзе. Этот преном она могла получить при вступлении в брак.

Сложно объяснить попадание в женский локус ономастикона Абхазских Багратидов имени Русудан. Данная форма восходит к преному персидского происхождения Равшанак или Роушанаван («чистая», «лучезарная», «светлая душа»), однокоренного со словом «роушангар» (просветитель). По некоторым данным, имя Русудан могла носить первая супруга царя Давида Возобновителя, удалившаяся от мира. Это имя было вновь воспроизведено ее сыном, царем Дмитрием IV, который назвал свою дочь Русудан. Его сын, царь Георгий V нарек свою младшую дочь в честь сестры, а позже это имя получила и его внучка, дочь царицы Тамар. В традиционном христианском именовании преном Русудан отсутствует, поэтому это имя не могло быть крестильным. Возможно, номинация, использовавшаяся, в начале, в качестве второго, неофициального имени, в узком кругу, со временем стала общеизвестным, публичным именем, и было введено в династический антропонимикон Абхазских Багратидов. Преном Русудан мог быть

образован от когномена. Соотнесенность с эпитетами «свет», «светлый», придавали имени мощную положительную смысловую и эмоциональную окраску. Интересно, что мужское имя с тем же значением «Лаша» (в переводе с абхазского «свет», «светлый») (Чирикба 2013; 35), наряду с традиционным Георгий, носил сын царицы Тамар. Крестильные имена царевен неизвестны. Они могли быть семантически близки к прену Русудан, в качестве таковых могли выступать Елена, Евлампия или Фотинья, а их небесными покровительницами святые, носительницы соответствующих имен. Первое из них – присутствуют в именнике Абхазских Багратидов. Так, Еленой звалась супруга царя абхазов Баграта III, это же имя носила и мать Давида I Возобновителя.

Жены царей абхазов фигурируют в источниках, зачастую, под своими мирскими, а не крестильными пренами: Алда, Борена, Бурдухан. Имя Алда неоднократно сопоставлялось с именем одной из героинь осетинского нартского эпоса – «Æлдæ», «Æлди» и связывалось с германским или тюркским мирами. Примечательно, что бытование имени Алда в XI в. в среде армянской знати Аршакидского происхождения (Seibt 2016: 31, прим. 36).

На небольшой иконе, из церкви Архангелов в селе Пхотрери сохранилась грузинская надпись с упоминанием имени Бурдухан в форме «Бардашхан» (Материалы 1904: 39-40). А. А. Туаллагов пишет: «Если такое прочтение допустимо, то, возможно, мы имеем дело с более точной, или оригинальной формой, чем та, что фигурирует в «Истории и восхвалении венценосцев» — Бурдухан. В ее второй части тогда следовало бы допустить наличие известного социального термина, представленного в аланской истории...» (Туаллагов 2019: 145).

Без сомнения, при вступлении в брак, невесты царей абхазов, приняв обряд крещения, иногда, вероятно, повторно, получали традиционные христианские имена из антропонимикона Абхазских Багратидов, как это было в случае с половецкой княжной, супругой Давида I Возобновителя. Но, очевидно, что при дворе и в бытовом обиходе в качестве публичных использовались некрестильные прены царей. Их крестильные имена актуализировались при соприкосновении с

жизнью церковной (причащение, исповедь), а языческие, содержавшие информацию об этнической и родовой принадлежности цариц, активно циркулировали и были широко известны.

Особенность женской части ономастикона Абхазских Багратидов состояла в том, что он был мало проницаем для влияний извне. Абхазские царевны никогда не получали имени матери, но наследовали имена теток по отцовской линии. Номинацию в честь бабки царевна получала только в том случае, если последняя принадлежала к династии Абхазских Багратидов, например, дочь царицы Русудан носила имя Тамар. Исключением следует считать поименование Багратам III одной из дочерей, в честь своей матери Мариам Арцруни. Но, возможно, что имя было воспроизведено как одно из женских династических имен. Запрет на наречение именем живого предка по мужской линии не распространялся на представительниц женской части рода. Так, Георгий V нарек старшую дочь именем Тамар, в честь своей тетки по отцу, а младшую – Русудан – в честь сестры, при жизни обеих родственниц.

Известны случаи, когда женщины, принадлежавшие к правящим династиям Абхазского царства в силу различных причин, принимали монашеский постриг. Свидетельствуя о данных фактах, средневековые авторы практически не фиксируют иноческие имена, удалившихся от мира лиц. Религиозный писатель Георгий Мерчуле автор «Жития Григория Хандзтийского» сообщает, об ушедшей в монастырь, супруге правителя Тао-Кларджети Адарнасе Багратиони, которая являлась представительницей правящей династии Леонидов. Дочь Баграта Шаройского приняла постриг под именем Анастасия (Георгий Мерчуле 1982: 175). Источники хранят молчание о том, какие имена в монашестве были приняты царицей Мариам, супругой царя Георгия III и царицей Русудан, супругой царя Давида I Возобновителя, теткой царицы Тамар, дочерью царя Дмитрия IV, Русудан.

Женская часть антропонимикона являлась важнейшим элементом династической стратегии. Выбор имен для царских дочерей был не менее важным событием, чем выбор имен для сыновей монарха, поскольку заключал в себе политическую программу, являл собой некий политический манифест. Имя

царевны должно было актуализировать историю династии, вызывать ряд ассоциаций политического свойства. Очевидно, что имянаречение образовывало некий единый культурный язык, который передавался из поколения в поколение и в той или иной мере был понятен всем представителям рода и их окружению.

Выявление социокультурных коннотаций, политических и идеологических символов, заложенных в династических именах, представляется весьма актуальным, способным обогатить наши представления о средневековой истории Абхазии.

ГЛАВА III

«Женский фактор» в брачной дипломатии Леонидов и Абхазских Багратидов.

3.1. Брачные стратегии династии Леонидов

Преобладание династического принципа международных отношений привело к расцвету так называемой «брачной дипломатии» (Чугунная 2016: 49). С провозглашением независимости Абхазское царство как субъект международных отношений развивало политические связи с разными странами и народами, в том числе и посредством заключения матримониальных союзов с правящими домами соседних государств. Для представительниц высшей аристократии династический брак был одним из механизмов доступа к власти.

Линия многочисленных матримониальных альянсов представителей правящих домов Абхазского царства и Тао-Кларджетии началась в IX в., и вплоть до конца X в. это направление оставалось приоритетным. Так, в IX в. Феодосий II сочетался браком с дочерью Ашота Куропалата, а сын последнего Адарнасе – с абхазской царевной, дочерью Баграта Шаройского, цари абхазов Адарнасе I и Баграт I были женаты на дочери Гуарама Мампала, Константин III – на дочери Адарнасе Куропалата. В X в. сестра царя абхазов Георгия II была выдана замуж за патрикия Ашота Кискаписа, дочь – за сына «царя картвелов» Баграта Регуени – Гургена, а младший брат монарха – Баграт был женат на дочери Гургена Великого. На первом (раннем) этапе сближение Абхазского царства и Тао-Кларджетии было обусловлено противодействием общей угрозе в лице арабов. Однако, в условиях нестабильной политической обстановки в регионе, матримониальные альянсы далеко не всегда себя оправдывали. После смерти основателя правящей династии Ашота Куропалата, Тао-Кларджетия «фактически состояла из небольших княжеств, каждый из рода Багратиони имел свои собственные владения, ... каждый из них действовал по своему усмотрению» (Очерки 1988: 326). По мнению М. Д. Лордкипанидзе, «Багратиды правили ... на основе феодальной коллегиальности», однако часто участвовали «в военно-политических группировках друг против друга» (Очерки 1988: 313). В борьбе за лидерство, которая велась в Тао, активно

вмешивались Леониды. В том числе, и посредством династических браков, устанавливая отношения с наиболее выгодными, с точки зрения, интересов абхазской короны, представителями Багратидов. В зависимости от конкретных внешнеполитических задач и периода времени, объектом междинастического общения для Леонидов могла стать та или иная ветвь дома Тао. Во второй половине IX в. царь абхазов Иоанн I поддержал младшего сына Ашота Куропалата – Гуарама Мампала. Он женил своего сына Адарнасе на дочери Гуарама. Сын последнего Наср неизменно получал военную поддержку от царей абхазов, вначале от Адарнасе I, а затем от Баграта I, соответственно, первого и второго супругов своей сестры. Следует отметить и попытки вмешательства таойских Багратидов во внутренние дела Абхазского царства. Например, начало правления царя абхазов Георгия II отмечено жестким противостоянием с младшим братом Багратам. Подробности этих событий, к сожалению, нам не известны, поскольку источник, содержащий информацию о них, утерян. Он был известен анонимному автору «Летописи Картли», который отмечал, что союзником Баграта выступал его тесть, эристав эриставов Гурген Великий. Георгий же выдал свою сестру за представителя артануджийской ветви дома Тао-Кларджетских Багратидов – патрикия Ашота Кискасиса. После смерти Баграта, эристав-эриставов Гурген, стал угрожать союзнику абхазского царя. Ашот Кискасис обратился за помощью к Византии. Его попытка передать под юрисдикцию империи мощную крепость Артануджи, окончилась неудачей. После этого эристав эриставов Гурген, носивший также титул магистра перешел в наступление и отнял у Ашота Кискасиса Артануджи, отдав ему взамен укрепление Квелис-цихе – центр Джавахетии и Ачару. Потеря союзником стратегически важной крепости Артануджи, являвшейся «ключом и к Ивирии, и к Авасии, и к мисхиям» (Константин Багрянородный 1991: 205) заставила вступить в войну абхазского царя Георгия II: «поднялись друг против друга магистр Куркеный (Гурген Багратиони – Авт.) и магистр Георгий, эксусиаст Авасии» (Константин Багрянородный 1991: 203). Гурген одержал победу, Ашот Кискасис был изгнан и, «ушел в Авасию» (Константин Багрянородный 1991: 203). После смерти эристава-эриставов Гургена его владения

были разделены силой оружия между Ашотом Куропалатом, его братом Багратам и царем абхазов Георгием II, «они пришли [наконец], к соглашению и каждый взял находящееся поблизости от него» (Константин Багрянородный 1991: 205). Описываемые события имели место в 20-30-х гг. X в., между 923 и 937 гг. Георгию II удалось присоединить к своему государству некоторые области, принадлежавшие ранее тао-кларджетским Багратидам. Имевший далеко идущие последствия для судеб абхазской короны, матримониальный альянс был заключен между дочерью царя Георгия II и представителем дома Багратионов Тао, Гургеном. В этом браке был рожден основатель династии Абхазских Багратидов, пришедшей на смену Леонидам.

К 80-м гг. IX в. следует отнести установление брачных контактов между Леонидами и Армянскими Багратидами: неизвестная по имени абхазская царевна была выдана замуж за Мушега (Мушела), сына Смбата I. Средневековый автор Шапух Багратуни, указывает, что инициатива заключения брака исходила от армянской стороны: «В то время вознамерился Смбат вступить в свойство с царем лакзов, то есть абхазов. Взял он дочь царя абхазов Датоса [в жены] сыну своему Мушегу и стали они тогда друг другу доброжелателями» (История анонимного повествователя 1971: 187). Царь абхазов с именем Давид (Датос) в X в. источникам неизвестен, невестка Смбата была дочерью либо Баграта I, либо Константина III.

Во второй половине IX – первой половине X в. Абхазское царство пыталось овладеть теми областями Южного Кавказа, которые непосредственно примыкали к его рубежам, прежде всего Картлией, через территорию которой пролегали важные торговые магистрали. Права на нее предъявляли и Багратиды Тао-Кларджетии, и армянские Багратиды. Соперничество привело к вооруженному конфликту между Арменией и Абхазией около 881 г., контроль над Картлией Абхазским царством был утрачен. Во второй половине 80-х гг. IX в. (между 884-886 гг.) халиф Мутамид прислал Ашоту Багратуни знаки царского достоинства. Последний принял титул «Малик Арминия ва Джурзан» (царь Армении и Картлии), который имел «свою соответствующую армянскую форму», зафиксированную материалами эпиграфики (Тер-Гевондян 1977: 238). Противостояние Абхазского и Армянского царств вновь

переросло в открытый вооруженный конфликт. «Вступили в бой на берегу Куры; одолели абхазов, убили Насра, мтавара овсов Бакатара и эристава абхазов», сообщает «Летопись Картли» (Летопись Картли 1982: 51). Около 890 г. был заключен договор между Абхазским и Армянским царствами, который закреплял сложившийся статус-кво в регионе. Абхазскому царю Баграту I пришлось смириться с поражением и потерей Картлии и влияния в Самцхе. В том же году Ашоту I наследовал его сын Смбат I, который в 892 г. получил царские инсигнии от халифа. Поддерживая хорошие отношения с Багдадом, Смбат одновременно стремился к активизации контактов с Константинополем. В 893 г. он направил посольство к императору Льву VI. В ходе армяно-византийских переговоров, не только был заключен взаимовыгодный торговый договор, но и наметились пути к установлению партнерских отношений. Брачные контакты между правящими домами Абхазского и Армянского царств стоит рассматривать в рамках курса на сближение с Византией, проводимого Смбатом. Леониды, в указанный период, являлись союзниками империи, отметим, что последняя способствовала приходу к власти Баграта I. Кроме того, к поддержанию добрососедства с Абхазским царством, Смбата должна была подталкивать и агрессивная политика Саджидов. Между 890 и 892 гг., на должность вали в обширное наместничество Азербайджан, был назначен Мухаммад ибн Аби'ль-Садж, более известный как Мухаммад ал-Афшин. В середине 890-х гг. отношения между Саджидами и Армянскими Багратидами ухудшились. Известно о двух походах ал-Афшина против Смбата I. Саджид захватил разрушенный землетрясением Двин, однако был разбит армянами у горы Арагац. Вторая военная акция ал-Афшина имела успех, он сумел навязать Смбату унижительный мир. В 898 г. халиф вознаградил Саджида, утвердив за ним еще одно наместничество — Арминию. В том же году ал-Афшин возобновил военные действия против армян. После захвата Нахичевани, он приступил к осаде Карса. По словам Иованна Драсханакертского, «... пошел и осадил крепость Карс в гаваре Вананд, ибо там, скрываясь и таясь, поместились и пребывали, принявшая монашество, одетая во власяницу царица Армении и ее невестка – дочь царя егерского (абхазская царица – Авт.), а также жены воинов-азатов. Хранителем

крепости был хананит Хасан из рода Гндуни, [человек] очень верный, управляющий всего дома царского. Кроме того, в сокровищнице крепости хранились казна и много добра царского» (Иованнес 1986: 140). Хасан принял решение о сдаче крепости, предварительно вытребовав у ал-Афшина письменную клятву не чинить кровопролития. Саджид сдержал обещание «...он не предал их тревогам и сомнениям опасности смерти или заключения в темницу, но вывел вон множество рамиков, избавив их от многих насилий, а с собою он взял и повез в Двин только царицу с ее невесткой, правителя дома царского и нескольких жен азатов...» (Иованнес 1986: 140). Смбат незамедлительно вступает в переговоры с остиканом. В обмен на находившихся в плену царственных женщин, ал-Афшин «потребовал у царя как заложников старшего сына его [Ашота] и сына брата его Саака, а дочь младшего брата его Шапуха – себе в жены» (Иованнес 1986: 141). Смбат выполнил все условия выдвинутые Саджидом, однако, жена царевича Мушега, абхазская царевна осталась в плену. Армянский царь не прекращал попыток освободить членов венценосного семейства. В Ани произошла встреча Смбата, с находившимся на службе у ал-Афшина, евнухом Васифом (Иосепом), греком по происхождению. Богатые дары, преподнесенные царем приближенному Саджида, позволили пленникам обрести свободу. Иоанн Драсханакертский сообщает: «...начальник евнухов поспешил отложиться и бежать от Афшина. Взяв с собой сына царского Ашота, который как заложник находился в заключении у начальника евнухов, а также жену брата его Мушела, которая была захвачена в плен и увезена из крепости Карс, он поторопился прибыть к царю Смбату и вернуть ему сына его, вместе со снохою. Весьма обрадованный этой милостью божьей и спасением пленных, он благосклонно оказал содействие начальнику евнухов и с великой благодарностью, щедро одарив его подарками и приношениями, отправил в пределы сирийские. Евнух направился к границам Египта и там был схвачен и убит своим амирапетом» (Иованнес 1986: 145). Вышеописанные события датируются 900 г. Между тем, разгневанный ал-Афшин занялся было приготовлениями к продолжению военных действий против армянского царя, однако в марте 901 г. умер от чумы в Барда. Его место занял Дивдад ибн Мухаммад,

но уже в августе он был смещен дядей Юсуфом ибн-Абу-с-Саджем (Абу-л-Касимом). Новый вали стремился навязать свое верховенство армянским царствам, успешно противопоставляя Багратидам васпураканских Арцрунидов. Царь Смбат, попытался выйти из подчинения Юсуфа ибн-Абу-с-Саджа, он направил посла к халифу «с обещанием блюсти беспрекословное повиновение и уплачивать годовую дань непосредственно в багдадскую казну» (Кораяев, Янь 2023: 495).

К этому времени следует отнести начало военных действий между Армянским и Абхазским царствами. Согласно анонимной «Летописи Картли», их инициатором являлся Константин III, около 904 г. он овладел картлийскими землями. Скорее всего, последний поставил под свой контроль не только Внутреннюю Картлию, но и Верхнюю Картлию или Гугарк. Вот как это событие освещает армянский историк: «В это время наглый, строптивного нрава царь егерский (т. е. абхазский – Авт.) Костандин, устремляя очи не на справедливость, а на вероломные замыслы, собрал войско и двинулся, пустился в путь, пошел в северные края, что находятся в долинах Кавказских гор, чтобы подчинить себе и страну гугаров, обитающих близ Аланских ворот. Но, так как тот народ признавал, подчинялся и покорялся царю Смбату, то царь Вирка Атрнерсех поторопился написать царю егерскому, который был его зятем, чтобы он рассеял, уничтожил, вырвал из сердца бесполезный, несправедливый и суетный замысел» (Иованнес 1986: 153). В ответ на ультиматум покинуть Картлию, Константин ответил отказом: «не дам тебе вотчинные земли мои» (История анонимного повествователя 1971: 187). Абхазы считали «свои притязания на Картли настолько обоснованными, что Константин включал этот край в своё «отечество», несомненно, желая утвердить в средневековом правопонимании мысль о том, что Картли является составной частью Абхазского царства» (Хонелия 1967: 13). Согласно Псевдо-Шапуху, обстановка обострилась из-за действий Смбата. Летописец, в частности, отмечает, что абхазский монарх «...призвал к себе Мушега, зятя своего, и засадил его в темницу. И отправил Мушег гонца к своему отцу Смбату, мол: «Из-за земель, которые ты отнял у царя абхазов Датоса (на самом деле Константина – Авт.), он заковал меня в железные ковы» (История анонимного повествователя 1971: 187).

Р. А. Хонелия предположил, что «Мушег, будучи зятем абхазского царя, выполнял роль посредника между своим тестем и отцом еще до начала военных действий. Но не ясно, как он оказался в лагере абхазов в период войны и на каких правах там пребывал» (Хонелия 1965: 96). Если сведения Псевдо-Шапуха верны, то вступление Константина III в войну против Армянского царства, было спровоцировано некими действиями Смбата I, которые шли в разрез с условиями заключенного ранее договора, а армянский царевич, фактически оказался в заложниках у абхазского царя. Сомнительно, что Константин смог бы пойти на такой шаг в то время, когда его дочь или сестра, невестка Багратидов находилась на территории Армянского царства. Логично предположить, что Мушег прибыл в Абхазию в сопровождении своей, недавно освобожденной из плена, супруги. Военная кампания развивалась стремительно. Армянскому царю активно помогал Адарнасе Куропалат. Смбат «с большим войском подступил к Уплисцихе ... хитростью овладел крепостью» (Летопись Картли 1982: 51). Во время мирных переговоров, инициированных правителем Тао-Кларджетии Адарнасе, тестем царя абхазов, Константин был обманом захвачен и передан армянскому царю. Царевич Мушег, находившийся вместе с ним, вернулся на родину. Пребывание Константина в плену у армянского монарха в крепости Ани оказалось недолгим, спустя четыре месяца он был отпущен. По сообщению католикоса Иоанна Драсханакертского, такое решение Смбата было связано с тем, что абхазская знать решила, взамен томившегося в неволе Константина, избрать нового царя. (Иованнес 1986: 153). Последний мог возобновить военные действия против Армянского царства, чего Смбат пытался избежать любой ценой, так как в этот момент его государству серьезно угрожали Саджиды (Летопись Картли 1982: 51). По данным Псевдо-Шапуха, абхазская сторона вынуждена была пойти на некоторые территориальные уступки: «...царь Абхазии, отдал Кангарк, Готшен и Кол. И заключили они друг с другом мир» (История анонимного повествователя 1971: 192). Ряд исследователей полагают, что мирный договор был скреплен еще одним матримониальным альянсом между представителями двух правящих династий. Соответствующий пассаж из «Летописи Картли» допускает такую интерпретацию. «Сумбат и

Костанти полюбовно договорились, и вернул (Сумбат царю абхазов) Уплисцихе и всю Картли» (Перевод М. Д. Лордкипанидзе) (Картлис Цховреба 2008: 143); «Однако добром породнились Сумбат и Констант и вернул он ему Уплисцихе и всю Картли» (Перевод Г. В. Цулая) (Летопись Картли 1982: 51). По мнению М. Селезнева, Константин женился на дочери Смбата (Селезнев 1850: 27). Аналогичную точку зрения высказал З. В. Анчабадзе, он считал, что младший сын Константина III, Баграт был рожден в браке с армянской царевной (Анчабадзе 2010: 361-362). К. Д. Кудрявцев высказался менее определенно, отметив лишь, что Смбат I «отдал дочь в дом Константина и мир был заключен» (Кудрявцев 1922: 110). Ш. Я. Амиранашвили писал, что брачные узы связали старшего сына Константина, Георгия и дочь Смбата, подтверждением чему может служить надпись из Атенского сиона (Амиранашвили 1957: 95-96). Вместе с тем, армянские источники не содержат данных, по поводу установления родственных связей между абхазским и армянским монархами, после событий вокруг Картли.

К сожалению, не сообщают они и о дальнейшей судьбе абхазской царевны, жены Мушега. Известно, что ее супруг, во время одного из военных столкновений с Саджидами, весной 910 г. был захвачен в плен на поле брани в округе Ниг: «А Мушел, оказавшись в окружении врагов, выказал на удивление всем необыкновенную храбрость, однако он не смог устоять в единоборстве с толпой» (Иованнес 1986: 162). В 913 г., после мучений и пыток он «расстался с жизнью, будучи опоен смертельным ядом. Тело его взял спарапет Ашот и отправил похоронить в усыпальнице предков его в Багаране» (Иованнес 1986: 165-166). «...Конфликт с арабской администрацией, в который оказался втянутым Смбат, превратился в настоящую войну» (Юзбашян 1988: 106), которая окончилась поражением и гибелью армянского царя.

Ко второй половине X в. относится заключение брака между абхазской царевной и сыном правителя (хорепископа) Кахетии. С конца IX в. во главе княжества стоял род Аравманелов. Кахетия охватывала значительную территорию: верховья бассейнов рек Иори и Алазани, Арагвское ущелье, Внутреннюю Картлию. В первой половине X века абхазы под руководством сначала Георгия II, а потом

его сына царевича Леона неоднократно вторгаются в Кахетию. Хорепископ Квирике понимая, что не располагает достаточными силами, чтобы дать отпор Леону, вступал в переговоры, надеясь выиграть время для поисков союзников против экспансии абхазских царей. В начале своего царствования Леон III заключил мир с хорепископом Кахетии. Возможно, последний постарался уверить царя абхазов в своей лояльности и предложил породниться. Однако участь дочери Леона оказалась печальной, она скончалась вскоре после свадьбы. Смерть абхазской царевны, невестки хорепископа Квирике, стала поводом для возобновления военных действий между Абхазским царством и Кахетией. Леон выступил в поход во главе большого войска и расположился на берегу реки Арагви. Планы абхазского царя в отношении Кахетинского хорепископства (княжества) были очевидны, он намеревался нанести по ней сокрушительный удар и окончательно поставить под свой контроль. И только внезапная болезнь и смерть Леона III спасли Кахетию от этой участи, но, как оказалось, лишь на время.

Благодаря целой серии брачных альянсов в IX-X вв. царям абхазов удалось не только встроиться в систему междинастических связей на Кавказе, но и занять лидирующие позиции в регионе. Матримониальные контакты Леонидов с некоторыми из правящих домов могли перерасти в традиционные, закрепляться и развиваться, как в случае с Багратионами Тао, другие же аристократические семейства выпадали из брачных расчетов царей абхазов, надо полагать, вследствие медиатизации. Стоит отметить, что политические цели, ради которых заключались брачные союзы, не всегда удавалось претворить в жизнь.

3.2. Византийское направление династических связей

При исследовании основных направлений династических контактов Абхазских Багратидов следует особо выделить матримониальные связи с империей. Впервые брачные узы связали представителя дома Абхазских Багратидов с Византией в начале 30-х гг. XI в., когда император Роман III Аргир выдал свою племянницу Елену замуж за царя Баграта III (Ioannis Scylitzae 1973: 377). Заключению этого брака, содействовала вдовствующая царица Мариам, по

сообщению «Летописи Картли», «мать царя абхазов Баграта, отправилась в Грецию искать мира и согласия, а также выхлопотать сыну своему сан куропалата, как заведено то в обычае их дома, да привести сыну невесту. Когда же предстала перед царем Греции, с радостью исполнил все желания ее: дал клятву и гарантию союза и любви и составил золотопечатную буллу, пожаловал (Баграту) сан куропалата и выдал в замужество ему царевну Елену» (Летопись Картли 1982: 65-66). Установление родственных отношений с василевсом призвано было упрочить положение Баграта в условиях разобщения правящей элиты Абхазского царства после смерти Георгия III.

Представители знатного рода Аргиров, к которому принадлежала супруга царя абхазов были выходцами из провинции Харсиан. По мнению французских византинистов Ж.-К. Шейнэ и Ж.-Ф. Ваннье, родоначальник знатной фамилии Лев Аргир (середина IX в. – Авт.) мог вести свое происхождение от патрикия Марина и его сына Евстафия (Cheynet, Vannier 2003: 58, прим. 8). Два довольно редких имени (Марин и Евстафий) прочно присутствовали в антропонимиконе Аргиров (Cheynet, Vannier 2003: 58). Как правило, Аргире связывали свою жизнь с воинской службой. Отец Елены Аргирополины, Василий, между 1017-1022 гг. являлся катепаном фемы Верхняя Мидия – новой провинции, Византийской империи, образованной на землях Васпуракана, переданного ромеям Сенекеримом Арцруни (Cheynet, Vannier 2003: 72). Император Василий II доверил опытному военному Василию Аргире новоприобретенные территории, но несмотря на солидный послужной список, большой особых успехов на Кавказе патрикий не достиг и был смещен (Seibt 1978: 61, Шандровская 1994: 153). Женитьба брата Василия, Романа в ноябре 1028 г. на дочери Константина VIII Зое вознесла Аргиров на вершину власти. Племянницы императора сделали выгодные партии. У Елены было две сестры. Одна из них стала женой армянского царя Иоанна Смбата, а другая – византийского военачальника Константина Диогена, в этом браке родился будущий император Роман IV Диоген (Cheynet, Vannier 2003: 78). Матримониальные альянсы представительниц рода Аргиров, свидетельствуют о важности Южного Кавказа для Византии.

Торжественное бракосочетание Елены и Баграта состоялось в Банском соборе. Считается, что сцена свадьбы нашла отражение в иконографии храма (Закарая 1992: 52-53, Eastmond 1998: 204). Отметим, что Елене были сопровождены церковные реликвии, в частности, гвоздь Христа Господня и ценные иконы (Vannier 1975: 48). Дата смерти супруги Баграта III неизвестна. Утвердилось мнение, что брак продлился недолго и царица ушла из жизни около 1033 г. Вместе с тем следует обратить на недружественные действия Баграта по отношению к империи, датируемые 1035 г., которые по утверждению Иоанна Скилицы, были продиктованы желанием царя абхазов отомстить императору Михаилу Пафлагону за причастность последнего к смерти «дяди жены» (Ioannis Scylitzae 1973: 396). В 1038 г. Баграт, которого Иоанн Скилица именуется «эксусиастом», начал военные действия против византийцев, напав на фему Иверия. На помощь катепану фемы Михаилу Иаситу был направлен domestик схол Востока, брат императора – Константин. Однако, ромеи не имели успеха, Константин вернулся в столицу «ничего не добившись» (Ioannis Scylitzae 1973: 402). Крайняя враждебность Баграта по отношению к Михаилу Пафлагону, выразившаяся в целом ряде военных мероприятий, по мнению Ж.-Ф. Ваннье, позволяет предположить, что Елена в указанное время была жива (Vannier 1975: 48, прим. 5). Соглашаясь, в целом, с точной зрения французского специалиста, отметим, что тенденция к ухудшению отношений между Абхазским царством и империей, наметилась, прежде всего, в связи с переходом под юрисдикцию Византии патримония Дмитрия Анакопийского, младшего брата царя. О корректировке внешнеполитического курса Абхазского царства может свидетельствовать выбор в качестве новой супруги Баграта III Борены, сестры Дургулеля, «дочери овсского царя» (Летопись Картли 1982: 66).

Значительным событием надо признать заключение брака между дочерью царя абхазов Баграта III, Марфой (Мартой) и представителем династии Дук. Впервые царица Марфа прибыла в Константинополь в 1056 г. в возрасте трех лет. Согласно Георгию Мцире, по просьбе императрицы Феодоры «царь ... Баграт с радостью великою отослал ... дитя свое Марфу с людьми искренними своими»

(Георгий Мцире 1997: 279). Однако надо полагать, что дело обстояло иначе, и Марфа была затребована Константинопольским двором в качестве заложницы. Пребывание абхазской царевны в Византии оказалось недолгим. Вскоре после ее приезда императрица Феодора скончалась и Марфе позволено было вернуться на родину. Краткий период пребывания абхазской царевны в Константинополе описан Георгием Мцире: «...как преставилась царица Феодора, тотчас Марфу, дочь Баграта, ввели во дворец. И как увидел святой этот (Георгий Святогорец – Авт.) Марфу, вслух всем пророчествовал и сказал: «Ведайте все, что сегодня царица вышла и царица вошла». И тогда осталась малое время и опять вверх увели Марфу» (Георгий Мцире 1997: 279). Не исключено, что «пророчество» Георгия Святогорца было созвучно планам абхазской дипломатии, использовать пребывание юной царевны при дворе Феодоры для обручения Марфы с представителем одного из знатных семейств империи, чьи шансы на занятие трона могли быть расценены как высокие. Внутриполитическая нестабильность в Византии после кончины Феодоры, вызванная борьбой за власть между различными группировками знати несколько отсрочила реализацию матримониальных планов Багратидов, но не отменила их. Брак Марфы с представителем императорской семьи способствовал бы упрочению позиций Баграта III, поскольку под властью царя абхазов на тот момент находились только земли «расположенные ниже Лихи», без Анакопийского удела. Так называемыми «верхними землями» управлял Липарит, не только пользовавшийся доверием византийцев, но сумевший расположить к себе и сельджуков. Ситуация изменилась после того, как в результате заговора знатных вельмож во главе с Сулой Калмахским Липарит был пленен и доставлен к царю. Липарит принял постриг и удалился в Византию, где скончался в 1060 г. Несмотря на то, что опасный соперник сошел с политической сцены и угроза раскола государства миновала, для сохранения стабильности и усиления позиций абхазской короны взаимоотношения с Византией были крайне важны. Установление родственных связей с императорским семейством лишило бы возможности оппозиционно настроенных по отношению к центральной власти представителей знати, по традиции, искать поддержку у Константинополя.

Все более нарастающая угроза со стороны тюрок-сельджуков как для Абхазского царства, так и для империи подталкивала обе стороны к военно-политическому сотрудничеству. Заинтересованность византийцев в приобретении союзников стала особенно высока с приходом к власти династии Дук. «Внешнеполитическое положение Византии в начале правления Константина X было достаточно стабильным, но уже через несколько лет обстановка на границах стала угрожающей. С начала 60-х гг. империи пришлось вести непрерывную войну сразу на трех направлениях – на Востоке, на Балканах и в Южной Италии. Противники Византии не ограничивались грабительскими набегами на приграничные районы, они перешли к территориальным захватам» (Мохов 2011: 65). Между тем военная политика Константина X Дуки оценивалась современниками как крайне неудачная: тотальное сокращение финансирования армии и численности войск, рост значения наемных отрядов. «Недовольство в среде военных постепенно нарастало и, в итоге, вылилось 23 апреля 1060 г. (день св. Георгия) в попытку свержения» императора, «...однако реализовать свои планы мятежникам не удалось» (Мохов 2011: 60). Не доверяя собственным военным, Константин все более был склонен опираться на наемников, в том числе и с Кавказа. От мероприятий Константина X особенно сильно пострадали стратиотские ополчения малоазийских провинций и контингенты восточных пограничных фем. В условиях сокращения военных ресурсов византийцев на этом направлении и нарастающей деградации национальных вооруженных сил, царь абхазов представлялся важным союзником в борьбе с сельджуками. Константин X, находившийся под сильным влиянием своего окружения, не являлся самостоятельной политической фигурой (Мохов 2011: 59). Ближний круг императора составляли лица, способствовавшие его воцарению, среди них младший брат, кесарь Иоанн Дука, номофилакс, а позже Константинопольский патриарх Иоанн Ксифилин и проедр, ипат философов Михаил Пселл. Последний был воспитателем наследника престола. Несомненно, что такое важное решение как выбор невесты для Михаила Дуки принималось не без участия императорского

окружения, более того, не исключено, что кандидатура абхазской царевны могла быть предложена кем-то из советников Константина.

Если анонимный автор весьма краток, сообщая о замужестве Марфы одной строкой: «И выдал царь Баграт дочь свою Марфу в замужество за царя греческого» (Летопись Картли 1982: 73), то Георгий Мцире более информативен. Он повествует: «Отправились же мы сюда в то время, когда царевну Марфу в невесту себе привел Константин Дукиций, царицей в Царский этот город, как написали мы уже прежде о пророчестве старца, ибо, увозя ее прежде нас, сказала Мариам, мать Баграта, старцу: «Вот, отче, исполнилось пророчество твое о Марфе». И так увезли ее с великим почетом в Царский <град>. От царя же послан был Арон, а от своего отца были при ней блаженный старец Петрэ, бывший Патрикий, и Иоанэ, Бедийский архиепископ и синкелл, и иной народ многочисленный, кто прежде нас пришел туда» (Георгий Мцире 1997: 299).

Приезд царевны Марфы (Марты) в Константинополь произошел, согласно источникам, через девять лет после первого посещения ею ромейской столицы. Следовательно, прибытие императорской невесты, в сопровождении многочисленной свиты в Византию, можно датировать 1065 г. До совершения бракосочетания Марфа повторно прошла обряд крещения, получив новое имя – Мария. Супруг абхазской царевны, старший сын императора Константина X Дуки и Евдокии Макремболитиссы, Михаил был человеком образованным, увлекавшимся философией и сочинением стихов. Михаил Пселл, характеризуя своего воспитанника, писал: «Царский блеск не заботит Михаила, и он хочет, чтоб его голову красил не венец, а образы добродетели» (Пселл 2003: 196). Но именно ему предстояло взойти на трон в 1071 г., после трагического для империи поражения при Манцикерте. В условиях все более ухудшающейся политической обстановки, правление склонного к литературным штудиям, а не к военным занятиям императора вряд ли могло быть удачным. В 1074 г. у императорской четы родился сын Константин. Еще будучи младенцем, он был обручен с дочерью могущественного правителя Сицилии Роберта Гвискара, Еленой (Олимпиадой). Сохранился хрисовул Михаила VII, подтверждающий данный факт (Безобразов

1899: 140-143). Нормандская принцесса прибыла в Константинополь в 1076 году, чтобы подготовиться к будущей роли «августы» (Kolia-Dermitzaki 1997: 252). Согласно византийской традиции, обязанности по воспитанию юной Елены должна была взять на себя свекровь. По некоторым данным, уже к 1078 г. Константин мог быть объявлен соправителем отца (Falkenhausen 1982: 60).

Степень влияния императрицы Марии при дворе Дук вероятно была невелика, долгое время она находилась в тени матери Михаила VII, Евдокии Макремволитиссы. Михаил Пселл отмечает кротость и скромность Марии: «никто, кроме мужа, не слышал звука ее голоса, и без украшений она прекрасней, чем когда по необходимости их надевает». Тот же автор не преминул «воздавать царице хвалу за ее род, богатством и древностью превосходящий любой царский, хватит с нее нрава ее несравненного и красоты неподражаемой» (Garland, Ripp 1999: 197).

Мнение о том, что благодаря Марии под контроль абхазской короны в 1073 г. были возвращены Анакопийский удел и ряд крепостей в Тао, представляется не вполне обоснованным. В «Летописи Картлии» говорится, что занявший абхазский престол после смерти в ноябре 1072 г. Баграта III, Георгий IV «отобрал у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артаани. А затем... взял он город Кари – крепость (с прилегающими) землями» (Летопись Картли 1982: 78). После битвы при Манцикерте, а возможно и ранее, концу правления Константина X Дуки, произошла ликвидация системы территориальных военных командований (фем) на Востоке. Византийцы просто были не в состоянии удерживать за собой эти территории. Сообщая о передаче Георгию IV великим domestikом Востока (арм. – зоравар) Григорием Пакуриани крепости Карс, анонимный автор «Жизни царя царей Давида» отмечает: «когда же усилились турки, покинули греки свои земли, крепости и города, принадлежавшие им на Востоке, и ушли. Турки же взяли [владения греков] и поселились в них. И, приблизившись к нашим границам, стали они нашими соседями...» (Картлис Цховреба 2008; 181). Тяжелая военно-политическая обстановка заставила

византийцев покинуть и Анакопийскую крепость, которая тут же перешла в руки царя абхазов.

Семилетнее правление Михаила было отмечено усилением внутривосточного кризиса и многочисленными мятежами, для подавления которых император вынужден был обращаться за помощью к сельджукам. В 1077 г. против Михаила Дуки, практически одновременно восстали два полководца Никифор Вриенний и Никифор Вотаниат. Оба двинули свои войска на Константинополь. Между тем, согласно Матфею Эдесскому, склонность Михаила к аскетизму, привела к прекращению супружеских отношений с Марией, в силу чего императрица проявляла сочувствие к мятежникам (*Chronique de Matthieu d'Édesse* 1858: 178). Византийский автор Георгий Кюдин также обвиняет ее в предательстве мужа (*Κωδινός Γεώργιος* 1843: 158). В марте 1078 г. Михаил VII вынужден был отречься от престола в пользу Никифора Вотаниата. Бывший император принял постриг и удалился от мира, позже он занял кафедру митрополита в Эфесе. Его жена Мария и малолетний сын Константин Порфирородный Дука были отправлены в монастырь Петри (*Исторические записки* 1997: 137).

3 апреля 1078 г. на Константинопольский престол взошел Никифор Вотаниат. Желая упрочить свое положение и подчеркнуть преемственность власти, новый император решил связать себя брачными узами с супругой свергнутого Михаила Дуки. Г. А. Острогорский писал: «Для того, чтобы установить связь с домом Дук и таким образом отдать должное византийскому чувству легитимности, он женился на императрице Марии, супруге своего предшественника» (*Острогорский* 2011: 137). Устроению этого брака способствовал Иоанн Дука, дядя Михаила, он «говорил Никифору, что Мария — чужеземка, у нее нет толпы родственников, которые стали бы докучать императору, неоднократно с похвалой отзывался о ней и много рассказывал о роде и красоте Марии» (*Анна Комнина* 1965: 119).

Если с политической точки зрения подобный выбор выглядел вполне обоснованным, то с точки зрения церковного права представлялся более чем сомнительным. Никифор Вриенний отмечал: «...василевс с царицею, как жених с

невестой, стояли уже перед дверями святилища. Но долженствовавший обручить их (священник) одумался и стал опасаться низложения; потому что василевс Михаил Дука, муж Марии, и супруга Вотаниата от второго его брака — были еще живы» (Исторические записки 1997; 136). Согласие Марии на брак, скорее всего, было продиктовано желанием обеспечить будущее своего порфирородного сына. После бракосочетания Марии и Никифора Вотаниата, юный Дука был объявлен наследником императора. «Взаимовыгодный политический компромисс ... был закреплен чеканкой монет с изображением Никифора и Марии как «верных в Боге василевсов Ромеев» (Малахов 2022: 57). В 1081 г. в знак расположения к родственникам супруги Вотаниат даровал титул «кесаря» ее брату. Со временем император, не имевший сыновей, стал склоняться к тому, чтобы сделать своим преемником одного из представителей семьи Синадинов, своих близких родственников.

По словам Анны Комнины, императрица Мария была крайне обеспокоена изменением позиции императора в вопросе престолонаследия. Она быстро поняла, что при такой перспективе шансы ее сына когда-нибудь занять трон просто ничтожны. Это обстоятельство сблизило императрицу с братьями Комнинами. Представители знатного семейства, братья Исаак и Алексей, вынашивали далеко идущие политические планы и желали видеть Марию своей союзницей. Занимавшиеся подготовкой переворота, Комнины не могли недооценивать роль императрицы в деле легитимации власти будущего василевса. «Они просили, чтобы императрица считала их своими друзьями и земляками — людьми из одной с ней земли... и призывали ее не терять присутствия духа, говоря, что с божьей помощью они окажут ей деятельную поддержку и благодаря их содействию ее сын Константин не лишится власти» (Анна Комнина 1965: 93-94). Комнины имели доступ в покои императрицы, поскольку Исаак был женат на ее двоюродной сестре, а Алексей был усыновлен Марией. Братья действовали весьма умело, сделав своими пособниками людей из ближайшего окружения венценосицы. Анна Комнина сообщает, что императрица согласилась стать приемной матерью Алексея, поддавшись уговорам «слуг женских покоев». «Она соглашается с ними,

и, когда в назначенный день оба брата явились во дворец, императрица, по установившейся издавна для этих случаев форме, усыновляет Алексея. Благодаря этому великий domestik западных войск избавился на будущее от многих забот» (Анна Комнина 1965: 92). По справедливому замечанию С. Н. Малахова, дальновидный Алексей рассматривал адопцию, как один из механизмов легитимации своей власти после переворота (Малахов 2022: 54). Но акт усыновления, судя по всему, не помешал Марии вступить в связь с Алексеем Комнином, о чем свидетельствует Иоанн Зонара (Ioannis Zonarae 1897: 733). Отметим, крайне критическое отношение к этой информации указанного автора, высказанное греческим исследователем Димитрисом Кунтуракисом. По мнению специалиста, негативный настрой Иоанна Зонары к клану Комнинов, ставит под сомнение объективность его оценок.

Императрица приняла деятельное участие в заговоре, имевшем целью свержение ее супруга, Никифора Вотаниата. Мария и Комнины быстро вошли в соглашение и заключили негласный договор, согласно которому Константин Порфирородный Дука, в случае успеха восстания Комнинов, будет признан соимператором Алексея с правом носить пурпурную обувь и царское платье. В конце марта 1081 г. Никифор Вотаниат был свергнут, а уже 4 апреля императором был провозглашен Алексей Комнин. Мария с сыном не спешила покидать императорский дворец, что дало повод для пересудов. По словам Анны Комниной, эта задержка была обусловлена следующими обстоятельствами: «После провозглашения Алексея Комнина мать Константина, императрица Мария, убежденная советами кесаря, попросила у самодержца скрепленный красной подписью и золотой печатью документ о том, что она и ее сын будут находиться в безопасности, и, более того, что Константин станет царствовать вместе с Алексеем, будет обут в красные сандалии, получит венец и его вместе с Алексеем провозгласят императором. ... Устроив таким образом свои дела, Мария вместе с большой свитой выступает из дворца с намерением поселиться в доме, построенном покойным императором Константином Мономахом возле монастыря великомученика Георгия (это место до сих пор на простонародного языке

называется Манганы). Марию сопровождал севастократор Исаак» (Анна Комнина 1965: 124). Однако, известный исследователь П. Готье ставит под сомнение версию событий, изложенную в сочинении византийской царевны. Он пишет: «Нет никаких сомнений в том, что новый император, который был еще молод, питал нежные чувства к Марии и намеревался развестись со своей некрасивой женой Ириной, чтобы вступить в новый брак» (Theophylacti Achridensis 1980: 63). Показательно, что отношения между семействами Комнинов и Дук сразу после переворота ухудшились. Коронация Ирины была отложена на неопределенный срок. Действительно, наиболее надежным образом обеспечить права наследования для своего сына Мария могла, вступив в новый брак. Поэтому после успеха переворота Комнинов, она пыталась реализовать свои намерения, надеясь на поддержку матери нового императора, весьма прохладно относившейся к своей невестке, и личную симпатию Алексея, карьерный взлет которого при Никифоре Вотаниате, во многом, был обусловлен благосклонностью Марии. Не исключено, что последняя ожидала рождения ребенка от Комнина. Рассматривая нереализованный проект брака между неизвестной дочерью Алексея I и сыном сельджукского султана Малик-Шаха (в 1091/1092 гг.), А. Ю. Митрофанов высказал предположение, что потенциальной невестой могла являться дочь императора, рожденная от связи с Марией (Митрофанов 2023: 34-38). Гипотеза представляется весьма любопытной, но недостаточно аргументированной, в силу отсутствия прямых свидетельств источников.

Против Марии было сразу несколько обстоятельств. Брак с Алексеем Комнином стал бы для нее уже третьим, что по церковным канонам выглядело, по меньшей мере, предосудительно, при том, что оба бывших супруга Марии были живы. И Михаил, и Никифор удалились от мира под воздействием обстоятельств политического свойства. В свое время заключение брака императрицы с Вотаниатом выглядело весьма скандально. Достаточно отметить, что последний в наказание за вступление в брак с Марией, при жизни ее супруга, был отлучен от церкви и анафемствован папой Григорием VII на соборе в Риме 19 ноября 1078 г. О крайне отрицательном отношении к заключению данного союза клира

Константинопольского патриархата было сказано выше. Существенным препоном для матримониальных планов Марии являлся акт адопции: Алексей Комнин был усыновлен императрицей. Обычай сынотворения в Византии производился посредством религиозного христианского обряда, согласно особому церковному чиноположению. «По византийским законам, ... усыновление, в церковной его форме, вообще приравнивалось, в смысле порождаемых им родственных отношений, к восприимчивости от купели Святого Крещения и составляло препятствие ко вступлению в брак в тех же степенях, как и последнее, т. е. до седьмой степени включительно» (Григоровский 2008: 12). Принципиальная позиция духовенства, во главе с Константинопольским патриархом Косьмой, который безоговорочно поддержал законную супругу Алексея, заставила последнего отступить от своих планов, а Марию – признать поражение.

Император сдержал свое слово, объявив соправителем сына покойного императора Михаила VII Дуки и Марии Абасгской – Константина. Последний «... царствовал вместе с самодержцем..., вместе с ним подписывал красными чернилами дарственные грамоты, в процессиях сопутствовал с тиарой на голове, в славословиях же упоминался на втором месте...» (Анна Комнина 1965: 189), с ним была обручена старшая дочь Алексея, Анна. Действия василевса, по мнению Д. Оболенского, «указывали на то, что Константину предстоит унаследовать императорский престол» (Оболенский 1998: 429).

Рожденная в 1083 г., старшая дочь Алексея Комнина, Анна была обручена с Константином Дукой и отдана на воспитание Марии. По мнению А. Ю. Митрофанова, император тем самым преследовал вполне определенную цель – «породниться с формальным наследником престола, каковым до рождения Иоанна II Комнина (в 1087 г.) оставался Константин Дука» (Митрофанов 2023: 26). «В Византии церковное обручение рассматривалось в описываемую эпоху как состояние, равносильное браку...» (Митрофанов 2021: 201).

Малолетний Константин Дука был поручен заботам известного ученого и религиозного деятеля Феофилакта. В 1085 г. он обратился к своему питомцу с торжественной речью, в которой прославлял не только Константина, но и Марию.

Соправитель василевса и его мать продолжали пользоваться благосклонностью императора. Однако «Белокурому Менелаю», Константину Дуке, за права которого боролась его мать не суждено было взойти на престол. В 1087 г. ее «надежды ... рухнули, так как супруга Алексея родила сына Иоанна, который и стал наследником Алексея I.» (Оболенский 1998: 429). Константин был лишен статуса соправителя, Мария удалилась в монастырь, но сделала это, согласно Иоанну Зонаре, не вполне добровольно (Iohannes Zonaras 1897: 733). Тем не менее, по словам Анны Комниной, «самодержец любил его (Константина – Авт.) как своего сына, заботился о нем и делал ему, также как и его матери, императрице, всевозможные послабления» (Анна Комнина 1965: 254-255). Восприятие ангельского чина не примирило Марию с ее участью, она «продолжала интересоваться современной политической жизнью, о чем свидетельствует ее участие в заговоре Никифора Диогена...» (Theophylacti Achridensis 1980: 65). Бывшая императрица состояла в переписке с главой заговорщиков и была осведомлена об их планах. Императору этот факт стал известен после ареста Никифора Диогена, но Алексей «решил оставить в тайне» участие Марии в злоумышлении против василевса, как отмечала Анна Комнина: «он делал это в память того взаимного доверия и согласия, которое существовало между ними еще до того, как он вступил на престол» (Анна Комнина 1965: 259). Чтобы вывести Марию из-под удара, специально были инспирированы ложные слухи о том, что она отговаривала Никифора Диогена от цареубийства, а замыслы последнего были открыты императору ее сыном.

Смерть Константина в возрасте 21 года, положила конец активным политическим интригам Марии. Возможно, ей все же пришлось понести наказание, за участие в заговоре против василевса. Пассаж из эпистолы Феофилакта Охридского, о том, что в 1095 г. он намеревался навестить императрицу на Принцевых островах, свидетельствует о том, что Мария находилась в изгнании (Байрам 2015: 479, Alexidze 1991: 206). Он писал: «Пусть знает твоя царственность, что я множество раз и подолгу приставал к матросам, чтобы они повернули руль и направили паруса на островок Прикипо, где счастливо пребывает твое величество.

Но для них мои грозные вопли не долетали, думаю, из-за того, что уши им забивал еще более грозный вой северного ветра» (Theophylacti Achridensis 1980: 65). Принцевы острова (греч. Πξηθηεπόλλεζα) – архипелаг, расположенный в Мраморном море, недалеко от столицы империи, не раз становились местом ссылки негодных власти представителей знати, в том числе и женской части императорского дома. И. Ю. Ващева отмечает: «гендерный анализ показывает, что среди заключенных было много женщин. Нам известно не менее 10 представительниц царского рода, окончивших свою жизнь в монастырях Принцевых островов. Причем большая часть из них пребывала в монастырях архипелага не в качестве ссыльных или заключенных, а как благочестивые вдовы, добровольно (или не очень) принявшие постриг после смерти своих муж» (Ващева 2020: 735). На самом большом острове архипелага Принкипо располагалась женская обитель, «в стенах которой перебивало множество высокопоставленных особ» – императрица Зоя, мать Алексея Комнина Анна Далассина, его супруга Ирина Дукена, позже жена Андроника Комнина, Ирина Айнейадисса (Иванов 2013: 590-591). Та же участь постигла и Марию Авассгиссу.

После кончины единственного сына, бывшая императрица прожила насыщенную духовными исканиями жизнь. Анна Комнина сообщает о том, что ее попечительница обладала земельной собственностью на Балканах, в частности, во Фракии, в Христополе. Данные археологических изысканий, последних лет, дают основание полагать, что Мария основала частный женский монастырь на горе Папикион. По мнению Д. Контуракиса, главный храм монастырского комплекса имеет в основании культовую постройку более раннего времени. Во второй половине XI в. за счет денежных средств, выделенных Марией, здание подверглось реконструкции (Κουντουράκης 2021: 467). Во время раскопок найдены одиночные захоронения, одно из которых Никосом Зекосом было идентифицировано, как принадлежавшее Марии-Марфе. В гробнице № 10, у северной стены храма, обнаружен золотой перстень-печатка с надписью «Μαρνας Βοτqniathna». Скорее всего, он был изготовлен после принятия императрицей пострига, и использовался Марией для запечатывания корреспонденции. Известно, что она вела обширную

переписку с религиозными и политическими деятелями. Без сомнения, Мария поддерживала связь со своей родиной. Мария упомянута в деяниях Руисско-Урбнийского собора Картлийского католикосата, созванного Давидом Возобновителем в 1103 г., что, по мнению австралийской исследовательницы Линды Гарланд, свидетельствует о большом уважении к абхазской царевне и бывшей византийской императрице (Garland, Ripp 2006: 101). На момент проведения собора Марфа (Мария) была жива. Скончалась она, предположительно в 1105 г. и похоронена в монастыре на горе Папикион (Garland, Ripp 2006: 101). В свете последних изысканий греческих археологов, выражено мнение о том, что прах Марии впоследствии, мог быть перезахоронен в Константинополе или Иерусалиме (Микаберидзе 2005: 150).

Как справедливо подметил А. Микаберидзе: «Чрезвычайно интересным явлением кажутся множественные письменные и художественные свидетельства о личности Марии-Марфы; ...такими многочисленными и детальными биографическими сведениями и изображениями обеспечены лишь немногие исторические деятели византийского времени» (Микаберидзе 2005: 145).

Воспитаннице Марии, Анне Комниной мы обязаны подробным описанием внешности императрицы: «...была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы... Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению. ...» (Анна Комнина 1965; 119). Портрет императрицы хотя и составлен в соответствии с византийской литературной традицией, все же не лишен и индивидуальных черт. Можно было бы обвинить Анну в пристрастности, если бы не многочисленные, совершенно согласные друг с другом, восторженные отзывы других авторов о Марии. «Вряд ли можно говорить о существовании в Византии каких-то точно установленных стандартов идеальной красоты, хотя в практике византийского двора и были, видимо, определенные нормативы, удовлетворять которым должна

была, например, невеста императора» (Две книги 2001: 408). Похоже, что Мария обладала выдающимися внешними данными, которые способствовали успеху ее политической деятельности.

Сохранилось несколько изображений императрицы Марии. На эмальерной пластине Хахульского триптиха представлена сцена коронации Марии и ее первого супруга Михаила VII Дуки. Император изображен с лабарумом и маппой, а Мария – с жезлом, увенчанным крестом. Вверху композиции – фигура Христа, простирающего руки над венценосцами. Композицию сопровождает хорошо читающаяся надпись на греческом языке. Дробница с изображениями византийской императорской четы видна и при закрытых створках триптиха. «Эта эмаль, расположенная в замковой части складня на самом видном и почетном месте, с тремя медальонами на створках, с набором эмалей на киоте прямо под центральным образом Богородицы, составляют единую композицию царского венчания, небесного благословения и божественного подтверждения их земного величия над смертными» (Беручашвили, Бичикашвили 2002: 177). Иконы-складни, подобные Хахульской, преподносились императорским двором в дар иноземным государям. Местом пребывания триптиха был Гелатский монастырь. На одной из миниатюр рукописи Слов Иоанна Златоуста, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке, Мария представлена вместе со вторым супругом, Никифором Вотаниатом. Императорскую чету, облаченную в роскошные одежды, благословляет Иисус Христос. В миниатюрной Псалтири, из фондов Государственной публичной библиотеки (греч. № 214, л.1), выполненной около 1080 г., инициал в форме буквы «М» составляют три фронтально поставленные фигуры в императорских одеяниях. Они представляют венценосное семейство: Михаила VII, его супругу и их порфирородного сына Константина. Над фигурой императрицы надпись: «Maria auto(kra)t(orissa)» («Мария автократорисса») (Лихачева 1976: 42-44). В храме монастырского комплекса на горе Папикион сохранился фрагмент росписи – изображения женщины и юноши в роскошных облачениях, свидетельствующих об их высоком статусе. Иконографические особенности, позволяют видеть в них портреты донаторов монастыря императрицы

Марии и ее сына, порфирородного Константина Дуки (Ζηκος 1994: 376, Κουντουράκης 2021:).

Французский исследователь В. Х. Рудт де Колленберг предположил, что две фигуры в императорском облачении, изображенные на одной из миниатюр алтаря базилики Святого Марка в Венеции, выполненной византийскими мастерами в технике перегородчатой эмали, а равно как и на бронзовых воротах базилики Монте-Сант-Анджело, посвященной архангелу Михаилу принадлежат царственной чете: Марии и ее первому супругу Михаилу Дуке (Ruth de Collenberg 1971: 309).

Хорошо известны императорские печати Марии, не раз становившиеся предметом исследований в специальной литературе (Нодия 1978: 146–155; Garland, Ripp 2006: 91–124; Чхаидзе 2021: 70-90). Одна из них, хранящаяся в Археологическом музее Стамбула, относится к периоду царствования Михаила VII Дуки. На лицевой стороне печати изображение Христа, а на обороте – император и его супруга, поддерживающие патриарший крест. Интерес представляет фрагментированная печать Марии из частной коллекции, на лицевой стороне которой помещен погрудный образ Христа Эммануила, а на оборотной – Мария в царском облачении, со скипетром, увенчанном трилистником в правой руке. По кругу надпись: «*ΜΑΡΙΑ ΕΥΣΕ...*», восстанавливаемая как «*Μαρία εὐσεβεστάτη ἀυούστα]*» («Мария, благочестивая августа») (Seibt 2011: 30, прим. 8). Печать может быть отнесена к 1078–1081 гг.

Византийский чекан XI вв. отличался разнообразием иконографических типов, зримо воплотивших идею теократии. В монетарной практике державы ромеев встречаются изображение императорских пар (Жекова 2017: 52-77). Как и в произведениях искусства, так и на монетах иконография василиссы практически идентична образу царственного супруга, оба представлялись с набором императорских регалий. Венценосная чета призвана была обеспечивать Божественное покровительство для империи.

Изображение императрицы Марии присутствуют на монетах, битых в период правления Михаил VII Дуки и Никифора III Вотаниат. Михаил, следуя примеру своего отца, поместил на монетах изображение супруги, а не своих братьев

Андроника и Констанция или сына Константина, официально являвшихся его соправителями (Catalogue of the Byzantine 1993: 799). Императрица представлена рядом со своим супругом на монетах как золотой, так и серебряной чеканки. Известно несколько типов золотых монет – тетартеронов с изображением Марии. На аверсе одного из них помещен образ Богородицы с медальоном младенца Христа в руках, на реверсе – обращенные друг к другу погрудные изображения императора и императрицы, Михаила и Марии, держащих длинный крест. Император в драгоценном лоре и короне с крестом и подвесками, его супруга облачена в лоратное одеяние с воротником стойкой, голову венчает островерхая корона с подвесками. На лицевой стороне надпись – «+ΘΚΕ ΡΟΗΘ», на оборотной – «+ΜΙΧ ΑΝΑ ΜΑΡΙΑ» (Catalogue of the Byzantine 1993: 807).

На аверсе одного из типов серебряных монет – миллиарсиев, помещены погрудные изображения Михаила и Марии, император в украшенной драгоценными камнями хламиде с застежкой на левом плече, на императрице – лорос, оба в коронах; между фигурами венценосцев – крест, установленный на трёхступенчатом постаменте. Легенда лицевой стороны: «EN TOVTW NIKATE ΜΙΧΑΗΛ S ΜΑΡΙΑ», оборотной стороны: «ΜΙΧΑΗΛ ΚΑΙ ΜΑΡΙΑ ΠΙΣΤΟΙ ΡΑCΙΛΕΙC ΡΩΜΑΙΩΝ» (Catalogue of the Byzantine 1993: 810; Дуткинский 2014: 124).

В период правления Никифора Вотаниата на тетартероне, как и на гистаменоне помещалась единственно фигура автократора, тогда как на миллиарсии – венценосная чета. Никифор и Мария изображены в императорском облачении, между ними патриарший крест. Легенда лицевой стороны: «EN TOVTW NIKATE ΝΙΚΙΩΡ ΚΑΙ ΜΩΙΑ», оборотной стороны: «+ΝΙΚΙΩΡ / ΚΑΙΜΑΡΙΑ / ΠΙCΤΙΟΡΑ / CΙΛΕCΩ / ΜΑΩΝ» (Catalogue of the Byzantine 1993: 810; Дуткинский 2014: 124). Рассмотренные монеты относятся к числу редких и очень редких.

Особо следует обратить внимание на вопрос об этнической принадлежности или даже этнической самоидентификации Марфы (Марии). Лично знавшие и контактировавшие с ней, Михаил Пселл и Анна Комнина, к сожалению, ничего не

сообщают по этому поводу. Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара именуют ее Марией Аланской. Ясность попытался внести византийский поэт XII в. Иоанн Цец. Его прабабка прибыла в Константинополь в свите будущей императрицы Марии и являлась ее родственницей. В своем труде «Хилиады» («Тысячи») Цец пишет, что госпожу Марию следует именовать не аланкой, а авасгиссой. Далее Цец утверждает, что иберы, авасги и аланы составляют один народ, иберы – первенствуют, авасги – вторые, аланы занимают третье место. Поэт не пояснил, что лежит в основе данного ранжирования, однако, отдавая первое место иберам, называет царскую дочь и императрицу Авасгиссой (Joannis Tzetzae 1826: 179). Видимо, в семейных преданиях Цецей сохранились четкие сведения об этнической принадлежности императрицы Марии, что не позволило византийскому поэту назвать ее иберийкой, несмотря на отдаваемое данному этносу предпочтение. Действительно, дочь правителя, чей статус определялся обладанием короной «царя абхазов» не могла относить себя к другому этносу, как только к тому, чье имя следовало за титулом ее отца. Вместе с тем, Мария, надо полагать, владела языком матери, которая, как известно была аланкой. Это обстоятельство и внесло известную путаницу.

А. Ю. Митрофанов, характеризуя Марию отмечает, что «красота сочеталась у императрицы ... с необычайным государственным умом и политической волей» (Митрофанов 2023: 26-27). Она сыграла важную роль в политической жизни Византии, биографии и личной жизни трех императоров. Р. Т. Принке приписывает интенсивные контакты абхазов с Византией, в период правления первых Комнинов влиянию бывшей императрицы (Prinke 2011: 498-499). Получили продолжение и матримониальные связи Абхазского царства с империей. По мнению ряда авторов, Мария имела отношение к «организации нескольких династических браков, и тем самым, очевидно, способствовала еще большему сближению этих двух стран» (Отарашвили, Микеладзе 2020: 117).

В 10-х гг. XII в. был заключен брачный союз между представителем византийской правящего дома и абхазской царевной. Согласно сообщению грузинского летописца, в 1116 г. младшая дочь Давида I Возобновителя отбыла в

Константинополь, в качестве невесты Комнина, в то время как старшая его дочь, Тамар к этому времени уже являлась женой ширванского шаха: «... свою дочь Катю отправил в Грецию в невестки к греческому царю. Ибо прежде этого, первородная его Тамар была отправлена им в царицы Ширвана» (Житие царя 1989: 283). Имя будущего супруга Каты хронист не называет. Вопрос о том, кому из Комнинов была предназначена в жены абхазская царевна является предметом длительной дискуссии. В качестве возможных кандидатов в научной литературе фигурируют имена двух представителей византийской правящей династии: Исаака и Алексея, соответственно брата и сына императора Иоанна II и Алексея Вриенния. Аргументы в пользу последнего претендента не подкреплены сколько-нибудь удовлетворительной источниковой базой, основываясь лишь на сообщении Иоанна Зонары о том, что некая девушка из Абасгии была предназначена в жены старшему сыну кесаря. Отец Алексея Вриенния, Никифор, являлся носителем этого высокого титула, будучи супругом Анны Комниной. Но свита абасгийской невесты, согласно сведениям того же Иоанна Зонары, радостно приветствовала Иоанна Комнина, с которыми Вриеннии вели бескомпромиссную борьбу за императорскую корону. Это обстоятельство выводит сына Анны Комнины из числа возможных кандидатов в супруги Каты, к тому же отождествление последней со «знатной авасгийкой» тоже весьма проблематично.

Значительно больше оснований полагать, что Ката стала женой второго сына императора Алексея Комнина – Исаака, который носил титул «севастократора». Согласно сообщениям византийских авторов, у Исаака было два сына, Иоанн и Андроник. Последний хорошо известен как византийским, так и грузинским хронистам. Андроник, также как его отец Исаак и старший брат Иоанн, конфликтовал с императором, поэтому большую часть жизни провел за пределами родины, «перебывав у многих народов» (Никита Хониат 1860-1862: 180). Будучи непревзойденным мастером политической интриги, он постоянно был занят поиском союзников против василевса, тайком, а то и в открытую, нанося вред ромейскому государству, за что был предан церковной анафеме (Иоанн Киннам 1859: 278). Андроник не преминул возможностью воспользоваться

гостеприимством и царя Георгия V, о чем сообщает автор «Истории и восхваления венценосцев»: «Некогда к нему (т.е. Георгию – Авт.) пожаловал с красивой, светлоликой женой и детьми Андроник Комнен, сын сестры его отца... Возблагодарив бога, он принял его [как подобает] и оказал честь сообразно родственной с ним связи: одарил его городами и крепостями в достаточной мере, поставил престол поблизости к своему престолу, напротив Агсартана, приходившемуся отцу его племянником по сестре, царя Шарвана от Дербенда до Халхала...» (История и восхваление 1985: 26-27). Таким образом, согласно грузинскому хронисту XII в., Георгий V, Андроник Комнин и правитель Ширвана Агсартан состояли в близком родстве, являлись двоюродными братьями, что полностью подтверждает сообщения летописца Давида Возобновителя, о замужестве царевен Тамар и Каты. Родственные связи между потомками Андроника Комнина и Абхазскими Багратидами поддерживались и позже. После гибели Андроника и его сына Мануила, малолетние внуки императора, Алексей и Давид были тайно вывезены из Константинополя и пребывали при дворе царицы Тамар, которая, согласно Михаилу Панарету, являлась их теткой (Панарет 2019: 75). При содействии последней, Алексей стал основателем династии Трапезундских императоров (Жизнь царицы 1985: 45).

Довольно стройная и логичная картина, складывающаяся на основе согласных друг с другом сообщений грузинских и византийского авторов, подмывается данными Иоанна Цеца. В схолиях к «Хилиадам» византийский поэт упоминает супругу старшего сына императора Иоанна II, рожденного в браке с дочерью венгерского короля Ласло Святого, Пирошкой Арпад (в крещении Ирины), порфирородного Алексея, именем Ката: «Ἡ Κατάη γυνή ἦν τοῦ πορφυρογέννητου κυρίου 'Αλεξίου ἡς ὑπὸ χεῖρα ἡ Ἀσπᾶ, ἡτις Παλοαολόγω συνεζύγη» (Gautier 1970: 208). Следует также учесть, что «девушка из Абасгии», прибывшая в Константинополь накануне воцарения Иоанна II, предназначалась именно его сыну Алексею. Сведения о иноземной невесте вплетены в ткань повествования о событиях у ложа умирающего императора Алексея I. По словам хронистов, василевс был весьма расположен к старшему сыну, императрица же Ирина Дукиня,

мать Иоанна, напротив, благоволила дочери Анне и её мужу Никифору Вриеннию. Неудивительно, что в последние часы жизни Алексея в августе 1118 г. началась жесткая борьба за власть между двумя соперничающими партиями. «...Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены ...» (Никита Хониат 1860-1862: 3). Среди тех, кого он посвятил в свои планы, был не только его ближайший родственник – брат Исаак, но также, без сомнения, и будущие родственники, в лице прибывших в Константинополь с невестой для его сына Алексея, представители абхазской знати. Иоанн решил отправиться в Манганский монастырь, где находился император, дабы завладеть одним из атрибутов высшей власти – перстнем с печатью. Делал он это, по словам хрониста, с согласия умирающего василевса. После чего, проведя короткое совещание со своими соратниками, Иоанн в сопровождении свиты выехал из Манган, который фактически находился в осаде его приверженцев. Об этом подробно повествуют два хрониста Никита Хониат и Иоанн Зонара. Особенно ценно сообщение последнего, так как Иоанн Зонара являлся очевидцем описываемых событий. По его словам, «у самой ограды Манган его (т.е. Иоанна) встретили авасги – они были присланы из Авасгии вместе с девушкой, обрученной с сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена» (Ioannis Zonarae 1897: 761). Присутствие абхазов у стен Манганского монастыря не могло быть случайным, оно являлось выражением поддержки Иоанна, свидетельством вовлеченности их в конфликт дворцовых группировок. Именно авасги первыми приветствовали его как василевса, что позволило Иоанну Зонаре выделить их из разноликого константинопольского люда, и особо отметить это в своем историческом сочинении. Сообщение секретаря императорской канцелярии подтверждает и другой хронист, Никита Хониат: «В самом Манганском дворце и на улицах его (т.е. Иоанна) провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем» (Никита Хониат 1860-1862: 3). Решительные действия Иоанна и его приверженцев внесли смятение в лагерь их противников.

В повествовании о пребывании Андроника Комнина в царстве Абхазских Багратидов, анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» аттестует его не только как сына сестры отца Георгия V, но и как сына «брата великого кесаря Мануила, царя всего Запада и Греции» (Картлис Цховреба 2008: 250). В действительности же Андроник являлся двоюродным братом василевса. Называя его племянником Мануила, летописец либо руководствоваться информацией о замужестве царевны Каты, согласно которой ее супругом был Алексей, старший брат действовавшего императора (но, в таком случае, Андроник не мог приходиться двоюродным братом царю Георгию), либо он имел ошибочное представление о родственных отношениях в семействе Комнинов.

По мнению польского исследователя Р. Т. Принке, противоречия в сообщениях источников обусловлены тем, что между представителями династии Комнинов и знатными женщинами из Абхазии в течение 10-х гг. XII в. были заключены сразу два брачных союза, причем обе девушки носили имя Ката (Prinke 2011: 495), входившее в женский сегмент антропонимикона Абхазских Багратидов. При этом, дочь Давида Возобновителя, скорее всего, стала супругой Исаака Комнина (Prinke 2011: 496), а женой порфирородного Алексея – одна из ее родственниц. Такой подход как будто бы примиряет сведения византийских и грузинских авторов, однако не позволяет считать вопрос решенным.

Брак между младшей дочерью Давида Возобновителя и сыном императора Алексея, Исааком мог быть заключен в 1116/1117 гг. Отнесение замужества Каты к более раннему времени вступает в противоречие с данными «Истории и восхваления венценосцев». Сомневаться в достоверности сведений анонима особых оснований нет. Дата смерти императора Алексея I Комнина «короникон 338» (1118 г. – Авт.) приводится точно. Но тогда брак с Катой для Исаака Комнина стал бы вторым, возможно, его первой супругой была дочь звенигородского и перемышльского князя Володаря Ростиславовича (Юревич 2004: 50-53). Впрочем, мужем русской княжны иногда называют брата Исаака, Андроника. (Варζос 1984: 233-234). В «Типиконе монастыря Богородицы Кехаритомены (Благодатной)», основанном императрицей Ириной Дукиней упоминаются супруги ее сыновей,

одна из них ее тезка: «Τελείσθωσαν τα μνημόσυνα της περιποθήτου νύμφης της βασιλείας μου κυράς Ειρήνης της καισαρίσσης καθ' ην αν ήμέραν έκδημήση, ομοίως» (Gautier 1985: 123). По мнению П. Готье, речь идет о жене Исаака. К 1116 г. он являлся отцом четырех детей: сына Иоанна и трех дочерей. Если, появившийся на свет в 1118 г., Андроник Комнин был рожден во втором браке, то сообщение грузинского анонима о родственных связях царя Георгия V и будущего императора Андроника соответствует действительности.

В случае отождествления царицы Каты с «девушкой из Авазии», приходится констатировать, что она не могла являться матерью Андроника и была предназначена в жены не Исааку Комнину, а его племяннику Алексею. Последнему император даровал «право носить порфиру и обуваться в красные сапоги и дозволил вместе со своим именем провозглашать и его имя, когда народные толпы приветствуют его именем римского Самодержца...» (Никита Хониат 1860-1862: 22). Одно из греческих рукописных Евангелий, украшенное миниатюрами, содержит портретные изображения Иоанна и Алексея. Император и его сын запечатлены в роскошном царском облачении из темно-пурпурной материи с золотым узором. Корона Иоанна имеет форму полукруглой шапки, а у Алексея она похожа на диадему с жемчужными подвесками... каждый держит в руках лабарум (Константиново знамя или хоругвь)» (Вейс 1999: 66).

Алексей, по мнению некоторых исследователей, мог быть женат дважды. Его первой супругой считают внучку Владимира Мономаха (Лопарев 1902: 418-445) Ипатьевская летопись под 1122 г. сообщает: «Ведена Мъстиславна в Греки за царь» (Ипатьевская Стб. 286.). Согласно данным Воскресенской и более поздней Густынской летописей, дочь Мстислава была отдана «замуж за царевича». Имя супруга русской княжны хронистами не указано. Достаточных оснований утверждать, что внучка Мономаха стала женой именно порфирородного Алексея, а не другого представителя династии Комнинов, нет, на что справедливо указывает С. Пападимитриу (Пападимитриу 1902: 90). Имя Мстиславны — Добродея — приведено только в «Истории» В. Н. Татищева, достоверность его сомнительна. Отношения между Византией и Русью в 1116-1121 гг. были крайне напряженными.

Владимир Мономах оказывал поддержку Лже-Диогену, начавшему военные действия против императора Алексея. «По-видимому, конечной целью самозванца было овладение Константинопольским престолом, а в «худшем» случае – утверждение в Нижнем Подунавье и восстановление Болгарского царства. Главной же целью Владимира Мономаха было закрепление (в случае успеха зятя (Лже-Диоген был женат на дочери Владимира Мономаха Марице и имел от нее сына по имени Василий – Авт.)) византийского или болгарского престола за своими потомками (по женской линии) (Горский 1987: 3). Лже-Диогену удалось захватить Доростол, однако вскоре он погиб от рук наемных убийц. Смерть зятя не остановила Владимира Мономаха, который продолжил войну, мотивируя свои действия защитой прав малолетнего внука. Осуществление амбициозных планов князя столкнулось с серьезными трудностями, поскольку империя была еще достаточно сильна, чтобы удержать за собой территории к югу от Дуная и сохранить власть над Болгарией. Поскольку военные мероприятия Мономаха успеха не имели, он счел за благо вступить в переговоры с Иоанном II Комнином. «Можно предполагать, что в Константинополь отправилось посольство с предложением о заключении брака внучки Владимира с византийским царевичем и просьбой о поставлении нового митрополита, затем последовало «свадебное» посольство» (Горский 1987: 9). Инициатива заключения мира могла исходить и от византийской стороны. Брак Мстиславны с представителем венценосного семейства выглядел определенной компенсацией за отказ Мономаха от поддержки политических и территориальных притязаний его внука Василия Леоновича. Антивизантийская политическая активность Руси исключает возможность заключения брака русской княжны с сыном императора Иоанна II ранее общепринятой даты – 1122 г.

Но ни «девушка из Авагсии», ни тем более царица Ката, дочь Давида Возобновителя не подходят на роль второй супруги Алексея, так как обе прибыли в Константинополь в качестве невест представителей династии Комнинов задолго до русской княжны, соответственно в 1118 и 1116 гг. Ко времени официального объявления соправителем отца в 1122 г., а по другим данным в 1119 г., Алексей,

скорее всего, уже состоял в браке. На наш взгляд, Мстиславна была выдана замуж за одного из младших сыновей или братьев императора Иоанна II. Так, известно, что брат василевса Андроник около 1121/1122 гг. овдовел. Первой супругой порфирородного Алексея была «девушка из Аवासгии», о которой повествует Иоанн Зонара. О ее личности нельзя вынести однозначного суждения. Отправленная в Константинополь в 1116 г. царица Ката, в 1118 г. все еще могла пребывать в статусе невесты, поскольку между ее приездом в столицу и фактическим совершением брака, по обычаю, должен был пройти некоторый срок. «В случае женитьбы на иностранках, между приведением невесты в Грецию и совершением брачного обряда, обыкновенно, наблюдается значительное расстояние по времени; приводили малолетних княжеских дочерей и с действительным браком не спешили, потому что этому должно было предшествовать воспитание невесты в византийских нравах и даже обучение языку...» (Васильевский 1894: 85-86).

Нельзя исключать, что супруга старшего сына императора Иоанна II, не принадлежала к царствующему дому (Prinke 2011: 495). Аналогичных примеров в византийской истории немало. Во вступительном слове к одному из сочинений известного византийского религиозного писателя Василия Охридского, В. Г. Васильевский отмечал: «... вообще, особенной разборчивости в степенях знатности приводимых из чужа невест в Византии не соблюдалось...» (Васильевский 1894: 85-86). Так, первой женой младшего брата Алексея, севастократора Мануила, впоследствии императора, была дочь немецкого графа, Берта Зульцбах, свояченица короля Конрада III Швабского, не отличавшаяся родовитостью. Этот брак был продиктован желанием скрепить союз Гогенштауфенов и Комнинов против норманнов. Неоспоримым является тот факт, что сопровождавшая невесту Алексея многочисленная свита, обозначенная секретарем императорской канцелярии как «авасги», приняла активное участие в событиях августа 1118 г., поддержав Иоанна Комнина в борьбе за власть. Первая жена Алексея Комнина скончалась в начале 30-х гг. XII вв. «В Типиконе Константинопольского монастыря Христа Пантократора», составленном в 1136 г. императором Иоанном II, супруга его старшего сына значится усопшей: «της

μακαρίτιδος νόμφης της βασιλείας μου της συμβίου του περιποθήτου μου υιοῦ του βασιλέως κυροῦ 'Αλεξίου» (Gautier 1974: 43).

Р. Т. Принке считает, что второй женой порфирородного Алексея стала дочь царя абхазов Дмитрия IV, которую звали Ката, и именно о ней, по мнению исследователя, упоминает Иоанн Цец в схолиях к «Хилиадам» (Prinke 2011; 496). Сведений о второй Кате сохранилось немного. По некоторым данным, после замужества она получила имя – Евдокия (Βαρζοσ 1984: 345). Придворный византийский поэт Феодор Продром в приветственном стихе, сочиненном по случаю прибытия в Константинополь невесты севастократора Мануила, восхвалял императора Иоанна за то, что он «приискал своим сыновьям благородных, хороших жен» (Васильевский 1894: 80). Он писал: «На чужие народы ты налагаешь контрибуции и дань. А своим детям приводишь прекраснейших невест...» (Васильевский 1894: 80). Обращаясь к Берте (Ирине), он восклицал: «Пусть же она исполниться в душе несказанной радостью и обнимет цариц, вышедших ей на встречу...» (Васильевский 1894: 81). Под царицами, встречавшими невесту Мануила, следует понимать жен его старших братьев, Алексея и Андроника. Сам император и его сыновья отсутствовали в столице. После успешной военной экспедиции против иконийских турок они занимались подготовкой похода в Сирию. Это же событие описывает и историк Иоанн Киннам: «... прибыла она (Берта – Авт.) в Византию, – встретили её и особы из высших фамилий, и супруга царя Алексея. Последняя была одета в платье из кисеи, прошитое золотом и пурпуром, но отлив пурпура на кисее делал его темным, похожим на платье пилигримки. Посему Ирина спросила присутствующих: «Кто это пышно одетая монахиня?». Слышавшие такой вопрос, почли его худым предзнаменованием, которое вскоре и оправдалось» (Иоанн Киннам 1859: 37). Из приведенного отрывка следует, что супруга Алексея была облачена в платье из виссонной ткани в сочетании с золотом и пурпуром, носить которое имела право только императрица. После смерти своей свекрови Ирины в 1134 г., она, как старшая из императорских невесток, возглавляла женскую часть императорского дома. Встречавшая немецкую графиню, жена Алексея ещё не знала о горестных событиях,

произошедших в Атталии. В течение нескольких дней 1142 г. два сына императора Иоанна, Алексей и Андроник скончались. Их тела в сопровождении брата Исаака были морем отправлены в Константинополь, где состоялось погребение. В труде Иоанна Киннама содержится намек на то, что после смерти Алексея, его супруга удалилась в монастырь. Вследствие несчастного случая на охоте весной 1143 г. умер и сам император Иоанн. Перед самой кончиной он объявил своим наследником младшего сына Мануила.

Единственная дочь Алексея Комнина была рождена в первом браке (Никита Хониат 1860-1862: 130). Хронист Никита Хониат относится к ней с большим пиитетом, по его словам, Мария «...красавица и светлое украшение женщин в своем царском роде...» (Никита Хониат 1860-1862: 184). Дочь порфирородного Алексея была замужем за старшим сыном великого доместика Иоанна Аксуха. Последний, преданный друг и сподвижник императора Иоанна, пользовался большим уважением и почетом. Его сын, протостратор Алексей смелый и талантливый полководец был популярен в армии. Император Мануил, встревоженный этим обстоятельством, заточил Алексея Аксуха в одном из монастырей, где он вынужден был принять постриг. Его жена Мария, согласно Никите Хониату, «поглощенная чрезмерной скорбью» (Никита Хониат 1860-1862: 185), вскоре умерла, оставив после себя двух сыновей.

Из обширного корпуса печатей, связанный с династией Комнинов, две могут быть атрибутированы как принадлежавшие женам Исаака и Алексея, брата и сына императора Иоанна II. Обе они происходят с территории Болгарии. На лицевой стороне печати Ирины Комнины, датируемой (XI-XII вв.), представлен святой Георгий, в правой руке которого – копье, а в левой – щит. По обе стороны от изображения вертикальная надпись «Святой Георгий». На оборотной стороне – легенда с именем владелицы. Болгарская исследовательница Ж. Жекова пишет: «Изображение святого воина на печати представительницы слабого пола выглядит весьма необычно и вызывает некоторое недоумение. Как правило св. Георгий был представлен на моливдовулах, владельцами которых являлись мужчины» (Жекова 2022: 51). К сожалению текст на оборотной стороне печати не содержит никакой

дополнительной информации о ее обладательнице. Ирина – имя весьма популярное в династии Комнинов, которое, чаще всего, получали невестки. Изображение святого Георгия на печати высокородной женщины может найти свое объяснение в связи с ее происхождением. В Абхазском царстве этот святой был наиболее почитаем. В его честь были наречены два царя из дома Леонидов. Имя Георгий из антропонимического репертуара первой династии Абхазского царства, перешло и прочно закрепилось в именовании Абхазских Багратидов. Таким образом, святой Георгий являлся патрональным святым представителей правящих династий Абхазского средневекового государства. Появление его изображения на моливдовуле абхазской царевны выглядит вполне оправданным.

В XII в. известны пять представительниц фамилии Комнинов, носивших титул «севастократиссы». Тщательный и глубокий анализ позволил И. Йорданову, атрибутировать указанную печать, как принадлежавшую супруге севастократора Исаака, брата императора Иоанна II (Йорданов 1989: 41). Исследователь обратил внимание на крайне интересную инвокацию к Богородице Космосотейре (Спасительнице мира). В самом начале 50-х гг. XII в. Исаак Комнин решил удалиться от активной политической деятельности. Годы, наполненные напряженной борьбой за власть, скитаниями и интригами надломили его здоровье. В 1151/52 гг. Исаак отправился во Фракию, где взялся за реализацию амбициозного проекта: основание монастыря в местечке Бера. В короткий срок был построен главный храм, украшенный великолепными фресками, а также больница, библиотека, мельница, баня, цистерна. Комплекс был окружен двойной стеной с укрепленными воротами и башнями. Исаак наделил обитель обширными поместьями. Будучи блестяще образованным человеком, утонченным интеллектуалом, любителем изящной словесности, Исаак не преминул составить Типикон для монастыря, которому было предназначено стать местом его последнего упокоения. Свое детище с великим тщанием и любовью обустроенное Исаак посвятил Богородице Космосотейре. Данное обстоятельство, вкуче с тем, что печать Ирины севастократиссы найдена в Болгарии, стало важным аргументом в пользу того, что указанный моливдовул принадлежал супруге Исаака Комнина

(Жекова 2022: 53). К сожалению, она не упоминается ни в «Типиконе», составленном ее деверем Иоанном Комнином (1136 г.), ни в «Типиконе» монастыря Богородицы Космосотейры (1152 г.). Между тем члены семьи Исаака чтили его память. «Известно, что в 1183 г. тогдашний император Андроник Комнин, охотясь в окрестностях, остановился в монастыре (Богородицы Космосотейры – Авт.), чтобы отдать дань уважения могиле своего отца» (Sengalevich 2017: 154).

Представительниц правящей династии Абхазского царства, выдаваемых замуж за рубеж, сопровождала значительная свита, в ее составе находились и девушки из знатных семейств, которые в дальнейшем входили в ближний круг общения царственной особы. Для них члены византийских аристократических семейств выглядели наиболее желательными брачными партнерами. Конфидентки императрицы могли сделать завидные партии. Известно, что одна из них, прибывшая в столицу империи вместе с царевной Марфой, во второй половине 70-х гг. XI в. стала супругой Константина Керулария, племянника Константинопольского патриарха Михаила и двоюродного брата императрицы Евдокии Макремволитиссы. Константин в разное время занимал высокие государственные посты. Основные этапы его карьеры реконструированы благодаря переписке с Михаилом Пселлом, учеником которого он являлся. «В леммах ряда писем Пселла указаны следующие должности и титулы адресата: «великий друнгарий, друнгарий, «министр юстиции», севаст, проэдр, протопроэдр, магистр, сакеларий, логофет геникона» (Две книги 2001: 265). На родственнице Марии Авасгиссы Константин был женат вторым браком. В этом союзе родились несколько дочерей и сын Роман.

Благодаря Иоанну Цецу нам известно еще об одной знатной женщине – Аспаэ. В своем произведении «Хилиады», автор сравнивает положение супруги Константина Керулария при императрице Марии Авасгиссе, с положением Аспаэ при Кате. В схолиях он поясняет, что речь идет о Катаэ – жене порфирородного Алексея и ее наперснице – жене представителя фамилии Палеологов. По словам Иоанна Цеца, будущая супруга Керулария прибыла в Константинополь вместе с абхазской царевной и была ее родственницей, («а не служанкой, как утверждают

злые языки»), вероятно, и Аспаэ состояла в родстве с Катой. Сообщая о том, что Аспаэ является женой византийского аристократа из семейства Палеологов, Иоанн Цец не называет его имени. Видимо, современникам поэта указание единственно фамилии было достаточно, для того чтобы понять о ком из Палеологов идет речь. Ж.-Ф. Ваннье склоняется к тому, что мужем Аспаэ был Георгий Палеолог (Vannier 1986: 113). Он состоял в близком родстве с Комнинами и Дуками и являлся носителем титула севаста. В период правления Мануила I, Георгий Палеолог занимал должность великого гетериарха. Больших успехов он достиг и на дипломатическом поприще, возглавляя важные миссии в Венгрии, Сербии, Италии, Иерусалиме. Георгий Палеолог был известен как покровитель искусств, сохранились пять, посвященных ему поэтических произведений. В браке Георгия Палеолога и Аспаэ родились два сына и дочь. Известно письмо Иоанна Цеца (лето 1147 г. – Авт.), адресованное супруге великого гетериарха, которое, к сожалению, не содержит никаких дополнительных сведений о личности знатной женщины.

Согласно сообщению религиозного писателя, монаха Феодосия Гудела, автора «Похвалы преподобному Христодулу», византийский военачальник Иоанн Контостефан приходился свояком порфирородному Алексею – они были женаты на сестрах (Vranoussi 1966: 162). Семейство Гуделов было довольно знатным, его представители занимали высокие придворные должности и были близки к правящему дому. К примеру, севаст Цикандил Гудел был женат на внучке императора Алексея I Комнина. Учитывая родственные связи Гуделов с Комнинами, Феодосий должен был неплохо разбираться в генеалогических хитросплетениях императорской фамилии. К сожалению, он не уточняет родственником по какой из двух жен Алексея Комнина являлся Иоанн Контостефан. В честь супруги последнего, севасты Феодоры, безвременно ушедшей из жизни, византийский поэт Константин Манассис составил монодию («Μονῳδία ἐπὶ верε σεβαστῆ κυρᾷ Θεοδώρᾳ верε в Κοντοστεφάνου κυροῦ Ἰωάννου συζύγῳ»), в которой упомянул о принадлежности усопшей к знатному роду «ἐξ ἐπιστημῶν τοῦ γένους» (Курц 1900: 635). По мнению французского специалиста Ж.-Ф. Ваннье, использование определения «ἐξ ἐπιστημῶν», по отношению к правящей

династии соседнего государства, выглядит не вполне уместным, но допустимым (Vannier 1998: 688, прим 54). Он считает, что указанная особа была дочерью царя Дмитрия IV. (Vannier 1998: 689).

Нельзя не согласиться с Р. Т. Принке в том, что «генеалогические связи между династиями и аристократическими семьями Византии и христианских государств Кавказа представляют особый интерес...» (Prinke 2011: 489). По мнению известного византиниста А. П. Каждана, на рубеже XI и XII вв. в системе государственной власти Византии утверждается принцип, согласно которому, «не аристократическое происхождение как таковое, а связь (родство или свойство) с государем определяло место в иерархии рангов» (Каждан 1974: 61). Родственники императора выделяются в особую социальную категорию (Физерстоун 2015: 536). Заключение брака с особой из окружения невесток Комнинов вероятно становится весьма желательным и перспективным даже для представителей таких знатных фамилий как Контостефаны и Палеологи. В свою очередь, установление родственных отношений с высшими сановниками империи было выгодно и правящим кругам царства Абхазских Багратидов.

Византийская империя в значительной степени отличалась от других средневековых государств, а династические браки рассматривались несколько в ином ключе как элитой, так и широкими слоями общества. Господствующая политическая доктрина не поощряла установление матримониальных связей между державой ромеев и иностранными государствами. Пассаж из сочинения Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» достаточно определенно характеризует позицию официального Константинополя по данному вопросу. «В большинстве своем, браки представителей царствующего дома заключались в среде политической элиты византийского общества. Таким образом, объединяясь с другими знатными родами, императоры укрепляли свое положение на троне, и гарантировали дальнейшее безбедное существование своим наследникам» (Бардола 2017: 23). Вплоть до конца XI в. международных династических союзов с участием членов императорских семейств было совершено относительно немного. Ситуация изменилась при Комнинах. Сложное положение

Византийской империи в конце XI в. вынудило императора Алексея I Комнина обратиться за поддержкой к Западу. Военно-политическое сотрудничество сопровождалось установлением брачных связей с правящими домами Европы. Преемник Алексея, Иоанн II женился на венгерской принцессе Пирошке Арпад, а внучка последнего Феодора сочеталась браком с герцогом Австрии Генрихом II. После смерти первой супруги Берты Зульцбах, «активизация ближневосточной политики Византии, в частности, ее контактов с государствами крестоносцев, вынудили овдовевшего Мануила искать невесту на Латинском Востоке» (Степаненко 2004: 159). Его второй женой стала Мария Антиохийская. В свою очередь Иерусалимские короли Бодуэн III и Амори I женились на представительницах династии Комнинов. Заключение выгодных политических браков с латинянами становится одной из важнейших задач византийской дипломатии. Неизменно входило в орбиту матримониальных расчетов Константинополя и царство Абхазских Багратидов. Его правители также обнаруживали стремление к установлению родственных отношений с императорской фамилией. Взаимная заинтересованность сторон способствовала успеху брачных проектов. В течение XI в. Абхазские Багратиды породнились с Аригирами и Дуками. С превращением царства Абхазских Багратидов в панкавказскую державу его отношения с Византией переходят на новый уровень. В период правления Давида и его преемников формируется широкая сеть династических альянсов, при этом византийское направление – одно из приоритетных. Представления об особом положении державы ромеев, величии и богоизбранности ее правителя были глубоко укоренены в восточно-христианском мире, поэтому брак с членом императорской фамилии относился к числу престижных, равной, если не повышающей знатности. Посредством матримониальных союзов с представителями правящей элиты Византийской империи, монархи из династии Абхазских Багратидов рассчитывали на успешное разрешение не только внешнеполитических, но, зачастую, и внутривосточных проблем. Особо интенсивным и результативным взаимодействие в сфере брачной дипломатии между Державой ромеев и царством Абхазских Багратидов было в

период правления императоров из династии Комнинов. Возможно, не все брачные проекты были реализованы. сотрудничество была продолжена при Палеологах. В 1254 г. Давид Нарин сочетался браком с дочерью Михаила VIII Палеолога, Феодорой. Византия являлась одним из главных контрагентов Абхазского царства.

3.3. Матримониальные союзы абхазских царевен с иноверцами

Уже в первые десятилетия XI в. тюрки (сельджуки и огузы) предпринимают стремительные военные рейды из Центральной Азии на Кавказ. В 1030 г. их мобильные отряды достигают восточных районов Византийской империи. После образования в 1038 г. государства Сельджукидов, тюрки от военных набегов переходят к завоевательным походам. В сентябре 1048 г. на реке Аракс у города Капетрон произошла битва между сельджукским войском под командованием Ибрагим Инала и Кутулмыша и византийцами, которым активную поддержку оказал Липарит. Полководцам Константина IX Мономаха Аарону и Катакалону Кекавмену удалось одержать победу. В ходе ожесточенного сражения их союзник Липарит попал в плен, но усилиями византийской дипломатии, вскоре был освобожден. В 1054 г. сельджуками был покорен Иран, ставший опорной базой для развития масштабного наступления на Кавказ. Очередную военную кампанию возглавил Тогрул-бек. «По пути следования великий султан осадил крепость Манцикерт, контролировавшую две основные дороги с Кавказа в Византийскую империю. Одновременно три крупных сельджукских отряда двинулись в трех направлениях: один на Абхазию, два других — в Малую Азию» (Гуссейн-заде 2013: 72). Узнав о мятеже против Аббасидов, Тогрул-бек был вынужден прервать военную экспедицию и отбыть в Багдад. В середине 60-х гг. XI в. завоевательные походы Сельджукидов в Закавказье, Переднюю и Малую Азию были осуществлены уже под руководством преемника Тогрул-бека султана Алп-Арслана. В 1064 г. сельджукская армия выступила из Рея. В походе Алп-Арслана сопровождали наследник престола Мелик-шах и везир Низам ал-Мульк. Достигнув крепости Нахичеван, войско разделилось на две части, одна из которых

направилась к границам Византийской империи, а другая, под командованием султана, вторглась в земли Абхазских Багратидов.

По данным «Летописи Картли», после захвата крепости Ахалкалаки, «султан направил Баграту III посольство, предлагал сватовство – просил руки дочери сестры (Баграта)» (Летопись Картли 1982: 72). Согласно Садр ад-Дину, инициатива исходила от Баграта, «направил [к султану] послов и подарки и стал стучаться в двери умиротворения и прокладывать путь к оправданию...» (Садр ад-Дин 1980: 50). Ему вторит ал-Бундари: «Алп-Арслан вынудил царя Абхаза Баграта сына Георгия просить мира и выдать свою дочь (на самом деле племянницу – Авт.) за него и, приняв его подношения даровал ему аман» (Histoire des Seldjoudides de l'Iraq 1889: 328). Затем султан устремился в страну ар-Рум (Садр ад-Дин 1980: 51).

Речь должна идти о дочери абхазской царевны Каты, которая была замужем за правителем Ташир-Дзарогета Кюрике II (Вардан 1861: 126). по другим данным, за братом Кюрике Смбатом (Летопись Картли 1982: 72). Отец девушки выразил решительное несогласие, в ответ Баграт предпринял военную акцию, в ходе которой «захватил Кюрике и его брата Смбата и вынудил их сдать ему Самшвилде – столицу Ташир-Дзарогета и ряд крепостей» (Степаненко 1978: 49). Цари абхазов ни разу не роднились с иноверцами. Брачный союз, заключенный между дочерью сестры Баграта III и сельджукским султаном Алп-Арсланом, следует признать первым отступлением от матримониальных традиций дома Абхазских Багратидов. Мы не разделяем мнение З. В. Папаскири о том, что брак племянницы царя абхазов с Алп-Арсланом «был определенным дипломатическим успехом Баграта» (Папаскири 2013: 156). скорее, следует говорить о вынужденном политическом маневре. Царь абхазов настоял на замужестве племянницы, вероятно, желая умерить враждебность сельджуков, выиграть время для перегруппировки сил и предупредить возможность сватовства Алп-Арслана к абхазской царевне. В заключении пассажа об устройстве брака сельджукского султана анонимный автор «Летописи Картли» особо отмечает: «[Великий царь] Баграт выдал дочь свою Марту замуж за царя греческого. А затем он выдал замуж дочь своей сестры за персидского султана» (Картлис Цховреба 2008: 159), тем самым, четко обозначив

приоритеты внешней политики Абхазского царства. Брак абхазской царевны с единоверцем, наследником византийского императора из династии Дук, представлялся залогом дружественных и союзнических отношений с державой ромеев, а брачный союз племянницы царя с Алп-Арсланом – основой для налаживания временных, относительно мирных отношений с аллодоксом.

Серия сельджукских походов на Южный Кавказ, имела целью установление полного контроля над указанным регионом и обеспечение надежного и беспрепятственного выхода в Малую Азию. В ходе реализации своих планов Сельджукиды столкнулись с серьезными трудностями. Приведение в покорность Абхазских Багратидов оказалось достаточно сложной задачей, требовавшей значительно усилий. Баграт III лавировал, в лучших традициях византийской дипломатии, и выглядел в глазах сельджуков крайне непредсказуемым, а значит весьма опасным противником. Алп-Арслан надеялся с помощью мусульманских династов Восточного Закавказья ограничить влияние Абхазских Багратидов в регионе, держать их в напряжении с помощью череды непрерывных локальных военных столкновений. По меткому замечанию Р. А. Гусейн-заде «окончательное подчинение Кавказа Сельджукидами было временно отложено» (Гусейн-заде 2013: 79). Поражение Византии от войск Алп-Арслана в битве при Манцикерте в августе 1071 г. ухудшило положение Абхазских Багратидов. «Исход сражения ... оказал влияние на судьбы как Востока, так и Запада. ...Одним из ближайших последствий явился передел Сельджукидами политической карты Центральной Евразии, после чего уже не существовало достаточно серьезных препятствий для их дальнейшей экспансии. Сельджуки превратились в единоличных владельцев обширных территорий от Центральной Азии на востоке до Средиземного моря на западе и от Кавказа на севере до Персидского залива на юге» (Гусейн-заде 2013: 79).

В период правления преемника Алп-Арслана, Малик-шаха государство Сельджукидов достигло максимальных размеров. Кавказ находился в фокусе внимания султана, политическая же стратегия сельджуков в регионе претерпела изменения. Местные мусульманские династы были смещены, их земли в качестве

икта, были пожалованы представителям правящей династии. Военный натиск против Абхазских Багратидов усиливается и к началу 80-х годов XI в. достигает пика. Царь Георгий IV вынужден был отправиться к великому султану Меликшаху в Исфахан и признав его сюзеренитет, обязался выплатить харадж.

В конце XI начале XII в. Абхазское царство переживает важный этап в своей истории. Перед вступившим на престол в 1089 г. молодым царем Давидом I, стояли сложные внешне и – внутривосточные задачи от решения которых зависела судьба государства. Умело маневрируя между различными группировками знати, в нужный момент решительно нанося удары по своим противникам, Давид сумел усилить центральную власть, укрепить свой авторитет. В трудной борьбе с тюрками-сельджуками Абхазское царство не только смогло выстоять, но и начало процесс реконквисты, вернув значительную часть потерянных земель. Позже Давиду I удалось присоединить ряд новых территорий, никогда ранее не находившихся под властью абхазской короны. В своей внешнеполитической деятельности царь абхазов умело совмещал военные и дипломатические методы. Дипломатия Давида с одной стороны была верна традициям, с другой – способна демонстрировать гибкость и подстраиваться под изменяющиеся условия. Эта амбивалентность наиболее ярко проявилась в матримониальной политике Давида. Летописец сообщает: «... послал он свою дочь, Катю, в Грецию, выдав ее замуж за сына греческого царя. До этого же он послал первородную дочь свою Тамар, которая стала царицей Ширвана. Сделано это было для того, чтобы обе они, унаследовавшие от отца солнцеподобное сияние, подобно двум светилам, освещали небосвод – одна на Востоке, другая на Западе» (Картлис цховреба 2008: 189).

История взаимоотношений Абхазского царства с Византией насчитывала не один век. Поэтому использование брачной дипломатии в деле укрепления связей с империей, при наличии общей угрозы в лице тюрков-сельджуков, выглядит вполне обычным делом. А вот заключение брачного союза старшей дочери Давида, Тамар с представителем правящей династии Ширвана шло вразрез с матримониальными традициями дома Абхазских Багратидов. Однако, по мере расширения границ

государства на Восток, отношения с мусульманским миром укреплялись, становились более интенсивными. Одним из контрагентов Абхазского царства являлось государство ширваншахов. Правители Ширвана обрели независимость в первой половине IX в. в результате ослабления Арабского халифата. К началу XII в. Ширванское шахство занимало территорию, ограниченную с юга – Курой, а с севера — рекой Самур, с востока — Каспийским морем, на западе его граница доходила до линии Шеки-Мингечаур-Евлах. Временами под контроль ширваншахов попадал Дербент. Правящая династия Ширвана, стремясь «подкрепить престиж благородством своего происхождения», отвергла свое родство с арабским племенем Шейбан и вытасила на свет притязания на связь ширваншахов с Сасанидами (Бунятов 1978: 141). В период правления Фарибурза I ибн Саллара (1063-1096) Ширван неоднократно подвергся нападениям со стороны сельджуков и ширваншах вынужден был согласиться на уплату дани. Фарибурзу наследовал его старший сын Минучихр II. Упоминание на монете этого правителя имени султана Мухаммада говорит о подчинении ширваншаха сельджукам Ирака. «Однако титул ал-Малик и имя отца Минучихра — Фарибурза свидетельствует об укреплении власти ширваншаха» (Ашурбейли 1983: 100). Большинство специалистов склонялись к тому, что сближение Кесранидов (Йязидидов) и Абхазских Багратидов обусловили «...общие интересы борьбы за освобождение от сельджукского господства» (Бунятов 1966: 282, Джавахишвили 1965: 198). Думается, дело обстояло несколько иначе. Изначально Абхазское царство желало обрести в лице ширваншахов надежных союзников в Восточном Закавказье, а Ширван надеялся удачно лавировать между набравшим мощь государством Абхазских Багратидов и сельджуками. Немаловажную роль в сближении двух стран, надо полагать, играл и торгово-экономический фактор. Через Ширван проходила международная караванная торговля стран Востока с Западом. Сюда приезжали купцы из Индии, Китая, Египта, Руси и других стран. О тесных контактах торговых людей из Абхазии с городами Ширвана и в частности, с Шемахой, свидетельствует сохранившееся в абхазском языке выражение «такое

кроме Шемахи, нигде не увидишь», используемое для «обозначения редкого предмета или явления» (Кварчия 2015: 381).

При ширваншахе Афридуне, пришедшем к власти после смерти Минучихра II, был заключен брак между его сыном и абхазской царевной. Тамар была дочерью царя абхазов Давида I Возобновителя от первого брака. Сведений о ее матери практически не сохранилось, считается, что она была армянского происхождения. По причинам, надо полагать политического свойства, брак был расторгнут, первая супруга царя Давида вынуждена была удалиться от мира. Источники не указывают точную дату заключения брака между царевной Тамар и наследником ширваншаха, но исследователи обычно помещают это событие в хронологический отрезок от 1106 до 1116 гг. На наш взгляд, установление династических связей между правящими домами Абхазского царства и Ширвана следует отнести к тому времени, когда царь Давид бы озабочен борьбой с сельджуками и не вынашивал планов по завоеванию Ширвана и приобщению его к своим владениям. Скорее всего, брачный союз Тамар и Минучихра следует отнести к 1106-1111 гг. В первые годы своего пребывания в Шемахе юная абхазская царевна, вряд ли могла являться значимой политической фигурой, скорее она призвана была зримо олицетворять союз Абхазского царства и Ширвана. Однако, надежды царя абхазов Давида на смену внешнеполитических приоритетов Шемахи не оправдались. Несмотря на установление родственных отношений между Абхазскими Багратидами и Йязидидами, ширваншах Афридун не спешил отказываться от покровительства султана. Так как смены политического курса не последовало, в 1117 г. по приказу Давид I в поход на Ширван отправляется царевич Дмитрий. Последний взял цитадель Каладзора, захватил большую добычу, много пленников и с триумфом вернулся в родину. Последующие два года прошли мирно. В 1120 г. военную акцию против Ширван возглавил сам царь абхазов, особенно усилившийся после приглашения в 1118 г. на службу половцев. Давид I приступает к широким военным мероприятиям против ширваншаха. В феврале 1120 г. он захватил город Кабалу, где взял: много золота, серебра и других ценностей, в мае опустошил Ширван,

«разорил страну от Лижата до Курдевана и Хишталанта» (Картлис Цховреба 2008: 191).

В правление султана Беркйарука усилился процесс фактического распада державы Сельджукидов. Начинается обособление восточных, центральных и западных провинций империи в два самостоятельных больших государства — Хорасанский и Иракский султанаты (Агаджанов 1991: 117). Сознавая, что его главный противник государство Сельджукидов теряет свои позиции в Закавказье, царь абхазов Давид I заметно активизировался. Амбиции монарха были подкреплены решительными военными акциями: разгромом коалиционного войска сельджукского султана в битве при Дидгори в 1121 г. и взятием в 1122 г. важных городских и политических центров Тифлиса и Дманиси.

Указанные события отразились на внешнеполитическом курсе Шемахи. Пришедший к власти после гибели в ноябре 1120 г. ширваншаха Афридуна, его сын Минучихр III отошел от сельджуков. Он перестал выплачивать в султанскую казну ежегодно положенную дань в 40 000 динаров и вышел из вассальной зависимости от султана. По мнению С. Б. Ашурбейли, «Немаловажную роль в перемене политики ширваншаха Минучихра и отказа от вассалитета и союза с сельджукским султаном, по-видимому, сыграла его жена ...» (Ашурбейли 1983: 104). Однако действия Минучихра вызвало недовольство среди знати. В 1123 г. султан Махмуд ибн Мухаммед совершил поход в Закавказье. Согласно Имаду ад-Дин ал-Исфахани и Ибн ал-Асиру военные мероприятия сельджуков, во многом, были инспирированы недовольными поданными ширваншаха. «Они говорили ему (султану – Авт.) о своей слабости и невозможности для них сохранить свою страну» (Материалы по истории Азербайджана 1940: 124). Согласно анонимному персидскому источнику XII в., султан Махмуд ибн Мухаммед из Тебриза «направился в Шемаху и Ширван в 516 г. х./1122/3 г. Он отогнал абхазцев, а ширваншаха низвел из крепости...» (Аноним 1983: 104). «Жизни Картли» сообщает, что султан «захватил ширваншаха и город Шамахийу и послал царю (Давиду – Авт.) через нарочного письмо следующего содержания: «Ты царь лесов и ты никогда не спускаешься на равнину. Я захватил ширваншаха и требую у него

харадж. Если ты этого хочешь, пришли мне подходящие дары, если же нет, то спешно повидайся со мной» (Картлис Цховреба 2008: 193). Давид I ответил стремительным рейдом на Ширван. Султан вынужден был отступить. К сожалению, источники ничего не сообщают о том, как долго ширваншах находился в сельджукском плену и какова была участь его семьи в этот период.

Вскоре после похода 1123 г. и ухода султана из Ширвана Давид I, воспользовавшись отсутствием сельджукских войск и слабой обороноспособностью местной власти, продолжил агрессивную политику в отношении Шемахи. В июне того же года царь абхазов захватил Полистан — главную резиденцию ширваншаха. В 1124 г. были предприняты новые военные акции против Ширвана, результатом которых стал захват его столицы Шемахи. Фактически Давидом была произведена аннексия территории Ширвана. Наместником новой провинции был назначен архиепископ Симон Чкондидский глава царской канцелярии. Как считает С. Б. Ашурбейли, именно в это время Давид I «прибавил к своим титулам титул «ширваншах», которым по традиции называли себя его преемники» (Ашурбейли 1983: 105-106).

После смерти Давида, в январе 1125 г. на престол вступил его сын Дмитрий IV. В тот же год ширваншах Минучихр вернулся к власти. По мнению Р. Метревели его власть была восстановлена только над восточной частью Ширвана, западная же была инкорпорирована в состав царства Абхазских Багратидов (Метревели 1996: 61). в частности, область Шеки оставалась во владении абхазского монарха. В отличие от отца, Дмитрий IV, руководствуясь некими политическими мотивами, счел целесообразным восстановить в правах Минучихра. Вместе с тем, очевидно, что при принятии данного решения, не в последнюю очередь, сыграли свою роль и личные, родственные связи. Из сочинения поэта Хакани Ширвани известно, что Дмитрий и Минучихр являлись побратимами, кроме того, ширваншах был женат на единоутробной сестре царя абхазов. В поддержке Тамар царь абхазов должен был нуждаться, поскольку, завещание усопшего венценосного родителя, позволяло младшему брату правящего монарха, рожденному в браке с половчанкой, надеяться на наследование отцовского стола. Компромиссное решение по вопросу

Ширвана, вероятно, представлялось царю абхазов наиболее выгодным, особенно в том случае, если Тамар располагала возможностью влиять на супруга и выступать в качестве проводника как политических, так и экономических интересов Абхазского царства в регионе.

В исторических сочинениях почти нет сведений об этом периоде государства Ширваншахов. В связи с этим, особую важность для изучения взаимоотношений Абхазских Багратидов и Кесранидов (Йязидидов) играют произведения выдающихся поэтов XII в. Хакани и Фалеки Ширвани. В XI – начале XIII в. на пике культурного расцвета в Ширванском шахстве сложилась собственная поэтическая школа. Известный азербайджанский специалист З. Буниятов неоднократно отмечал значение поэтических произведений изучаемого периода для уточнения дат и имен лиц, о которых в исторических источниках ничего не говорится или же упоминается вскользь (Буниятов 1966: 281). Хакани Ширвани был мастером касыды, блестящим поэтом-панегиристом. Прежде всего, поэт восхвалял в своих стихах Ширваншахов Минучихра и Ахситана. «В числе этих парадных од имеется группа произведений, близких к литературным традициям Закавказья, резко выделяющая Хакани из числа других одописцев переднеазиатского мира. Это – более десяти од, посвященных восхвалению «прекрасных дам» – жен и сестер ширваншахов, в том числе матери ширваншаха Ахситана и жены ширваншаха Минучихра Тамар» (Вильчевский 1957: 64-65).

Придворным поэтом ширваншаха Минучихра III был уроженец Шемахи Абу-н-Назим Мухаммад Фалаки Ширвани (1107—1147?). Из поэтического наследия Фалаки наибольший интерес для рассматриваемой темы имеет ода на смерть царя абхазов Дмитрия IV. Уход из жизни в 1156 г. могущественного венценосного владыки и брата шахини вызвали скорбь в Шемахе и способствовали появлению из под пера придворного поэта касыды.

Написание оды на смерть царя абхазов не в последнюю очередь было продиктовано желанием Фалаки завоевать расположение правительницы, пользовавшейся большим влиянием при дворе.

Вот некоторые строки из касыды:

«Они вырвали прочь из царственного трона венценосного правителя,
 От скорби по которому пресеклась мирская радость.
 Шахиншах Абхаза и Шаки, царь горизонтов,
 Дмитрий, сын Давида, глава рода Бакрат...
 Меч Христа, что привел пространство небес под свой звездный флаг.

В течение 63 лет своим талантом, знанием и мужественностью.
 Он устанавливал в мире каждый день новый порядок» (Бунятов 1966: 289-290).

Обратим внимание на то, что Дмитрий назван правителем Абхаза, придворный поэт должен был быть хорошо осведомлен на предмет титулования усопшего правителя.

Затем Фалаки обращается к своей повелительнице:

«Она (шахиня Тамар) — мир ума, не знает, что для [смертного] человека. Бог, преславный и всевышний, делает смертельную рану неизлечимой!

Какое лекарство спасет, кроме терпения, если Бог привел
 Всех нас в бытие (лишь] для того, чтобы пройти этот проход (смерти].

Тому покрывалу целомудрия (шахине Тамар) Господь дает то.

Чем могут гордиться вращающиеся небеса.

Возвышенный царь, могущественный, непобедимый: два брата:

Каждому из которых мир принес сто рабов в виде победы:

Четыре благоприятных звезды и две благоприятных жемчужины.

Благодаря их существованию Бог дал миру великолепие и блеск.

Когда умер ее отец, счастливая случайность

Принесла ей [взамен] счастливую новость трехсот сыновей.

Хотя в результате этой трагедии небеса перенесли ее

Из-под лучших занавесей под мрачное покрывало [смерти]. (Бунятов 1966: 291).

Говоря о «Четырех благоприятных звездах и двух благоприятных жемчужинах», Фалаки имеет ввиду сыновей и дочерей Тамар и Минучихра.

Согласно данным придворного поэта, венценосные особы имели пятерых сыновей, однако в другом произведении того же автора говорится о четырех сыновьях и двух дочерях ширваншаха, рожденных от Тамар. Это были Ахситан, Фаррухзад, Шаханшах, Фаридун, имена которых после смерти Минучихра известны по нумизматическим данным. В год строительства плотины Багилани дочь Минучихра Алчичек и сын Фарибурз заболели и скончались. Минучихр ушел из жизни внезапно в конце 1160 г. Его смерть вызвала острый политический кризис и раскол в стране, которые длились недолго. Во дворце разгорелась борьба за власть и, занявший место Минучихра, Фаридун был убит пущенной из засады стрелой.

По мнению О. Л. Вильчевского, после смерти Минучихра III его вдова Тамар со своим младшим сыном, опираясь на кипчаков, пыталась присоединить Ширван и царству Абхазских Багратидов. «Однако прибывший в Ширван с войсками атабека Ильдегиза старший сын Минучихра Ахситан заставил свою мать бежать» (Вильчевский 1957: 64-65) к ее воспитаннику и племяннику — царю Георгию V, где она и закончила свою жизнь в монастыре. В результате власть оказалась в руках Ахситана.

Обратимся к произведениям Хагани для выяснения судьбы Тамар. По случаю победы, придворный поэт написал два стихотворения, в которых приветствовал деятельность Ахситана. Хагани в иносказательной форме говорит сообщает о некоем событии: «Мать бросила свой платок под ноги своего сына и просила пощаду для своих сыновей» (Ашурбейли 1983: 108). По-видимому, намечаемый государственный переворот не удался, в нем были замешаны вместе с шахиней и братья Ахситана. Поразительно, Тамар действовала в интересах своего племянника Георгия V и Абхазского царства, а не сына, вероятно, стремившегося к независимости Ширвана. Хагани призывает государя быть снисходительным к матери. Дата написания этого стихотворения неясна, но С. Б. Ашурбейли полагает, что оно относится к дворцовым событиям «смутного времени», борьбе за власть между отпрысками Минучихра, после его смерти, и речь идет о Тамар и ее сыновьях, выступивших против Ахситана. По мнению того же автора, вместе с

вдовствующей шахиней в Абхазию перебрался и один из ее сыновей (Ашурбейли 1983: 108). Нельзя исключать, что именно он мог дать начало княжеской династии Чачба (Шервашидзе), в течение нескольких веков, находившейся во главе Абхазского княжества. Стоит обратить внимание на тот факт, что среди представителей владетельных князей Чачба (Шервашидзе) в XVIII-XIX вв. зафиксированы носители имени Манучар (Минучихр), номинации из антропонимикона ширваншахов.

«Жизнь Картли» свидетельствует о том, что Тамар после смерти супруга перебралась на родину, в Абхазию. Согласно «Истории и восхвалению венценосцев», в 1161 г. царь Георгий V (1156—1184 гг.), после взятия под контроль Ани, «явился сперва к воспитательнице своей, царице цариц Тамар, которая омыла лицо свое слезами» (Картлис Цховреба 2008: 247). Еще пребывая в Ширване, шахиня озаботилась обустройством женской обители на родине. По данным письменных источников, строительство Тигвского монастыря было закончено в 1152 г. На тимпане входной двери церкви Успения была высечена двенадцатистрочная надпись, в которой говорится, что дочь Давида Тамар, супруга ширваншаха, овдовев, вернулась на родину и приняла схиму (Отхмезури 1994: 63). Аналогичную информацию сообщает «Летописец времен Георгия Лаши», по его словам, сестра царя Дмитрия, «Тамар, ... построила церковь в Тигва и постриглась в монахини» (Картлис Цховреба 2008: 213).

Пришедший к власти в Ширване, сын шахини Тамар Ахситан ибн Минучихр был женат на дочери своей двоюродной сестры (неизвестной по имени абхазской царевне, дочери царя Дмитрия IV, выданной замуж за правителя Дербента Эмира Абу-л-Музаффара). Супругу Ахситана звали Исмат ад-Дин. Таким образом и Ахситан и его жена по материнской линии были связаны с династией Абхазских Багратидов. Во время разрушительного землетрясения 1192 г. в Шемахе вся семья ширваншаха, супруга, его наследник Минучихр и дочери погибли. После этого события, убитый горем Ахситан принял решение о переносе резиденции ширваншахов из Шемахи в Баку...

Превратившееся при Давиде I Возобновителе в панкавказское государство – царство Абхазских Багратидов пришло в тесное соприкосновение с мусульманскими странами. Восточные провинции государства были довольно прочно вмонтированы, интегрированы в исламский мир, особенно это касается крупных городских центров, где мусульманское население было значительным и играло большую роль в экономической жизни. Неудивительно, что династические контакты Абхазских Багратидов с мусульманскими правителями имели продолжение при царе Дмитрие IV. Две его дочери стали супругами мусульманских правителей. Одна из них, неизвестная по имени абхазская царица, была выдана замуж за правителя Дербента – эмира Абу-л-Музаффара.

Дербент являлся важнейшей политической единицей Восточного и Северо-Восточного Кавказа. В первой половине VIII в. он был завоеван арабами и стал главным военно-стратегическим пунктом халифата на его северных границах. Со второй половины IX в. городом-крепостью управляла династия Хашимидов, возводившая свое происхождение к арабскому племени бану сулайм. К середине XI в. ее власть пошатнулась. Во второй половине XI в. Дербент попал под контроль сельджуков. С их помощью на смену Хашимидам приходят Аглабиды, представители дербентской знати арабского происхождения. В ответ на военно-политическую активность царя абхазов в регионе, в 1123 г. дербентцы обращались за помощью к сельджукскому султану Махмуду. Однако его войска не смогли оказать существенную поддержку единоверцам. Налаживание отношений с сильным соседним государством должно было видаться Аглабидам крайне необходимым. Кроме того, новая династия нуждалась «в серьезном обосновании своих политических претензий на верховенство в Дербентском эмирате» (Ислам 1998: 64), а установление родственных отношений с Абхазскими Багратидами способствовало поднятию престижа. На наш взгляд, инициатива заключения брака исходила от правителя Дербента. Вместе с тем брачный союз абхазской царицы с Аглабидом сулил определенные выгоды царству Абхазских Багратидов. Дербент – крупнейший город средневекового Кавказа – обладал выгодным геостратегическим положением. «Через него шли пути из Средней Азии в

Причерноморье и Средиземноморье, из евразийских степей – на Ближний Восток» (Кудрявцев 1981: 4). Он являлся центром международной сухопутной караванной и морской торговли, посредником в экономических контактах между странами Востока и Западом. В Дербенте были хорошо развиты многие виды ремесленного производства.

Супруг абхазской царевны Абу-л-Музаффара бен Мухаммеда, по всей видимости, был сыном эмира Сейф-ад дин Мухаммед б. Халифе ас Сулами. Последний упоминается в сочинении испано-арабского путешественника Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим аль-Гарнати аль-Андалуси, побывавшего в Дербенте между 544 и 545 г. хиджры (1130 и 1150 гг.) (Ал-Гарнати 1971: 50; Кудрявцев 2020: 90-91). Известна касыда ширванского поэта Хакани, прославляющая дербентского правителя Сейф ад-Дина Арслана Музаффа-ри Мухаммада дара-йи Дербенди. Панегирист сравнивает его со знаменитым ахеменидским царем Дарием, называет «сардаром, саларом, шахом, шахиншахом», арабом «по природе и рождению» (Кудрявцев 1981: 91).

О периоде правления зятя царя абхазов, Абу-л-Музаффара известно немного. Он, как впоследствии и его преемники, пользовался правом чеканки монеты – одним из важнейших на мусульманском Востоке признаков обладания государственной властью. «В 1857 г. в с. Дигом в 8 км. от Тифлиса был обнаружен большой клад монет с именами Музаффара бен Мухаммеда и халифа ал.-Мустанджида. Они датированы 558/9 хиджры (ок. 1162-64 гг.) ...» (Пахомов 1930: 1). О времени заключения брака дербентского правителя с абхазской царевной нельзя сказать определенно. Известно, что в этом браке была рождена дочь Исмат ад-дин Сафват ад-дин Сафват аль-Ислам, вышедшая замуж за ширваншаха Ахситана (об этом было сказано выше), а, возможно, и наследник Абу-л-Музаффара, Бекбарс бен Музаффар.

Уникальное сообщение о взаимоотношениях царя абхазов Дмитрия IV с эмиром Дербента принадлежит секретарю первого, автору «Хроники Майяфарикинцев» Ибн ал-Азраку: «Царь передвигался с одного края до другого и с одного места до другого в пределах своих владений. И я был с царем, и мы

провели несколько дней в области Дарбанд-и Хазаран, который, говорят, был впервые построен Хосровом, сыном Кубада. Царь остановил свое войско в долине около горы. И малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю, и привел ему слуг [с вещами, необходимыми для] его пребывания и пиров, так как он был зятем абхазского царя, будучи женат на его дочери. А абхазским царем был Дмитрий, сын Давида, Давидид, имеющий титул «Меч Мессии» ...» (Минорский 1963: 184, 222-225). Сообщение датируется 1154 г.

В период царствования Дмитрия IV, как минимум дважды, были заключены брачные союзы с Сельджукидами. Оба связываются, по традиции, с именем дочери царя, Русудан. Первым супругом абхазской царевны стал Гият ад-Дин Масуд. Он был сыном султана Мухаммеда I Тапара от наложницы Нистандар Джахан. Гият ад-Дин Масуд родился около 1108/9 г. В 1118 г. во главе государства Сельджукидов встал его старший брат Махмуд. Масуд неоднократно выступал против султана, но в 1130 г. предпочел примириться с братом и получил в качестве икта Гянджу. После смерти Махмуда, Масуд первым предъявил права на престол. В события вмешался его дядя Ахмад Санджар. В мае 1132 г. близ Хамадана, произошло сражение между войсками великого султана и объединенными силами Масуда и его брата Сельджук-шаха. Санджар одержал победу и Масуд вынужден был бежать в Гянджу. Султаном Ирака был объявлен ставленник первого Тогрул II. Однако его правление длилось недолго, в конце 1133 г. он скончался. Прибывший в Хамадан, Гият ад-Дин Масуд был провозглашен султаном. В течение всего периода нахождения у власти ему пришлось вести борьбу с непокорными эмирами.

Новый правитель Иракского султаната пытался усилить свои позиции, в том числе посредством заключения целого ряда брачных союзов. Сразу после восшествия на престол в 1134 г. он женился на дочери Ахмада Санджара, Гаухар-Хатун. Позже он взял в супруги Сафру, дочь Абуль-Аазза аль-Агарра Нуруддевле Дубайса II бен Садака правителя эмирата Мазьядидов. В 1140 г. султан посватался к дочери Аббасидского халифа Аль-Муктафи. Другие жены Гият ад-Дин Масуда также происходили из знатнейших мусульманских родов, в том числе, из рода

Сельджукидов. Особым влиянием пользовалась Зубайда-хатун – дочь султана Бёркийарука. Лишь Русудан, известная под именем Абхаз-Хатун, была дочерью правителя христианского государства. Брак был совершен около 1151/2 гг. Для выявления мотивов его заключения необходимо рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Восточном Закавказье в период правления султана Масуда.

В целях укрепления центральной власти, Гият ад-Дин Масуд предпринял ряд мер, направленных на ограничения полномочий правителей отдельных областей государства – эмиров. Крайне негативная реакция последних не замедлила себя ждать. Во главе недовольных встал атабек Кара-Сункур, а центр оппозиции султану сместился в Азербайджан. Летом 1139 г., атабек, во главе большого войска отправился на завоевание Фарса. Вскоре он получил известие о сильном землетрясении в Азербайджане и гибели его семьи, находившейся в Гяндже. Сразу после природной катастрофы город подвергся нападению войск царя абхазов. Мхитар Гош сообщает: «... Деметре сын царя Давида, поднялся с большими войсками и пришел в область Аран. Он достиг столицы Ганджак под командованием своего спасалара Иване, и они поступали немилосердным и грубым образом и нападали на оставшихся в живых и предали всех их мечу или [привели их к] рабству. Несмотря на то, что они видели, что город, который был значительным городом, внезапно был повержен в ад — ибо груды золота и горы человеческих останков были свалены в одну кучу — они не подумали стать милосердными по отношению к городу, откапывали и увозили золотые и серебряные сокровища и своими налетами и пытками они мучили [народ] более жестоко, чем само землетрясение» (Мхитар Гош 1960: 12). Поскольку военная акция Дмитрия IV была осуществлена молниеносно, можно предположить, что она планировалась еще до землетрясения и известие о природном катаклизме застали его армию уже на марше. Полки царя абхазов достигли Азербайджана раньше Кара-Сункура. Скорее всего, осведомленный об отсутствии атабека Дмитрия IV попытался овладеть Гянджой. Нанесение ущерба владениям Кара-Сункура, объективно, было на руку и султану Масуду. Спешно возвратившийся в Гянджу, атабек занялся ее восстановлением, попутно он организовал ряд набегов на земли

царя абхазов. Однако в 1141/2 г. Кара-Сункур скончался. Его преемником стал Чавли ат-Тогрули. З. М. Буниятов отмечал: «султан Мас'уд решил приблизить к себе эмира Чавли и тем самым предохранить себя в будущем от угроз со стороны эмиров Азербайджана — страны, в которой были сосредоточены значительные военные силы» (Буниятов 1978: 35). Последний сумел разбить, восставшего против султана, назначенного еще Кара-Сункуром, наместника Гянджи Кутлуга. Однако Чавли не оправдал доверие Масуда, он неоднократно блокировался с находившимися в оппозиции к центральной власти эмирами. После смерти Чавли в 1146 г. положение султана еще более ухудшилось, поскольку Арран и Азербайджан перешли в руки могущественного эмира Фахр ад-Дин Тоган-Йурека (Садр-ад-Дин 1980; 109). Мхитар Гош сообщает, что последний инициировал организацию похода против царства Абхазских Багратидов. Когда большая часть войск уже была сконцентрирована у Шамхора, в апреле 1147 г. эмир был убит в Гяндже Хасс-беком ибн Палангари. Без сомнения, убийца Тоган-Йурека действовал в интересах Масуда. Вскоре, по приказу султана, в Багдаде был казнен эмир Абас (Мхитар Гош 1960: 14-15). Таким образом, события в Гяндже следует считать частью плана по устранению противников Масуда. К слову, гибель Тоган-Йурека позволила царству Абхазских Багратидов избежать серьезного военного столкновения с сельджуками. Арран был передан султаном Хасс-беку ибн Палангири. Уже летом того же, 1147 г. он во главе большого войска срочно отправился на выручку Масуду против которого выступил Боз-апа, движимый желанием отомстить за смерть Абаса и Тоган-Йурека. Путем огромного напряжения сил султану и его сторонникам удалось одержать победу. В 1148 г. новая коалиция эмиров, в которую вошел и Шамс ад-Дин Ильдениз двинула свои войска на Багдад, требуя удаления верного Масуду Хасс-бека ибн Палангири, занявшего пост визира. Его отставки требовал и великий султан Ахмад Санджар. Под давлением обстоятельств, правитель Иракского султаната вынужден был принять крайне невыгодное для себя решение. Именно, к этому времени, на наш взгляд, следует отнести начало переговоров о заключении брака султана Гият ад-Дина Масуда с дочерью царя абхазов. Контроль за кавказскими владениями

Сельджукидов со стороны Хамадана в значительной мере был ослаблен. Эмиры Аррана и Азербайджана, обладавшие значительными военными ресурсами, зачастую оказывались в числе лидеров, оппозиционно настроенных по отношению к центральной власти сил. Отношения с Абхазскими Багратидами не отличались стабильностью, последние использовали любую возможность расширить свои пределы за счет армянских и азербайджанских земель, проявляя особый интерес к важным торгово-ремесленным и административным центрам: Ани, Двину и Гяндже. Гянджа была «последним пограничным аванпостом мусульманского мира», значительным городом «не только по масштабам Кавказа, но и всего Ближнего и Среднего Востока» (Буниятов 1978: 192). Ее владельцы, чаще всего, инициировали и осуществляли руководство военными действиями против царства Абхазских Багратидов. Установление родственных отношений с Дмитрием IV было продиктовано желанием сбалансировать ситуацию на Восточном Кавказе: сдерживать амбиции эмиров, поскольку султан получал возможность, при необходимости, координировать свои действия с царем абхазов. Политическая стабильность в регионе была необходима для и безопасного функционирования торговых путей, экономические связи с исламским миром были чрезвычайно важны для Абхазских Багратидов.

О событиях, развернувшихся вокруг Гянджи, накануне заключения брака Масуда с абхазской царевной сообщает Мхитар Гош. В период «великого беспорядка» по определению армянского автора «некий эмир Эргиш, ... безо всякого указания султана вознамерился захватить во владение Ганджак», но «начальники города узнали об этом и не допустили его в город ...» (Мхитар Гош 1960: 15). Они послали за помощью к царю Дмитрию. Это обращение к абхазскому монарху было мотивировано тем, что «его дочь должна была стать женой султана. Ее звали Рузуган, и, как плату за нее (*varjan*), он отдавал им Ганджак» (Мхитар Гош 1960: 15). Войско, отправленное Дмитрием, по просьбе гянжинцев разбило отряды Эргиша. «А после этого султан Масуд послал одного эмира по имени Ровади в качестве сатрапа города Ганджака» (Мхитар Гош 1960: 15). Большинство комментаторов данного пассажа из труда Мхитара Гоша, склоняются к тому, что

Гянджа в качестве приданного за абхазской царевной должна была быть передана султану Масуду. Следовательно, до рассматриваемых событий, пользуясь смутой в государстве Сельджукидов, царь Дмитрий захватил город. Масуд же путем женитьбы на Русудан смог вернуть контроль над важным административным и экономическим центром Восточного Кавказа. Однако источникам ничего не известно о военных акциях царя абхазов по захвату Гянджи в конце 40-х гг. XII в. Из сообщения армянского автора неясно, кто контролировал Гянджу к моменту прибытия под ее стены Эргиша и что подвигло последнего к ее захвату? Показательно, что гянджинцы не обратились за поддержкой к одному из сельджукских эмиров, например к влиятельному атабеку Шамс ад-Дину Иль-Денизу, резиденция которого располагалась в Барде. На наш взгляд, следует обратить внимание на термин «varjan» (арм. Վարձան), использованный Мхитаром Гошем. Этим термином в армянском праве обозначалась плата за невесту, которую вносит жених («приданное» именуется на армянском «ozhit» (օճիտ)) (Сукиасян 1969: 243-245).

Возможно, переход Гянджи под власть Абхазских Багратидов был одним из условий заключения матримониального альянса Сельджукида с абхазской царевной. По справедливому замечанию Р. Гуссейн-заде, при брачном стоворе «стороны старались извлечь максимум выгоды, имевшей подчас неожиданный характер. Так, халиф Аббасид ал-Каим потребовал у великого султана Сельджукида Тогрул-бека возвращения ему захваченной сельджуками области Васит» (Гуссейн-заде 2011: 118). Возможно, автор применил его (указанный термин) «varjan» как эквивалент арабскому – «махр» – брачный дар, имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака. Брачный союз в исламе строится на договорно-правовой основе, одним из главных его условий является уплата махра. Царевна Русудан, сговоренная за султана Масуда, должна была стать обладательницей соответствовавшего ее знатности махра. Известны случаи, когда в качестве такового выступали земельная собственность или налоги от определенной провинции, выплачиваемых в султанскую казну. Брачным даром Сельджукида абхазской царевне могла быть (послужить) сумма годовых или

иных доходов, взыскиваемых в Гяндже в пользу султана. Данное предположение косвенно подкрепляется отрывком из письма, полученным атабегом Азербайджана Иль-Денизом, от властей царства Абхазских Багратидов, который приводит Садр ад-Дина ал-Хусайни: «Нам причитается харадж с Ганджи и Байлакана, который ежегодно поступает в казну [нашего] царя. Однако вот уже несколько лет, как поступления в казну прекратились, и мы желаем, чтобы ты внес эти деньги» (Садр ад-Дин 1980: 137). Таким образом, заключение брака между абхазской царевной и султаном Масудом сопровождалось некой сделкой, касающейся Гянджи.

Сведений о самом бракосочетании и пребывании Русудан в Иракском султанате нет. В средневековых письменных источниках содержатся некоторые сведения о церемонии вступления в брак сельджукских султанов, во время которой невесту усаживали на золотой трон, воздавали почести, одаривали, а супруг всячески выказывал уважение новобрачной и сопровождавшим ее лицам (Агаджанов 1980: 231). Вступление в брак с аллодоксом надо полагать не сопровождалось для Русудан сменой веры. Согласно шариату, мусульманин имеет право жениться на христианке или иудейке, при этом супруга его не принуждается к отречению от своей религии. Кроме того, во время совершения брачной сделки, этот вопрос, скорее всего, был специально оговорен. Матримониальный альянс абхазской царевны с правителем Иракского султаната продлился недолго и был бездетным. Осенью 1152 г., на шестнадцатом году правления, Масуд скончался и был похоронен в Хамадане в медресе, которое построил Джамал ад-Дин Икбал ал-Джандар ал-Хадим» (Садр ад-Дин 1980: 112).

Однако, Абхазские Багратиды получили возможность повторно разыграть эту брачную карту. Вторым супругом Русудан стал еще один представитель правящей династии государства Сельджукидов, младший брат ее первого мужа, Гият ад-Дунья ва ад-Дин ибн Мухаммад, более известный под своим тронным именем – Сулейман-шах. Он был сыном султана Мухаммеда Тапара от брака с Гоухар-Хатун. Сулайман-шах долгое время жил в Хорасане, при дворе Ахмада Санджара и считался его наследником. Когда, в 1153 г. последний был разбит и пленен огузами, Сулайман-шах бежал в Табаристан. Однако уже в начале сентября

того же года он был призван в Хорасан и объявлен верховным султаном. «Начиная с этой поры в крае стала читаться хутба с именами двух «величайших султанов» (Агаджанов 1991: 215). Сулайман-шах предпринял попытку дать отпор мятежным огузам, которые начали наступление на Нишапур, но успеха не имел. В весной 1154 г. он был свергнут. Ибн-ал-Асир отмечал: «Султан Сулайман-шах оказался слаб. Он был плохого образа жизни и нераспорядительным, ...Он оставил Хорасан в сафаре [пятьсот] сорок девятого года и вернулся в Джурджан» (Ибн ал-Асир 2005: 256). Позже Сулайман-шах направился в Багдад. Получив поддержку от халифа ал-Муктафи, он вступил в борьбу за власть в Иракском султанате с Мухаммедом. Вскоре к Сулайман-шаху примкнули недовольные центральной властью эмиры Шамс ад-Дин Ил-Дениз, Фахр ад-Дин Зенги, Нусрат ад-Дин Арслан-Апа. С их помощью, в 1156 г. ему удалось овладеть престолом. Однако, он не проявлял надлежащего рвения в делах государственного управления, чем вызвал разочарование в стане своих соратников. Этим обстоятельством воспользовался Мухаммад, который сумел вернуться к власти. Сулайман-шах был и заключен в Мосульскую крепость, где и пребывал до 1159 г. После смерти Мухаммада он получил свободу и был провозглашен султаном. В брак с Русудан (Абхаз-хатун) Сулайман-шах вступил уже будучи правителем государства Сельджукидов. Женидьба на вдове старшего брата, вполне соответствовала тюркским традициям. Пережитки левирата сохранились у огузских племен и после их обращения в мусульманскую веру. Такие случаи зафиксированы в отношении представителей династии Сельджукидов: известно, например, что в XI в. ... Тогрул-бек женился на вдове своего покойного брата Чагры-бека (Агаджанов 1980: 227). Кроме того, брак с вдовой предшественника был призван укрепить позиции Сулайман-шаха, его легитимность, подчеркнуть преимущество перед другими претендентами на престол. Отметим, что из гарема Масуда он избрал в супруги именно Русудан. Мотивы этого выбора определить сложно. Правление Сулайман-шаха было коротким и несчастливым. Пагубные привычки и отсутствие политической воли не позволили ему распорядиться предоставленным шансом. В октябре 1160 г. в результате заговора эмиров и духовенства, Сулайман-шаха был арестован и

заточен. В марте 1161 г. он был убит в замке Ала ад-Давла в Хамадане и похоронен в могиле своего брата султана Гият ад-Дин Масуда. Таким образом, второй брак Абхаз-хатун, был скоротечен, и не принес политических дивидендов Абхазским Багратидам. Дважды овдовев, Русудан возвратилась на родину. Между тем, пребывание в браке с Сельджукидами сообщил ее особе особый статус и авторитет. Летописцы не преминули отметить данный факт: «...Русудан...была бывшей невесткой великих шамирамских султанов и царицей, носительницей власти всех хорасанских владык. ...явилась славой своего дома и всего нашего царства» (Картлис Цховреба 2008: 303); «Исполненная всякой мудрости, Русудан распоряжалась во дворце, с одной стороны, по-багратионовски, так как происходила из фамилии Багратионов, с другой стороны, как бывшая невестка султанов Иракских и Хварасанских, действовала сообразно с тамошними обычаями, которым она была научена» (Картлис Цховреба 2008: 263).

Русудан являлась заметной политической фигурой при дворе своего брата Георгия V. Следует отметить ее активность в дипломатической сфере. Будучи вдовой Сельджукидов, она пользовалась почетом в мусульманском мире, в том числе, у правителей соседних с царством Абхазских Багратидов политических образований. Неслучайно Русудан была задействована в переговорах по статусу Ани. Наряду с атабегом Азербайджана Иль-Денизом, Русудан выступала в качестве посредника на переговорах и была одним из гарантов сделки (Картлис Цховреба 2008: 250).

Ко времени правления Георгий VI Лаши относятся попытки заключения военно-политических союзов против монголов, основанных на родственных связях с мусульманскими правителями: Айюбидами и ширваншахами. Эти брачные проекты не были реализованы. Матримониальный альянс абхазской царевны с аллодоксом был реализован на фоне монгольской агрессии на Кавказ и в Малую Азию в 30-40-х гг. XIII в. В 1237 г. был совершен брак между дочерью царицы Русудан, Тамар и правителем Румского султаната Гийас ад-Дином Кей-Хосровом II. Ибн Биби сообщает, что инициатором его заключения была Русудан («Abbaz Melikesi Rosudan») (Ibn BiBi 1996: 423). По его словам, царица отправила в Конью

послание, в котором предлагала правителю Румского султаната союз и руку своей дочери. Русудан акцентировала внимание на том, что Тамар, по рождению, принадлежит к «потомству Сельджука и Давида [Багратида]» (Ibn BiVi 1996: 424). «Столетняя летопись», свидетельствует, что в устройстве этого брака был заинтересован правитель Рума. «Когда подросла дочь ее Тамар, проведал о благородстве и благозданности ее султан греческий Киасдин, отпрыск Нукрадина, и молил, (присылая) множество даров и подношений, выдать деву Тамар ему в супружество и положил клятву не понуждать ее к отречению от веры Христовой. Вняла царица Русудан и выдала дочь свою (Тамар) султану Киасдину в замужество, непристойное для христиан, да с большими почестями дала ей в приданое Ацкури» (Картлис Цховреба 2008: 340). По всей вероятности, угроза со стороны монголов сделала союз между Абхазскими Багратидами и Сельджуками взаимовыгодным. За невестой была отправлена представительная делегация во главе с мустауфи Шихаб ад-Дин ал-Кермани. Когда Тамар в сопровождении эскорта следовала через Анатолию в Кайсери, где должна была состояться церемония бракосочетания, «провинциальные чиновники соперничали друг с другом за честь поцеловать ее руку» (Ibn BiVi 1996: 424). Известно, что в свите царевны, отправившейся к жениху, состояли ее двоюродный брат Давид, представители знати и духовенства. Брак оказался счастливым. Тамар стала любимой женой султана Гийас ад-Дина Кей Хосрова II, она носила почетный титул «Маликат аль-маликат», то есть «Царица цариц» (Shukurov 2013: 115-150), в мусульманских источниках она фигурирует под именем Гюрджи-хатун. Согласно арабской рукописи «Хронографии» Бар Гебрея, султан был так очарован своей супругой, что хотел изобразить ее на дирхемах, но ему посоветовали [вместо] этого изображение льва на фоне солнца. А. Пикок считает это сообщение поздней интерполяцией и указывает на то, что в сирийской версии труда данный пассаж отсутствует (Reasock 69-90). Действительно, в 1240-1241 гг. на монетных дворах Коньи и Сиваса были отчеканены серебряные дирхемы с изображением Льва и солнечного Лица. Турецкий специалист Т. Ерккан полагает, что солнце на указанной монете символизирует женщину, супругу Кей-Хосрова, а лев – самого султана. С точки зрения исследователя, солнечному лику,

восходящему над львом, приданы черты лица Тамар-хатун (Tolga 2010: 1244). В. Ю. Исаев обращает внимание на то, что сельджукскому искусству свойственна полиметафоричность, поэтому художественный сюжет на монетах может нести сразу несколько идей, и безусловно, имеет «прямое отношение к религиозной символике ислама». Вместе с тем, он находит «очевидным», что указанное изображение на дирхеме несет дополнительный смысл, связанный «с любовью султана к его второй жене Тамар» (Исаев 2019).

На кануне монгольского нашествия государство Сельджукидов Малой Азии достигло своего расцвета. Отец и предшественник Гийас ад-Дина Кей Хосрова II, Ала ад-Дин Кей Кубад I собрал при дворе известных религиозных деятелей, ученых, поэтов, артистов (Розина 2019: 203). Насыщенная интеллектуальная атмосфера, в которую окунулась юная абхазская царевна не могли не оказать влияние на ее личность. В гаремах малоазийских сельджукидов преобладали женщины греческого происхождения. Они ценились как самые престижные брачные партнерши среди всех слоев мусульманского общества. Р. М. Шукуров отмечает, что «эти кровные связи султанов с греками чрезвычайно важны для понимания культурной среды при сельджукском дворе. Нельзя недооценивать влияние нескольких поколений гречанок на гарем. Их присутствие неизбежно повлияло на культурный опыт сельджукских принцев и принцесс» (Shukurov 2013: 121). Мать правителя Румского султаната Махпари-хатун была гречанкой по происхождению. Гречанкой была и одна из его жен. По мнению указанного автора, Кей-Хосров II «обладал двойной конфессиональной и этнической идентичностью» (Shukurov 2013: 133).

Источники свидетельствуют о том, что женам султанов Рума не воспрещалось исповедовать христианство. В 1243 г. латинский император Балдуин II в письме к французской королеве Бланш Кастильской упоминает о недавних переговорах с Гийас ад-Дином Кей Хосровом II, который просил руки принцессы. Султан Рума обещал, что будущая жена будет пользоваться полной свободой вероисповедания: во дворце для нее обустроят часовню и ее смогут посещать священники. Между прочим, Гийас ад-Дин Кей Хосров отмечал: «что это обычная

практика при сельджукском дворе, поскольку его собственная мать-гречанка соблюдала христианские обряды («*lege Christiana Graeca*») при жизни его отца (Shukurov 2013: 122)». Латинская принцесса должна была стать четвертой женой султана-христианкой, но запланированный союз так и не состоялся. Аналогичное заверение Гийас ад-Дином Кей-Хосровом было дано царице Русудан в отношении ее дочери Тамар. В первые годы брака она оставалась христианкой. «Столетняя летопись» повествует, что царевна вынуждена была пойти на смену веры под давлением мужа. Косвенно вина за произошедшее хронистом возлагается на царицу Русудан, направившую в адрес зятя послание, в котором ложно обвиняла свою дочь в измене мужу. «И дошло до султана послание. Мгновенно взъярился он и вошел в царицины покои и, ... всю бывшую при ней прислугу и служителей подверг эксорции, а некоторых истребил. А супруге своей угрожал и обещал безжалостную казнь, ежели не отвергнет веру Христову и не станет мусульманкой. И подверг ее множеству пыток, после которых под гнетом многих мучений отреклась она от истинной веры Христовой, которой до сей поры твердо держалась, ибо (содержала) священников и ставила образа пред собой не тайно, но явно» (Картлис Цховреба 2008: 350-351). Однако, данное сообщение «Столетней летописи», в котором, к слову, автор в очередной раз не преминул в негативном свете выставить царицу Русудан, на наш взгляд, не заслуживает доверия. Учитывая религиозную толерантность Кей-Хосрова, традиции сельджукского двора, вряд ли переход Тамар в ислам произошел по принуждению.

Гюрджи-хатун известна как ученица и ревностная приверженка богослова, поэта-суфия Мавляна Джалал ад-Дина Руми. Среди его почитателей было много представителей знати Румского султаната. Известно, что Гюрдж-хатун, обратилась к Кей-Хосрову с просьбой пригласить художника для написания портрета богослова. «Поскольку султан не мог ни в чем ей отказать», отмечает Афляки, он вызвал живописца. Портрет учителя Гюрдж-хатун всегда «носила с собой» (Aflâkî 1918—1922: 333). О тесном общении Тамар (Гюрдж-хатун) с Руми повествует Шемс-эд-дин Ахмед Афляки. В его «Менакиб аль-Арифин», в частности, приведен один примечательный эпизод. Супруга султана получила от Руми, через его жену

Киру-хатун, чудодейственное растение с острова Цейлон, обладавшее лекарственным эффектом: «когда у кого-то болели глаза, она протирала больную часть лепестком и исцеляла. Цвет и аромат этих цветов никогда не менялись» (Гордилевский 1941: 75). По мнению Вл. Гордилевского, мевлеви «умели искусно проникнуть во дворец и подчинить через женщин своему влиянию весь двор султана» (Гордилевский 1941: 165) Через любимую супругу султана путь к первому лицу государства был самым коротким. После смерти в 1246 г. Кей-Хосрова II, фактическим правителем государства стал Муин ад-Дин Сулейман Парвана. Везир настоял на браке с вдовой султана Гюрдж-хатун. В этот сложный период, молодая женщина, нуждающаяся в поддержке, нашла опору в лице известного богослова. Гюрдж-хатун оставалась ученицей Руми вплоть до его смерти в 1273 г. «Через несколько месяцев после того, как Руми отбыл в вечность, эмир Аламэддин Кайсери, крупный чиновник в Конье, с одобрения Султана Велада начал строительство гробницы, которая до сих пор поражает всех посетителей своей архитектурой и духовным величием. Гробница сооружалась под надзором архитектора Бадрэддина из Тебриза, при финансовой и моральной поддержке Гюрджи-хатун, дочери султана Алаэддина Хосрова II и жены Муинэддина Перване» (Шефик Джан 2008: 161). «Во главе круга учеников Мевлеви стал его друг Хисамуддин Чалабисын, а затем сын Султан Валад, который и создал терикат Мевлеви (орден «кружащихся в танце дервишей») (Розина 2019: 202). Следует отметить один примечательный факт, будучи мусульманкой, Тамар являлась покровительницей церкви в Белисераме в Каппадокии.

В 1239 г. в браке Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II с Тамар родился Ала ал-Дин Кей-Кубад. Будучи сыном от любимой жены, он был объявлен наследником султана Рума. На момент смерти отца, Кей-Кубаду исполнилось только семь лет. Старшие сыновья Кей-Хосрова от разных матерей – Кай-Кавус и Кылыдж-Арслан предъявили права на престол. Кей-Кубаду II пришлось разделить власть с братьями. Во время этого совместного правления, продолжавшегося пять лет (1249-1254), имена всех трех султанов, в порядке возраста, упоминались в хутбе и чеканились на монетах. В 1254 г. Кей-Кубад во главе представительной свиты

отправился в Монголию к хану Менгу. По дороге, во время остановки в Эрзеруме, он неожиданно скончался. Скоропостижная смерть Кай-Кубада дала повод для слухов о том, что он был убит по приказу братьев, которые опасались, что Менгу утвердит его в качестве единоличного правителя Румского султаната.

Тамар потеряла единственного сына, сведений о рождении детей в браке с Муин ад-Дином Сулейманом Парваной нет. Несмотря на то, что второй супруг, влиятельный государственный деятель и меценат выказывал ей большое почтение, по данным Афляки, Тамар была довольно строга с ним и даже требовала развода (Aflâkî 1918—1922: 339-340). В 1277 г. она вновь овдовела, Муин ад-Дин Сулейман Парвана был казнен монголами.

По мере расширения границ Абхазского царства на Восток, отношения с исламским миром укреплялись, становились более интенсивными. Взаимодействие с правителями мусульманских государств вызвало к жизни необходимость заключения договоров, подкрепленных установлением родства. С XII в. в брачные расчеты Абхазских Багратидов прочно входят мусульманские династии, правившие соседними государствами.

Надо полагать, что брачные союзы абхазских царевен с иноверцами были призваны, снизить напряженность в отношениях соседних государств. Кроме того, они способствовали повышению авторитета Абхазских Багратидов как на международной арене, так и среди своих подданных, прежде всего, мусульман, составлявший значительную часть населения крупных городских центров в восточной части царства. Необходимо отметить, что одним из ключевых условий Абхазских Багратидов, при заключении брачных сделок с иноверцами, было сохранение за абхазскими царевнами права оставаться в лоне христианской церкви. Родственные отношения между христианскими и мусульманскими правителями способствовали формированию религиозной толерантности, прежде всего, в элитарной среде. Политические дивиденды, которые сулили межконфессиональные браки несколько оттеняли нарушение религиозных канонов.

3.4. Брачные контакты Абхазских Багратидов с Русью

Короткому летописному свидетельству о браке киевского князя Изяслава с обежанкой посвящена обширная литература. Обычно сообщение о данном событии становилось предметом рассмотрения специалистов в рамках дискуссии о значении терминов «Обез» и «обезы» в исторических и литературных памятниках средневековой Руси. Вопросы о происхождении второй супруги Изяслава Мстиславича касались в своих исследованиях: С. А. Белокуров, П. Г. Бутков, Ф. Б. Брун, К. Д. Кудрявцев, И. З. Цинцадзе, Ш. Д. Месхия, Н. Ш. Асатиани, Л. И. Лавров, З. В. Анчабадзе, Н. Т. Накашидзе, И. Ф. Котляр, О. Г. Жужунадзе, Г. Г. Пайчадзе, Г. В. Цулая, З. В. Папаскири, А. Л. Папаскир, В. Е. Кварчия, Д. К. Чачхалия и др. Поскольку, единственно русские летописи упоминают о заключении брака киевского князя с высокородной особой из Обез, и эти данные не могут быть подтверждены и дополнены свидетельствами византийских, грузинских, армянских, европейских источников, то следует признать гипотетичность любого суждения о личности второй супруги Изяслава Мстиславича. Вместе с тем, сам факт установления матримониальных связей между двумя государствами не вызывает сомнений. Поэтому крайне важным представляется выявление причин, приведших к заключению указанного брачного союза.

С конца XI в., международное положение царства Абхазских Багратидов улучшилось. Благоприятная внешнеполитическая конъюнктура (распад государства Сельджукидов, походы крестоносцев) вкупе с успешными военными акциями царя Давида I Возобновителя способствовали укреплению центральной власти, экономическому росту и расширению территории государства. Умелые действия на дипломатическом поле позволили Абхазскому царству заключить, посредством династических браков, ряд выгодных политических союзов. С приходом к власти старшего сына и преемника Давида I, Дмитрия IV внешнеполитическая активность Абхазского царства несколько снизилась. Свою главную задачу новый монарх видел в удержании существующих границ государства. Основное внимание царя Дмитрия IV было приковано к восточным территориям. Обстановка здесь не вполне споспешествовала планам абхазской

короны. Результатом долгой и напряженной борьбы за Ани, стало возвращение его под контроль Шеддадидов. Удачный поход на Гянджу в 1139 г., не привел, однако к инкорпорации ее в состав царства Абхазских Багратидов. Сведений об отношениях Абхазского царства с Комниновской Византией, европейскими монархиями, в том числе, Русью, в период правления Дмитрия IV, источники практически не содержат.

В отличие от разноликого, но все-таки объединенного под скипетром Багратидов, Абхазского царства, Русь в середине XII в. переживала непростое время, которое можно определить как период «сражающихся княжеств». Еще относительно единая в XI в., она трансформировалась своеобразную федерацию земель, лишь номинально зависимых от Киева. Неизбежным следствием этого стали усобицы, особенно ожесточенное соперничество развернулось за киевский стол. Подчинение центру сменилось борьбой за центр. Киев из субъекта власти превратился в объект вождений князей, стал предметом их противоборства. В течение XII в. он пережил несколько переворотов. «С особой силой борьба за Киев, разгорелась после смерти Мстислава Великого. Завещание Мономаха, подтвержденное договором Мстислава и Ярополка, об утверждении исключительных прав на Киев, Переяславль и Новгород, а также связанного с Киевом старшинства за Мстиславичами вызвало бурю в стане младших Мономаховичей» (Толочко 1980: 166). Проявили свое недовольство и Святославичи (Ольговичи и Давидовичи). Это вовсе не входило в расчеты Мстиславичей, среди которых выделялся Изяслав. Внук Владимира Мономаха и второй сын Мстислава Великого, рожденный в браке со шведской принцессой Христиной, был одним из наиболее энергичных политических деятелей середины XII в. на Руси. Изяслав Мстиславич занимал княжеские столы в Курске, Полоцке, позже в Переяславле и Владимире-Волынском. Н. М. Карамзин дает ему лестную оценку, называя мужественным, деятельным князем, народным любимцем и оратором (Карамзин 1991: 161). Полководческий талант, значительный политический опыт, яркая, динамичная личность Изяслава импонировали киевлянам. После кончины, занимавшего киевский стол Всеволода Ольговича, они

направили в Переяславль к внуку Мономаха своих послов: «Поди, князь, к нам, хотим тебя... Ты нам князь, Ольговичей не хотим» (Ипатьевская летопись 1908: Стб. 323). Киевский вечевой сход позволил Изяславу обойти многих претендентов, более старших годами и имевших, согласно лествичному порядку, преимущество. Характерно, что, как и когда-то его дед Мономах, Изяслав занял «золотой стол» не по праву старшего. Мстиславич сумел расположить к себе могущественную боярскую аристократию, от благосклонности которой, во многом, зависела судьба киевских князей. Вступление Изяслав в Киев 13 августа 1146 г., ставшее возможным благодаря выбору его на княжение жителями древней столицы, отнюдь не означало окончания борьбы. Изяславу противостояла княжеская группировка, возглавляемая его дядей Юрием Долгоруким и Владимирко Володаревичем Галицким.

Зимой 1148/49 г. Изяслав Мстиславич предпринял поход на Суздаль, который был неудачен. 23 августа 1149 г. на р. Трубеж Юрий Долгорукий и его союзники разбили войска Изяслава. Последний был вынужден был оставить Киев и отправиться во Владимир Волынский. На «золотом столе» вокняжился Юрий. В течение 1150-1151 гг. Киев переходил из рук в руки. Уже зимой 1150 г. Юрий Долгорукий выступил во главе большого войска против племянника и осадил Луцк. В марте в Пересопице между противоборствующими сторонами было заключено мирное соглашение. В начале лета Юрий Долгорукий на короткое время теряет контроль над Киевом, который переходит к Изяславу. С помощью галицкого князя первый восстанавливает свою власть над «матерью городов русских». Весной 1151 г. Киев был вновь занят Изяславом. Дальнейшее его правление проходило совместно с дядей Вячеславом Владимировичем. «В лето 6659 (1151) уведе Изяслав стрья своего и отца своего Вячьслава у Киев, – сообщает летописец – Вячьслав же уеха в Киев и еха к Святее Софьи, и седе на столе деда своего и отца своего» (Ипатьевская летопись 1908: Стб. 418—423). Оба князя обосновались в Киеве: Вячеслав на «Ярославле дворе», Изяслав – «на Угорском». Изяслав нашел способ противостоять притязаниям Юрия Долгорукого. Провозглашение Вячеслава киевским князем должно было лишить последнего законных прав на «золотой»

стол. Формально принцип «старейшинства», на котором основывал свои притязания на «Мать городов русских» ростово-суздальский князь был соблюден. На деле, дуумвират Вячеслав и Изяслав – разделение декларативной и реальной власти над Киевом. В мае 1151 г. Изяслав разбил войска Юрий Долгорукого в битве при Лыбеди, сражение на реке Руте, в июне того же года, завершилась тяжелым поражением суздальцев и его союзников. После победы киевского князя у Переяславля, между Изяславом и Юрием был заключен мир, по которому последний обязывался покинуть Южную Русь. Изяслав сохранил за собой киевский стол вплоть до своей кончины в 1154 г.

Не за долго до смерти, в 1153 г. киевский князь вступил во второй брак. О происхождении его первой супруги, умершей в 1151 г., летописи ничего не сообщают. Ряд исследователей полагают, что она была немкой, возможно, представительницей знатного рода Гогенштауфенов. Второй супругой князя стала обежанка. Пытаясь найти объяснение столь неожиданному выбору киевского князя, специалисты высказывали различные суждения по поводу мотивов заключения данного брачного союза.

С точки зрения Ш. Д. Месхия и Н. Ф. Котляра, А. В. Гадло, брак Изяслава с обежанкой был продиктован необходимостью оформления военно-политического союза перед лицом общей угрозы, исходившей от половцев (кипчаков) (Месхия 1970: 146; Котляр 1968; Котляр 1975: 13; Гадло 2004). Однако после успешных походов Владимира Мономаха в степь, в начале XII в. силы кочевников были серьезно подорваны, предпринимать масштабные набеги на русские земли они были не в состоянии. Вместе с тем вступление Руси в полосу политической нестабильности и затяжных усобиц позволило степнякам стать активными участниками военных мероприятий в качестве союзников, враждовавших между собой русских князей. Многие из них оказались связанными с кочевниками благодаря династическим бракам. Известно, что ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, будучи зятем влиятельного хана Аепы Осеневича, неоднократно привлекал половцев к военным акциям против Изяслава. Приходы на Русь «союзных» половцев чередовались с набегами на пограничные области, так

называемых, «диких» половцев. Но хорошо организованная система обороны южных границ Руси сдерживала агрессивные устремления степняков. При необходимости, князья организовывали походы против половцев, но, в отличие от походов Владимира Мономаха, эти военные мероприятия уже не имели общерусского характера, а ставили задачу; вытеснить кочевников за пределы русских земель или отбить награбленную добычу и пленных. Для борьбы с набегами князья старались привлечь «своих» степняков. «Замиренные» печенеги, торки, берендеи, коуи, турпеи, половцы и другие группы кочевников, известные русским летописцам под общим названием «черные клобуки», были поселены в XI—XII вв. в Поросье, Верхнем Побужье, по притокам Тясмина и Синюхи, по левой, «перемыславской» стороне Днепра и верно несли службу киевским князьям по охране границ от своих «диких» собратьев. Под предводительством русских князей и воевод, а порой и самостоятельно «черные клобуки» неоднократно отбивали набеги половецких орд на Киевскую и Переяславскую землю. .... Иногда «черные клобуки» были даже более воинственно настроены по отношению к «диким» половцам, чем сами русские князья, и прямо требовали организации походов в половецкие степи» (Каргалов 2008: 90).

Практика использования кочевников в качестве наемников была обычной и для Абхазских Багратидов. Начавшаяся при царе Давиде I, она имела продолжение и в последующее время. О притоке наемников из степи в ряды царского войска, во второй половине XII в., свидетельствует термин «новые кипчаки», используемый первым историком царицы Тамар (Картлис Цховреба 2008: 271). В составе войск Абхазских Багратидов отряды степняков принимают активное участие в многочисленных сражениях. Известно, что в царствование Георгия VI Лаши, в начале XIII в. кипчаки обращались к монарху с просьбой о переселении на территорию царства, но получили отказ (Киракос 1976: 139). Утверждение А. В. Гадло о том, что второй брак Изяслава «...вводил киевского князя в систему родственных отношений, а соответственно и политических обязательств, с владельческими домами Кавказа, через которые он мог бы влиять на Половецкую степь с востока» (Гадло 2004) представляется маловероятным. Вряд ли цари

абхазов располагали необходимым дипломатическим или военным инструментариями для воздействия на кипчакскую знать. Их взаимодействие ограничивалось рамками военного наемничества. Половцы не представляли значительной угрозы ни для Киева, ни, тем более, для Абхазского царства. Улучшить отношения со степью Изяслава мог, вступив в брак с дочерью одного из влиятельных половецких ханов.

Оригинальное мнение высказал О. Г. Жужунадзе. Он полагал, что посредством брака Изяслав пытался получить помощь в разрешении церковно-политического кризиса на Руси, вызванного поставлением на митрополичий престол Климента Смолятича (Жужунадзе 1968: 36). Эта гипотеза требует подробного рассмотрения.

Изяслав Мстиславич ориентировался на союз с Западом, его противники ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий и Владимирко Володаревич Галицкий занимали провизантийскую позицию. Юрий Долгорукий, не оставлявший попыток занять «золотой стол», опирался на грекофильствующие круги русской церкви, находившейся в подчинении Константинопольского патриарха. Неслучайно, одним из первых шагов Изяслава в качестве киевского князя стала организация выборов на митрополичью кафедру.

Еще до вокняжения в Киеве Изяслава, в 1145 г. митрополит грек Михаил покинул Русь. Перед отъездом в Константинополь, он наложил запрет на богослужение в кафедральном храме Киевской Софии. В 1147 г. Изяслав инициировал созыв собора русских епископов для избрания митрополита без участия Константинопольского патриархата. В оправдание этого смелого акта киевский князь мог воспользоваться тем обстоятельством, что после добровольного оставления патриаршества Михаилом II Куркуасом и низложения Космы II Аттика (26 февраля 1147 г.) патриарший престол в Константинополе пустовал до декабря 1147 г. Созванный в Киеве собор епископов не нарушал церковных канонов и был правомочен выбирать митрополита, на основании 4-го правила I Никейского собора. Но, согласно тому же правилу, предполагалось последующее утверждение избранного клирика вышестоящим иерархом, в данном

случае – патриархом. Представители русского духовенства, не могли не сознавать, что их избранник не сможет рассчитывать на получение благословения главы Константинопольской церкви. В качестве кандидата на митрополичью кафедру Изяславом был предложен Климент Смолятич, богослов, религиозный писатель, философ, эрудит, схимник Зарубского монастыря. Большинство присутствовавших на соборе представителей духовенства высказалось за избрание Климента на киевскую кафедру. Однако Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский отказывались признавать такое поставление и даже совершать службу вместе с новоизбранным митрополитом.

Князь Изяслав Мстиславович, предвидя негативную реакцию со стороны части клира назначил собрание епископов и поставление митрополита на 27 июня – День святого Пантелеймона. Этот святой был патроном великого князя, его имя он получил при крещении. Таким образом, избрание главы русской церкви было приурочено к именинам Изяслава. «На княжеские именины по традиции съезжались другие князья, и можно предположить, что поставление Климента было с ними как-то согласовано. Княжеские именины — вообще важное событие, но в данном случае они имели особое значение: это были первые именины, которые Изяслав, в крещении Пантелеймон, праздновал в Киеве, в качестве великого князя (он овладел Киевом в августе 1146 г. и был торжественно настолован в соборе св. Софии (Ипатьевская 1908: Стб. 327). 27 июля 1147 г. приходился на воскресенье, и выбор этого дня был особенно удобен для поставления митрополита» (Успенский 2017: 176). А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский отметили, что на 27 июля приходится и день памяти умершего в 916 г. Климента Охридского, тезоименного новоиспеченному митрополиту (Литвина, Успенский 2010: 30-33).

Возведение русского клирика на киевскую митрополичью кафедру, яркое свидетельство антивизантийской направленности внешней политики Изяслава. «Сделав ставку на Климента Смолятича, киевский князь попытался объединить вокруг себя национальные силы в Русской церкви. Но последние к середине XII столетия были еще слишком слабы» (Карпов 2006: 124). В. В. Мильков отмечает: «В том споре Киева с Константинополем русские князья руководствовались

стремлением иметь во главе церкви своих людей. Когда это желание натолкнулось на жесткое противодействие византийцев, сложилась ситуация, которую можно назвать проявлением «религиозного национализма», связанного с осмыслением собственного места в христианском мире...» (Мильков 2022: 35).

Юрисдикция нового киевского митрополита, с самого начала, была ограничена и распространяться только на часть Руси, его власть не признавало даже духовенство некоторых русских земель и княжеств лояльных или союзных князю Изяславу Мстиславичу. О деятельности Климента Смолятича известно немного. На страницах летописей, он предстает как союзник и надежный помощник киевского князя. Маловероятно, что митрополит Климент стал бы побуждать Изяслава к браку с обежанкой, имея ввиду установление общения с одной из поместных православных церквей. Легитимизировать его статус могло единственно благословение предстоятеля матери-церкви, то есть Константинопольского патриарха. При антивизантийской позиции, покровителя Климента Смолятича, Изяслава на это было трудно рассчитывать. Мог ли в этих условиях Абхазский или Мцхетский католикос выступить посредником в церковном конфликте между Русью и Византией? Вряд ли такое посредничество было бы эффективным при известных политических предпочтениях Изяслава. Без улучшения отношений с империей, достигнуть прогресса в церковном вопросе было невозможно. На наш взгляд, поставление Климента Смолятича на митрополичью кафедру это попытка идеологически подпитать западный вектор развития Руси. Политический и военный союз с европейскими монархиями, неизбежно вел к сближению в церковных вопросах. Официальные разногласия между западной и восточной церковью хоть и были оформлены, но, в этот период, еще не стали столь критическими, чтобы способствовать разобщению политических элит Руси и Европы. Ярким свидетельством тому матримониальная стратегия Мстиславичей, в отношении которой Климент Смолятич, судя по всему, проявлял лояльность. Совсем неслучайно при его возведении в сан было применено ритуальное новаторство: обряд хиротонии у патриарха был заменен освящением ставленника мощами Климента Римского. Политическая программа

покровителя киевского митрополита, Изяслава состояла в переосмыслении отношений с Византией, в сепарации от империи, в том числе, в вопросах церковных. Летописные свидетельства о Клименте Смолятиче, представляющие его как клеветника Изяслава Мстиславича, не дают основания видеть в нем инициатора установления династических связей Рюриковичей с Абхазскими Багратидами для преодоления церковного кризиса.

Исследователь И. З. Цинцадзе полагал, что женитьба на обежанке преследовала цель укрепить позиции Изяслава, в условиях не затухающей борьбы за киевский стол (Цинцадзе 1956: 134-185). Безусловно, брак с абхазской царевной мог выглядеть весьма желанным и престижным. Правда, налицо соблюдение принципа равной или даже повышающейся знатности. Однако заключение брачного альянса с представительницей одного из правящих домов Европы мог казаться не менее авантюрным, а учитывая внешнеполитический курс Изяслава Мстиславича и предпочтительным. Поиск выгодной партии для киевского князя на Западе не составил бы особого труда, а брак мог сулить весьма ощутимую пользу, не в последнюю очередь, и военного характера. Учитывая географическую отдаленность основных политических центров Абхазского царства от Киева, координация военных мероприятий двух государств была весьма затруднительна. Брак со знатной особой из Обез шел в разрез с матримониальными стратегиями Мстиславичей. Известно, что сестры Изяслава были замужем: Мальмфрида за норвежским королем Сигурдом I, а позже за датским монархом Эриком II, Ингеборга – за датским князем Кнудом Лавардом, а младшая Ефросинья – за венгерским королем Гезой II. Брат Изяслава, Владимир был женат на дочери великого жупана Рашки и Бана Белуша, которая приходилась двоюродной сестрой венгерскому монарху. Другой брат Святополк сочетался браком с Евфимией дочерью оломоуцкого князя Оттона II Черного. Супругой старшего сына Изяслава, Мстислава была Агнешка дочь польского князя Болеслава III Кривоустого. Представители династии Пястов князь Мешко III Старый и его соперник в борьбе за Краков Болеслав IV Кудрявый были женаты: первый – на Евдокии, второй – на Верхуслане, которые приходились Изяславу соответственно дочерью и

племянницей. На наш взгляд, вплетение второго брака киевского князя в сложный узор династических связей Мстиславичей может найти объяснение только в сопряжении с потребностями западного направления внешней политики Изяслава, которое являлось приоритетным и доминирующим.

В борьбе за лидерство среди русских князей, определяющей для Изяслава была поддержка со стороны венгерского короля. Дальновидный Мстиславич, только намереваясь вступить в борьбу за «золотой стол», искал опоры за пределами Руси. Он сделал выбор в пользу Арпадов. Около 1146 г. был устроен брак короля Гезы II и сестры Изяслава Евфросиньи, что дало возможность последнему регулярно просить у венгерского монарха войско, с 1148 по 1152 гг. венгры шесть раз приходили к нему на помощь. Вмешательство Арпадов в междоусобия русских князей было масштабным. По меткому замечанию М. К. Юрасова: «Геза II, официально признававший шурина Изяслава «старейшим» по отношению к себе, фактически по своему усмотрению решал судьбу Киева и юго-западной Руси» (Юрасов 2017: 600). Если временами венгерские короли в XII в., и получали военную помощь от русских князей, то весьма незначительную. Таким образом, Изяслав, по сути, являлся младшим союзником Гезы II и вынужден был следовать в фарватере интересов Венгерского королевства, которое было весьма активно на международной арене.

Рубеж 40-50-х гг. XII в. ознаменовался в истории Европы образованием двух больших коалиций. В начале 1148 г. в Салониках был заключен договор между Священной Римской империей и Византией, направленный против сицилийских норманнов и венгров. Ответом на создание «союза двух империй» стало сближение короля Венгрии Гезы II с королем Сицилии Рожером II и германскими Вельфами — извечными противниками Штауфенов, за спиной которых стоял французский король Людовик VII. Враждовавшие между собой русские князья оказались в противоположных лагерях. Несмотря на явно недружественные по отношению к Константинополю действия Изяслава, в частности, поставление киевским митрополитом русского клирика, имперская дипломатия предприняла попытку склонить его к разрыву отношений с главным союзником, Гезой II. Планируя

начать военные действия против Венгрии, император Мануил I предпринял неожиданный дипломатический ход, по его поручению, чешский князь Владислав II в 1148 г. посетил Киев и Галич. Последний попытался заручиться поддержкой Изяслава Мстиславича и Владимирка Володаревича кандидатуры Бориса Калмановича на венгерский престол. Дорожа отношениями с Гезой II, Изяслав отказался примкнуть к сторонникам его оппонента (конкурента). В то время, как галицкий князь Владимирко Володаревич, ожидаемо, согласился присоединиться к антивенгерской коалиции. Доказав свою твердую приверженность действовавшему венгерскому монарху, Изяслав Мстиславич способствовал дальнейшему охлаждению отношений с империей Комнинов. Раскол между суздальско-галицкой группировкой и Киевом стал еще более очевиден.

Летом 1149 г. византийцы снарядили морскую экспедицию против норманнов и захватили остров Корфу, осенью того же года они развернули военные действия на Балканах. Удар пришелся по дружественной венгерскому королю Сербии, в помощь которой Геза направил свои полки. По мнению М. К. Юрасова, «осенняя кампания 1149 г. на Балканах была ещё «подготовительным этапом» венгерско-византийской войны, которая не вышла пока на уровень открытого столкновения двух государств» (Юрасов 2017: 371). Занятый сдерживанием натиска византийского императора Мануила I и ощущавший угрозу со стороны германского короля Конрада III, Геза II не смог оказывать Изяславу военную помощь, достаточную для решительной победы над Юрием. В декабре 1149 г. император Мануил I Комнин временно прекратил войну в Сербии, возвратившись в Константинополь, что позволило Гезе II направить часть своего войска на Русь, но венгерский король прекрасно понимал, что продолжение войны с Византией неизбежно. Он не мог в полной мере исполнять союзнические обязательства, но обещал Изяславу поддерживать напряженность на границах Галицкого княжества. В сентябре 1150 г. венгерский король совместно с киевским князем выступил походом на Галич. Стремительный натиск неприятеля застал врасплох Владимирка Володаревича и он предпочел запросить мира. Разорение Галицкой земли имело далеко идущие внешнеполитические последствия. Владимир Володаревич был

верным союзником империи. По свидетельству Иоанна Киннама, Мануил I Комнин, нападение короля Гезы на «архонта Галицы» Владимира, «который был подданным союзником ромеев», послужило предлогом для объявления войны Венгрии (Иоанн Киннам 1859: 89), что ознаменовало выход противоречий между двумя соседними государствами на качественно новый уровень. Если раньше, в первые годы правления Мануила I, Геза II лишь оказывал помощь врагам Византии и воевал с её союзниками, то теперь настал черёд непосредственных боевых действий между двумя названными правителями, боровшимися за расширение своих владений на Балканах. Несмотря на сложную обстановку Геза нашел возможность оказать помощь Изяславу, благодаря которой весной 1151 г. последний сумел занять Киев. Изяслав щедро наградил своих главных союзников – венгров. В Венгрию отправился старший сын князя Мстислав. В письме к королю Гезе, киевский князь, подтверждая прежний договор о дружбе, предлагает координировать свои действия: «Изяслав просил прислать помощь уже весной («ныне же, брате, сее весны помози на[м]»); если же войны с Юрием удастся избежать, то он обещал сам «с своими полкы» прийти королю на помощь и принять участие в его войне с императором Мануилом (Ипатьевская летопись 1908: Стб. 420–421).

В следующем году в битве на реке Руте Изяславу вновь пришлось отстаивать свои права Киев, не желавшему складывать оружие Юрию. Победа была омрачена известием о том, что венгерское войско, ведомое Мстиславом Изяславичем, было разбито галичанами, союзниками Долгорукого. Весной 1152 г. Геза II выступил в поход против галицкого князя. Навстречу ему в направлении Галича выдвинулась коалиция русских князей во главе с Изяславом и «черные клобуки». В битве у Перемышля союзники нанесли сокрушительное поражение Владимирку. Галицкий князь запросил мира и целовал крест на крайне невыгодных для себя условиях, однако после ухода королевского войска отказался выполнять данные им клятвы.

Антивизантийская основа крепкого союза Изяслава с венгерским королём Гезой II побудила к тесному сближению с Византией галицкого князя Владимира Володаревича. Мануил I считал Владимира вассальным правителем и совершал

карательные походы в Венгрию всякий раз после того, когда Галич становился объектом нападения венгерского королевского войска (в 1150 и 1152 гг.).

Византия представляла для Арпадов источник постоянной военной опасности, особенно с приходом к власти Мануила I (внука венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095), который мечтал о восстановлении империи в границах времен Юстиниана I. Ситуацию осложнял тот факт, что византийцы активно использовали в своих военных акциях против Гезы II претендента на венгерский престол Бориса Калмановича. Последний во главе византийской армии, разорял южные области владений Арпадов. Противоборствующие стороны – Венгрия и Византия – не располагали достаточными силами для нанесения противнику решительного военного поражения.

В начале 1153 г. император Мануил назначил наместником фем Ниш и Браничево своего двоюродного брата Андроника. Для надежной охраны границ Византии от нападения венгров со стороны Сирмия в его ведение дополнительно была передана и область вокруг Белграда, а также Кастория (Иоанн Киннам 1859: 135-136). Андроник, мечтавший овладеть престолом, решил воспользоваться неосмотрительностью императора и вступил в тайные переговоры с венгерским королем. В обмен на поддержку его планов по захвату власти в Константинополе и военную помощь, Андроник обещал передать Гезе крепости, являвшиеся важнейшими звеньями оборонительной системы на византийско-венгерском пограничье. Перспектива перехода под власть венгерской короны трех приграничных округов и прекращение, хотя бы на время, боевых действий выглядела весьма заманчивой. «Конечно, в эпоху Средневековья политические союзы, как правило, были недолговечны, и вряд ли Геза II и его советники не понимали, что, захватив власть в Константинополе, Андроник может отказаться от данных им обещаний, но поддержание разлада в стане Комнинов, несомненно, было выгодно Арпадам» (Юревич 2004: 147).

Согласно договоренностям Андроника и Гезы, в назначенное время первый должен был собственноручно убить Мануила, а венгерская армия начать наступательные действия против империи. Чтобы гарантировать себя от

возможного раскрытия заговора, Андроник сообщил в Константинополь, что вступил в тайные переговоры с венграми, имея целью внести раскол в ряды противника и ослабить позиции короля. Но император уже был оповещен об измене двоюродного брата, одним из своих осведомителей, и повел себя осмотрительно, скрыв этот факт от Андроника. Во время нахождения вместе с императором в Пелагонии Андроник предпринял попытку покушения на Мануила, которая оказалась неудачной. Он был уличен в государственной измене, отправлен в Константинополь и заключен в дворцовую тюрьму. Тем временем Геза II, не зная о судьбе Андроника, развязал военные действия против империи, начав осаду Браничева. Мануила незамедлительно выступил из Пелагонии на Дунай и захватил город Смеле. В целом кампания 1154 г. на Балканах закончилась в пользу венгерского короля, однако успехи его были весьма скромными. Планы Гезы и Андроника провалились.

Нельзя не согласиться с мнением А. В. Гадло, что брак Изяслава с высокородной женщиной из Обез «был задуман на фоне византийско-венгерской войны» (Гадло 2004), а инициатором его мог быть Андроник Комнин. Союз с венгерским королем делал его также и сторонником Изяслава. Действительно, весьма желательным выглядело установление между участниками политического соглашения, пусть и тайного, родственных отношений. Одним из возможных путей реализации этого плана мог стать брачный проект, связанный с женитьбой шурина венгерского короля, недавно овдовевшего киевского князя Изяслава, на родственнице Андроника, представительнице династии Абхазских Багратидов. Такой брачный альянс позволял соединить родственными узами сразу несколько правящих домов: Абхазских Багратидов, Рюриковичей-Мономашичей, Арпадов и Комнинов, реальных и потенциальных участников коалиции в поддержку Андроника. О родстве последнего с Абхазскими Багратидами вполне определенно свидетельствует анонимная «История и восхваление венценосцев» (История и восхваления 1985: 26–27). Андроник наверняка рассчитывал, что найдет содействие своим амбициозным намерениям со стороны царей абхазов. Устроение брака одной из абхазских царевен с Изяславом способствовало бы сближению и

сплочению его сторонников и увеличивало шансы на успех в борьбе за императорский трон. Косвенным подтверждением того, что Андроник был причастен к указанному брачному проекту, может служить тот факт, что в 1164 г., найдя приют у Ярослава Осмомысла, он занимался устройством брака дочери галицкого князя с венгерским королём Иштваном III, в надежде сколотить союз против Мануила I (Юрасов 2017: 500-512). Посольство, спешно направленное императором в Галич, сумело предотвратить неблагоприятное для Константинополя развитие событий, помолвка была расторгнута, Андроник же вернулся на столицу и, в очередной раз, был василевсом прощен. Подобный образ действий мог быть опробован и применен им и ранее. Таким образом, брачный альянс киевского князя с девушкой «из Обез», вероятно являлся частью большой политической игры, в центре которой находился Андроник Комнин.

По сообщению Ипатьевской летописи, осенью 1153 г. Изяслав отправил своего сына Мстислава «противу мачеси с Володимиром Андреевичем и с Берендичи и ходиша до Олешь и не обретши и возвратишась опять» (Ипатьевская 1908: Стб. 465). Исследователи, как правило, оставляли без комментариев тот факт, что невеста из Обез не смогла прибыть к назначенному времени в русский порт. Однако это вполне объяснимо в случае, форсирования брачной сделки, когда ее устроители просто не смогли уложиться в короткий (необходимый) срок (до закрытия навигации). Но возможно приезд невесты был отложен, в связи с обострением внутривосточной ситуации в Абхазском царстве, в открытое противостояние с действующим монархом вступил его старший сын Давид. Невеста киевского князя прибыла в Олешье весной следующего 1154 года. «Посла Изяслав сына своего второе противу мачеси своей. Ибо повелел жену соби из Обезь и встретил её Мстислав в порогах и приведе её к Киеву, а сам идее к Переяславлю. Изяслав же сотворить свадьбу по ю соб жену» (Ипатьевская 1908: Стб. 468).

Второй брак Изяслава продлился всего полгода. В сентябре того же 1154 г. он заболел. Болезнь была затяжной, оправиться от нее князь не смог. По сообщению летописца, «в неделю на ночь... на Филипов день» (13 ноября), Изяслав Мстиславич скончался (Ипатьевская 1908: Стб. 469). Он был погребен, со всеми

полагающимися почестями и в присутствии множества народа, в Киеве в церкви Святого Феодора. Он умер раньше своих дядьев – соправителя Вячеслава и ростово-суздальского князя, своего главного соперника – Юрия Долгорукого. Изяслав Мстиславич оставил по себе добрую память не только среди киевлян, но и среди жителей других южнорусских областей, особенно «черных клобуков». «И плакася по нем вся Руская земля и вси чернии клобуци, яко по цари и господине своем, наипа наипаче же яко по отци» (Ипатьевская 1908: Стб. 469). Самого Изяслава автор летописи называл честным, и благоверным, и христоролюбивым.

Об участи его вдовы источники ничего не сообщают. Однако можно вынести некоторые суждения по поводу ее дальнейшей судьбы. На Руси действовал неписанный, но вполне сопоставимый по силе действия с каноническими, если не превосходящий его, запрет на брак с вдовой князя Рюриковича. «Ни один русский князь не мог жениться на вдове другого русского князя, сколь бы отдаленным ни было его родство с покойным. Подобной дискриминации царственных вдов не существовало в это время ни в Византии, ни в Западной, ни в Северной Европе; данный запрет накладывал, ряд существенных ограничений на матримониально-политическую стратегию династии» (Литвина, Успенский 2014: 13). А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский отмечают, что «...весьма эффектно выглядело бы и замужество молодой вдовы ... Изяслава, приведенной «из Обез», с кем-нибудь из сыновей его троюродных или четвероюродных братьев. Однако в действительности ничего подобного никогда не происходило — ни для кого из таких вдов не находилось пары из числа русских князей» (Литвина, Успенский 2014: 13). «... Запрет жениться на вдовах своих родичей, пусть даже самых дальних, обязан своим существованием особой династической легенде Рюриковичей. Как кажется, благодаря этой легенде «гиперчувствительность» ко всему, что может напоминать левиратный брак, распространяется практически на любое вторичное замужество княгини, коль скоро она побывала замужем за русским князем. Для надежности ей лучше не выходить более замуж ни за кого на Руси ...» (Литвина, Успенский 2014: 17). Начиная с XI в. и вплоть до конца домонгольского времени нет ни единого свидетельства о том, что русский князь женился на вдове. Не выходили замуж и

овдовевшие княгини, если только они оставались на Руси; покинув же ее пределы, они могли изменять свое матримониальное поведение. Учитывая указанную уникальную черту русского династического обихода, перспективы повторного вступления в брак с кем-либо из Рюриковичей у вдовы Изяслава не было. Скорее всего, она покинула Русь и вернулась на родину. Таким образом, правящий дом Абхазского царства получил возможность еще раз разыграть эту брачную карту. Последнее обстоятельство было особенно актуально, в то время как авантюра Андроника потерпела провал. Если бы в основе брака киевского князя с обежанкой лежали долгосрочные политические перспективы, то были бы найдены возможности для повторения брачного маршрута. Вероятно, Абхазские Багратиды желали видеть во главе империи своего родственника и оказывали поддержку его планам, в том числе посредством согласия на заключения брака представительницы династии с одним из участников коалиции в его поддержку. Ни одна из абхазских царевен, в дальнейшем, не была отправлена на Русь в качестве невесты для Рюриковича. «Обезский брак» преследовал сиюминутные политические интересы. Впрочем, его инициатор, Андроник Комнин продолжал пользоваться большим авторитетом среди своих родственников по матери и поддерживать отношения с Абхазскими Багратидами. Он побывал на Кавказе в период правления царя Георгия V.

Несмотря на то что вопрос о личности «невесты из Обез» не может быть решен, в силу крайней лаконичности летописных свидетельств о втором браке киевского князя, он вызывает оживленную дискуссию. По мнению ряда исследователей, женой Изяслава была дочь царя абхазов Дмитрия IV, Русудан. Из источников известно, что последняя была женой двух сельджукских султанов. Отметим, что в посвяtitельной надписи на окладе иконы Спаса из села Пхотрери Русудан фигурирует как «дочь царя царей Димитрия и сестра царя Георгия, невестка султанов царица Русудан» (Чубинашвили 1985: 20). Вторая, неизвестная по имени дочь Дмитрия IV состояла в браке с правителем Дербента эмиром ал-Маликом ал-Адил Музафаром бен Мухаммад бен Халифом. Вероятность того, что одна из названных дочерей указанного монарха могла короткое время являлась

киевской княгиней крайне невелика. Не исключено, однако, что у Дмитрия IV могла быть дочь (дочери) не упомянутые летописцами. Отсутствие в источниках информации о браке представительницы династии Абхазских Багратидов с Рюриковичем, хотя бы в контексте первого замужества Тamar, наводит на мысль о том, что в Киев могла быть отправлена одна из дочерей соперников Дмитрия IV и Георгия V, деда и отца царицы, в борьбе за престол. Таковыми являлись младший сын Давида I Возобновителя, Цвата Константин и старший сын Дмитрия IV, царь Давид II.

В Ипатьевской летописи вторая супруга Изяслава именуется «царевой дочерью» (Ипатьевская 1908: Стб. 468), другие источники не определяют степень родovitости второй жены князя. В случае нецарского происхождения супруги Изяслава, ею могла быть представительница знатного аристократического семейства Абхазии. Известно, что супруга старшего сына и соправителя византийского императора Иоанна Калояна, не принадлежала к дому Абхазских Багратидов. С точки зрения А. Л. Папаскир, «невеста из Обез», могла быть дочерью правителя Тамани (Тмутаракани) абхазского происхождения (Папаскир 2020). К сожалению, в научной литературе долго было распространено мнение о том, что в сочинении арабского географа ал-Идриси «Нузхат ал-муштак», содержатся сведения о правителях Тмутаракани из династии «Олуабас». Оно возникло вследствие ошибки, вкравшейся во французский перевод памятника, осуществленный П. А. Жобером. «Выражение «улу ба'с шадид», начало которого П. А. Жобер принял за название династии, на самом деле является сказуемым именного предложения, где в качестве подлежащего выступает слово «владыки» (мулук), а предложение в целом буквально означает: «Его (города) владыки – обладатели силы, мужества, благоразумия и решительности» (Коновалова 1999: 70). Вопрос о политической принадлежности Тмутаракани в середине XII в. неясен. Высказаны мнения о контроле над ней византийцев, половцев, ясов или касогов. Таким образом, утверждение о том, что женой Изяслава Мстиславича была знатная абхазка из Тамани не находит подтверждения.

География династических связей правителей Абхазии имеет важное значение для понимания международных отношений в регионе в эпоху средневековья. Анализ исторических свидетельств, показывает высокую степень вовлеченности Абхазского царства в широкий политический и культурный контекст, глубокую взаимосвязь и взаимозависимость протекавших здесь процессов. Династические союзы были одновременно и тактическим и стратегическим актом, направленным (с большим или меньшим успехом) как на сиюминутное настоящее, так и в отдаленное будущее. В этой связи, всякий раз, предпринимая попытку реконструировать цели и намерения участников той или иной брачной ситуации, необходимо подвергать анализу целый ряд факторов, в том числе, обстоятельства женитьбы, историю отдельно взятого брачного союза, его политические стимулы, препятствующие обстоятельства. На наш взгляд, брак киевского князя Изяслава Мстиславича с обежанкой рассматривался как некий инструмент, используемый для скорейшего достижения конкретных политических целей. К сожалению, личность знатной женщины из Обез, в силу крайней лаконичности источников, осталась окутана тайной.

3.5. Браки царей абхазов с тюркскими и аланскими аристократками

Неоднократно, удачные решения в сфере брачной политики способствовали успеху правителей из династий Аносидов-Леонидов и Абхазских Багратидов на внешнеполитической арене и в деле решения внутривластных задач. Браки же с представительницами тюркских этносов, по истине, имели важное, если не судьбоносное значение. Достаточно отметить, что матерью основателя Абхазского царства являлась дочь хазарского кагана.

Отсутствие источников, к сожалению, не позволяет нам проследить динамику развития абхазо-хазарских взаимоотношений. Заключение династического брака между представителем дома Аносидов и хазарской царевной – факт примечательный. Брачное соглашение следует рассматривать как юридический акт, подтверждающий политический союз между договаривающимися сторонами. Известно, что выходивших замуж хазарских

царевен, сопровождала многочисленная свита. Так, в 759 г. вместе с невестой арабского наместника Арминийи, Язида ибн Усайда, царевной Хатун из Хазарии в Берда прибыли 10 тысяч человек, а также 20 повозок, груженных золотыми и серебряными вещами и посудой (ал-Куфи 1981: 62). Даже если названные цифры значительно завышены летописцем, можно не сомневаться в том, что приезд невесты абхазского князя был обставлен с меньшей пышностью. С хазарской царевной в Абхазию могли прибыть войны, купцы, ремесленники. Абхазское княжество, а позже царство и Хазарию связывали и торговые отношения, «жители каганата активно торговали...с соседними странами» (Плетнева 1976: 54). Абхазское княжество в этом плане выглядело привлекательным партнером для хазарских купцов (в основном иудейского происхождения), заинтересованных в расширении географии торгово-экономических связей. Еврейские негоданты «несомненно, играли большую роль в торговле Хазарии и составляли существенную часть населения хазарских городов. Торговые интересы еврейских купцов не противоречили интересам хазарского правительства, и оно с давних пор могло опираться на них в своей международной политике» (Артамонов 2002: 275). По мнению О. В. Маан, именно экономическими причинами было обусловлено «установление политического союза хазар с абхазами» (Маан 2011: 169).

Суверенитет правителем Абхазии был обретен при активной поддержке хазар. Обратим внимание на сообщение «Летописи Картли»: «Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он от греков, присвоил Абхазию и Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов...» (Летопись Картли 1982: 48). Очевидно, что только располагая значительными военными силами, можно было решить триединую задачу, по установлению контроля над Лазикой (Эгриси), удержанию её в случае византийской агрессии и успешному противодействию попыткам повторного вторжения арабов в Западное Закавказье. Осуществление столь сложного военно-политического замысла было возможным только при наличии надежного союзника. Поддержка, оказанная Абхазскому княжеству со стороны хазар, располагавших мощной, блестяще экипированной кавалерией имела не только военное, но и политическое значение и

предопределило успех Леона. Сотрудничество Абхазии и Хазарии в дальнейшем только углублялось, а с образованием Абхазского царства переросло в прочный дружественный альянс. Однако просуществовал он недолго. Объясняется это тем, что в самом конце VIII в., по другим, данным в начале IX в. в Хазарском каганате произошла религиозная реформа, в результате которой официальной религией государства был объявлен иудаизм (Артамонов 2002: .277). Принятие одной из мировых религий, переход к монотеизму был необходим каганату для окончательного обретения статуса великой державы. Религиозный реформатор Обадия, по мнению М. И. Артамонова, не принадлежал к династии хазарских каганов (Артамонов 2002: 289). Сосредоточив в своих руках всю полноту государственной власти, он превратил кагана из «фактического главы государства в государственный символ скорее религиозного, чем политического порядка» (Артамонов 2002: 290). События в Хазарии могли насторожить абхазскую правящую элиту, и прежде всего Леона II, связанного с родом Ашина (из которого происходили хазарские каганы) кровными узами, но вряд ли, привели к разрыву отношений. Отдаление каганата от Абхазского царства произошло, по нашему мнению, несколько позднее, в период так называемой, «гражданской войны в Хазарии», в 20-х гг. IX в. За годы независимости Абхазское царство успело окрепнуть политически, достигло определенных успехов в деле государственного строительства. Даже лишившись союзника в лице каганата, оно сумело отстоять свой суверенитет.

Следующий брачный альянс с представительницей тюркского этноса был заключен в начале XII в. царем Давидом I Возобновителем. Анонимное историческое сочинение, довольно подробно описывающее деятельность монарха, практически не освещает обстоятельств его частной жизни. Так, ничего не сообщается о первой супруге Давида, а о второй жене царя, историк упоминает лишь в связи с переселением в Закавказье кипчакской (половецкой) орды во главе с ханом Атраком, ее отцом. О время заключения брака и причинах к нему приведших аноним умалчивает.

По мнению подавляющего большинства исследователей, матримониальный альянс царя Давида с кипчакской (половецкой) княжной был продиктован желанием использовать кочевников в военных целях. Такая точка зрения основывалась на данных «Жизни царя царей Давида». Летописец отмечал, что Давид «... хорошо увидел и осмыслил своим царским умом, что [войск] его царства не хватало для того, чтобы во всем следовать движениям и желаниям его души. ... Поэтому он, второй Александр, замыслил – ибо не было иного выхода – [призвать кипчаков]...» (Картлис Цховреба 2008: 189). Обращение к кочевникам, по словам историка Давида, было обусловлено их мобильностью, высокими боевыми качествами, надежностью. а также тем, что «за много лет до этого привел он оттуда достойную, известную всюду своей добродетелью Гурандухт, дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана» (Картлис Цховреба 2008: 189). Таким образом, отношения между Абхазским царством и кипчаками имели определенную предысторию и завязались гораздо раньше их призвания в 1118 г.

Царь Давид I взошел на престол в трудное для государства время. В период правления его отца, в 1080 г. царство Абхазских Багратидов подверглось вторжению тюрок-сельджуков. Георгий IV попытался организовать сопротивление, но был разбит и бежал. Контроль над восточной частью государства монархом был утрачен. В 1081 г. царь абхазов, посоветовавшись со своим окружением, принял решение отправиться в Исфахан. Явившись к Малик-шаху, Георгий IV признал свою зависимость от Сельджукидов. Царь надеялся, что таким образом он сможет удержать за собой «восточные земли» и управлять ими в качестве вассала султана. Однако политические маневры Георгия IV оказались безуспешными, стало очевидно, что позиции Абхазских Багратидов сильно поколеблены. Бедствия, принесенные действиями тюрок-сельджуков, усугубились последствиями разрушительного землетрясения, произошедшего в 1088 г., в день праздника пасхи. Вероятно, для сохранения авторитета правящей династии, в следующем году царь абхазов принимает беспрецедентное решение – возвести на трон своего сына и отойти, по крайней мере формально, от активной политической деятельности. Георгий IV собственноручно возложил корону на голову

шестнадцатилетнего Давида. Летописец констатирует, что при восшествии на престол молодой монарх «царство Абхазское малое имел, убавленное» (Житие царя царей 1998: 297), «И была тогда граница царства — гора малая Лихы» (Житие царя царей 1998: 298). Отметим, что менее чем за два десятилетия до этого под юрисдикцию абхазской короны был возвращен важный политический центр — Анакопия, с 1033 г., почти пятьдесят лет, управлявшийся имперской администрацией. Фактически на момент воцарения Давида I под его контролем находилась та территория, которой владел Леон, основатель царства, когда провозгласил свою независимость от Византии. «... В таких обстоятельствах прошло четыре года», свидетельствует историк Давида (Житие царя царей 1998: 279).

После гибели в ноябре 1092 г. от рук исмаилитов султана Малик-шаха в государстве Сельджукидов началась борьба за власть, приведшая, в конце концов, к его распаду. Ослабление тюрок-сельджуков способствовало успеху военных акций крестоносцев. В 1098 г. под их ударами пала Антиохия, а в 1099 г. — был взят Иерусалим. Давид I не преминул воспользоваться благоприятно складывавшейся внешнеполитической конъюнктурой. В 1099 г. он прекратил выплату дани сельджукам. Не желавшие покоряться власти царя, династы были либо выдворены, либо заключены под стражу. В короткий срок под контроль абхазской короны переходят Картлия, Кахетия и Эретия. В 1104 г. Давид I одерживает победу над объединенным войском Гандзийского атабага и кахетинцев в битве при Эрцухи. Большое значение имело изгнание в 1110 г. турецкого гарнизона из крепости Самшвилде, вследствие чего сельджуки лишились своих кочевий в долинах рек Мтквари и Иори. Стремительные военные рейды Давида в Триалетию и Тао нанесли существенный урон кочевникам. В 1117 г. царские войска захватили крепость Гиши. В том же году был осуществлен поход на Ширван и взята твердыня Лори на севере Армении. Столь значительный успех внешнеполитических акций Давида был обеспечен наличием необходимого военного потенциала и надежной экономической базы. Источником этих ресурсов могла служить единственно историческая территория Абхазского царства (от

Никопсии до Лихи). Раздвигая границы своих владений в восточном направлении, Давид, как видно, не мог рассчитывать на действенную поддержку основной части картлийской или кахетинской знати, даже в деле борьбы с сельджуками. Недаром летописец сетует на то, что «род грузинский (картлийский – Авт.) лицемерен по природе изначала к своим господам» (Житие царя царей 1998: 297). Лишь немногие были на стороне царя абхазов, в целом же, политическая элита «восточных земель» не вызвала доверие Давида. Основная часть территорий перешла под власть абхазской короны силой оружия. В ключевых крепостях разместились царские гарнизоны. Приращение новых земель, рост числа подданных требовали большого напряжения сил. Царь абхазов планировал продолжение активной наступательной политики в надежде на дальнейшие территориальные приобретения. Историк Давида сообщает, «Царь Давид, видя столь многие вышние от Бога милости, поспешества, одоления и победы свои и царства, страны, города и крепости, которые Бог отдавал ему, ибо не было такого множества войск в царстве его, которых для стояния и удержания городов и крепостей и при нем же самом пребывания и походов достаточно было при неустанном хождении его походами зимой и летом» (Житие царя царей 1998: 297).

Согласно утвердившейся веками традиции, абхазские монархи для участия в походах приглашали аланов, военно-политическое сотрудничество с которыми неоднократно было скреплено династическими браками. Во времена Давида связи с северными соседями не были утеряны, отряды аланов, в составе царского войска, принимали участие в Дидгорской битве. Но амбициозные планы царя привели к тому, что сеть багратидской дипломатии была закинута дальше за горы, в степи. Давид становится инициатором смелой внешнеполитической инновации – заключения союза с кипчаками.

Практика использования кипчаков, особенно, против других тюркских народов, была хорошо известна Давиду. Так, с их помощью Византия избавилась от печенежской угрозы. Было пущено в ход старое средство ромейской политики, когда «один варварский народ может быть обуздываем при помощи другого» (Васильевский 1908: 74). В 1091 г. в битве на реке Марице, призванные

императором Алексеем I Комниным половцы, помогли византийцам разбить печенегов. По словам В. Г. Васильевского, «половцы оказали громадную услугу христианскому миру. Предводители их, Боняк и Тургоркан, должны быть, по справедливости, названы спасителями Византийской империи» (Васильевский 1908: 74). Вместе с тем, имперские власти проявляли большую осторожность в отношениях со степняками, не доверяя им, и небезосновательно. К примеру, те же ханы Боняк и Тургоркан в 1094-1095 гг. выступили союзниками мятежного претендента на Константинопольский трон Псевдо-Диогена. После захвата последнего императорскими войсками, половцы (кипчаки), потерпев ряд неудач, вынуждены были покинуть территорию Византии. Таким образом, Давид не мог быть не осведомлен и о «коварстве» степных народов. Действуя по заведенной схеме и не упуская из виду переменчивый нрав кочевников, царь понимал, что союзнические отношения с кипчаками в обязательном порядке должны были быть скреплены матримониальным альянсом. Только договоры, основанные на родственных связях, давали перспективы стабильных отношений, поскольку родственные узы были для кочевников священны.

К сожалению, выявить самотитулование половецких правителей представляется на данный момент невозможным: соседние с кочевниками народы, вписывая их в свои представления о системе социальных отношений, называли принятыми у них титулами, самоназвания же в источниках отсутствуют. Весьма существенно, в частности, что ранние русские летописцы — в отличие от позднейших историографов — никогда не называют половецких правителей «ханами», они именуют их князьями, т. е. точно так же, как своих собственных правителей Рюриковичей (Литвина, Успенский 2013: 26). В этой связи обращает на себя внимание тот титул, которым величает кипчакского правителя Атрака Шарагановича историк Давида Строителя — «главнейший» («умтавреси»). Этот титул представлял собой превосходную степень от слова «мтавар» — «главный». Это последнее в тот период широко употреблялось в качестве титула для обозначения крупного политического правителя значительной области (Анчабадзе 1960: 124). Несмотря на то, что по степени знатности дочь Атрака уступала своему

супругу, ничего не указывает на то, что этот союз рассматривался как «брак левой руки».

По словам историка Давида, избрание дочери кипчакского предводителя в жены царю и переселение ее соплеменников в пределы Южного Кавказа – два события, отделенные неким временным промежутком. На наш взгляд, между заключением брачной сделки, приездом кипчакской невесты ко двору Абхазских Багратидов и фактическим совершением брака прошло несколько лет. Причем, женитьба Давида I на Гурандухт произошла накануне перемещения половецкой орды во главе с Атраком на новое место. Косвенным доказательством, может служить тот факт, что сын Давида от кипчакского брака родился на сороковой день после ухода из жизни воспитателя царя, Георгия Чкондидского. Последний скончался в 1118 г. в Осетии, куда отправился в след за Давидом, для организации беспрепятственного перехода кипчакской орды в пределы государства Абхазских Багратидов.

Этот временной разрыв объясняется необходимостью подготовить будущую супругу монарха к несению обязанностей царицы. Важнейшим событием для нее должен был стать обряд крещения. Подчеркивая религиозное рвение Гурандухт, историк Давида, в определенной степени, пытается затушевать, негативные аспекты союза с язычниками. Неслучайно летописец отмечает известное всем «благочестие» царицы.

По нашему мнению, контакты царя абхазов с половцами следует отнести к 10-м гг. XII в. Сама идея о союзе со степняками, тем более такое крупномасштабное мероприятие, как переселение масс кипчакского населения на территорию Южного Кавказа, могло осуществиться только после значительных военных успехов царя и расширению территории государства Абхазских Багратидов. Следует отметить, что военные акции тюрков-сельджуков на Южном Кавказе в начале 80-х гг. в XI в. не имели ничего общего с привычной парадигмой «завоевания», известной предшествующей эпохе. Обширные территории региона были заняты тюркским населением, основой хозяйства которого была пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Безусловно,

поначалу, земледельческим районам был нанесен значительный урон наплывом тюрков-кочевников. Однако довольно скоро вырабатывается режим сосуществования местного оседлого населения и номадов, в рамках которого оба направления хозяйственной жизни могли нормально функционировать. Было произведено разграничение территории кочевания, стабилизировались маршруты перекочевок, закрепились места постоянных зимовок (долины рек Куры, Иори, Алазани). Земледельческие районы не опустошались, оседлое население имело возможность, относительно безопасно, заниматься привычным трудом. Следует отметить, что зачастую кочевники и земледельцы оказывались интегрированными в рамках единой социально-экономической структуры. Сложившаяся структура (модель), вполне устраивала Давида при условии замены одних номадов на других, враждебных тюрков-сельджуков на союзных кипчаков. Успешная военно-политическая деятельность царя имела своим итогом освобождение от присутствия тюрков-сельджуков значительных территорий. Таким образом, переговоры со степняками имели смысл, только при наличии у Давида достаточного фонда земель. Не только царь абхазов остро нуждался в союзнике, но и сами половцы находились в стесненных обстоятельствах. О бедности, ставшей последствием успешных антиполовецких кампаний Владимира Мономаха, исследователи уже писали (Golden 1984: 71). Потеря пастбищ и общее разорение ускорили, по всей видимости, решение половецкой орды Атрака о переходе на службу царю Давиду.

Кипчаки понесли тяжелые поражения от русских князей в 1103 г. в битве на реке Сутени, в 1107 г. в сражении на реке Суле и, наконец в 1111 г. при Салнице. В 1113 г. с приходом на киевский стол Владимира Мономаха, между русскими и кипчаками (половцами) был заключен мир. Обе стороны ощущали хрупкость мирных соглашений. Половецкие ханы могли увидеть в военном наёмничестве лучший исход для себя. Новый масштабный поход русских в Степь действительно, не заставил себя ждать, в 1116 г. жестокое поражение, нанесенное русскими дружинами кочевникам, вынудило половецкую (кипчакскую) орду во главе с Атраком откочевать в Предкавказье. «Летописец Даниила Галицкого» подкрепляет мнение о том, что уход кипчаков из южнорусских степей имел причиной победу

русского оружия «бо дедоу своему Мономаху, погубившему поганья Измалтяны, рекомья Половци, изгнавши) Отрока во Обезы за Железные врата» (Мургулия, Шушарин 1998: 58). Общепринятой датой переселения кипчаков на Южный Кавказ считается 1118 г. Чтобы попасть на территорию царства Абхазских Багратидов без ущерба, кипчаки запросили организацию беспрепятственного перехода через земли осетин, что потребовало личного вмешательства Давида. Успеху царя способствовали родственными связи с осетинами. Царица Борена, бабка Давида, была аланкой (осетинкой). В грузинском синаксаре (сборнике житий) XVII-XVIII вв. сохранилась традиция, согласно которой матерью Давида I также была осетинка.

Историк Давида I Возобновителя сообщает, что, переселившихся кипчаков было сорок тысяч воинов и пять тысяч отборных бойцов. «Весьма вероятно происхождение сведений о «сорока тысячах» из половецкой традиции, у половцев слово «сорок тысяч» могло обозначать не точную их численность, а понятие какой-то общности равнозначное понятию множественности, многочисленности» (Мургулия, Шушарин 1998: 96). Интересно, что Анна Комнина, говоря о численности, прибывших на помощь императору Алексею кипчаков (куман) под предводительством Маниака и Тогортака, указывает цифру сорок тысяч (Анна Комнина 1965: 233).

Большая часть кочевников разместились в равнинных районах Картлии, которая серьезно пострадала от тюрок-сельджуков и была малонаселена. Степнякам выделялись районы пригодные для ведения привычного им хозяйства. «Кипчаков же с их семьями расселил он (Давид – Авт.) в удобных для них местах...». Летописец сообщает, что царь, «объездив Картли, определил кипчакам зимние стойбища, пропитание и смотрящих над ними» (Картлис Цховреба 2008: 194). При расселении кочевники сохранили свою внутреннюю структуру, по которой каждая родовая единица совпадала с определенной военной единицей (буквально: «по родам» – «гуарад-гуарад»). Были выделены должностные лица, в ведение которых входил сбор специальной подати на содержание наемного половецкого войска. Давид позаботился об обеспечении кипчаков «конями и

доспехами». Историк царя заключает, «не напрасно трудился он (Давид – Авт.), ибо прибытие их не осталось безрезультатным: с их помощью истребил он все персидские войска, вызвав страх и ужас у всех земных царей, и благодаря их содействию он совершил невероятные дела ...» (Картлис Цховреба 2008: 194). Кипчаки приняли участие во всех военных акциях царя, предпринятых им с 1120 по 1124 гг.: в походах на Ширван, 12 августа 1121 г. в Дидгорском сражении против сельджуков, позже с их помощью Давид овладел Тбилиси, Дманиси и Ани.

Переселившись на территорию царства Абхазских Багратидов, кипчаки, однако не собирались становиться подданными Давида. Убедительное доказательство тому, что ни сам Атрак, ни большинство его соплеменников не приняли крещение. Крестившаяся и сменившая свое тюркское имя, Гурандухт, в глазах соплеменников, продолжала оставаться, прежде всего, дочерью хана Атрака. Источник, прославляющий деятельность царя, сообщает о множестве кипчаков, «вступивших в лоно Христова», но при этом, решительно не упоминает о приобщении его ближайших родственников, тестя и шуринов к христианству. Смена религии, переход от веры предков к монотеизму, часто рассматривался степняками как форма присяги вассала своему сюзерену. «Поэтому принятие христианства половецкой верхушкой было довольно редким явлением, основная ее масса вплоть до монголо-татарского нашествия продолжала исповедовать язычество» (Мухамадеев 2021: 43). Конфессиональные различия не способствовали интеграции кипчакской верхушки в состав местной правящей элиты. Кочевники сохраняли свою автономность, полагаясь единственно на родственную связь с правящей династией. Однако отношения царской власти со степняками были далеко не безоблачны. Анонимный историк Давида, в конце своего повествования сообщает: «Сколько раз замышляли измену его же кипчаки: подсылали к нему храбрых людей, одних — с мечами, других — с копьями, третьих — со стрелами. Было же это не раз, и не два, и не три, а много раз» (Картлис Цховреба 2008: 202). «... Нарратор подчеркивает, что проявление половцами вероломства не было единичным, и повторяемость таких случаев позволяет говорить о тенденции» (Гуревич 2021: 109). Свидетельствуя о предательском

поведении кипчаков, источник старательно обходит молчанием причины, побудившие степняков к отступничеству. Вряд ли неоднократные покушения на жизнь монарха могли быть вызваны разногласиями, возникавшими из-за дележа военных трофеев, о такого рода конфликтах сообщают ряд авторов. Демонстративность с которой действовали кипчаки скорее походит на акт устрашения. Целью кочевников было, на наш взгляд, было объявление наследником престола, младшего сына Давида, рожденного в браке с Гурандухт.

Истории известны случаи, когда представительницы кипчакской (половецкой) знати, будучи супругами могущественных христианских или мусульманских правителей, проявляли завидную политическую активность, при их содействии кипчаки превращались в важный аспект политической жизни государства. Без учета кипчакского фактора невозможно должным образом понять особенности борьбы за венгерский престол и внутреннюю политику Венгрии XIII - XIV вв. Супруга венгерского короля Иштвана V, кипчачка (половчанка), получившая в крещении имя Эльжбета, плела интриги против своего мужа, а после его кончины стала регентшей при малолетнем сыне. В период правления Ласло IV (1272-1290) практически на все высшие должности в государстве оказались в руках соплеменников его матери. Давление Папы Римского, недовольство венгерской элиты заставили короля принять, так называемые, «Половецкие законы» (1279 г.), которые были призваны умерить амбиции кипчакской (половецкой) знати. Потеряв свое преобладающее положение при дворе, кипчаки организовали заговор против короля, Ласло IV был убит.

Хорезмшахи пытались укрепить свою власть с помощью династических браков с представителями господствовавших в регионе кипчакских кланов. К одному из них принадлежала Теркен-хатун, мать последнего хорезмшаха Мухаммеда. Фактически она являлась соправительницей сына. Ее влияние на государственные дела было значительным. «... Дошло то того, что она оставила без ответа приказы Мухаммеда, и предводители кипчакских племен подчинялись только ее приказам. У нее был свой аппарат управления, она покровительствовала

кыпчакской военной знати, стоявшей во главе гвардии хорезмшаха, составленной из уранийцев» (Ахиджанов 1995: 27).

Следует отметить, что всякий раз степняки придерживались определенного политического сценария. Договоры кипчаков с правителями тех или иных государств об оказании военной поддержки и переселении на их территорию, как правило, сопровождалось установлением матримониальных связей. Кочевники пытались использовать родственные отношения с правящим домом для укрепления своих позиций. По сути, главная задача состояла в оттеснении местной военной и политической элиты на второй план и замена ее на представителей кипчакского этноса. Проводниками данной политики, во всех случаях, становились кипчакские супруги правителей и их отпрыски. В рамках этой парадигмы степняки предполагали действовать и в государстве Абхазских Багратидов.

От брака с Гурандухт у Давида I был сын, в «Житии царя царей Давида» он назван Вахтангом, в царском «Завещании» фигурирует как Цвата Константин. Расходясь в отношении имени царевича, оба источника согласны в том, что к моменту смерти Давида, он был малолетним. Наследником престола являлся старший сын царя, Дмитрий. Согласно Матфею Эдесскому (Матеосу Урхаеци), его мать была армянкой. По сведениям историка Давида, Дмитрий был провозглашен соправителем отца: «И, как первый Давид Соломона, так и он собственноручно возвел на престол сына своего Деметре, отличающегося от него лишь именем, отпрыска, в котором он был олицетворен, во всем похожего на своих предков. Возложил он на его прекрасную голову венец из драгоценных камней – добродетелей, унаследованных от предков, и опоясал его, могучего, мечом – о, сколько успехов принес он ему! – и одел порфирию богатырский стан и львоподобные руки; и благословил его на успешную жизнь и продолжение дней в счастии, чтобы поклонялись ему» (Картлис Цховреба 2008: 202). В «Завещании» Давид I дает лестную характеристику старшему сыну, сообщая, что государство получит правителя «мудростью, и мощью, и мужеством превосходящего меня, и святостью» (Житие царя 1998: 313). Права наследования младшего сына монарха также были обеспечены. Возлагая заботу о царской семье на Дмитрия, Давид в

своей духовной напутствует старшего сына, «чтобы брата своего Цвата воспитал, и, если пожелает Господь и будет хорош, после себя сделал царем над отчеством» (Житие царя 1998: 313). Действия монарха ясно указывают на то, что он не был намерен нарушать, сложившийся в Абхазском царстве порядок престолонаследия. Именно это и не устраивало кипчаков. Вступить в открытую конфронтацию с Дмитрием было рискованно. Законному наследнику престола и соправителю явно благоволил венценосный отец, ему сопутствовало военное счастье, была обеспечена поддержка церкви. В силу возраста, Цвата Константин не мог являться самостоятельной, политической фигурой, и на равных противостоять старшему брату, искушенному в делах государственного управления и ратном деле. Поспешность, с которой большая часть кипчаков во главе с Атраком покинула Южный Кавказ, сразу после кончины царя Давида, скорее всего, была связана с утратой всякой надежды на осуществление планов по воцарению сына Гурандухт.

О дальнейшей судьбе кипчакской супруги Давида Возобновителя источники умалчивают. Скорее всего, вдова Давида, по традиции, удалилась от мира. В «Завещании» царь призывает наследника престола Дмитрия чтить царицу и своих сестер, не исключено, что речь идет не только о старших дочерях монарха Тамар и Кате, но и о дочерях, рожденных в браке с Гурандухт.

«Половцы (кипчаки, куманы), рано ставшие важнейшей военно-политической силой на границах евразийских степей, оказали существенное влияние на политическое поведение многих правителей. Одни прибегали к союзам с половцами, чтобы получить преимущество во внутренних конфликтах, другие использовали их для достижения внешнеполитических целей, третьи, напротив, намеренно избегали альянсов с кочевниками. Создавая историю народов, взаимодействующих с половцами, средневековый автор неизбежно конструировал портрет вершителя этой истории, правителя, наделенного безусловной властью» (Гуревич 2021: 99).

В их числе, без сомнения, и царь Давид I из династии Абхазских Багратидов. Его венценосной супруге не была уготована яркая политическая судьба, но,

возможно, оставшись в тени, предпочтя тишину кельи яростной борьбе за власть, она способствовала курсу на стабильность и процветание государства.

Абхазские монархи были заинтересованы в союзнических, взаимовыгодных отношениях с аланами, постоянно заботились об укреплении военно-политического сотрудничества с ними. Весьма велика вероятность того, что интенсивные контакты между представителями абхазской и аланской знати, уже в период правления Леонидов, дополнялись заключением брачных договоров. Конкретных данных на сей счет, сожалению, в источниках не сохранилось. Однако известно, о том, что воинские контингенты из Алании были задействованы во внешнеполитических акциях абхазских царей. Так, в 80-х гг. IX в., аланы во главе с Бакатаром принимали участие в военных действиях против армяно-таойской коалиции на стороне абхазов. Согласно Асохику (Степанос Таронский), «князь Ап'хазов, [вышедший] из земли сарматов, что по ту сторону гор кавказских, ... во главе войска в несколько десятков тысяч» в первой половине X в. совершил поход в Армению (Асохик 1864: 117-118). Известно, что аланы предпочитали скреплять отношения с соседями посредством браков. «По нормам обычного права всех без исключения народов конца первого тысячелетия нашей эры самым значимым при заключении межплеменных и межгосударственных соглашений считался брачный союз между представителями элиты договаривающихся сторон. Раннее средневековье изобилует примерами закрепления договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его незыблемость» (Гагин 2001: 51). С правителями аланов охотно рождались и хазарские каганы, и властители Сарира. Аль-Масуди сообщая, о брачных контактах между Аланией и Сариром отмечает, что каждый из правителей «женился на сестре другого» (Минорский 1963: 204).

В X в. аланы представляли собой серьезную политическую силу, с которой были вынуждены считаться соседние народы и государства. Уже упомянутый аль-Масуди свидетельствует: «Аланский царь выступает (в походах) с 30 тыс. всадников. Он могуществен, мужествен очень силен и ведет твердую политику среди царей», «аланы более мощны, чем кашаки» (Минорский 1963: 348; Алемани 2003: 348). Сходную характеристику дает и автор Кембриджского документа:

«Царство алан сильнее и крепче всех народов, которые (жили) вокруг нас (т. е. хазар – Авт.» (Коковцов 1932: 116). Могущественная Византийская империя «искала в лице алан военных союзников, которые могли бы заменить одряхлевшую Хазарию и прикрыть северо-восточный фланг империи от возможных вторжений и, кроме того, могли бы противостоять самой Хазарии, отношения с которой стали весьма неравными» (Кузнецов 1992: 232). В своем труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный специально отмечает, что аланы располагают рычагом воздействия на каганат: «...девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» (Константин Багрянородный 1991: 52/53).

Сохранение и развитие отношений с Аланией, давним союзником, было чрезвычайно важно и правящим кругам Абхазского царства. Из письма Константинопольского патриарха Николая Мистика, мы узнаем о том, что в начале X в. абхазский монарх «просветил правителя аланов» (Аджинджал 1996: 191; Дбар 2022: 23). Таким образом, двух властителей связало духовное родство, а политическое и военное взаимодействие абхазов и аланов было дополнено церковными контактами.

В начале 30-х гг. X в. византийская дипломатия умело спровоцировала антихазарские настроения в Алании, правитель которой, с рвением неопита, ввязался в военные действия против каганата. «...Во дни царя Аарона воевал царь аланский против хазар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был (с ним дружен), и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему (царь большой) почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда (обязался) ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон (в свою землю)» (Коковцов 1932: 117). После понесенного поражения, в 932 г. Алания возвращается в сферу влияния каганата. «Результатом победы хазар стало возобновление старого военного и династического союза между царем Аароном и аланским правителем, сопровождавшийся изгнанием греческого клира и, вероятно, разрушением храмов»

(Белецкий, Виноградов 2019: 246). Только в конце 40-х гг. X в. происходит возврат алан к христианству. Выйдя из-под контроля слабеющей Хазарии, Алания вновь сближается с христианскими странами: Византийской империей и Абхазским царством. О тесном взаимодействии абхазов и алан в военной сфере, во второй половине X в., свидетельствует уже цитированный нами армянский историк Асохик. Рассказывая о конфликте абхазского царя Баграта II с приемным отцом и дедом, он писал: «...царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на куропалата Давида и деда своего Багарата и, перешед по сю сторону кавказских гор, стал лагерем на берегах реки Кура. Тогда куропалат Давид и царь иверийский Багарат послали к царю армянскому Сембату просить прийти им на помощь» (Асохик 1864: 180-181). Как видно, союз Абхазии и Алании, во многом, способствовал успехам военно-политических акций абхазских монархов. Заложенный в период правления Леонидов, он получил продолжение при Абхазских Багратидах. XI в. отмечен двумя династическими браками представителей правящего дома Абхазского царства с аланками (грузинским источникам их этническая принадлежность определяется термином «*მბუბო*» («*osebi*»)). Вопрос об идентичности этнонимов «аланы» и «асы» является предметом дискуссий. Большинство исследователей склоняются к тому, что их носители принадлежали к одному этноязыковому кругу (Ванеев 1989: 147-155). Константин Багрянородный в своем труде «О церемониях византийского двора» различает Аланию и Асию, правителя первой он именует «эксусиократором», а главу – второй, расположенной «около Каспийских ворот» – архонтом (Constantinus Porphyrogenitus 1829: 48). С точки зрения В. А. Кузнецова, речь идет о «двух хорошо различимых этнокультурных областях» Алании, «одна из которых размещается в верховьях Кубани и западной части Кабардино-Балкарии, другая— восточнее, вплоть до границы с Дагестаном» (Кузнецов 1988: 77). Упомянутый Константином Багрянородным, «эксусиократор алан» должен быть приурочен к западной части Алании, тесно связанной с Византией и лучше знакомой византийцам, ...мы вправе думать, что западная династия осуществляла высшую

политическую власть по всей территории Алании» (Кузнецов 1988: 79). Вышеуказанный автор отмечает, что супруги Абхазских Багратидов происходили из династии правившей Западной Аланией (Кузнецов 1988: 79-80).

Согласно «Летописи Картли» царь абхазов Георгий III состоял в браке с Алдой «дочерью овсского царя» (Летопись Картли 1982: 66), отметим, что Иоанн Скилица именуется ее «аланкой» (Штриттер 2011: 26). М. И. Михайлов предположил, что отцом Алды был правитель аланов Урдуре, погибший от руки кахетинского царя Квирикэ в 1029 г. (Михайлов 2008: 83). О конкретных данных об их родстве нет. В. В. Латышев и М. Броссе сомневались в царском происхождении Алды и считали ее просто наложницей абхазского монарха (Латышев 1911: 183; Brosset 1849: 315, прим. 4). Между тем и анонимный автор «Летописи Картли» и Иоанн Скилица называют ее супругой царя абхазов. (Летопись Картли 1982: 66.; Штриттер 2011: С. 26.).

Первая половина XI в. – непростое время в истории абхазского средневекового государства. Руководствуясь ойкуменистической доктриной, правящие круги Византии взяли курс на аннексию государств Закавказья. Абхазское царство последовательно противодействовало агрессивной политике империи. Правление Георгия III прошло в жестком противостоянии с Византией. Уступив в двух военных кампаниях 1021 и 1022 гг. византийцам и вынужденный отдать Василию II своего трехлетнего сына в заложники, Георгий III не смирился с поражением. В 1025 г. после возвращения из Константинополя малолетнего Баграта, царь абхазов тотчас же откликнулся на предложение протоспафария Никифора Комнина главы византийской фемы Верхняя Мидия (Васпуракан) (бывшее владения Сенекерима Арцруни) о военном союзе. Никифор Комнин задумал отложиться от воцарившегося после смерти Василия II Константина, и совершенно справедливо полагал, что может рассчитывать на поддержку абхазского царя. Реализовать свои намерения Никифор не смог, он был схвачен сторонниками императора и позже по приказу Константина VIII ослеплен (Повествование вардапета 1968: 70). Указанный эпизод свидетельствует о том, что Георгий был намерен продолжить борьбу и остро нуждался в союзниках. Вся

предыдущая деятельность царя абхазов позволяет охарактеризовать его не только как отважного воина, лично принимавшего участие в сражениях, но и как искусного дипломата. Имевшее длительную историю военно-политическое сотрудничество с аланами позволяло надеяться на поддержку северного соседа. Георгий III сделал ставку на союз с Аланией. Именно этим обстоятельством можно объяснить повторный брак царя абхазов. От жены аланки у Георгия III был сын Дмитрий. Однако ранняя смерть монарха, последовавшая в 1027 г., не принесла Абхазскому царству ожидаемых политических дивидендов от союза с аланами. После кончины супруга, Алда проживала в Анакопии, которая стала центром заговора с целью воцарения младшего сына, покойного Георгия III. Планы мятежников были сорваны, а патримоний Дмитрия был передан под юрисдикцию империи. О дальнейшей судьбе Алды мнения разнятся. Скорее всего, после перехода Анакопии под власть Византии, она продолжала проживать в крепости. Алда, без указания титула, упоминается в надписи, которая была сделана по окончании неких строительных работ в Анакопийской крепости, датированных мартом 1046 г. (Виноградов 2011: 217). Следует отметить, что известный австрийский исследователь В. Зайбт считает, что имя Алды в данном отрывке отсутствует и предлагает иное прочтение надписи (Seibt 2012: 176). Утверждение Вахушти о том, что царственная вдова вынуждена была покинуть Анакопию вместе с малолетним внуком (Картлис Цховреба 1973: 176), надо признать фальсификацией, которая легла в основу искусственно сконструированной генеалогии Давида Сослана.

Во второй половине 30-х гг. XI в., после смерти первой супруги, Елены Аргирополины, Баграт III женился на «дочери овского царя» Борене. В. А. Кузнецов склоняется к тому, что ее отцом был Урдуре (Кузнецов 1992: 186). Но, возможно, Борена была дочерью экскусиократора Гавриила, правителя Алании (Виноградов, Чхаидзе 2021: 123), моливдовул с его именем датируется 30-ми гг. XI в. Впрочем, некоторые исследователи атрибутируют указанную печать, как принадлежавшую брату Борены, Дургулелю (Туаллагов 2019: 181; Малахов 2019: 60-61).

Во этом браке, скрепившем абхазо-аланский союз, родились сын, будущий царь Георгий IV, и две дочери Марфа и Мария. Икона Божьей матери из церкви Спаса (с. Ленджери, Сванетия), на оборотной стороне, которой начертано молитвенное обращение от лица Борены (Материалы по археологии 1904: 37-38), по мнению С. Н. Малахова, была преподнесена царицей в качестве дара, «в связи с предстоящими родами», или «после благополучного разрешения от бремени» (Малахов 2019: 62). Особенный интерес представляет упоминание в молитвенной просьбе имени архангела Гавриила, возможно, небесного заступника правящего дома Алании. Кроме того, архангел как «великий предвестник рождений», считался покровителем рожениц. «Поэтому обращение Борены к архангелу Гавриилу и Богоматери, которой, согласно церковному преданию, святой благовествовал от имени Бога-Отца грядущее разрешение от благодатного бремени, вполне понятно» (Малахов 2019: 64).

Надо полагать, что наиболее сложный и драматический период в жизни Борены пришелся на 50-е гг. XI в., когда ее супруг и вдовствующая царица Мариам были задержаны в Константинополе имперскими властями, а сын находился в руках всесильного регента Липарита. В это время, Борена и ее двор должны были стать центром притяжения сторонников Баграта III. Не исключено, что царица могла получить поддержку от брата, могущественного властодержца Алании, Дургулеля. Его правление отмечено как период наибольшего усиления и централизации Алании. Неслучайно анонимный автор «Летописи Картли» прилагает к аланскому правителю эпитет «Великий». В 60-е гг. XI в. Дургулель оказал неоценимую помощь Баграту III в борьбе с Шеддадидами. Вступая в конфронтацию с главными союзниками сельджукского султана на Кавказе, царь абхазов рассчитывал на правителя аланов. В 1065 г. Баграт III «призвал ... царя овсов Дорголела с сорока тысячами овсов и под водительством сына своего Георгия куропалата опустошил Гандзу, полонил и захватил добычи несметно и отправил (Дорголела) в царство свое» (Летопись Картли 1982: 76). Через некоторое время после указанных событий, согласно анонимной «Летописи Картли», правитель аланов изъявил желание встретиться с Багратом. Об истинных причинах

прибытия «царя овсов Дорголела», в сопровождении «всех овсских главарей» в Абхазию, источник умалчивает. На наш взгляд, речь должна идти о некой совместной военно-политической акции, которая, по какой-то причине, не была реализована. Обратим внимание на маршрут следования главы аланов, который, будучи встречен племянником Георгием, «пройдя дорогу Абхазскую, пришел в Кутатиси», где его ожидала сестра, царица Борена (Летопись Картли 1982: 76). В. И. Абаев справедливо отметил, что попасть в Кутаиси через Абхазию Дургулель мог только из района верховьев Кубани, где и должна была находиться его столица (Абаев 1949: 310). Следовательно, перед нами еще одно убедительное доказательство принадлежности Дургулея и Борены к западно-аланской династии. А. В. Кузнецов пишет: «Ниже-Архызское городище в X—XI вв. было административным, идеологическим и культурным центром Алании, Кяфарское городище — политическим центром и резиденцией западной династии, которая пресеклась во время татаро-монгольского нашествия XIII в., ибо в после монгольский период ее следы не прослеживаются» (Кузнецов 1988: 89). В 70-е гг. XI в., правитель, находившейся в зените своего могущества Алании, Дургулель получает от византийского императора высокий титул протопроедра, и, возможно, был изображен «на фреске Сентинского храма в императорских одеяниях» (Белецкий, Виноградов. 2019: 247). К указанному периоду относится печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании, обнаруженная в 2015 г. при проведении археологических работ, в привратной башне Анакопийской крепости (Виноградов, Чхаидзе 2021: 126). А. Ю. Виноградов и В. Н. Чхаидзе полагают, что обладателем печати являлся сын Дургулея (Виноградов, Чхаидзе 2021: 127). В. Н. Чхаидзе связывают появление этой печати «с фемным периодом, так как после этого Анакопия теряет свое политическое значение» (Чхаидзе 2021: 82-83). Позволим не согласиться с данным утверждением. О важности крепости говорит тот факт, что автор «Летописи Картли» специально отмечает факт ее возвращения под юрисдикцию царя абхазов: «Вслед за этим угодил господь Георгию крепостями, силой отобранными греками. Отобрал у греков Анакопию — главную крепость Абхазии, и — множество крепостей в Кларджети, Шавшети,

Джаваheti и Артани» (Летопись Картли 1982: 78). Из всех вернувшихся под власть Георгия IV, после тяжелого поражения Византии под Манцикертом, твердынь аноним выделяет Анакопию и Кари «крепость и страну»). На наш взгляд, сын эксусиакратора Алании, обладатель найденной в Анакопии печати мог участвовать в акции, связанной с возвращением крепости царем абхазов, который, к слову, являлся его двоюродным братом. Есть основания полагать, что молодой монарх Георгий IV, недавно вступивший на престол, продолжил активное военно-политическое сотрудничество с аланами.

Обращение царя Давида I в начале XII в. за военной помощью против тюрок-сельджуков к кипчакам, а не к традиционным союзникам аланам, расценивается исследователями как смена политической ориентации Абхазских Багратидов, вызванная ослаблением Алании после смерти Дургулея (видимо, в 80-х годах XI в.) (Кузнецов 1992: 240). На процесс децентрализации Алании как будто указывает летописец Давида I, сообщая о «царях оссов». На наш взгляд, союз царя абхазов с кипчаками не является свидетельством охлаждения отношений или признаком серьезного ослабления Алании. Использование степняков против кочевников, заполонивших восточные области Закавказья, представлялось Давиду I более эффективным. Царем абхазов был организован проход кипчаков через территорию аланов. Реализация столь сложной акции была возможно только при высочайшем уровне доверия и союзничества между царством Абхазских Багратидов и аланами. Аланы же призывались для участия в военных экспедициях Давида I, так 500 воинов участвовало в походе на Гянджу в 1111 г. По свидетельству Ибн-ал-Азрака, в 1154. г. он сопровождал царя Дмитрия IV в поездке, в ходе которой последний посетил аланов. Не исключено, что в ходе этого вояжа было достигнуто соглашение о заключении еще одного абхазо-аланский брачного альянса, между сыном царя Дмитрия IV, Георгием и дочерью правителя аланов Худдана, Бурдухан. Худдана принято отождествлять с Иоанном Хотеситаном, носителем титула эксусиакратора Алании, печать которого была опубликована В. Зайбтом (Seibt 2004: 55). Высказано предположение, что за образом одного из героев осетинского нартского эпоса, Челахсартагом, владельцем крепости Хиза, скрывается правитель аланов

Худдан. Главным аргументом в пользу подобного соотнесения, согласно Т. К. Салбиеву, является имя дочери Челахсартага – Бедуха, которое «без каких-либо натяжек может трактоваться как неизбежное для устной традиции просторечное искажение имени дочери царя Худдана – Бурдухан» (Салбиев 2018: 15-23).

В браке у аланской царевны родились две дочери Тамар и Русудан. Из всех жен царей абхазов, именно Бурдухан удостоилась самых лестных эпитетов и сравнений. Столь пристальный интерес к ее особе был продиктован тем, что она была матерью Тамар, первой женщины-монарха на престоле царства Абхазских Багратидов. Восхваление Бурдухан являлось составной частью задачи по созданию идеального образа ее дочери. И первый, и второй историки Тамар отмечают знатное происхождение, набожность, миловидность ее матери: «Сама она была солнцем над солнцами по красоте и, как сказано, по сиянию над грешными и праведными, ибо любила праведных и миловала виновных. Имея в виду ее преданность Христу, я боюсь и стесняюсь искать для нее образ среди женщин, бывших предметом любовного преклонения в этом мире» (Картлис Цховреба 2008: 244). Панегиристы уподобляют ее святой Екатерине, святой Ирине, ветхозаветной Анне и даже «просветительнице неба и земли Марии» (Картлис Цховреба 2008: 214). Имя царицы упоминается в ряде эпиграфических памятников. Так, в Спасо-Преображенском храме (село Руиси), сохранилась надпись в которой Бурдухан названа благодетельницей и покровительницей. На лицевой стороне иконы Божьей матери с младенцем, серебряной чеканной работы из Хонского монастыря имеется надпись следующего содержания: «... мученики, пастыреначальники, отцы священнодеятели, главы богословов, представительство за избавление от врагов... надежду на вас возлагающая Бурдухан» (Опись 1890: 88). Возможно этот вклад был совершен царицей в период мятежа Демны. Бурдухан была свидетельницей венчания своей дочери Тамар, в качестве соправительницы отца. Венценосица ушла из жизни раньше супруга, т. е. до 1184 г.

Связи между правящими классами Алании и царства Абхазских Багратидов имели продолжение. Свидетельством тому брак Тамар с Давидом Сосланом. Известно, что один из супругов царицы Русудан был по происхождению аланом.

Дружеские отношения с располагавшим значительным военным потенциалом северным соседом – Аланией, обеспечивали мир и безопасность абхазским землям и поддержку абхазским царям в осуществлении активной наступательной внешней политики. Заложенный в период правления Леонидов, он получил продолжение при Абхазских Багратидах. XI- XII вв. отмечены тремя династическими браками представителей правящего дома Абхазского царства с аланками. Алания прочно занимала одно из важных мест в политических расчетах абхазской дипломатии.

ГЛАВА IV. ЖЕНЩИНЫ-МОНАРХИ НА ПРЕСТОЛЕ В ЦАРСТВЕ АБХАЗСКИХ БАГРАТИДОВ

4.1. Эпоха правления царицы Тамар

На исходе XII в. в царстве Абхазских Багратидов престол занимает правитель-женщина. Внутриполитические события, предшествовавшие приходу к власти женщины, обнаруживают тесную связь с традициями престолонаследия, сложившимися в Абхазском царстве. Институционализация системы соправительства, произошла в период правления первых представителей дома Леонидов. Она предусматривала провозглашение будущего преемника еще при жизни правителя, что способствовало передаче власти и легитимации прав на корону внутри династии. В случае смерти монарха престол не оставался вакантным, формально он уже был занят соправителем. Продолжительная практика назначения младшего царя способствовала закреплению в общественном сознании идеи династической непрерывности и правопреемства, основанного на кровном родстве. Вместе с тем, в Абхазском царстве нередко были конфликты, порождаемые столкновением двух традиций: архаической практикой наследования власти от брата к брату и обычаем передачи наследственных прав от отца к сыну. В клубке пересекающихся линий родства родные дядья могли становиться как наиболее надежными покровителями, так и ожесточенными конкурентами подрастающих племянников. Поэтому правящие монархи все чаще пытались осуществить передачу короны по мужской линии в порядке первородства и последовательного заступления линий по нисходящей. Однако политические реалии убеждают нас в том, что такое правило восхождения на трон, хоть и воспринималось уже как обычай, все же не стало единственно возможной политической нормой. Существовали и другие сценарии наследования престола, не противоречившие династическим порядкам. В период междоусобиц титул соправителя служил важным инструментом политической борьбы. Его назначение могло упрочить власть династии и замирить враждующие стороны; лишение же этого статуса, с целью умерить политические амбиции прежнего претендента, вело к обострению конфликта. Обратим внимание на некоторые переломные моменты

истории Абхазского царства, когда междоусобные конфликты обостряли проблему престолонаследия. Именно экстремальные условия династического противостояния выявляли возможность нескольких легитимных вариантов правопреемства и доказывали отсутствие единого, пусть и неписанного, закона наследования престола. В этом ракурсе особенно показательны события междоусобицы второй половины XII в.

Последние годы правления царя Дмитрия IV ознаменовались борьбой за престол. Отцовский трон оспаривал старший сын монарха Давид. Впервые свои притязания он обнаружил в 1150 г., об этом свидетельствует, в частности, «Абхазская хроника»: «Короникона 370, отъ сотворения мира 6754: въ этомъ году Давидъ возстал противъ (царя) Димитрия» (Жордания 1902: 12). Но попытка завладеть царством потерпела неудачу. Давид вступает на трон в 1156 г. По данным армянских авторов (Вардан Великий, Степанос Орбелиани, Мхитар Гош), это произошло после смерти его отца. Так, Вардан Великий сообщает: «Царь иверийский, Деметрѣ, после тридцати двухлетнегo управления скончался. Сын его, Давид, человек умный и расположенный к добру, принял его корону» (Вардан 1861: 154). Иначе ход событий представляют грузинские источники. «Летописец времен Георгия Лаши» свидетельствует, о том, что царь Дмитрий «... был благословлен и постригся в монахи. Прожил год и скончался. Возвели на престол сына его Давида. Царствовал (Давид) шесть месяцев и скончался. Затем воссел на трон сын его Георгий в хроникон 517. В тот же год скончались царь Деметре» (Картлис Цховреба 2008: 213). Анонимный автор «Истории и восхвалении венценосцев» и вовсе отрицает факт воцарения Давида. Он утверждает, что Дмитрий «отдавал предпочтение младшему сыну, ... хулил и поносил старшего. Бог, внимавший его мольбам, сокращением дней его отозвал к себе Давида раньше отца. [Бог же] отец, вместе со своим сыном [Христом], возвысил до себя сына милого, подобного отцу, сделал его сопрестольником отца своего и показал его таким, каким [является] солнце среди светил...» (Картлис Цховреба 2008: 244). Сообщение указанного источника о том, что Дмитрий собственноручно благословил Георгия на царство, большинством исследователей

интерпретировалось в том смысле, что, ранее принявший постриг, монарх вернулся на трон после смерти старшего сына. В освещении этих событий, аноним вряд ли заслуживает доверия, поскольку василограф и апологет Тамар был заинтересован в построении четкой генеалогии по прямой нисходящей, от Дмитрия к Георгию и далее к царице. Вместе с тем, умалчивание или скорее умышленное сокрытие информации о пусть и кратком периоде царствования Давида, само по себе показательно.

Будучи старшим сыном Дмитрия IV, Давид, к 50-м гг. XII в. должен был являться соправителем отца. Учитывая наличие конфликта между отцом и сыном, о причине которого ничего не известно, нельзя исключать, что Давиду удалось отстранить Дмитрия от престола и вынудить принять постриг. Такой сценарий уже был реализован в конце XI в., когда Георгий IV, отошел от дел, удалился от мира, передав бразды правления царством своему сыну Давиду. В отличие от последнего, царствование его тезки оказалось непродолжительным, сведения источников разнятся, определяя временной промежуток нахождения Давида II у власти от месяца до двух лет. На момент смерти монарха его сын Дмитрий (Демна) был малолетним. Ряд средневековых авторов полагают, что царь абхазов был отравлен. Причем в качестве исполнителей преступного замысла называются представители рода Орбелиани. Вардан Великий повествует: «Некоторые говорят, что он погиб от измены Сембата и Иване Орбелиановых за назначение на их место Тиркаша; и что они заранее условились в этом с Георгом, братом Давида, который обещал им назначить их военачальниками. В 1156 году Георгий наследовал корону своего брата» (Вардан 1861: 154-155). Таким образом, армянский автор считает младшего брата царя сообщником заговорщиков. Его соотечественник Мхитар Гош, сетуя по поводу безвременной кончины Давида, свидетельствует, что Орбелиани, «дав ему выпить смертоносный яд, убили царя ... И они сделали Гиорги, его брата, царем вместо него» (Мхитар Гош 1960: 18). Летописец Степанос Орбелиани, выступая защитником доброго имени представителей знатного рода, пишет, что Давид, находясь на смертном одре, поручил своего сына и наследника Иване Орбелиани,

а младший брат монарха Георгий дал клятву, что уступит престол Демне, по достижении последним совершеннолетия.

Все армяноязычные источники согласны в том, что Орбелиани были активно вовлечены в придворные интриги в период междуцарствия. Они были недовольны действиями Давида II, который поддерживал их конкурентов, что вряд ли имело бы место, если Иване Орбелиани на тот момент являлся бы воспитателем наследника. Находясь в конфликте с монархом, Орбелиани могли желать смены власти и даже способствовать этому. Брат царя Давида II, Георгий виделся естественным союзником. Вместе с тем, источники не позволяют в достаточной степени выявить его роль в рассматриваемых событиях. Можно полагать, что помощь Орбелиани в деле его утверждения на престоле Абхазских Багратидов была существенна. Иване Орбелиани был передан на воспитание сын покойного царя, Демна. Но произошло это не согласно последней воле Давида II, как утверждал Степанос Орбелиани и даже не по желанию его дяди Георгия, а скорее по замыслу самих представителей аристократического семейства. Будучи воспитателем Демны, Иване Орбелиани приобретал огромную власть и способность влиять на политическую ситуацию в государстве в целом, что не мог не осознавать Георгий, который наверняка предпочел бы видеть племянника подле себя.

Следует обратить внимание на сообщение Степаноса Орбелиани о клятве, данной умирающему Давиду II братом, добровольно передать престол Демне после его совершеннолетия. Факт правления регента-дяди при малолетнем племяннике в истории Абхазского царства не зафиксирован ни до, ни после означенных событий. Согласно действовавшего порядка престолонаследия, при династии Леонидов, а затем их преемниках Абхазских Багратидах, Демна должен был стать соправителем Георгия. Последний мог взять на себя обязательства перед братом, что племянник останется его сопрестольником, даже в случае рождения наследников мужского пола у самого действующего монарха. Несмотря на отсутствие сына, Георгий не спешил с реализацией договоренностей, поскольку разделить власть с Демной означало разделить власть с кланом Орбелиани, тем более после женитьбы наследника престола на дочери опекуна.

Подобно Липариту Багваши, Иване Орбелиани рассматривал положение воспитателя наследника как важный ресурс для собственного возвышения. С воцарением Георгия он вновь был назначен амирспасаларом, но постоянно ожидал от монарха новых милостей. Особенно привлекательной виделась Иване возможность получения контроля над Ани. В действительности же, после перехода Ани под власть, Георгия, царь назначил патроном города Садуна Арцруни, которому, ввиду сложившихся обстоятельств, не пришлось долго управлять столицей Армении. Затем царь пожаловал наместничество Иване Орбелиани. Представители этого знатного рода предъявляли наследственные права на Ани. «Будучи со стороны матери Багратидами, – замечает академик Я. А. Манандян, – Орбелы, естественно, могли считать своей собственностью не только Лори и Дзорагет, но и город Ани и Ширак» (Манандян 1959: 116). Иване хотел превратить Ани в наследственное владение и для достижения своих целей не гнушался ничем, в том числе и вступлением в сговор с противниками Абхазского царства. О тайных сношениях Иване с сельджукскими правителями сообщает Мхитар Гош (Мхитар Гош 1960: 19). На наш взгляд, конечной целью Иване было обретение прав суверенного правителя, по сценарию успешно реализованному Шамс ад-дином Ильдегезидом, основателем государства атабеков Азербайджана. В период ослабления власти последних «великих» султанов (1092–1157 гг.), начался постепенный распад державы Сельджукидов. Формировался совершенно новый тип государственных образований, правители которых именовались атабеками (атабек – «отец-правитель»). Этот титул носили воспитатели сельджукских принцев. З. М. Бунятов писал: «Со временем атабеки усилились и превратились в фактических вершителей судеб тех государств, во главе которых номинально стояли их подопечные. Султаны сохраняли за собой лишь внешние атрибуты власти — их имена чеканились на монетах и упоминались в пятничной хутбе. Таких государств в XII в. существовало несколько: государство атабеков Азербайджана (Илденизидов), атабеков Мосула (Зангидов), атабеков Фарса (Салгуридов), атабеков Кермана (Кутлуг-ханов), атабеков Луристана (Хазараспидов) и т. д.» (Бунятов 1978: 7). Царь, как нельзя лучше, был осведомлен

об амбициозности и властолюбии Иване Орбелиани и последний не преминул оправдать репутацию «вершителя судеб династии», став душой заговора против Георгия V на 21 году его царствования. Недавно С. Николаишвили было высказано мнение о том, что триггером к выступлению знати стало намерение монарха объявить своей наследницей дочь Тамар (Nikolaishvili 2019: 177-178).

Мятежники решили захватить монарха, в то время, когда он находился в Сахате, недалеко от Тбилиси. По данным Вардана Великого, инсургенты имели намерение на цареубийство (Вардан 1861: 154), Степанос Орбелиани сообщает, что сторонники Демны не собирались лишать жизни «помазанника», но хотели извлечь «из него присягу и [письменный] документ, [говорящий], что он подчинится сыну своего брата» (Step'annos Orbelean 2015: 198). Царь узнал о готовящемся заговоре и спешно, с небольшой свитой, направился в Тбилиси.

Вопросы, связанные с хронологией восстания остаются предметом дискуссий. На основании свидетельств армянских и грузинских источников наиболее вероятными датами начала выступления в историографии считаются 1177 или 1178 гг. Его центр находился в Нижней Картли. Восставшие нашли поддержку и в лице ряда представителей влиятельных аристократических кланов восточной части царства Абхазских Багратидов. На стороне Демны оказалась феодальная элита Самцхе, Кахетии, Шеки, Эретики, части картлийских и армянских земель. По свидетельству ценнейшего источника мемуарного характера («Хишатакаран»), армянского монаха-книжника Давида Кобаирского (Кобайреци) (XII в.), современника описываемых событий, заговорщики, собравшиеся в замке Агарак, объявили Демну царем (Майсурадзе 1966: 263). Показательно, что знать западной части царства не принимала участие в заговоре: «когда Орбели отложились, был хроникон 397. Абхазия, Сванети и вся Самокалако пребывали в спокойствии» (Картлис Цховреба 2008: 214). Мятежники, даже не предпринимали попыток привлечь ее к восстанию или хотя бы установить связь. На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что, так называемые, «нижние земли», являлись уделом Георгия. Судя по всему, после того, как Дмитрий IV удалился от мира, его сыновья Давид и Георгий делили власть над царством. Давид II управлял «верхними

землями», а его брат – областями, расположенными к западу от Лихского хребта. Обратим внимание на слова Степаноса Орбелиана том, что заговорщики хотели, чтоб Георгий «жил и пребывал в своей части наследия, которое отец дал ему» (Step'annos Orbelean 2015: 198). По сообщению Давида Кобайреци, «князя Орбели потребовали у царя добрую «половину царства» для царевича Демны» (Григорян 1990: 47). Причем, речь шла не просто о разделе власти с Демной, но о признании за последним старшинства, поскольку, как было показано выше, они требовали от Георгия принесения присяги. Армянский монах говорит о «раздвоении царства» в связи с мятежом Орбелиани, он пишет, что сторонники Демны «... вместе с новым царем, удобно заняли престольные (буквально: государственные, резиденционные) деревни» и намеревались «обратить царя в бегство либо схватить его» (Мурадян 1973: 185). Таким образом мятежники, не сумевшие захватить Георгия в Сахате, пытались вынудить его уйти за Лихи, при этом не выражая в ни малейшего желания, по крайней мере на этом этапе противостояния, завладеть его уделом.

Данные о военном потенциале противостоящих лагерей основываются исключительно на сообщении Степаноса Орбелиани, согласно которому защитники прав сына Давида II располагали значительными силами, численность которых составляла более 30 000 человек, тогда как Георгий V имел в своем распоряжении всего пять тысяч воинов-кипчаков под командованием Кубасара. На наш взгляд, пять тысяч степняков составляли лишь часть царской рати, одно из наиболее мобильных ее подразделений, в короткий срок, подошедшее к Тбилиси для защиты монарха. Основные военные силы должны были прибыть по зову царя, мог он рассчитывать и на помощь осетин. «И сколько бы тысяч воинов ни просили у осетин и кипчаков, они (безропотно) приводили их; то же самое можно сказать и о доме Ширвана» (Картлис Цховреба 2008: 214). Это свидетельство «Летописца времен Георгия Лаши», зримо обозначает круг сторонников Георгия во время мятежа Демны. О том, что Георгий, пребывая в Тбилиси, занимался мобилизацией своих сторонников и ожидал подхода верных ему войск указывает анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев: «Царь собрал войска и направился из города Тбилиси против врагов, расположившихся в горах Сомхити» (Картлис

Цховреба 2008: 251). Важно, что в руках Георгия V оставалась царская казна, своим сторонникам он обещал щедрое вознаграждение. Молниеносным ударом царь выбил повстанцев из крепости Коджори, а затем и из Самшвилде. Первые же успехи вызвали колебания среди повстанцев. От Орбелиани и Демны отошли Гамрекели, Григол Анийский, Саргис Мхаргдзели с сыном и племянником. Георгий принял перебежчиков с подчеркнутой любезностью и простил их, что внесло еще больший разлад в ряды бунтовщиков. «Полонив Ташири и Лорис-Кари, царь расположился в Агаре» (Картлис Цховреба 2008: 213). Тем временем, войска под началом воспитанника Георгия V, Чиабера разбили сторонников Демны в Эрети. Плененные в сражении знатные заговорщики предстали перед царем. Георгий накапливал силы, а отряды восставших таяли. Окрыленный победами монарх приступил к осаде крепости Лорэ, где засели Демна и Иване Орбелиани. Последний, отправил своего брата Липарита с сыновьями к атабегу Ильдегизу и Шахармену за военной помощью. Надеясь на успех миссии к соседним мусульманским правителям, Иване Орбелиани отверг предложение о сдаче крепости. Между тем, Демна, тайно покинув Лорэ, явился к царю с изъявлением покорности. Под влиянием этого обстоятельства, Иване Орбелиани был вынужден вступить в переговоры с Георгием V. Глава мятежников просил сохранить жизнь участникам восстания, а также оставить за родом Орбелиани их наследственные владения. Царь согласился выполнить эти условия. Защитники Лорэ сдались, поверив обещанию монарха. Однако Георгий не просто нарушил слово, но проявил беспрецедентную жестокость. Царь судил зачинщиков восстания и сурово «воздал им сообразно делам их» (Картлис Цховреба 2008: 252). Георгий V отдал приказ ослепить Иване и его сыновей, жестоко расправился и с остальными Орбелиани, приказав уничтожить без исключения «весь их род – младенцев, женщин... некоторых удушили, некоторых утопили, некоторых сбросили со скал» (Step'annos Orbelean 2015.: 201). Царь также повелел изъять упоминания об Орбелиани из всех рукописей. По свидетельству Вардана, царь захватил все сокровища Орбелиани (Вардан 1861: 159).

Георгий V жестоко покарал и своего племянника. Он был помещен в Кледкарскую крепость, ослеплен, подвергнут тяжелому телесному наказанию, отчего скончался и был похоронен в Мцхете. Припадая к ногам венценосного дяди, Демна надеялся на прощение, поскольку рассчитывал на то, что монарх не решится причинить вред наследнику престола. Но надежды царевича не оправдались. Отдавая приказ об экзекуции над Демной, Георгий безусловно осознавал, что с политической и как оказалось далее физической смертью племянника, абхазский престол лишается законного наследника по мужской линии. Кризис престолонаследия грозил средневековой монархии как внутривластными, так и внешнеполитическими потрясениями, тем не менее, Георгий V решился на столь радикальный шаг в отношении мятежника.

Именно планы Иване Орбелиани, направленные не только на раскол царства Абхазских Багратидов, но на создание нового государственного образования в землях, подконтрольных абхазской короне и основание собственной правящей династии объясняют истребление самой памяти о роде Орбелиани. Это была показательная жестокость, главной целью которой являлась прививка против попыток подобного рода со стороны знатных аристократических кланов. Их представители должны были воочию убедиться какая участь ждет их в случае подобных посягательств против короны Абхазских Багратидов.

Одержав победу над Демной и кланом Орбелиани, Георгий V поторопился провозгласить соправительницей свою дочь Тамар, что следует считать ярким проявлением политики закрепления династических прав на престол за женщиной и противодействия возможным покушениям на власть правящего дома. Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» сообщает об обстоятельствах принятия столь важного решения: «Собрав [представителей] из семи царств своих, он пригласил царицу цариц, счастливую супругу свою Бурдухан, а также дочь Тамар, свет и сияние очей своих, это драгоценное ожерелье всех царей и венец всех властителей. По обсуждении [вопроса] и заключении по нему, промыслом и призрением того, волею которого определяется высокая доля царей, он с согласия патриархов и всех епископов, дидебулов из Америи и Имерии, визирей и

спасаларов, объявил Тамар царицей и посадил ее одесную себе» (Картлис Цховреба 2008: 252). Панегирист рисует благостную картину полного консенсуса светской и духовной элит государства, все трудности, связанные с достижением которого, а их не могло не быть, остались за рамками повествования. Между тем успешная реализация намерений Георгия V зависела от способности создать широкую сеть сторонников в политических и церковных кругах. Провозглашению Тамар соправительницей предшествовал ряд важных мероприятий центральной власти. Практически сразу после подавления мятежа Орбелиани, Георгий V объявляет о даровании иммунитета всем церковным владениям. В царской грамоте, датированной 1178 г. сказано: «В год царствования нашего, 21-й, когда по наущению и решению дьявола сговорились некоторые дидебулы и азнауры царственности нашей на двурушие нам и отложили (от нас) сына брата нашего, и много горя /й ис/пытаний создали (нам). Но многомилосердие /и / незабвенность сотворенного им (Спасителем) сделали тщетными решение и заговор их ... (Дабы) за это нам достойной благодарностью отблагодарить Спасителя и для возвеличения Спасителя и для доброго сохранения царствования нашего, и для душевного спасения от мучительств, – надумали (мы) спасти и освободить церкви царства нашего от всех несправедливых и утесняющих (податей) бегара» (Грузинские документы 1982: 52-53). Поскольку в документе говорится о том, что по зову монарха прибыло духовенство как «нижних», так и «верхних» земель, то речь, по видимому, должна идти как об Абхазском, так и Картлийском католикосатах. Освобождение церкви от налогов, на наш взгляд, было даровано в обмен на поддержку планов Георгия V объявить своей наследницей дочь. Именно духовенство призвано было обеспечить необходимое идеологическое сопровождение сложного решения монарха. В деле стабилизации политической обстановки в восточных областях царства, после мятежа Демны, церковь была главной опорой центральной власти. Мцхетский католикосат цементировал картлийский элемент в царстве Абхазских Багратидов.

Поддержка представителей светской политической элиты была приобретена за счет щедрых земельных пожалований. Раздаче подлежали владения участников

мятежа Демны, прежде всего, земли принадлежавшие Орбелиани. Так, крепости Орбети и Каэни были переданы влиятельному залихскому династу Вардану Дадиани.

Таким образом, в Абхазском царстве был введен в действие принцип когнатической промогенитуры. Церемония возведения в достоинство соправителя носила светский характер, короновал наследницу, как было принято, сам правящий монарх. «Она (Тамар – Авт.) была разукрашена разноцветной золотой бахромой и одета в виссон и драгоценные ткани. Взирая на нее, как на «гору божью», он возложил на голову ей венец из чистого золота, украшенный яхонтами и изумрудами. Народ ликовал пред нею. Сам царь, присягнувши ей в верности и преданности, проливая слезы и молясь богу, благословил ее благословением, ...» (Картлис Цховреба 2008: 252).

Посредством провозглашения соправителем будущий наследник приобщался к управлению государством. Фактическое положение сопрестольника в системе государственного управления, конечно, нельзя охарактеризовать как сколько-нибудь равное положению старшего. Первый обладал всей полнотой власти, за ним оставалось окончательное решение по наиболее важным государственным вопросам. В Абхазском царстве младшему царю, как правило, поручались реализация административных функций в отдельной провинции или провинциях и организация военных мероприятий. Так, сын Георгия II был воеводой Картлии и организатором походов на Кахетию, наследник Давида I, Дмитрий занимался покорением Каладзора. Вокруг младшего царя обычно группировались молодые представители военной элиты, рассчитывавшие с обретением им всей полноты власти добиться высоких титулов и положения в системе государственного управления. Они, как правило, и составляли его опору в будущем, на них он рассчитывал в период междуцарствия.

Так как соправителем царя абхазов стала женщина, привычный сценарий не мог быть реализован. Тамар в течении шести лет являлась сопрестольницей отца. О том как проходил процесс приобщения ее к делам государственного управления источники не сообщают. Судя по всему, большую часть времени она проводила

рядом со своей теткой по отцу Русудан. Последняя могла руководить подготовкой Тамар к государственному служению. Сестра Георгия V была влиятельной политической фигурой, сведущей в делах дипломатических, о чем свидетельствуют источники. Для готовившейся наследовать престол Тамар, освоение искусства дипломатии, овладение приемами и методами ведения переговоров, лавирования между отдельными группировками знати разноликого царства Абхазских Багратидов было особенно важным. Успех женского царствования, и даже само сохранение короны, могли быть обеспечены за счет умения разрешать кризисные ситуации преимущественно мирным путем, действовать не мечом, но словом.

В 1184 г. Георгий V скончался. Впервые на престол должна была взойти женщина. Церемония объявления соправителем, при которой монарх собственноручно венчал главу своего отпрыска короной, носившая, в целом, более светский характер, не отменяла, в будущем, проведения коронации католикосом. Только принятие венца из рук предстоятеля церкви придавала монарху полную легитимность. Такой порядок был присущ европейским монархиям, соответствовал он и византийской политической традиции. Абхазское царство не было исключением. Торжественная церемония коронация Тамар с участием высшего духовенства и знати была необходимым актом для завершения интронизации царицы.

Весомым аргументом в пользу того, что практика «посвящения в сан» царя сложилась при первых абхазских монархах, служит тот факт, что обряд коронации, производился представителями абхазской церкви. Абхазскому католикосу была отведена значительная роль в церемонии возведения на престол царей из династии Абхазских Багратидов. Это утверждение справедливо и в отношении коронации Тамар. Первый историк царицы живописует: «Принесли венец, певцы, возвысив голоса, [воспели песни] победного венчания и могущественного царствования, при этом вспомнили также явление креста царю Константину на горе Масличной. По поводу подобного славословия и величания пригласили достойного из подвижников и исполненного благости Антония Саргисидзе, архиепископа

Кутаисского, и предложили ему взять в руки венец, так как, по чину, возложение короны при венчании на царство было предоставлено Залихской Имерии» (Картлис Цховреба 2008: 255). Обращает на себя внимание тот факт, что венец на голову Тамар возложил не католикос, а один из иерархов абхазской церкви – архиепископ Кутаисский. Известно, что, по обычаю в церемонии должен был принять участие именно католикос. Нельзя определенно сказать по какой причине на столь важную церемонию не прибыл глава абхазской церкви, но и в его отсутствие к участию в обряде коронации не был привлечен мцхетский католикос. В ней участвовал следующий по рангу за абхазским католикосом церковный иерарх – архиепископ Кутаисский. Возможно, подобно Константинопольским патриархам, предводители абхазской церкви, в исключительных случаях, могли делегировать свои полномочия одному из епископов.

Инаугурационное миропомазание, благодаря которому особа правителя «производилась» из сферы мирского в область сакрального стала необходимым условием легитимности интронизации монарха. Вопросы, связанные с кодификацией коронационного обряда и как его части миропомазания в качестве правовой основы легитимной интронизации абхазских монархов представляются весьма важным. Трудно определенно сказать, когда инвеститура абхазских царей стала сопровождаться официальным миропомазанием. Проблема инаугурационного миропомазания остается одной из самых трудноразрешимых в современной медиевистике. Высказаны различные мнения по поводу того, когда и где впервые коронационный обряд был дополнен миропомазанием. Нам представляется весьма аргументированной точка зрения, согласно которой инаугурационное миропомазание возникло в Византии. Весомые аргументы в пользу этого данного утверждения приведены О. Г. Ульяновым (Ульянов 2008: 133-140). Примечательно, что распространение термина «Божий помазанник» ряд историков считает необходимым признаком появления инаугурационного миропомазания, в то время как их оппоненты признают это лишь метафорой. Мы присоединяемся к мнению тех, кто полагает, что лишь инаугурационное миропомазание могло стать единственной легитимной причиной использования

данного эпитета в отношении царственных особ. Равно как инаугурационное миропомазание отличало правящего монарха от соправителя, которого мог короновать сам монарх, но без миропомазания. Отметим, что впервые эпитеты «благословенный» и «святой» прилагались к имени царя абхазов Константина III в Эредвской надписи, датируемой 914 г. (Корпус 1980: 170-174). Позднее в период правления Давида Возобновителя в документах и летописях появляется термин «Божий помазанник» (Царю Давиду 1998: 319).

Абхазские Багратиды возводили свой род к израильскому царю Давиду. Через миропомазание, по примеру библейских царей, представители правящей династии Абхазского царства получали освящение своей власти. В документе середины XIII в. «Чин и распорядок коронования царей» говорится о вводе монарха в алтарь во время церемонии (Грузинские документы 1982: 76). В эту часть храма могли входить только лица духовного звания.

Хотя при описании церемонии коронации первый историк Тамар напрямую не говорит об обряде миропомазания, он в тексте своего сочинения не раз использует термин «помазанница» в отношении царицы: «Помазанница божья села на престол» (Картлис Цховреба 2008: 257), «Тамар, которая после Давида пророка является по числу восемьдесят первой помазанницей из его рода» (Картлис Цховреба 2008: 272). В приводимом им ямбическом стихе за авторством царицы говорится: «Ты, дева, ради которой Давид плясал, Сына божья сыном твоим предуказывая, Меня, Тамар, прах твой, в прах имеющая обратиться, удостоила помазания и родства с тобою» (Картлис Цховреба 2008: 274).

Второй историк царицы, повествуя об окончании траура по Георгию V и приготовлениях к церемонии коронации его наследницы, восклицает: «Отряхнули с себя скорбь, затрубили в трубу, как некогда во имя Соломона» (Картлис Цховреба 2008: 303). Перед нами перифраз библейского текста – «И затрубили трубою и весь народ восклицал: да живет царь Соломон» (Библия (III Пар. 1,39)). Это славословие предшествовало помазанию на царство библейского царя Соломона. Следует отметить и следующий пассаж второго историка царицы: «Начиная с этой поры (с восшествия на престол – Авт.), о чем еще следует рассказать относительно Тамар,

кроме как об ее роли наместника господина на пользу царству и народу (Картлис Цховреба 2008: 304). Иоанн Шавтели в своем сочинении «Абдул-Мессия» восхваляет «помазанного царя Тамар» (Иоанн Шавтели).

Весьма важным представляется вопрос о месте проведения инаугурационной церемонии. Ни один из источников не дает указаний на сей счет. Поскольку «по чину» возложение венца, а равно и вручение меча было предоставлено «Залихской Имерии», т. е. представителям западной части государства Абхазских Багратидов, то интронизация монарха должна была происходить на территории царского домена, в «нижних землях». В представляющем большой интерес документе под названием «Распорядок царского двора», составление которого исследователи относят к концу XIII в., сообщается о споре, возникшем между абхазским католикосом и архиепископом Кутаисским, по вопросу о том, где должны храниться царские инсигнии: корона и скипетр. «И когда благословили сперва Вахтанга, а потом Константина (сыновья Давида Нарина – Авт.), католикос Абхазии и кутаисский Иоанн стали тягаться. Кутаисский сказал так: «Коль ныне два-три раза в моем храме приняли благословение два царя и не имеете права не класть на хранение в моей церкви корону или скипетр». И потом визири и сплошь все воинство сказали, что более прав кутаисский и определили скипетр кутаисскому. И католикос Абхазии уступил ему. И отчеканили гвоздь [Распятия] и [положили] перед кутаисской божьей матерью» (Распорядок 1993: 59). Из приведенного отрывка следует, что столичный архиепископ просит передать ему на хранение инаугурационные предметы на основании того, что церемония интронизации монархов несколько раз была проведена в Кутаисском кафедрале. Попытавшийся внести изменения в сложившийся порядок, архиепископ Кутаисский смог получить на хранение только скипетр, местонахождение царского венца осталось неизменным. Следовательно, царские регалии, использовавшиеся при инаугурации, помещались в том религиозном центре, где, по обычаю, проводился указанный ритуал. Таким образом, до конца XIII в. хранителем инсигний Абхазских Багратидов (короны и скипетра) являлся абхазский католикос, а местом их пребывания патриарший собор. Можно утверждать, что в Абхазском

царстве сложилась традиция аналогичная традициям, существовавшим в средневековых европейских государствах и в Византии, согласно которой, инаугурационные предметы и прежде всего, корона пребывали по месту проведения церемонии интронизации монархов. Резиденцией абхазского католикоса являлся Пицундский собор. За главой абхазской церкви твёрдо закрепилось имя наместника «святого Андрея Первозванного» (Православная энциклопедия 2000: 68). В позднесредневековых документах абхазского католикоса называют «сидящим на троне святого Андрея» (Православная энциклопедия 2000: 68). В Пицундском храме могли находиться и мощи святых апостолов. А. Кавелин писал: «На правой стороне притвора, у южной стены его, построен в виде овальной башенки тесный «параклис» и в нём два каменистых (из коих одна подпольная) неглубоких временных усыпальниц, которых местное предание называет, хотя и недостоверно, гробницами апостолов Андрея и Симона Зилота, фресковые изображения коих находятся над ними в арке (на южной стене предела)» (Леонид (Кавелин) 1885: 35). Весьма почитаемый, древний христианский религиозный центр – Пицунда – резиденция абхазского католикоса вполне могла являться местом проведения инаугурационной церемонии монархов, сначала Леонидов, а затем и Абхазских Багратидов. Логично предположить, что цари абхазов избрали Пицунду в качестве места венчания на царство и хранения инсигний. Наследовавшие их корону Абхазские Багратиды, должны были держаться сложившейся традиции, что подчеркивало легитимность новой династии и преемственность власти. Если в церемонии венчания на царство Тamar принимал бы участие абхазский католикос, то можно было бы с большой долей вероятности утверждать, что церемония интронизации проходила в Пицунде. Однако проведение церемонии архиепископом Кутаисским заставляет нас проявить некоторую осторожность в данном вопросе.

Интересно, что автор «Истории и восхваления венценосцев», не указывает место проведения церемонии интронизации Тamar, но сообщает, что коронация первого супруга царицы Юрия прошла в царской резиденции в Гегути. Скорее всего, он являлся традиционным пунктом сбора войск, отсюда мятежники

выступили в поход против Тамар, предварительно возведя русского князя в царское достоинство. Использовались ли при коронации Юрия те же инсигнии, что и при церемонии венчания на царство Тамар неизвестно.

Корона, важнейшая царская инсигния, входит в употребление едва ли не одновременно с самим институтом монархии. Изначально она представляла собой головное украшение в виде обруча или кольца. Со времен императора Константина, головной убор правителя Восточно-Римской империи имел вид диадемы, при Юстиниане Великом его заменили на стемму – золотой обруч, поверх которого укреплялись дуги, сложенные крест на крест. К концу XII в. корона стала почти конусообразной, а позже украсилась зубчатым венцом. Для правителей восточно-христианских государств характерны были короны высокие, во многих случаях окруженные зубчатым околышем-венцом, доставшиеся в наследство от Византии. По мнению С. Каухчишвили, знаки инвеституры, присылаемые главам этнополитических образований Восточного Причерноморья из Константинополя, в течение ранневизантийского периода послужили, в последующем образцами для царских регалий (Каухчишвили 1936: 84). Тот же автор отмечал, что тип царского одеяния перешел к Абхазским Багратидам от предыдущей династии Леонидов. По традиции, восходящей к праздничному одеянию византийских императоров, короны царей абхазов были увенчаны крестами. Свидетельством тому являются их многочисленные памятники изобразительного и прикладного искусства: иконы, фрески, а также монеты. Так, например, на монетах Давид I Возобновитель изображен в стемме с крестом и препендулиями, идентичной венцам византийских императоров. Были также венцы, края которой украшены небольшими, сделанными из жемчуга крестами, как, например, стемма Георгия V на фреске пещерного храма Вардзиа. Форма корон царей абхазов, с течением времени претерпевала изменения. Автор «Истории и восхваления венценосцев» восхваляет монарха, воспринявшего «царский венец, осенявший семь царств» (Картлис Цховреба 2008: 245). Названия семи царств входили в официальную титулатуру Абхазских Багратидов. Таким образом, использовавшаяся в инаугурационной церемонии, корона мола быть украшена семью крестами. Исследовательница

Н. Беручашвили отмечает, что в описи церковного имущества Гелатского монастыря архива Грузино-Имеретинской Синодальной конторы сохранилось описание «царской короны» ... она была сделана не из металла, а вышита золотными нитями, украшена драгоценными камнями и увенчана семью крестами!» (Беручашвили 2017: 1), причем, один крест более других. Корона из ризницы главного храма Гелатского монастыря, была атрибутирована ей как принадлежавшая имеретинским царям (Беручашвили 2017: 2). Интересно, что согласно описям, в ризнице вместе с короной хранилось и дорогое праздничное облачение абхазского католикоса, возможно используемое им в церемонии интронизации монарха. «Тема коронации была настолько популярна в искусстве христианского мира, что выработался ее иконографический тип. Божественное происхождение власти царя было сюжетом для многочисленных изображений, напоминающих сцены инвеституры. Во многих случаях Христос или святой, действующий по его поручению, благословлял или же возлагал на царя (василевса) венец. Данная сцена стала символизировать божественное происхождение власти государей» (Грабар 2000: 127).

Одной из важных частей инаугурационной церемонии монарха было вручение меча. Это оружие, наряду с короной принадлежало к числу «конституирующих» инсигний. Оба историка царицы сообщают о вручении ей меча. Басили Эзосмодзвари восклицает: «Весь народ при дружных возгласах предложил Тамар меч родительский вместе с тронном, который был ей дарован отцом» (Картлис Цховреба 2008: 303).

Семантика меча сложна и многогранна. Издавна меч символизировал военную власть вождей. Именно такой смысл вкладывался в обряд наделения оружием у древних германцев. Меч является одной из важнейших смысловых линий и в исламской культуре. Он являлся маркером «благородного» происхождения его обладателя. Преподнесение меча монарху символизировало вручение ему власти над государством. Кроме того, меч всегда являлся символом правосудия и законности. В эпоху средневековья как в Европе, так и на Востоке меч был окружен ореолом сакральности. Служители культа пытались придать

символике меча дополнительные коннотации, установить идеологический и моральный контроль над светским атрибутом власти. Меч трактуется не только как регалия воинской мощи правителя, но и ревнителя устоев веры. Введя в церемонию коронации обряд благословения меча монарха, христианское духовенство репрезентировало носителя верховной власти как верного сына церкви. Ему доверялась миссия защиты христианского мира от внешних и внутренних врагов. Отметим, что формула титулования монархов из династии Абхазских Багратидов включала именование «Меч мессии» (ср. с самой высшей наградой за храбрость у мусульман было звание «Саиф Алла» – «Меч Аллаха»). Вместе с тем, изначальная светская составляющая семантики меча не была утрачена, хотя бы уже потому, что обряд опоясывания мечом осуществлялся представителями высшей знати, а не духовными лицами.

В церкви Спаса в селе Мацхвариси (Сванетия) сохранилось фресковое изображение, входящей в чин венчания на царство церемонии опоясывания мечом, «на что указывает ... фрагментированная надпись, помещенная в левой части композиции: «Эристава опоясывают Дмитрия (Дмитрия IV – Авт.) мечом Давида Строителя» (Вирсаладзе 2007: 176). Фигура царя находится в центре композиции и значительно превосходит по размерам остальных участников обряда, двух представителей знати, располагающихся по обе стороны от монарха. Росписи, судя по одной из фресковых надписей, были осуществлены «в 15 год царствования Дмитрия рукой Микаела Маглакели» (Вирсаладзе 2007: 174), что соответствует 1140 г.

Право опоясывать монарха мечом, безусловно, являлось прерогативой представителей высшей знати. Как правило, оно становилось наследственной привилегией избранных аристократических родов. В этой связи, особую ценность приобретает свидетельство анонимного автора «Истории и восхваления венценосцев» о лицах, принимавших участие в церемонии опоясывания мечом Тамар: «Именитые чины – Варданисдзе, Сагириддзе и Аманелисдзе...» (Картлис Цховреба 2008: 255).

Представители рода Варданидзе в XII в. влиятельны и заметны при дворе Абхазских Багратидов. Занимавший должность мечурчлетухуцеса, Кахабер Варданидзе назван «мужем великим и родовитым», Барам Варданидзе при Тамаре был воеводой в Сванетии (Картлис Цховреба 2008: 257). Именно последний, надо полагать, принимал участие в церемонии опоясывания монарха мечом. Варданидзе являлись ветвью могущественного абхазского рода Марушидзе (Марушианов). О происхождении Варданидзе от Марушианов свидетельствует надпись на оборотной стороне образа из церкви Святой Богородицы в селе Лихаури (Гурия) «О, ты, всех существ Бога-царя, в трех лицах сияющего Солнца, возлюбленный братом нареченный, ... Яков, будь защитников-покровителем в тебе уповающем рабам Варданидзе Марушиану, дочери Хатть, украсившим сей образ твой» (Бакрадзе 1878: 109).

О роде Аманелидзе сведения крайне скудны. По мнению авторитетных авторов (В. Е. Кварчия, О. В. Маан) (Кварчия 2020: 420,484; Маан 2020: 59-60), Аманелидзе – грузинская форма абхазского фамильного имени Амаан (Маан). Представитель этого аристократического клана значится в списке залихских воевод, назначенных Тамарой. В сохранившихся рукописях «Истории и восхвалении венценосцев» текст указанного списка содержит лауну, что не дает возможности уяснить, воеводой какой области являлся Аманелидзе. Академик К. Кекелидзе предположил, что последний являлся главой Аргвети (История и восхваление 1941: 79). Эту точку зрения получила поддержку ряда исследователей, в том числе С. Каухчишвили, З. В. Анчабадзе и др (Анчабадзе 2010: С ;Картлис цховреба 1959: 34). Некоторыми специалистами конъектура К. С. Кекелидзе не была принята. Так, Г. Г. Цкитишвили обратил внимание на сообщение историка Давида Возобновителя о том, в 1103 г. царь упразднил Аргветское эриставство, пожертвовав его Гелатскому монастырю, и Аргвети на протяжении веков остается гелатской сеньорией (Цкитишвили 1966: 307). И. А. Антелава и К. Квашилава, ссылаясь на вариант списка эриставов Вахушти: «Дагато Шарвашидзе [эристав] абхазов; Аманелидзе [эристав] цхумский; Бедиели [эристав] одишский» (Вахушти 1973: 801), утверждают, что Аманелидзе был воеводой Цхума. К. Квашилава

предположил, что Вахушти, «был знаком с неискаженной переписчиками рукописью «Истории и восхвалении венценосцев», в которой, скорее всего, Аманелис-дзе был указан эриставом цхумским (Антелава 1988: 13-14; Квашилава 2013-2015: 134-135). О третьем участнике церемонии Сагиридзе нельзя сказать что-либо определенное.

Таким образом, в церемонии опоясывания монарха мечом ведущая роль принадлежала представителям абхазских аристократических кланов Марушианов-Варданисдзе (Амаршан Вардан-ипацва) и Аманелисдзе (Амаанов). Надо полагать, что указанный обычай сложился еще при Леонидах, когда вступающий на престол монарх с помощью «ритуализированных символических взаимодействий» устанавливал тесную связь с абхазским воинством. Только представители знатнейших семейств могли претендовать на особые роли в церемонии инаугурации монарха, почетные обязанности обычно передавались по наследству. Отметим, что активное участие в процедуре интронизации царя рассматривалась как возможность иерархической репрезентации собственных прерогатив. При организации церемонии коронации женщины-монарха пришлось адаптировать привычный набор образных средств к не вполне обычной ситуации. Вручение Тамар меча символически «маскулинизировало» вступающую на престол правительницу. Таким образом, инаугурация Тамар прошла с соблюдением всех традиций, по распорядку, предусмотренному для коронации монарха-мужчины.

Нелегким испытанием для молодой царицы стал мятеж Кутлу-Арслана. О самом выступлении и требованиях инсургентов известно немного. Единственным источником, сообщающем об этом событии является анонимная «История и восхваление венценосцев». Кутлу-Арслан, занимавший должность главного казначея (мечерчлетухуцес), и его сторонники добивались обустройства в Исани, рядом с царской резиденцией специального здания – «Карави» (палата), где должны были разбираться важнейшие вопросы, связанные, прежде всего, с осуществлением правосудия. Царица лишалась возможности присутствовать на заседаниях Карави, за ней оставалось лишь право «совершать», т. е. проводить в жизнь решения, принятые членами палаты. Первый историк Тамар так передает

суть требований мятежников: «Сидя в этой палатке, будем выслушивать, отвечать и ведать делами помилования и наказания; свои решения будем докладывать царице Тамар, которая будет приводить их в исполнение» (Картлис Цховреба 2008: 256). Амбициозный Кутлу-Арслан намеревался также занять должность амирспасалара и готов был «сесть в Сомхити, в Лори, на место армянского царя» (Картлис Цховреба 2008: 256). Личность главы восставших вызывала интерес исследователей. По мнению М. Джанашвили, Н. Бердзенишвили, П. Ингорква, Г. Соселиа, Кутлу-Арслан принадлежал к высшей знати и был выразителем ее интересов, с точки зрения (Бердзенишвили 1958: 95). И. Джавахишвили, С. Джанашиа, С. Какабадзе, Ш. Месхия и др. полагали, что глава инсургентов являлся представителем третьего сословия (Джавахишвили 1929: 55-186; Петрушеский И. 1948: 97; Месхия 1973: 100-109; Месхия 1959: 87; Киквидзе 1965:167; Макалатия 1942: 15-17; Абашмадзе 1968: 328-339). Вслед за И. А. Джавахишвили, большинство исследователей сравнивали программу Кутлу-Арслана с «Magna Carta» («Великой Хартией вольностей»), которая была составлена в 1215 г. на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и содержала ряд статей, ограничивавших власть монарха. Действительно, политическая программа Кутлу-Арслана и его сторонников предусматривала сужение полномочий короны в законодательной сфере. Тамар предлагалось делегировать часть своих прав новому учреждению Карави. Идея создания Палаты, по утверждению первого историка царицы, возникла под влиянием персидских традиций в области государственного управления (Картлис Цховреба 2008: 256). И. А. Джавахишвили специально исследовавший данный вопрос не выявил в средневековом Иране учреждений, которые мог ли бы послужить образцом для Карави (Джавахишвили 1929: 182). Не исключено, что, объявляя идею оппозиционеров во главе с Кутлу-Арсланом продиктованной или заимствованной извне, апологет Тамар пытался усилить негативную характеристику ее противников. Но может, связывая проект создания Карави с иностранным влиянием, автор «Истории и восхваления венценосцев» просто хотел подчеркнуть,

что создание механизма, ограничивавшего монархическую власть в царстве Абхазских Багратидов шло в разрез с существующими традициями.

Следует обратить внимание, что мятежники, пытаясь урезать права царицы в осуществлении законодательной и судебной властей, не покушались на ее прерогативы в сфере власти исполнительной. Между тем, судебная и законодательная функции признавались важнейшими опциями верховной власти в средневековом обществе. Согласно христианской концепции власти, идеальный правитель мыслился как мудрый законодатель, милосердный и справедливый судья. Монарх представлялся защитником общего блага, а главным инструментом этой защиты было именно правосудие, которое он вершил на земле по образу Бога. Представление о Создателе как о верховном судье переносилось на носителя верховной власти, делая очевидной еще одну ее ипостась – быть оплотом и источником социальной гармонии в обществе. Эта священная миссия правителя «обосновывалась сакральной концепцией правосудия и покоилась на следующих фундаментальных постулатах Священного Писания: Господь является верховным судьей и восседает на престоле суда («Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое» — Притч. 20: 8)» (Цатурова 2006: 79). И. М. Варьяш отмечает: «... Только государь благодаря своему божественному, сакральному естеству обладает правом вмешиваться в миропорядок, поддерживать его своими направленными усилиями, быть его гарантом. Средневековое сознание, не проводившее жесткой границы между поту- и посюсторонним, не могло бы этого сделать и по отношению к праву. Право, правопорядок, справедливость, правосудие, закон — все эти понятия и стоящие за ними явления существуют в нем одновременно, и в небесном измерении, и в земном. Вот почему, каким бы светским ни было средневековое королевское право, сколько бы оно ни впитывало римских традиций, как бы активно ни отделялось от области сакрального, жреческого, в общественных представлениях оно по-прежнему остается лишь продолжением божественного права и потому само сакрально и ничем не ограничено» (Варьяш 2006: 74).

Именно уподобление правителя Богу при осуществлении им законодательных и судебных функций служило важным препятствием для вступления на престол женщины. Кстати, именно необходимость осуществления правосудия монархом выступало неотразимым аргументом против передачи короны по женской линии в средневековой Франции. Легист Ж. Жувеналь отмечал: «Никто не потерпит, чтобы женщина стала бальи или прево, каковые должности суть судейские, и как же стерпеть, чтобы она имела службу (office), от коей все правосудие зависит» (Цатурова 2006: 81).

С учреждением специального ведомства – Карави – часть функций монарха отчуждались, оформлялся отдельный орган власти, издающий законы и выносящий судебные решения на основе коллегиальности. При этом Карави представлял собственно персону монарха и действовал как монарх в законодательной и судебной сферах. Единение венценосца и Палаты было невозможно. Исполняя свои обязанности, на основе делегированных монархом полномочий, члены Карави должны были претендовать и на равный царю статус в момент осуществления своих функций. Именно по этой причине Кутлу-Арслан настаивал на обустройстве отдельного помещения для Карави, а Тамар лишалась возможности принимать участия в заседаниях Палаты. Реализация замыслов мятежников превратила бы Карави в эманацию царской власти, тем самым произошло бы отделение функций монарха от его персоны. Инсургенты посягнули на фундаментальные сакральные и юридические концепты монархической власти. Первый историк царицы правильно оценил смысл требований Кутлу-Арслана: их осуществление «означало конец царствования Тамар» (Картлис Цховреба 2008: 256). Сама идея столь смелого политического проекта и надежда на его успешное осуществление могли возникнуть по причине совершенно особой ситуации – пребывания на престоле в царстве Абхазских Багратидов женщины. В случае нахождения у власти мужчины общество вряд ли готово было воспринять принцип делегированного правосудия и законотворчества. Если план создания Карави имел под собой объективные причины политического, экономического, социального свойства, то рано или поздно он был бы реализован. При наличии благоприятной почвы парламентаризм

непрерывно проложил бы себе дорогу. В государстве Абхазских Багратидов власть царя никогда сочеталась с сословно-представительскими институтами. Специального органа ограничивавшего права монарха никогда создано не было. Таким образом, программа Кутлу-Арслана возникла в уникальных политических условиях, когда впервые трон был занят женщиной-правительницей. Крайняя лапидарность источников не позволяет судить были ли среди инсургентов представители «нижних земель» и предполагалось ли распространение деятельности Карави на западные области царства. Вероятнее всего, Кутлу-Арслан и его сторонники ограничивались введением особого порядка управления восточными землями.

Посоветовавшись со своим окружением, Тамар приказала взять Кутлу-Арслана под стражу. Арест лидера мятежников вызвал негодование среди его сторонников, которые потребовали освобождения мечурчлетухуцеса. Царский двор вынужден был вступить в переговоры с приверженцами Кутлу-Арслана. Тамара принимает неординарное решение, отправив к восставшим двух знатных женщин: Хошак Цокали и Краваи Джакели. Как правило, средневековые письменные источники связывают положение женщины в общей иерархии, со статусом ее отца или мужа. В данном случае, летописец определяет Хошак Цокали и Краваи Джакели как матерей родовитых и влиятельных вельмож. Скорее всего, обе женщины уже достигли почтенного возраста. Они успешно справились с возложенной на них миссией. Противостоящие стороны пошли на уступки. Мятежники отказались от идеи создания Палаты и дали Тамар клятву верности, а она в свою очередь – обещание неприкосновенности, поддержавших Кутлу-Арслану представителям знати. Лидеру инсургентов также удалось избежать наказания. Вероятно, несколько были расширены права совещательного органа – Государственного совета (Дарбази), куда входили представители высшей светской аристократии и церковные иерархи.

После разрешения кризиса, вокруг Кутлу-Арслана и его сторонников, Тамар обратилась к делам церковным. Окружение царицы было недовольно усилением позиций картлийского католикоса Михаила Мирианисдзе, который, по словам

второго историка царицы, «сумел коварством получить ... власть архиепископа Чкондидского и архиепископа Ацкурского, также и мцигнобартухуцеса» (Картлис Цховреба 2008: 305). Находившийся на этом посту прежде, Антоний Глониставидзе был смещен и удалился в монастырь. Со времен Давида I Возобновителя, на должность главы царской канцелярии (мцигнобартухуцеси) назначался епископ, занимавший Чкондидскую кафедру. Первым, известным по источникам, архиереем, удостоившийся этой чести, был видный государственный деятель и воспитатель царя Давида I Георгий Чкондидский. Таким образом, сложилась традиция, согласно которой должность высшего сановника при дворе Абхазских Багратидов занимали представители черного духовенства. Поскольку представители аристократических семейств стремились передать свои придворные должности по наследству, монархи были заинтересованы в том, чтобы глава царской канцелярии был лишен подобных амбиций в силу своей принадлежности к монашеству. Нахождение должности высшего чиновника в государстве в руках одного из знатных родов вело к чрезмерному его возвышению и таило риски для царской власти.

Михаил Мириансидзе стал первым клириком картлийской церкви, занявшим пост главы монаршей канцелярии и кафедру, находившуюся в ведении абхазского католикоса. Данный факт не является свидетельством иерархического или канонического подчинения Абхазского католикосата Мцхете, а указывает на тесную связь чина мцигнобартухуцеси с Чкондидской кафедрой» (Виноградов, Гугушвили 2018: 305). А. Ю. Виноградов и Ш. Гугушвили приводят прецеденты «одновременного занятия одним и тем же лицом епископских кафедр по обе стороны Лихского хребта, ...они известны лишь после Руис-Урбнисского собора 1105 г. ... Во всех известных случаях (их в XII–XIII вв. всего пять: Симеон Чкондидел-Бедиел-Алавердели; католикос Картли Михаил IV Мириансидзе, занимавший также Самтависскую, Ацкурскую и Чкондидскую кафедры; Антоний Глониставидзе, занимавший Чкондидскую и Самтависскую кафедры; католикос Картли Арсений III, бывший также Чкондидели; Василий Чкондидел-Уджармели)» (Виноградов, Гугушвили 2018: 304). Все лица, одновременно занимавшие кафедры

в обоих католикосатах, были главными визирями – мцигнобартухуцеси. И. П. Антелава предположил, что своим возвышением Михаил Мирианисдзе был обязан царю Георгию V (Антелава 1980: 211-216). Скорее всего, он продемонстрировал безоговорочную поддержку действующему монарху в период восстания Демны. Неслучайно, в 1178 г., сразу после подавления мятежа, католикос Николай Гулаберисдзе оставляет свой престол и главой картлийской церкви становится Михаил. В качестве причины, побудившей Николая принять такое решение, Басили Эзосмодзгвари называет чрезвычайное религиозное смирение духовного лица, «по скромности своей, ... бежал от сана картлийского католикоса» (Картлис Цховреба 2008: 304). Однако вполне вероятно, что он не согласился с действиями царя Георгия V по отношению к царевичу Демне. Николай Гулаберисдзе отправляется на Святую Гору Афон, а затем в Иерусалим. С восшествием на престол Тamar, картлийский католикос стал неудобен царице, а скорее всего, влиятельным вельможам из ее окружения. Оба историка Тamar изображают католикоса Михаила в неприглядном свете. Нельзя исключать, что Михаил Мирианисдзе, сосредоточив в своих руках значительные полномочия в области государственного управления и церкви, обнаружил властные амбиции. В «Распорядке царского двора» мцигнобартухуцес-чкондидел именуется «духовным отцом» царя (Распорядок 1993: 48). Этот особый статус безусловно, открывал перед его обладателем широкие возможности. Михаил Мирианисдзе мог надеяться, что нахождение на троне женщины создает условия для превращения его (канцлера) в фактического правителя государства. Рост влияния главы канцелярии нес угрозу власти молодой царицы. Тamar предпочла действовать при помощи духовных лиц. Было решено, изначально лишить Михаила Мирианисдзе сана. Из Иерусалима был призван Николай Гулаберисдзе, ранее оставивший кафедру картлийского католикоса. Но главным союзником царицы должен был стать клир Абхазского католикосата. Занятие главой картлийской церкви, имевшей важное значение Чкондидской кафедры, не отвечало интересам абхазского духовенства. Как представители церкви, так и светская элита «нижних земель» были заинтересованы в том, чтобы обладатель должности главного сановника государства – епископ Чкондидский

являлся клириком абхазской церкви. В организованном по приказу Тамар, церковном собрании приняло участие духовенство как Абхазского, так и Мцхетского католикосатов. «Так собрались епископы обоих царств, во главе которых стояли вышеупомянутый Николай, (Гулаберисдзе – Авт.) подобный своему тезке, и Антоний, архиепископ Кутаисский, Сагирис-дзе, широко прославленный благодаря своим добродетелям и могущественный в деле и в слове» (Картлис Цховреба 2008: 304). Царица присутствовала на открытии церковного собора и, получив благословение духовенства, удалилась. «А руководители собрания, Николай и Антоний, которые наподобие утренней зари опережали остальных и блистали как звездный сонм на небосводе, не пожелали, чтобы в их среде пребывал тогдашний Картлийский католикос, потому что стал он допускать вещи, совсем искажавшие церковные правила ...» (Картлис Цховреба 2008: 304). Собор проходил в отсутствие абхазского и картлийского католикосов. Учитывая тот факт, что глава абхазской церкви не принимал участие и в церемонии коронации царицы, можно предположить, что престол святого Андрея вдовствовал, либо его предстоятель был немощен. Отстранение от участия в соборе действовавшего картлийского католикоса, к тому же главы царской канцелярии, недвусмысленно свидетельствует о намерении его участников. Второй историк царицы открыто говорит: «не смогли отлучить, хотя и много потрудились» (Картлис Цховреба 2008: 304). По результатам собора, некоторые епископы, вероятно, сторонники католикоса, были смещены, а «вместо них посадили божьих людей, кроме того, исправили и некоторые церковные правила, которые были искажены людьми, пренебрегавшими порядком» (Картлис Цховреба 2008: 304). Главной своей цели организаторы церковного собрания не достигли, за Михаилом Мирианисдзе остался сан католикоса. Исходя из этого, можно сделать вывод, что последний располагал поддержкой части властной элиты, в том числе и князей церкви, поскольку смог сохранить за собой звание католикоса, а также и Чкондидскую кафедру. Об истории взаимоотношений между главой картлийской церкви и царской властью после церковного собора источники не сообщают. В 1187 г. Михаил Мирианисдзе скончался. Васили Эзосмодзгвари сообщает: «Умер

католикос Картлийский, чкондидел-мцигнобартухуцес, сын Мириана, Микаэл, который имел и Самтависи, и никто из-за него не предавался горю, ни великий, ни малый, потому что все презирали его» (Картлис Цховреба 2008: 306). В 1190 г. на пост главы царской канцелярии был возвращен Антоний Глонистависдзе: «С согласия и одобрения [дидебулов семи царств] приказала (царица Тамар – Авт.) утвердить в должности Чкондидели мцигнобартухуцеса и визиря визирей Антония, воспитанного ее отцом, мудрого и разумного, верного своим патронам и испытанного в делах управления» (Картлис Цховреба 2008: 257). Картлийским католикосом был избран Феодор II. Оба названные церковные деятели были верными сторонниками царицы. «Когда собор подходил к концу, вошли вместе спасалары и эриставы царства и доложили отцам о необходимости общими усилиями добиться введения в царский дом жениха для Тамар, что и было сделано» (Картлис Цховреба 2008: 305).

Таким образом, вопрос о замужестве Тамар актуализировался после ее воцарения, однако, трудно предположить, что он не обсуждался еще при жизни ее отца. В средневековье брачный возраст для девушек начинался в 12-14 лет. Тот факт, что за время шестилетнего, совместного с дочерью, правления Георгий V не озаботился устройством судьбы наследницы, по мнению С. Николаишвили, свидетельствует о том, «что отец видел будущее дочери как единоличной правительницы» (Nikolaishvili 2019: 177). Монарх опасался, что замужество ослабит позиции Тамар и она окажется в тени супруга. Пребывание на престоле царицы-девственницы послужило бы весомым аргументом в пользу легитимации женского правления. «Идея предпочтительности безбрачия получила ... распространение в христианстве, имея в основе несколько цитат из письма апостола Павла церкви в городе Коринфе: «Есть разность между замужней и девицей: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу» (ст. 32—34) и «выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше» (Павлов). Сходные мысли выражает и Иоанн Златоуст: «Девство – добро: утверждаю это и я; оно лучше брака» (Павлов). Средневековое общество

рассматривало, отказ от земного женского предназначения как путь к святости, живой и притягательный морально-этический пример для подражания. Девство, соединяясь с мифологическими представлениями о гендере, идеей святости наполняла традиционные женские роли сакральным смыслом давала возможность превосходить установленный традицией порядок, легитимировало новые непривычные для женщин модели поведения. Сохранение девства поддерживалось божественными силами. «Поскольку эти женщины, как святые, действовали не по своей воле, но по воле Бога, являясь ее посредницами и проводницами, они практически не встречали препятствий в своей деятельности» (Калмыкова 2007: 279). Партения позволяла снять многие ограничения, обусловленные гендером, предоставляла женщинам более широкие социальные возможности. В средние века активная общественная деятельность и открытое влияние в традиционно считавшихся мужскими сферах политики, церкви и государства были доступны только высокородным женщинам. Принятие же обета девственности представительницей правящей династии, служившее, без сомнения, убедительным доказательством ее святости, превосхождению границ своей природы, возносило ее на немислимую высоту, размыкая пределы социально допустимого. Первый историк царицы неоднократно вкладывает в уста Тамар слова о том, что она не хотела связывать себя узами брака и делает это неохотно, только в силу сложившихся обстоятельств, в силу государственной необходимости, для судеб династии и стабильности в стране. Историки Тамар отмечают, что к вступлению в брак царицу подвигли нужда войска в полководце, а государства Абхазских Багратидов – в наследнике. Официальная пропаганда Абхазских Багратидов приложила не мало усилий к поддержанию образа благочестивой правительницы. Интересно, что «... народная молва приписала ей (Тамар – Авт.) вечную девственность и сверхъестественное рождение наследника» (Сихарулидзе 1943: 24, 28).

Выбор супруга для царицы был делом государственной важности. Согласно сообщениям историков Тамар, устройством ее брака занимались представители высшей знати и ее тетка Русудан. Уникальная ситуация – нахождение во главе

панкавказской державы молодой женщины, к тому же, не связанной узами брака привело к активизации сопредельных государств в сфере брачной дипломатии. Женитьба на царице виделась весьма привлекательной перспективой для младших сыновей монархов соседних государств, представителей знатных аристократических родов. Ко двору Тамар поступали брачные предложения, пребывали претенденты на руку царицы. Для достижения своих целей, кандидаты или их представители, наверняка, пытались заручиться поддержкой влиятельных лиц в окружении правительницы. Рекомендую Тамар того или иного знатного жениха, различные группировки знати, приближенные к царице лица надеялись усилить свои позиции при дворе. Обсуждение кандидатур проходило на совете, перед царицей Русудан, чье мнение, надо думать, имело важное значение. При этом смотрины женихов были обставлены с максимальной деликатностью, дабы не уязвить самолюбие высокородных лиц в случае отрицательного ответа. Скорее всего, для их прибытия ко двору находился благовидный предлог. Известно, что к Тамар сватались «осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Они просили и молили бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить на себя внимание царицы и добиться высочайшего счастья. Так как намерение их осталось тщетным, они отправились в свое отечество...» (Картлис Цховреба 2008: 259), один из них по дороге домой скончался. Согласно свидетельству первого историка Тамар, еще одним кандидатом в супруги царице являлся отпрыск знатного императорского рода Комнинов: «В то время там находился Алексей, который был по отцу племянник греческого царя, близкий ее родственник» (Картлис Цховреба 2008: 259). Судя по всему, у него было немало сторонников: «Некоторые, правда, с горечью в душе, предлагали выдать Тамару за него» (Картлис Цховреба 2008: 269). Р. Метревели представляет иной перевод данного отрывка летописи, считая правомерным трактовать словосочетание «с горечью в душе» как «разумно», «рассудительно». В этом случае получается, что «некоторые усиленно (настоятельно) призывали Тамар взять в мужа Алексея» (Метревели 1996: 59). Таким образом, часть властной элиты настаивала на заключении брака с Комнином. Что касается личности упомянутого претендента

на руку царицы Тамар, то, с точки зрения Р. Метревели, он был (внебрачным – Авт.) сыном Андроника I Комнина, а по мнению А. В. Гадло – внуком последнего (Гадло 2004). В 1184-1185 гг. внук императора был малолетним и не мог рассматриваться в качестве кандидата в супруги царице. Побочный сын Андроника, Алексей приходился троюродным братом Тамар. Разрешение на брак лицам, состоящим в столь близкой степени родства, выглядело весьма проблематичным. Хотя известны прецеденты, когда политические амбиции брали верх над церковными правилами (установлениями) и для высокородных особ делались исключения. Отмечена активная деятельность Андроника по части устроения брачных союзов между представителями правящих домов разных государств. Идея связать семейными узами своего побочного сына с правительницей соседнего государства кажется вполне резонной. Алексей действительно мог быть претендентом на руку Тамар. Провал брачного проекта, связанного с отпрыском, пусть и внебрачным, действующего византийского императора выглядит весьма странным. Ведь поездка Алексея ко двору могла состояться, пусть и по приглашению группы знатных лиц из царства Абхазских Багратидов, но при согласии и одобрении василевса. Неудачное сватовство можно было связать, единственно, со сменой правящей династии в Константинополе и трагической гибелью Андроника в сентябре 1185 г. Однако, согласно общепринятой дате, свадьба Тамар и русского князя Юрия состоялась весной того же года, то есть до свержения Комнинов. Отказать отпрыску знатного рода Комнинов, сыну Андроника, означало отклонить предложение о союзе с Византией, исходившее от императора.

Следует обратить внимание на то, что источник называет соискателя руки царицы Алексея не сыном, а племянником императора (в означенный период на престоле в Константинополе находился Андроник). Вряд ли аноним спутал бы сына и племянника хорошо известного при дворе Абхазских Багратидов Андроника Комнина. Последний даже принимал участие в военно-политических мероприятиях, проводимых царем Георгием V.

Примечательно также, что в повествовании о событиях, предшествовавших повторному замужеству Тамар, вновь возникает фигура племянника Андроника,

борющегося за благосклонность царицы: «Старший сын греческого царя Мануила, витязь Поликарп, одержимый любовью к ней, с ума сходил из-за нее, но Андроник, царствовавший в то время и истреблявший греков, схватил его и наказал» (Картлис Цховреба 2008: 261). Но на момент развода Тамар с первым супругом и повторного «конкурса женихов» ни Андроника, ни его племянника, Алексея II уже не было в живых. Информация, содержащаяся в данном отрывке, не может быть отнесена к 1187-1188 гг. Законный сын и наследник Мануила I вступил на престол в 1180 г. В 1182 г. регентом при малолетнем Алексее II становится двоюродный брат его отца Андроник. В осенью 1183 г. последний был объявлен соправителем племянника. Всего через месяц, по приказу Андроника, четырнадцатилетний император был задушен. Алексей II с 1180 г. состоял в браке с французской принцессой Агнес (Анной). После гибели супруга, юная вдова вынуждена была стать женой узурпатора. Будучи единственным законным сыном Мануила I и наследником престола, Алексей, не мог быть претендентом на руку Тамар. Однако, у императора Мануила был старший сын, рожденный вне брака, тоже именем Алексей. Последний, будучи признан отцом, носил титул севастократора. В 1183-1184 гг. Алексей женился на побочной дочери императора Андроника, Ирине. Причем брак был заключен по настоянию императора. Никита Хониат сообщает: «Вознамерившись выдать замуж дочь свою Ирину, прижитую им от двоюродной племянницы своей, Феодоры, за Алексея, сына царя Мануила от Феодоры Комниной, он составил лаконическую записку к священному собору и, чернилами подписав внизу свое имя, предложил ее для прочтения и обсуждения в общем собрании. Сущность написанного состояла в том, можно ли допустить брачный союз, в котором представляется немного или даже не представляется ничего непристойного, но который между тем может повести за собой соглашение Востока с Западом и освобождение пленных и доставит множество других выгод государству». Союз оказался недолгим. Вскоре тесть приказал схватить и заключить Алексея в темницу. Император подозревал зятя в подготовке заговора с целью захвата власти в Константинополе. «Потом он (Андроник – Авт.) ослепил его и отправил на заточение в Хилу, небольшой приморский город, лежащий

неподалеку от устьев Понта, где и посадил в нарочно для того построенную башню. В то же время он возненавидел и удалил от себя и дочь свою Ирину, потому что он приказал ей не скорбеть и отнюдь не сокрушаться о своем муже, ..., а она не переставала, как и естественно, любить своего супруга, плакала о нем и, постригшись в монахини, надела темное платье» (Никита Хониат 1860-1862: 392). Пассаж первого историка Тамар, о наказании Андроником своего племянника, старшего сына Мануила, следует связать с описанными Никитой Хониатом событиями. Возможно, у анонимного автора были основания соединить имена Алексея Комнина и Тамар. Объявить отпрыска императора Мануила воздыхателем царицы, объяснить жестокую экзекуцию, которой он подвергся, любовью к Тамар, ее апологет мог в том случае, если ранее Алексей рассматривался в качестве возможного кандидата в супруги дочери Георгия V. Внебрачный отпрыск византийского императора, который не мог наследовать отцу, при наличии законного сына, но являлся носителем благородной крови стал бы желанной партией для объявленной соправительницей дочери Георгия V. Тем более, что представители этого влиятельного аристократического семейства неоднократно связывали себя брачными узами с высокородными женщинами из Абхазии. Сообщение анонима, скорее всего, отголосок событий, связанных с нереализованным брачным проектом. Причиной его срыва могло явиться вмешательство Андроника, который, став в 1183 г. соимператором, поспешил выдать за Алексея Комнина свою дочь. Поэтому, кандидатура, указанного представителя аристократического семейства Комнинов уже не могла быть предметом обсуждения накануне первого замужества царицы. Сватовство некоего Комнина к Тамар, на наш взгляд, следует отнести, к 1184-1185 гг. Отклонение кандидатуры представителя знатной фамилии в пользу русского князя-изгоя имело веские основания. Кандидат на руку царицы мог быть одним из тех, кто бежал или был выслан из Константинополя, подобно внучатому племяннику императора Алексею Комнину.

Всем претендентам на руку Тамар предпочли русского князя Юрия. Его кандидатура была предложена эмиром Картли и Тбилиси Абуласаном. На

заседании совета нобилей он заявил: «Я знаю ... сына великого князя русского Андрея, он остался малолетним после отца и, преследуемый дядею своим Савалатом (Всеволодом – Авт.), удалился в чужую страну, теперь находится в городе Кипчакского царя Севенджа» (Картлис Цховреба 2008: 259).

Юрий (Георгий) был отпрыском Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского. В.А. Кучкин и Т.А. Сумникова, исходя из датировки создания «Сказания о чудесах Владимировской иконы Богородицы» определили дату рождения княжича периодом между 1160 г. и 1164 г. (Кучкин, Сумникова 1996: 485, 487). В 1172 г. еще будучи малолетним он был посажен на княжение в Новгороде. В 1175 г. после гибели Андрея Боголюбского новгородцы отказались от Юрия. В 1176-1177 г. младший брат Андрея Боголюбского Всеволод, сменивший на княжеском столе Михалка предпочел выслать из Суздаля всех своих соперников, в том числе и Юрия. О недоброжелательном отношении дяди к племяннику сообщает и анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев». Дальнейшая судьба Юрия не нашла отражения в русских источниках. Оставив Русь, князь-изгой отправляется в Половецкую степь, к родственникам по отцу – Андрей Боголюбский был сыном дочери хана Аепы Осеневича.

Юрию оказывает покровительство глава, одной из кочевавших в Предкавказье половецких орд, Севендж. Местом пребывания русского княжича стал некий город, находившийся во владениях «кыпчакского царя. Установление связей между русским князем и группой царедворцев, во главе с Аболасаном, обычно, приписывают «великому купцу» Зонкану Зоробабелу. Действительно, в средневековье негоцианты нередко успешно совмещали дела торговые с исполнением дипломатических поручений. Глава купеческой корпорации, торговавшей с Кипчакией мог быть задействован в осуществлении брачного проекта (стать доверенным лицом). Особенно, если в устройении брака Тамар с русским князем был заинтересован не только сам претендент, но и покровительствующая ему половецкая (кипчакская) знать. Сторонники русского княжича проявили недюжую расторопность, срочно отправив Зонкана Зоробабела за Юрием Андреевичем. «Меня в пути лошадей, он не замедлил явиться туда,

забрал с собою (Юрия Андреевича – Авт.) и доставил раньше условленного времени...» (Картлис Цховреба 2008: 259). Русский князь произвел благоприятное впечатление. Историки Тамар, даже зная о несчастливом исходе этого брака, отмечают исключительные внешние данные Юрия Андреевича. Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» характеризует его как «юношу доблестного, совершенного по телосложению и приятного для созерцания» (Картлис Цховреба 2008: 259). Басили Эзосмодзгвари называет русского князя родовитым и «лицом не неподходящим», «Когда его увидели, всем он понравился...», констатирует он (Картлис Цховреба 2008: 305). Немаловажное значение имел тот факт, что Юрий Андреевич был христианином и принадлежал православной церкви. Однако сама царица, по словам ее панегириста не хотела давать согласие: «Она же, твердая в вере истинной, упорно отказывалась от брака и просила освободить ее вообще от необходимости выйти замуж» (Картлис Цховреба 2008: 259). Трудно сказать насколько данное утверждение автора соответствует действительности, возможно перед нами образчик литературного приема призванного продемонстрировать «высокую степень христианского смирения» царицы. Царедворцы резонно возражали, напоминая Тамар «о бездетности, сокрушались по поводу бесплодия ее дома, требовали себе предводителя войск и всячески стесняли ей душу» (Картлис Цховреба 2008: 305). «...Царица Русудан и военные настояли на своем, выудили у нее согласие и устроили свадьбу» (Картлис Цховреба 2008: 259).

Бракосочетание состоялось весной 1185 г. Первая же военная акция, предпринятая под руководством супруга царицы, оказалось успешной. «Подняли счастливое походное знамя и, в преднесении животворящего креста, защитника и хранителя царского скипетра, прежде всего, направились в страну Кари и Карнифори, которую разорили до самого Басиани. Оттуда они вернулись победоносно, обремененные [добычей], и, исполненные радости и любви, явились пред богопросвещенной патронессой». (Картлис Цховреба 2008: 259). Спустя некоторое время Юрий (Георгий) возглавил поход на Двин. Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» сообщает: «...опустошил страну парфян. Овладев городом этой страны и захватив с собою сокровища и пленных, он

вернулся назад к совершеннейшей и блистательной Тамар...» (Картлис Цховреба 2008: 260). Армянский историк Степанос Орбелиани также свидетельствует о захвате Двина войсками Георгия. В перерывах между военными кампаниями венценосные супруги «направлялись, по принятому обычаю, в Имерские страны; иногда же доходили до границ Шарвани, причем шарванша являлся к ним с богатыми дарами. После совместной охоты, радостные, расставались с ним и, одарив его всякого рода подарками, по-братски отправляли его [домой]» (Картлис Цховреба 2008: 260). Успешные военные акции были предприняты в отношении Гслакуни и областей «ниже Ганджи до Белакопи, а потом выше Аракса до Масиса» (Картлис Цховреба 2008: 260). Блестящие победы, одержанные Юрием, без сомнения, должны были способствовать укреплению его авторитета и уверенности правящих кругов царства в правильности выбора. Однако после двух лет брака и продемонстрированного Юрием таланта полководца, Тамар настояла на разводе. Историки царицы объясняют данное решение невозможностью терпеть «скифские нравы» супруга. Так как для расторжения брака, требовались веские основания, нельзя исключать, что историки царицы несколько сгущают краски сообщая о порочных наклонностях Юрия. «Обвинения, выдвинутые этими хронистами, весьма серьезны, но было бы наивным считать, что раскол между Тамар и Георгием и изгнание его произошли лишь по этим причинам. Последующие события показали, что между супругами имели место не только семейные неполадки, но и крупные политические разногласия, что за ними стояли определенные группировки, которые, борясь между собой, стремились замять первенствующее положение в государстве» (Папаскири 1982: 132). С. Николаишвили считает, что в основе конфликта между супругами лежала борьба за власть. Он пишет: «Юрий, возможно, пытался маргинализировать Тамар и отстранить ее от управления государством» (Nikolaishvili 2019: 176). Русский князь и его сторонники рассчитывали, что брак с царицей сообщит ему достаточную степень легитимности для осуществления властных полномочий в полном объеме.

Развод состоялся в 1188 г. Отправляя Юрия в изгнание, Тамар «...снабдила его несметным богатством и драгоценностями. Посаженный на корабль, он прибыл

в Константинополь и жил там некоторое время» (Картлис Цховреба 2008: 261). Интересно, что Юрий не стал возвращаться к кипчакам (половцам). Щедрые дары бывшей супруги, более походившие на отступное, надо полагать, обеспечивали достойное существование в столице империи.

После развода, возобновились поиски достойной партии для царицы. Летописец называет имена нескольких претендентов на руку Тамар. Среди них внук эмира Карина (Эрзерума) Салдуха, Мозаффар эд-Дин, явившийся «из своего отечества пред высочайшей из царей, самодержавной Тамар с большим войском, многочисленными князьями, евнухами, телохранителями, рабами и рабынями. Он привез с собою много богатых царственных подарков, драгоценных камней, жемчугов, охотничьей своры и коней» (Картлис Цховреба 2008: 261). Салтукид был отвергнут Тамар. Расстроенные царедворцы, «не желая свести ни к чему приезд гостя», выдали за него дочь покойного царя Георгия V, рожденную от наложницы. Попытал счастья и ширваншах Ахситан, который готов был ради брака отказаться от своей веры. По словам первого историка царицы, он «умолял всех имущих власть [помочь ему, чтобы Тамар вышла замуж за него], причем предлагал громадные взятки, даже духовнику ее и католикосу» (Картлис Цховреба 2008: 262). Однако все усилия ширваншаха оказались тщетны. Помимо прибывших ко двору претендентов, породниться с Абхазскими Багратидами якобы изъявляли желание один сыновей правителя государства Ильдегезидов и отпрыск некоего Ассирийского, Месопотамского и Антиохийского царя, возможно, речь идет об одном из сыновей князя Антиохии Боэмунда III.

Показательно, что среди кандидатов в супруги царице не оказалось ни одного представителя византийских аристократических семейств, в частности, недавно воцарившейся династии Ангелов. Вероятно, после свержения Андроника Комнина отношения с Константинополем оставляли желать лучшего. Достаточно отметить, что у Тамар нашли приют внуки поверженного императора Андроника.

В 1189 г. Тамар вышла замуж за высокородного осетина Давида Сослана. Источники не содержат сообщений, о том, что кандидатура супруга царицы вызывала споры и разногласия. Напротив, бракосочетание совершилось с согласия

«вельмож имерских и амерских» и сопровождалось многодневными, красочными торжествами. Но, по прошествии всего двух лет, случился мятеж, создавший серьезную опасность царствованию Тamar. В центре событий оказался бывший супруг царицы. Согласно сообщению автора «Истории и восхваления венценосцев», в 1191 г. русский князь прибыл из Константинополя «в страну Эзинкан, в город Карин (Эрзерум – Авт.)» (Картлис Цховреба 2008: 264). Здесь произошла его встреча с заместителем («нацвали») «мечурчлетухуцеса» (управляющий ведомства финансов), действовавшего от лица оппозиционно настроенной знати царства Абхазских Багратидов. По результатам состоявшихся переговоров, «желавшие возвращения русского князя в царский дворец» (Картлис Цховреба 2008: 264) перешли к активным действиям. «Первым пристал к русскому князю Гузан, владетель Кдарджети и Шавшети, которого патрон некогда назначил на место древних царей Тао. С этой стороны присоединился к нему Боцо, сверх меры пожалованный спасалар самцхийский, ...» (Картлис Цховреба 2008: 264). Одной из наиболее влиятельных фигур среди инсургентов был Вардан Дадияни, которому принадлежали по сию сторону Лихских гор Орбети и Каэни, по ту же сторону – земли до самой Никопсии, пребывавший в сильной и недоступной для врагов крепости Квеша» (Картлис Цховреба 2008: 264). Он занимал также высокую придворную должность мсахуртухуцеса (министра двора). По свидетельству первого историка Тamar, Вардан Дадияни, «по какому-то незначительному делу, как будто с согласия царицы, отправился в Гегути. Он собрал всю Сванети, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети и, присоединив санигов и кашагов заставил дидебулов и военных этих земель присягнуть русскому князю в старании возвести его на трон. Вардан направил войска из этих стран к Гузану. Русский князь отправился вместе со своими сторонниками в Самцхе; их встретили Боцо и его единомышленники. Перевалив через горы, они спустились в Гегути...» (Картлис Цховреба 2008: 264). Басили Эзосмодзгвари сообщает: «В это время небольшое восстание устроили имеретины и сваны по привычному им беззаконию. И привезли с собой русского, дабы снова воцарить его. Месхов тоже побуждали присоединиться к ним...» (Картлис Цховреба 2008: 306).

Восставшие действовали быстро и решительно. Тамар, по обыкновению, попыталась урегулировать конфликт мирными средствами. Она прибегла к посредничеству церкви. На переговоры с восставшими были отправлены картлийский католикос Феодор и архиепископ Кутаисский Антоний, «который, не без пролития своей крови, сумел остаться верным ей по ту сторону Лихских гор» (Картлис Цховреба 2008: 264), с ними несколько духовных лиц и придворный эджиб. Однако их миссия окончилась неудачей. Но Тамар сумела выиграть время, необходимое для мобилизации своих сторонников. По ее зову прибыли военные контингенты из Эрети, Кахети, Картли, Сомхити и Самцхе. Верность царице подтвердили представители знати «верхних земель». Войска мятежников разделились; одна часть во главе с Юрием «перешла через Лихские горы и, опустошая и разоряя Картли, дошла до Гори и Начармагеви» (Картлис Цховреба 2008: 264-265), другая — руководимая Варданом Дадияни перешла через «Железный крест» и, спустившись в Цихис-Джвари, сожгла город Одзрхе. К восставшим присоединились месхи, сын Вардана Дадияни, Иван, владелец Гаги и Мака владелец Каэцони. За рекой Курд-Вачари против царицы восстал весь юг. Инсургенты планировали захватить Джавахети, Тмогви, Ахалкалаки, перейти через горы Триалети. Конечной целью был город, за стенами которого скрылась царица. В источнике он не назван, но скорее всего речь идет о Тбилиси. Верные Тамар войска и мятежники расположились на противоположных берегах Куры. На мосту через реку произошел бой, не принесший победы ни одной из сторон. На следующий день сражение возобновилось в Ниальской долине между Тмогви и Ерушети. Отряды мятежников были разбиты. Противник отказался от их преследования. Часть войск восставших находилась близ Гори. Против них выступил супруг царицы Давид Сослан, при нем находился мандатуртухуцес Чиабери и кипчаки. И на сей раз военной счастье оказалось на стороне Тамар. Инсургенты понесли поражение и были вынуждены сложить оружие. Для начала диалога с Тамар они прибегли к посредничеству царицы Русудан, католикоса и прочих высокопоставленных лиц. Впрочем, никто из активных участников мятежа не понес серьезного наказания, за исключением Гузана и Вардана Дадияни,

лишившегося высокой должности министра двора. На глаза царицы явился и ее бывший супруг, который был отпущен без вреда. «Русский князь в сопровождении Ивана [Вардановича], которому он доверял», вновь отправился в изгнание (Картлис Цховреба 2008: 266).

О причинах, приведших к выступлению знати, в научной литературе высказаны различные мнения. Интересна точка зрения Д. Степнадзе, согласно которой, в означенный период произошло смещение внутривосточных акцентов, были проведены некие мероприятия, скорее всего, в пользу элиты «верхних земель» (Степнадзе 1971: 37). Новый курс совпал по времени с вступлением царицы в супружеские отношения с Давидом Сосланом. Знать западных и южных областей царства Абхазских Багратидов недовольная ходом событий обратилась к князю Юрию. Действительно, удаление первого супруга царицы и его отъезд в Константинополь прошли относительно спокойно и не вызвали недовольства среди правящей элиты, по крайней мере, открытого. Развод Юрия с Тамар стоит рассматривать как поражение партии его сторонников, тех кто способствовал устройению его брака с царицей. Жестокость Юрия в отношении ряда высокопоставленных лиц, о которых говорит источник, касалась представителей восточной части царства. Эти репрессии, в том числе, и способствовали расторжению брака Тамар с русским князем. Выбор царицей в мужья Давида Сослана, привел к усилению группировки знати «верхних земель». Уловив эту политическую тенденцию, знать западной части государства, приступила к решительным действиям. Нельзя не согласиться с Н. Бердзенишвили в том, что именно угроза утраты особого привилегированного статуса побудила элиту «нижних земель» к мятежу (Бердзенишвили 1974: 167-168). Обращение знатных царедворцев к бывшему супругу царицы, через несколько лет после его отбытия в Византию, спровоцировали политические решения, принятые в период, непосредственно предшествовавший мятежу, т. е. после повторного замужества Тамар.

Всего несколько лет назад, представители знати «нижних земель» принимали участие в церемонии коронации первой женщины-правительницы, были активно

задействованы в военных кампаниях, проводимых по приказу царицы. Теперь же, они выступили против Тamar, а прибывавший в изгнании русский князь виделся им вполне приемлемой кандидатурой на трон. Законность его притязаний на власть, связь с династией Абхазских Багратидов могли быть объяснены только брачными узами с Тamar. Следовательно мятежники отказались признавать развод царицы, законность ее повторного брака с Давидом Сосланом и их возможного потомства. Самым главным действием инсургентов стало провозглашение Юрия «царем абхазов и русов». В этом деле важную роль сыграл Вардан Дадияни. Показательно, что вся знать «нижних земель» беспрекословно поддержала и присягнула новому правителю. Отказался это сделать лишь архиепископ Кутаисский, Антоний. Надо полагать, что он воспротивился участию в церемонии коронации нового монарха. Неслучайно, 1191 г. – год рождения Георгия Лаши совпадает с датой организации мятежа. Восставшим было известно о том, что царица готовится стать матерью. Поспешность, с которой действовали инсургенты, в частности, организовав коронацию Юрия в Гегути, наводит на мысль, что (принципиально важно) они хотели возвести Юрия на трон до рождения наследника или наследницы (унаследовать корону Абхазских Багратидов мог не только сын царицы, но и дочь, соответствующий прецедент делал ее шансы вполне реальными). С появлением на свет ребенка изменился бы и статус его отца – Давида Сослана. На наш взгляд, вступление в брак с царицей поначалу обеспечило осетинскому аристократу положение сравнимое с положением «принца-консорт», официально титул «царь» по отношению к нему не использовался. Обратим внимание на грамоту, дарованную Тamar Гелатскому монастырю, в которой она именуется «/в/олею бога апхазов, грузин, ранов, кахов и армян царь и царица, шарваяша и шаханша, и всего Востока и Запада самодержицей» (Грузинские документы 1982: 56). В конце документа приписка, сделанная рукой ее супруга: «Сие повеление Тamar я, волею божией эристав Давит, свидетельствую и утверждаю» (Грузинские документы 1982: 58). Дата составления грамоты является предметом дискуссий. Однако ее публикатор Ф. Д. Жордания и первые комментаторы твердо относили создание документа к 1188-1190 гг. Поскольку

после имени «Давит» в тексте следовала лакуна, С. Н. Какабадзе попытался внести конъектуру и предложил чтение отрывка как «эристав Давит, царь». Однако, по справедливому замечанию С. С. Какабадзе «соединение титулов эристава (правителя области) и царя, если бы даже второй применялся в смысле «супруг» (а не правящий) «царь», все-таки представляется, при отсутствии других материалов, непонятным» («Известия КИАИ», Ш, с .114). По этой причине И. С. Долидзе это сомнительное (по смыслу) восстановление не внес в текст грамоты» (Грузинские документы 1982: 61). Скорее всего, перед нами уникальный документ свидетельствующий о статусе супруга царицы, которым он обладал до рождения Георгия Лаши. Давид Сослан, будучи мужем Тамар, не являлся носителем царского титула. Появление на свет наследника давало Давиду Сослану возможность обрести царское достоинство «iure uxoris» («по праву (своей) жены»), быть коронованным и стать ее соправителем. Такие случаи известны в истории средневековых монархий. Объем прав сообщаемых мужу женщины-монарха при указанных обстоятельствах ставил его практически вровень с супругой. Как правило, обладание высоким титулом по «Jure uxoris» позволяло его носителю на законных основаниях осуществлять функции государственного управления, распоряжаться земельной собственностью жены, сохранить корону, в случае смерти царственной супруги и стать регентом при малолетнем наследнике. С учетом того, что под командованием мужа царицы должны были осуществляться военные мероприятия, его фигура обретала особую значимость. Давид Сослан, судя по всему, являлся креатурой царедворцев из числа представителей восточных областей государства Абхазских Багратидов, об этом говорит состав участников коалиции в его поддержку во время мятежа 1191 г. Возвышение Давида Сослана нарушало хрупкий баланс между элитой «нижних» и «верхних» земель. В том случае, если чаша весов склонялась на одну из сторон, возникало недовольство, приводившее к заговорам и смуте. На наш взгляд, действия инсургентов были направлены не против Тамар, а против Давида Сослана. Не желая допустить возведения второго супруга царицы в ранг соправителя, они обратились к Юрию. Какого титула официально был удостоен русский князь, находясь в браке с Тамар

сказать трудно. Повествуя о походе на Гелакуни, который возглавлял Юрий, автор «Истории и восхвалении венценосцев» именуется его «царем абхазов и русов». Однако сомнительно, что в то время первый супруг Тамар являлся обладателем этого титула. Он стал его носителем только после церемонии в Гегути, иначе не потребовалась бы повторная коронация. Знать и войско «нижних земель» присягнули Юрию, признав его легитимным правителем.

Апологеты Тамар пытались очернить ее первого супруга, но поддержка, оказанная ему в «нижних землях», свидетельствует о том, что полководческий талант Юрия снискал ему авторитет среди представителей воинской аристократии. Хотя Юрий получил сильный удар и был отправлен в ссылку во второй раз, он вновь попытался вступить в борьбу за власть. Русский князь «явился к атабеку (Кылыч-Арслану – Авт.) и попросил у него в Арране место для пребывания согласно с [выпавшей] ему долей». Атабек назначил его эмиром Гянджи, откуда он «с ганджийскими и арранскими пойсками явился в страну Камбсчовани (Кахетия) и, опустошив внутри страны поля, взял множество пленных и награвленного добра» (Картлис Цховреба 2008: 265). Серьезных политических последствий эта акция не имела. Более первый супруг Тамар в источниках не упоминается.

Мятеж 1191 г. можно расценивать как один из самых мощных династических кризисов в царстве Абхазских Багратидов. В результате указанных событий произошло укрепление позиций женщины-правительницы. Каждая из группировок знати пыталась взять верх, поддерживая соответственно первого или второго супруга царицы, полагая, что фактически власть в государстве будет традиционно сосредоточена в мужских руках, Тамар же придется делиться своими функциями с супругом. Но реальность оказалась такова, что соблюсти интересы элиты как «нижних», так и «верхних» земель было возможно только в том случае, если полновластным монархом будет единственно Тамар. Это был тот уникальный случай, когда происхождение монарха, принадлежность к славному царскому дому имели неизмеримо большее значение, чем гендерная принадлежность. Династия Абхазских Багратидов была краеугольным камнем панкавказской державы. Тамар

как ее продолжательница могла быть надежным гарантом соблюдения политического равновесия. Для замирения ситуации, после мятежа 1191 г. был нужен компромисс. Необходимые политические решения были найдены, интересы аристократических группировок соблюдены, что и послужило заделом успешного царствования Тамар. Рожденный Тамар сын был наречен Лашой. Первый историк царицы специально объясняет значение имени или имени-титула наследника, Лаша, «что с языка апсаров (т. е. абхазов) переводится как просветитель вселенной» (Сообщения 1986: 51).

Вопросы, касающиеся положения супруга правящего монарха, также должны были быть отрегулированы. Деятельность Давида Сослана и его статус неоднократно становились предметом рассмотрения специалистов. Никто из исследователей не оспаривает тот факт, что он не был равен в правах с Тамар.

Панегиристы не скупятся на величественные эпитеты в адрес Давида Сослана, воспевая его доблесть, отвагу, талант полководца, сравнивая его с героями древности: «Царь действовал, как Ахиллес» (Картлис Цховреба 2008: 273), «Или кто удостаивался похвалы Давида Ефремида, подобного Багатару и Тархану, славным, как Ростом и Гиви, исполинам и героям?» (Картлис Цховреба 2008: 270), и не мудрено, он муж царицы и отец наследника престола. Несмотря на лестные характеристики, Давиду Сослану в нарративах уделяется значительно меньше места, чем его венценосной супруге, и, более того, он ни раз не удостоился уподобления Константину, Давиду или Соломону, сравнения с которыми многократно удостоилась Тамар. При восхвалении венценосной четы к Тамар относят более возвышенные эпитеты. Даже в эпизодах, описывающих победы Давида Сослана над врагами, отмечающий триумф муж царицы и полководец не равен ей. Автор «Истории и восхваления венценосцев» пишет: «Давид предпринимал походы по повелению и указанию Тамар, которой сопутствовало счастье Александра (Македонского) и помощью свыше одерживал победы» (Картлис Цховреба 2008: 266). По словам Басили Эзосмозгвари, «порубежники находили дело, или крепость, подлежащую взятию, или подступившего туркмена, или город, подлежащий разрушению, или страну, подлежащую опустошению,

докладывали, и она рассматривала дело и исследовала. Если стоило того, чтобы собирали войско, повелевала Захарию и Иване, и те собирали войско, сам царь Давид отправлялся во главе их, ниоткуда не возвращавшийся, не победив» (Картлис Цховреба 2008: 311).

Нарративные источники, данные нумизматики и эпиграфики возвеличивают царицу, ее фигура возвышается над фигурой супруга, именно Тамар сообщает ему власть и силу. Историки Тамар в основном повествуют о достижениях Сослана-Давида в качестве военачальника. Как справедливо отмечал Г. Д. Тогошвили: «О других сторонах деятельности царя-мужа мы не имеем прямых сведений и вынуждены строить свои предположения и догадки на косвенных данных источников» (Тогошвили 1990: 72).

Давид Сослан не был единственным сопрестольником царицы. По данным анонимного автора «Истории и восхваления венценосцев», после церемонии инаугурации Тамар, с ней «была уравнена» Русудан, тетка царицы. Это сообщение, на наш взгляд, следует расценивать как свидетельство объявления Русудан соправительницей племянницы. Источники представляют тетку Тамар весьма влиятельной и авторитетной особой. Басили Эзосмодзгвари сообщает, что Русудан «была бывшей невесткой великих шамирамских султанов и царицей, носительницей власти всех хорасанских владык» (Картлис Цховреба 2008: 303). Овдовев, она вернулась на родину и села царицей..., «но, прежде всего, явилась славой своего дома и всего нашего царства» (Картлис Цховреба 2008: 303). Русудан участвовала в принятии важных политических решений, в частности, в устройении первого и второго браков племянницы, к ее посредничеству, прибегли участники мятежа 1191 г. В силу почтенного возраста Русудан «заменяла родителей» Тамар и имела на нее большое влияние. Последняя, была преданна, «как родителям, тетке своей» (Картлис Цховреба 2008: 263). «Исполненная всякой мудрости, Русудан распоряжалась во дворце, с одной стороны, по-багратионовски, так как происходила из фамилии Багратионов, с другой стороны, как бывшая невестка султанов Иракских и Хварасанских, действовала сообразно с тамошними обычаями, которым она была научена (Картлис Цховреба 2008: 263).

Позже соправителем царицы стал ее сын и наследник Георгий Лаша. Давид Сослан же не мог наследовать супруге. Ярko иллюстрирует данное утверждение, события вокруг осады Кари, в описании первого историка царицы. На помощь Саргису Тмогвели и Шалве Торели, безуспешно штурмовавшим крепость, по приказу Тамар был направлено войско из Верхней Картлии во главе с Давидом Сосланом. Сама же она, ожидая вестей расположилась в Джавахетии. Изнуренные длительной осадой и отсутствием воды, жители Кари проинформировали супруга царицы о том, что готовы начать переговоры, но отказываются вести их с кем-либо кроме Тамар. «Тогда доложили обо всем этом Тамар. И она прибыла, и сидевшие в крепости принесли ключи от городских ворот сыну ее Георгию и затем Тамар, и просили объявить мир и дать им клятву, что царица не отдаст Кари в чужие руки, как Ани и Двин, а удержит его, включив в пределы своего царства. Царица дала им относительно этого нерушимое слово и велела своему сыну Георгию, чтобы он вошел в Кари и сам принял город и крепость. Так и было сделано, и царица оставила за собою один только этот город и крепость из числа всех тех, которые брала, побеждая от Зоракерта и до Рахса, от Гаги и до Гандзы и от Джавахети вплоть до Спери» (Картлис Цховреба 2008: 317). Не Давид Сослан, принудивший карийцев к сдаче, а его сын принимает ключи от города. Достигнутые же договоренности о дальнейшей судьбе города скрепляются обещанием царицы. Таким образом, для жителей Кари, а равно и для всех подданных короны царей абхазов полноправным монархом являлась именно Тамар, а ее наследником – сын Георгий Лаша. Документы юридического характера, составленные исключительно от имени Давида Сослана неизвестны. Грамоты, иммунитетные дипломы Тамар содержат, как правило, приписку-утверждение супруга.

Наличие у Тамар, как действовавшего монарха, сразу нескольких соправителей, способствовало соблюдению пондерации в царственном семействе и соответственно, препятствовало возвышению кого-либо из главных действующих лиц политического театра, в ущерб положению венценосицы. Государственная система царства Абхазских Багратидов продемонстрировала необходимую гибкость, подстроившись под специфику женского правления.

Политическая стабильность была достигнута благодаря своевременному и умелому отрегулированию механизмов «машины власти», формированию консенсуса в среде правящей элиты вокруг фигуры царицы.

Успех правления женщины монарха был обеспечен и благоприятной внешнеполитической конъюнктурой. Вскоре после рождения Георгия Лаши были предприняты масштабные военные мероприятия. Войска под командованием Давида Сослана были совершены экспедиции в Бардав и Эрзерум.

Военно-политическая активность Абхазских Багратидов беспокоила их мусульманских соседей, позиции сельджукских владетелей на подступах к Закавказью сильно пошатнулись. Они обратились за помощью к багдадскому халифу, чтобы общими усилиями разгромить усилившееся христианское государство. Глава мусульман на Востоке, считал своим священным долгом защиту «правоверных», притесняемых христианами. Он охотно поддержал идею организации коалиционного похода. Халиф Ан-Насар призывал к войне мусульманских владык и вручил войску «правоверных» свое знамя. Материальная помощь со стороны халифа, его призыв к религиозным чувствам позволили атабагу Азербайджана Абубекру собрать многочисленное войско. Первым он атаковал ширваншаха Агсартана, вассала Абхазских Багратидов, который активно интриговал против атабага. Агсартан был изгнан из Ширвана. Ширваншах обратился к своей покровительнице Тамар за поддержкой. По приказу царицы было собрано войско, которое под предводительством Давида Сослана двинулись навстречу коалиционерам. Битва произошла вблизи Шамхора 1 июня 1195 г. Армия Абубекра была разбита, а Шамхор и Гандза сдались на милость победителей. Среди многочисленных трофеев было знамя халифа, которое Тамар пожертвовала Хахульскому монастырю. В течение короткого времени власть Абхазских Багратидов распространилась на территории вокруг Гелакуни (Севанское озеро), армянские области Араратской долины («Биджниси, Амберди и Баргушати, все земли выше города Ани») (Картлис Цховреба 2008: 215), а также земли в верховьях реки Чорох. В 1203 г. был занят Двин, важное значение имел захват в 1204 г. города-крепости Кари (Карс).

Серия военных побед государства Абхазских Багратидов привела к столкновению с крупнейшим сельджукским государством в Малой Азии – Румским султанатом. Особенно остро интересы двух политических игроков схлестнулись на южном побережье Черного моря, «где обе стороны, используя ослабление Византии, намеревались создать свои опорные пункты» (Лордкипанидзе 1974: 157). Под руководством султана Рума Рукн ад-Дин объединились силы сельджукских владетелей, были собраны значительные силы. Султан Рума направил Тамар послание, в котором он требовал покориться, в противном случае грозил намерением начать военные действия. Письмо было оскорбительным для царицы, в частности, содержало фразу: «каждая женщина глупа» (Картлис Цховреба 2008: 283). Во время аудиенции посол румского султана посмел обратиться к Тамар со словами: «Если царица ваша оставит веру свою, султан возьмет ее в жены, если же не оставит, будет наложницею султана!» (Картлис Цховреба 2008: 283). В ответ на эту неслыханную дерзость амирспасалар Захария Мхаргрдзели ударил посла по лицу так сильно, что тот лишился чувств. Только дипломатический статус помог посланнику султана Рума избежать смерти. В ответном письме царица сообщила о готовности защищать свое государство от всяческих посягательств. Тотчас были призваны «войска имерские и амерские, от Никопсии до Дербента, и собрались в Джавахети» (Картлис Цховреба 2008: 283). Вскоре они выступили в направлении к Басиани, где расположилась ставка Рукн ад-Дина. Царица благословила и проводила до Карса, шедших на битву воинов. Стремительным маршем приблизившись к лагерю врага войска Тамар нанесли внезапный удар по врагу. В завязавшейся жестокой битве армия Рукн-ад-Дина была разгромлена. В плену оказались много знатных военачальников, был захвачен обоз сельджуков. Победа в Басианской битве 1205 г. подтвердила статус государства Абхазских Багратидов, как панкавказской державы и умножила авторитет женщины-правителя, подняв его на небывалую высоту. После провала двух военных кампаний сельджуки в ближайшей перспективе не могли угрожать царству Абхазских Багратидов. Открывшееся окно возможностей позволило Тамар продолжить активную наступательную политику, направленную на приращение

территории государства В 1204-1205 гг. она направляет войска против Эрзерума и Ахлата, а в 1208 г. против Ардебиля. Также была предпринята попытка захвата Манцикерта. В 1210 г. по приказу царицы был совершен поход в Иран, в ходе которого были заняты ряд Казвин, Тавриз и Зенджан. Таким образом, в последние годы царствования Тамар ряд мусульманских владетелей в Закавказье и Иранском Азербайджане вынуждены были изъявить покорность Абхазским Багратидам. Громкие военные победы оказались связаны с именем Тамар.

Одной из самых значительных военно-дипломатических акций предпринятых Тамар было создание весной 1204 г. Трапезундской империи. Царица, несомненно, внимательно следила за событиями в Константинополе. Руководители IV Крестового похода по наущению венецианцев изменили свой изначальный план и осадили столицу Византии. 17-18 июля 1203 г. Константинополь был взят штурмом. Формальным поводом для вторжения крестоносцев явилось соперничество за власть между Алексеем III и Исааком II Ангелами. Латиняне поддерживали Исаака и его сына Алексея. Эти трагические события нанесли удар по авторитету правящей династии Ангелов, приведшей империю к катастрофе. Во второй половине 1203 г. царица и ее окружение расценили сложившуюся в Константинополе ситуацию, как наиболее благоприятную для восстановления власти Комнинов. При дворе Тамар находились Алексей и Давид, два отпрыска прославленной династии. В 1185 г. сыновьям Мануила Комнина удалось избежать трагической участи деда, отца и дяди. О судьбе Алексея и Давида между 1185 и 1204 гг. источники хранят молчание. Между тем именно этот период жизни царевичей вызывает оживленную дискуссию среди специалистов. Согласно мнению А. Куника, А. А. Васильева, Р. М. Шукурова, внуки свергнутого императора Андроника покинули столицу сразу после переворота 1185 г., опасаясь мести Ангелов (Куник 1854: 717-718. Vasiliev 1936: 9; Шукуров 2001: 72). М. Куршанскис, О. Лампсидис и К. Варзос считают, что Алексей и Давид оставили Константинополь в первые годы XIII столетия (Lampsides 1971-1972: 14-17; Varzos 1984: 525-526). Бесспорно, «что происхождение братьев, являвшихся через отца прямыми наследниками власти

Андроника I неизбежно делало их слишком опасными конкурентами для Исаака II. Последний приложил особые усилия для заблаговременной нейтрализации потенциальных преемников Андроника I: об этом свидетельствует судьба двух его сыновей, равно как и другого Исаака, племянника свергнутого императора, пять лет (с 1185 по 1190 г.) содержавшегося в темнице» (Шукуров 2001: 72).

Твердо известно лишь одно – к 1204 г. Алексей и Давид с территории царства Абхазских Багратидов вторглись в византийскую Халдию, положив начало почти 250-летней власти Комнинов на Понте. Михаил Панарет так описал указанные события: «Прибыл Великий Комнин кир Алексей, вышедший из благополучного Константинополя, выступив с войском из Ивирии при помощи и содействии его тетки по отцу Тамар и овладел Трапезундом в апреле 7 индиктиона 6712 (1204 г. – Авт.) года, имея 22 года от роду» (Панарет 2019: 75). Таким образом, хотя реальных данных для установления местопребывания Алексея и Давида в 1185-1203 гг. нет, ясно, одно – они начинали поход во главе войска, предоставленного Тамар весной 1204 г.

Царство Абхазских Багратидов стало пристанищем Комнинов, не в последнюю очередь благодаря династическим связям. Анतिकомниновский переворот в Константинополе и жестокая казнь Андроника I, по всей видимости, отрицательно сказались на отношениях между государством Абхазских Багратидов и Византией. Согласно Басили Эзосмодзгвари, прелюдией к событиям 1204 г. послужило ограбление монахов, следовавших в Иерусалим с богатыми дарами, полученными от Тамар. «Однажды прибыли, как это обыкновенно случалось, монахи с Черной горы, из Антиохии и с острова Кипра, также и со Святой горы, и из многих других мест просить ее сделать добрые дела. Тамар приняла их, по обычному, как ангелов и долго не отпускала, а потом сделала всем великие подарки и снабдила всем нужным, наконец, наиболее дальним обитателям дала большое количество золота, как для них самих, так и для раздачи монастырям. Монахи отправились и когда прибыли в Константинополь, услышал об этом Алексей Ангар, который своему брату Исааку глаза выжег и лишил царства... Он увидел огромное количество золота, которое дала Тамар, и отобрал у тех монахов. Когда

об этом узнала царица Тамар, послала на имя святых отцов золото в еще большем количестве и этим еще более посрамила дьявола. Но разгневалась на греческого царя, отправила небольшое войско из Западной Грузии (в оригинальном тексте «небольшое число залихских имеров» – Авт.) и отняла у греков Лазику, Трапезунт, Лимон, Самисон, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Араклию и все земли Пембла их своему родственнику Комнину, сыну Андроника, который тогда сам находился у царицы Тамар, обретя у нее убежище» (Картлис Цховреба 2008: 316-317). Р. М. Шукуров отмечает: «Алексей III Ангел проявил редкую бесцеремонность и вызывающую враждебность, повелев разграбить богатые дары, предназначенные царицей Тамарой для афонских и ближневосточных монастырей. Это демонстративное нарушение традиций благочестия, совершенное самим христианнейшим василевсом, возможно, объясняется сугубо личной, «кровной» враждой между императором и царицей. ... Именно пролитая в Константинополе кровь Андроника I и других Комнинов разделила Ангелов и Багратидов. Вместе с тем, сложившиеся в XII в. добрые отношения между Комнинами и Багратидами еще не раз возобновятся в течение XIII — XV вв. усилиями трапезундских наследников Андроника I» (Шукуров 2001: 74).

Защищая Понт и оказывая помощь Комнинам, царица получала естественного союзника на северо-западных границах своей державы. Выполнению этой задачи способствовали длительные традиции понтийского сепаратизма, легитимность и авторитет в греческом мире отпрысков Комниновской династии, вставших во главе предприятия, полководческий талант Давида Комнина. Так в благоприятной исторической ситуации понтийский сепаратизм сомкнулся с внешнеполитической активностью Абхазских Багратидов. «Царство Тамар на этом историческом этапе была главным гарантом самого существования Трапезундского государства» (Карпов 2001: 97).

Переход Понта под власть Комнинов, в целом произошел мирно. Трапезунд был взят в апреле 1204 г. Первоначально войско Алексея и Давида состояло исключительно из «отряда залихских бойцов» и непосредственного окружения царевичей. Однако понтийский сепаратизм и сама внешнеполитическая ситуация

стали консолидирующим фактором. Согласно Лаонику Халкокондилу, первый император «получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес свое царство в Трапезунд в Колхиде» (Laonici Chalcocandyae 1927: 218-219). Панегирик Никиты Хониата никейскому государю Феодору Ласкарю (1206 г.) содержит еще одно указание на быстрый переход понтийских жителей под знамена Комнинов (Никита Хониат 1991: 226).

К 1205 г. Алексей контролировал территорию, которая в основном совпадала со старой византийской фемой Халдия. Никита Хониат отметил, что Алексей владел трапезундскими областями, в то время как его брат Давид землями Пафлагонии и Ираклией Понтийской, осуществляя в дальнейшем продвижение к Никомидии. Расширение владений Великих Комнинов было остановлено в 1214 г. ударом, который был нанесен почти одновременно сельджуками и никейцами, вероятно, действовавшими согласованно. После 1215 г. Трапезундская империя простиралась с запада на восток от Термодонта до Чороха.

В 1963 г. на трапезундском акрополе был найден моливдовул Алексея I с изображением на лицевой стороны полководца в воинских доспехах и островерхом шлеме, которого за руку ведет св. Георгий. Надпись над изображением полководца гласит: «Алексей Комнин». Появление на печати св. Георгия могло быть связано и с его особым почитанием как византийскими Комнинами, так и Абхазскими Багратидами, игравшими немалую роль в утверждении Алексея на престоле. Примечательно в этой связи, что на медных монетах трапезундских Комнинов XIII в. также изображен св. Георгий. В качестве патрона и защитника своей державы Великие Комнины рассматривали и Богородицу.

Основатель династии Великих Комнинов, Алексей вступил в брак с Феодорой Аксухиной, дочерью Иоанна Комнина, которая приходилась правнучкой абхазской супруги Алексея Комнина, соимператора Иоанна II Калояна. Внешнеполитический курс Тамар, особенно в последнее десятилетие царствования ясно указывал на то, что государство Абхазских Багратидов начало претендовать на место ослабленной Византийской империи.

Царица Тамар была девятым монархом из дома Абхазских Багратидов. Конец XII – начало XIII в. – время ее правления – стало для царства Абхазских Багратидов периодом государственного могущества, военных побед, расцвета культуры. Успех правления женщины монарха был обеспечен и благоприятной внешнеполитической конъюнктурой. В результате войн с Румским султанатом, азербайджанскими и иранскими атабегами, были вдвое расширены пределы государства: были усилены позиции в Ширване, приобщены Ани (1199) и Двин (1203), под контролем Абхазских Багратидов оказалась большая часть Армении, осуществлено завоевание Эрзерума (1205) и Карса (1206–1207). При военной поддержке Тамар, Алексей Комнин и его брат Давид на обломках Византийской империи основали новое государство – Трапезундскую империю, которая долгие десятилетия являлась союзником абхазской короны в Малой Азии. В грамоте Гелатскому монастырю (1193 г.) она именуется «царем и царицей абхазов, картлов, ранов, кахов и армян, шарванша и шаханша, всего Востока и Запада самодержицей» (Грузинские документы 1982: 56).

К началу XIII в. государство Абхазских Багратидов становится ведущим политическим игроком на Ближнем Востоке. «В течение 31 года преблагенная Тамар, мудростью Соломона, мужеством и повседневной заботливостью Александра, держала царство свое от моря Понтийского до моря Гурганского, от Спери до Дербента, а также все земли как по сию сторону Кавказских гор, так и по ту сторону Хазарии и Скифии» (Картлис Цховреба 2008: 258). По поводу даты смерти Тамар высказаны различные мнения, называются 1207, 1210 и 1213 гг. Ей наследовал сын Георгий VI Лаша.

4.2. Репрезентация Тамар – женщины-монарха в религиозной и светской культуре

Династия Абхазских Багратидов была главным связующим элементом средневековой панкавказской державы, оформившейся к концу первой четверти XII в. По мере расширения пределов государства, вопросы сохранения политического единства, укрепления центральной власти, повышения престижа

правлящего дома выходили на передний план. «В высших эшелонах власти государства были представлены представители знати почти всех народов Закавказья» (Гумба 1994: 6). Для упрочения своих позиций, установления эффективного контроля над территориями, обнаруживавшими время от времени центробежные тенденции, необходимы были не только военные ресурсы, но и выверенные действия в области идеологической.

Период правления Давида I Возобновителя следует признать переломным моментом в истории государства Абхазских Багратидов. По мнению Э. Истмонда, при указанном монархе рецепция византийских образцов репрезентации власти достигла своего пика, а уподобление Давида императору Константину следует рассматривать как показатель, надежно маркирующий новую стратегию репрезентации власти Абхазских Багратидов (Eastmond 1998: 55). Американский исследователь, в частности отмечает, что Абхазские Багратиды «стали считать себя наследниками византийских царских традиций и проявили себя как потомки Константина Великого, а не своих собственных предков,... Этот постепенный процесс византинизации продолжался на протяжении XI в., становясь все более доминирующим» (Eastmond 1998: 56). Рецепция в области символического и, прежде всего, ритуалов власти осуществляется, как правило, вдоль векторов культурного взаимодействия. Но всякое заимствование должно быть мотивировано. Даже при наличии самых интенсивных контактов между разными государствами, правящими домами не происходит механическое усвоение и воспроизведение элементов репрезентации власти. Перенимаются «только те детали, которые, во-первых, происходят из авторитетного источника и, во-вторых, на взгляд «реципиента», приносят ему престиж» (Бойцов 2009: 167).

На протяжении столетий Абхазия испытывала политическое, экономическое и культурное влияние Византийской империи. Несмотря на то, что сложение средневековой абхазской государственности произошло вопреки воле Константинополя, ритуальная сторона жизни правящего дома Леонидов не могла избежать воздействия византийских образцов. Но в период ее нахождения у власти, равно как и при первых Абхазских Багратидах процесс рецепции должно быть был

дозирован, поскольку отношения с империей не отличались стабильностью, да и политическая программа царей абхазов в это время, вероятно, отличалась от программы монархов XI-XII вв., действовавших в иной международной обстановке. Широкая, интенсивная рецепция политических ритуалов и образного ряда стала возможной (необходимой), когда монархия Абхазских Багратидов, благодаря блестящим успехам Давида I вышла на качественно новый этап. Ему, в отличие от предшественников, было важно не просто оставаться в семантическом поле привычных и понятных символов власти, не просто подражать императору, но стать (быть) им.

Идеи и стремления Давида нашли свое зримое воплощение в учреждении Гелатского (Генатского) монастыря, само название которого «Генати» происходит от греческого «genathlakon» – рождение, обновление. Э. Истмонд пишет, что, устраивая в Гелати царскую усыпальницу Багратидов, учреждая Академию, основывая при монастырском комплексе больницу Давид ориентировался на имперские образцы» (Eastmond 1998: 44). Известно, что Константином IX Мономахом, в середине XI в. был основан монастырь Святого Георгия в Манганах. При церковном учреждении находились юридическая школа, больница, богадельня. Здесь в январе 1055 г. император нашел последний приют. Историк Давида говорит о предназначении Гелати «он должен был стать вторым Иерусалимом, Новыми Афинами, лучше прежних, образцом всего церковного великолепия» (Картлис Цховреба 2008: 103). Показательно, что именно в сочинении анонима впервые находим сравнение царя абхазов с императором Константином.

Образ носителя верховной власти, сформированный по византийским лекалам, выглядел эффектно и зримо обозначал уровень претензий Абхазских Багратидов, но не мог быть универсален и воспринят всеми подданными абхазской короны. Он был аподиктичен для элиты (господствующего класса) и населения «нижних земель», но вряд ли отвечал идейно-политическим традициям восточных областей царства. По мере приобщения новых областей, в составе царства Абхазских Багратидов оказались территории, никогда не входившие в сферу

влияния державы ромеев, никогда не вовлекавшиеся в состав «Византийского содружества наций», напротив, имевшие опыт существования в рамках государств, являвшихся противниками империи. Признание авторитета представителей абхазской династии в «верхних землях», напрямую зависело от их способности вписаться в те модели репрезентации власти, которые были заданы иными культурно-историческими кодами, соответствовать тем нормам, символам, образцам, которые были закреплены в сознании как знати, так и широких масс, predeterminedены опытом предыдущих поколений. В этой связи, логично выглядит желание Абхазских Багратидов опереться на политическое и культурное наследие Ирана. Держава Абхазских Багратидов в данном случае включалась в одну из старых, укоренившихся восточных концепций государственности. Приверженность древнеиранской династийной традиции имела распространение не только в Центральной Азии, но и в странах Ближнего и Среднего Востока, а также в Византии. Персона и прерогативы царей абхазов понимались жителями восточных областей государства в контексте их традиционных представлений о власти. В глазах массы своих подданных к востоку от Лихи они заняли место прежних правителей.

Нарративом, ярко продемонстрировавшим, что Абхазские Багратиды выстраивали свою политику в области идеологии, учитывая бинарный характер государства, можно считать труд Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала». Согласно автору, легендарный предок правящей династии вступал в брак дважды. Вначале он стал зятем персидского шаха, взяв в жены его дочь Балендухт, а после ее – смерти связал себя узами брака с Еленой, дочерью византийского императора. Вахтанг Горгасал представлен обладателем потомства от двух жен. Повествуя о распределении земель между наследниками царя, Джуаншер заключает: «Отныне разделились потомки царя Вахтанга, так как дети Дачи (старшего сына Вахтанга – Авт.) повиновались персам, а дети Мирдата остались в подчинении грекам» (Картлис Цховреба 2008: 103).

Инновации в этой сфере репрезентации власти были обусловлены и интенсивными контактами с исламским миром. Тбилиси, перешедший под

контроль абхазской короны при Давиде I, в течение многих столетий был крупным политическим и культурным центром мусульманского Кавказа.

Однако, многие традиционные ритуалы, символы и метафоры, включение которых происходило автоматически, по обычаю, в отношении правителя-мужчины, с восшествием на трон женщины требовали дополнительной оснастки, новой аргументации, приспособление привычных образных сравнений под фигуру венценосицы. Женскому правлению была необходима мощная идеологическая поддержка. Были задействованы религиозные писатели, духовенство, историки, панегиристы, поэты.

Ключевые соображения в пользу воцарения женщины были собраны в трактате Мцхетского католикоса Николая (Гулаберидзе) «Чтение на Животворящий Столп», созданном около 1190 г. Картлийское духовенство в лице своего предстоятеля, вполне резонно, для обоснования женского правления использовало образ равноапостольной Нино. Повествуя о деяниях крестительницы Картлии, автор задается вопросом: «Почему же именно женщина была прислана Богом для нашего просвещения?». Автор считает, что Спаситель в качестве проводника своей воли может избрать женщину (Николай Гулаберидзе 1908). «Николай был сторонником Тамар ...и рассуждением «о достоинстве женской чести» идеологически оправдывает совершившийся факт воцарения женщины» (Кекелидзе 1944). Абхазский и картлийский католикосаты развивали самостоятельно, каждый – свою церковную традицию. Показателен ответ, полученный русским послом Федотом Елчиным из уст представителей духовенства, при посещении им Менгрелии в XVII в.: «Наше царство крестил Андрей Первозванный, а те грузинские земли... некая праведная девица из Ерусалима, а имя ей Ненила (Нино) (Статейный список 1954: 218).

Задаться целью поддержать права Тамар на осуществление верховной власти должна была и абхазская церковь, учитывая, что именно она играла главную роль в процедуре интронизации монарших особ. Важное место в религиозной традиции Абхазского царства занимал культ Богородицы. О широком почитании Богоматери свидетельствует большое количество храмов, освященных в ее честь.

Сложилась устойчивая традиция о том, что Абхазия является уделом Богородицы. Самое почитание Божией Матери и святынь, связанные с ее памятью, шло с Востока, из Палестины и Египта; но, наибольшего развития культ получил в Византии, неслучайно ее столицу, именовали «Градом Божьей матери» (Кондаков 1914: 346). Н. П. Кондаков писал: «Византийское почитание Божией Матери основалось на примере самой столицы, где не только народ, но и власти, начиная с императоров, проявляли в этом культе высшее религиозное одушевление, и всенародные жертвы их отличались непрестанным рвением» (Кондаков 1914: 344-345). Во Влахернском храме хранился омофор (мафорий) Богородицы. Распространению культа Богоматери способствовал император Юстиниан. Последний, по словам Прокопия Кесарийского, — на всем пространстве Римского мира (*πανταχούτι τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς*) построил множество храмов, посвященных Богородице, «столь же великолепных, сколь огромных и роскошно украшенных» (Прокопий 1996: 110). Не стала исключением и Абхазия, храм, возведенный по приказу Юстиниана для абасгов был посвящен Богоматери. Не только чувствительность к предпочтениям Константинополя, но и вероятно, благоприятствовавшая местная среда способствовали процветанию культа Богородицы в средневековой Абхазии. Повествуя о рождении сына Тamar, Георгия-Лаши, автор «Истории и восхваления венценосцев» «проводит прямые литературные параллели между современным событием и новозаветной историей». Он восклицает: «Тамар превратила царский дворец в Вифлеем, родив сына, равного Христу. Члены царской семьи подобно волхвам приносят новорожденному царевичу подарки» (Картлис Цховреба 2008: 267). Родившая наследника, венценосица уподоблена автором нарратива Богородице. Тamar приписывают сочинение короткой ямбической поэмы из шести строф, посвященной Богородице в честь победы над мусульманской коалицией в 1195 г. В этом стремлении царица могла последовать примеру своего деда Дмитрия IV или прадеда Давида I, с которыми ее сравнивает автор анонимной «Истории и восхвалении венценосцев». Тamar передала мощное послание аудитории, выдвинув на передний план родственные связи между ней и Богородицей.

Легализация женщины-правительницы происходит через отсылки к образу мужчин, прежде всего, предков, а также риторическим фигурам. Рассуждения о царском достоинстве, священном характере монаршей власти, использование соответствующих метафор и символов характерных для презентации правителя-мужчины. С одной стороны апологет Тамар возводит родословную царицы к Давиду и Соломону, другой стороны, он свидетельствует о ее родстве с Кесарем Августом и иранским шахом Хосровом. Упоминание достоинств ветхозаветных первосвященников и царей не случайно – они провозглашаются своего рода проводниками единого сакрального начала власти, причем являются не символическими, а вполне реальными предками царей, с которых Тамар вменялось брать пример в преданности Богу и методах правления. Причем образ Давида приобретает особую актуальность при помазании на царство (Успенский 2000: 36; Сидоров 2019: 11-12). Не менее важным виделось сравнение христианского монарха с императором Константином. В самих исторических трудах средневековых авторов с Константина I Великого начиналась новая эра не только римской, но и всей человеческой истории — «христианских императоров». Стремясь утвердить в сознании масс преемственности своей власти от Византии, многие правители искали имени «нового Константина». Основанием благородности происхождения служила и связь с древними владыками Ирана. Тамар, как августейшую особу, уподобляли персидским царям и воителям древности — как реальным (Дарий, Хосров Ануширван), так и легендарным (Бахрам Гур, Джемшид, Исфендиар, Рустам, Феридун), а также Александру Македонскому.

Активно использовалась по отношению к Тамар и солнечная символика. Солнечные и световые образы подчеркивали сакральную, божественную природу царской власти и Тамар как ее носительницы. Первый историк Тамар окутывает фигуру царицы солярным символизмом, особо стоит отметить отождествление ее с солнечным божеством Аполлоном. «Солнцеподобной» именует Тамар Иоанн Шавтели. К Тамар относят такие эпитеты, как «щедрая подобно солнцу», «блистательный свет», «солнце монархии», «солнце над солнцами, свет

пресветлый». Сравнение правителя с солнцем восходит к очень древним архетипам. Поскольку с солнцем соотносился и образ самого Христа, то сопоставление царя с солнцем также несло христологическую семантику. Иногда панегиристы используют солнечную символику по отношению к царственной чете, то есть не только к Тамар, но и к Давиду Сослану: «воссели на счастливые троны два светила, два освещающих землю солнца» (Картлис Цховреба 2008: 306). А. А. Паламарчук отмечает: «Лучи света, исходящие от солнца, следует трактовать как трансляцию властных полномочий от короны к знати, притом источник сияния неиссякаем, вечно пребывает без умаления» (Паламарчук 2006: 416).

Нарраторы подчеркивают благочестие и смирение царицы, уважение к духовенству. Тамар позиционируется как покровительница церквей и монастырей, иноков и святых мужей, неоднократно именуется «столпом веры». Набожность, была важным компонентом царского образа, и, вероятно, публичная демонстрация этой христианской добродетели значительно укрепляла ее репутацию. Подчеркивалась постоянная забота царицы о подданных: она раздает милостыню, защищает вдов и сирот. Панегиристы не боятся изображать Тамар за обычными для высокородной женщины занятиями, за прялкой и рукоделием. Свое рукоделие царица отправляла в монастыри. Традиционная для женщины добродетель – благотворительность способствовала формированию хорошо продуманного образа царицы.

Для укрепления авторитета женщины-правителя были задействованы не только придворные историки, поэты, теологи. Важным инструментом пропаганды царской власти являлось церковное искусство. Во время правления Тамар демонстрация династической легитимности была крайне необходима, что обусловило появление монументального царского портрета, изображающего монарха с непосредственными предшественниками и наследниками. Женское правление потребовало введения дополнительного визуального языка, который представлял царицу со всеми признаками правителя-мужчины и оправдывал бы ее статус и исключительное право на власть. Эта идея воплотилась в ее фресковых изображениях, включенных в общие программы росписей церквей. Царские

композиции объединены присутствием персоны Тамар. Все они выполнены на высоком художественном уровне. Каждый из этих живописных ансамблей был неповторимым, глубоко продуманным в идейном смысле творением. Изображения царицы сохранились в церковных центрах в Вардзиа (1180-е гг.), Натлимцемели (1190-е гг.), Кинцвиси (1206/7 г.), Бетания (после 1207 г.), Бертубани (1220-е гг. - в настоящее время в Азербайджане, посмертно), в Гелати (дата неизвестна) и Колагири (1190-е гг.) (атрибуция предположительная). Два портретных изображения снабжены надписями с указанием имени Тамар; атрибуция двух других предположительна. Только одно было создано по непосредственному заказу царицы.

Самое раннее фресковое изображение Тамар находится в Вардзии, пещерном комплексе, расположенном в южной части страны, который был основан ее предшественником Георгием V. Царские портреты размещены в заглубленной арке. Изображение царицы сопровождается надписью «Царь царей всего Востока, Тамар, дочь Георгия...» (Tezelashvili 2022: 1485). Тамар с моделью церкви Вардзиа в руках облачена в вариант византийского мужского императорского костюма: бордовый скарамангион, украшенный драгоценностями лор, красные цангиа, голова увенчана массивной, драгоценной короной с свисающими пендилиями, в ушах – круглые серьги. Ее отец, «Царь царей всего Востока, Георгий, сын Дмитрия, царя царей», также одет по византийскому образцу. Над монархами изображен летящий ангел, который протягивает скипетр Георгию. Тамар и ее отец стоят перед восседающей на троне Богородице с младенцем Христом на руках, который благословляет их. Царские портреты в Вардзии предположительно были написаны около 1185 г., вскоре после коронации Тамар. По мнению специалистов, образ Тамар из Вардзиа максимально маскулинизирован (титул, костюм инсигнии приложимы к монарху-мужчине). «Отметим, что в Вардзии (1184–1186) одеяние царицы Тамары почти цитирует одеяние ее отца. Переключка лоров на Георгии и Тамаре в Вардзии (где Тамара, фактически, облачена в мужской костюм), очевидно, связана со сложностями, которые сопровождали восшествие Тамары на престол и с желанием указать на легитимность ее власти» (Татарченко 2016: 83).

Божественное право Георгия, отца Тамар на царство подтверждается, изображениями небесных сил, прямо наделяющих его скипетром, присутствием Богородицы и младенцем.

Главная церковь Натлимцемели — пещерного монастыря Святого Иоанна Крестителя в Гареджской пустыне была украшена фресками в 1190-х гг., возможно, по заказу Тамары. Настенные росписи содержат династические портреты царственной четы и их отпрыска. Тамар изображена рядом со своим мужем Давидом Сосланом и сыном Георгием Лашой. Тамар облачена в византийский императорский костюм – скарамангион, украшенный драгоценностями и позолотой лор, красные цангиа, корону со свисающими пендилиями, из украшений (кольца и серьги)), в руках лабарум. На портрете Тамар корона отлична от изображенной в Вардзии, она более высокая заостренная. Фигуры сопровождаются надписями: «Тамар, царица царей, дочь великого Царя Царей [Георгия]», «Давит, Царь Царей», «Их сын Лаша» (Tezelashvili 2022: 1487). Этот набор династических портретов был написан с большой роскошью – с использованием сусального золота и серебра и дорогих пигменты. Образ царицы также как и Вардзии несет в себе черты маскулинности, несмотря на то что Тамар изображена рядом с Давидом Сосланом. Оба супруга облачены в мужские костюмы. Присутствие фигуры наследника усиливает тему легитимности. По мнению Э. Истмонда, Давид Сослан изображен как отец Георгия Лаши и как муж Тамары, чтобы тем самым как бы стереть воспоминание о первом браке царицы с сыном Андрея Боголюбского Юрием, и пресечь притязания последнего на трон (Eastmond 1998: 137).

Монастырь Кинцвиси был основан Антонием Глонистависдзе, сподвижником царицы Тамар и влиятельным духовным лицом. Он заказал строительство и украшение собора святого Николая. Царственные особы изображены на северной стене храма и занимают весь нижний регистр. Тамар стоит между своим отцом Георгием V и сыном Георгием Лашой. Фигуры изображены в молитве перед иконным панно «Воцарился Христос». Тамар и Георгий в парадном облачении византийских императоров (скарамангон, лор), на них заостренные короны и украшения, в руках царя – скипетр-лабарум. Одевание

Тамар в Кинцвиси идентично по форме (цвет отличался) одеянию царицы, сохранившемуся на фресках из Бетании, за исключением способа надевания лора. Обращает внимание отсутствие изображения супруга Тамар Давида Сослана. Возможно царские портреты были написаны после смерти мужа царицы, по случаю объявления Георгия Лаши соправителем. Одеяние последнего отличается от облачения Георгия V: «золотисто-желтый поколенный кафтан, низко подпоясанный, с красно-белой окантовкой деталей, и красные сапоги. Такие костюмы считались парадными или военными... мода на одежды такого покроя существовала в Персии и на арабском Востоке...» (Татарченко 2016: 83-84). По мнению С. Н. Татарченко, «в типологии лиц царицы Тамары, Георгия III (Георгия V – Авт.) и Георгия Лаши в Кинцвиси (как и в других храмах, в которых есть ктиторское или царское изображение проступают черты «восточной», иранской эстетики», (овал лица, разрез глаз) (Татарченко 2016: 85). Н. Тьерри пишет о «лунном» лице царицы Тамары, подчеркивая, что подобный образ женской красоты отвечал восточной эстетике, а зубчатая корона на голове царицы напоминает короны сасанидских правителей (Thierry 1977: 415–416.). Решение портрета царицы Тамары в «персидских идеалах красоты» отмечает и Э. Истмонд (Eastmond 1998: 110).

Бетания, была династическим монастырем аристократического клана Орбелиани, но после подавления восстания Демны, перешел в собственность царского рода. В 1200-х гг. церковь Рождества Богородицы в Бетании была отремонтирована и украшена фресками. В царской композиции представлены пять фигур: три центральные – венценосцы, по сторонам от них – святые воины. «В центре крупная, в рост, фигура царицы Тамар, справа – ее отец царь Георгий III (Георгий V – Авт.), слева, чуть меньшего размера, сын Тамар Лаши Георгий. Все трое в царских одеждах и коронах, в руках Лаши короткий скипетр. Фигуры изображены в молении и повернуты к алтарю» (Макарова 2010: 25). На царевиче поколенное облегающее платье, ниже талии перехваченное поясом, к которому прикреплен меч. Голову царевича венчает инкрустированная драгоценными камнями и украшенная жемчужными подвесками корона. Меч и корона – инсигнии

царской власти – свидетельствуют о том, что Георгий-Лаша ко времени исполнения росписи был уже коронован. Это определяет дату росписи – примерно 1207 г. Фигуры сопровождаются надписями: рядом с Тамар – «царица цариц», с Георгием – «царь царей», с Лашей – «сын Тамары» (Алибегашвили 1979: 22).

В монастыре Бертубани (на территории современного Азербайджана), сохранится единственный посмертный портрет Тамар. Главная церковь монастыря была расписана в начале 1220-х гг. Фресковая роспись представляет почившую Тамар и ее преемника царя Георгия VI Лашу в молитве перед иконой Богородицы на престоле. Христос и Дева Мария благословляют монархов; Тамар одета в византийское императорское платье (бордовый скарамангион, украшенный драгоценностями лор), голову венчает заостренная корона с искусно выполненными пендилиями, украшениями, Георгий Лаша, облачен в короткий кафтан на голове корона с пендилиями. Изображения сопровождаются надписями: «Тамар, царь царей», «Георгий, царь царей, их [Тамар] сын Лаша» (Tezelashvili 2022: 1490). Царские портреты из Бертубани следуют типичному образцу репрезентации царской власти, изображая наряду с действующим монархом его предшественника. Показательно, что в программу росписи, не включен мужской предок Георгия Лаши, его дед, Георгий V.

Церковь монастырского комплекса Колагири была украшена фресками по заказу могущественного семейства Варданисдзе в 1190-х гг., сохранил фрагмент росписи, на которой Христос, благословляет две фигуры, чьи главы увенчаны коронами. Плохая сохранность не позволяет идентифицировать лиц, изображенных в церкви Колагири. Но, учитывая близость клана Варданисдзе к венценосцам, высказано мнение, что это Тамар со своим супругом Давидом Сосланом.

Царские портреты были предназначены для демонстрации с помощью визуальных средств идеи божественности власти, легитимности правящей династии Абхазских Багратидов. Большинство изображений были созданы, не напрямую, по желанию царской семьей, но были написаны по заказу представителей высшей светской или духовной элиты, которые тем самым

выказывали свою верность короне и самой Тамар. В живописных образах венценосцев соединяются византийские элементы и каноны местной царской портретной живописи. Использовались сложные визуальные средства для демонстрации престижа династии. Каждый ансамбль обладает очень яркими собственными художественными особенностями.

Портреты Тамар демонстрируют эволюцию образов царицы, по мере упрочения ее положения на троне и успехов во внешней и внутренней политике. Если в начале своего царствования она не могла быть изображена без легитимирующей фигуры ее покойного отца, то в дальнейшем этого не требовалось. Соединение в одной композиции живых правителей и уже умерших демонстрировало преемственность власти Абхазских Багратидов. Одновременно, по мнению Э. Истмонда, уже умерший Георгий III (Георгий V – Авт.) представал посредником между Тамар и Христом (Eastmond 1998: 110).

Особо следует отметить, что Тамар изображается, как правило, в мужском облачении, парадном костюме византийских императоров. Одевание василевса осмыслялись символически: будучи облачен в лор, император, как пишет М. Парани, уподоблялся Небесному Царю, заместителем которого на земле являлся он являлся (Parani 2003: 18–21, прим. 2, 19). В то же время некоторые из традиционных знаков отличия монарха – а именно меч, который использовался при коронации Тамар, никогда не был представлен в ее официальных образах. В целом, визуальный язык, использованный для образов Тамар, обнаруживает определенную гибкость. Следует также отметить гендерно-чувствительный тип династической царской образности, адаптированный для царицы Тамар, был уникальным и больше никогда не воспроизводился в последующем (Nikolaishvili 2019: 68.).

Пропаганда в восточных областях, относительно недавно интегрированных в состав государства, имела первостепенное значение, поэтому здесь царских портретов сохранилось больше. В западной части же царства Абхазских Багратидов четко атрибутированных изображении Тамар нет. В часовне главного храма Гелатского монастырского комплекса сохранилось фресковое изображение

монарха, одетого в византийский императорский костюм (скарамангионом, лор), на голове квадратная корона с пендилией, молящегося перед фигурой архангела (?). Читается титул «Царь царей», имя монарха утеряно. По ряду признаков изображение идентифицируется как женское. Высказано мнение, что на фреске могла быть изображена Тамар, поскольку указанная часовня традиционно идентифицировалась как погребальная камера царицы Тамар (Skhirtladze 2011: 505–523).

Эффективным политической средством пропаганды была денежная эмиссия. Монетный чекан имел важные репрезентативные функции, поскольку являлся прерогативой высшей власти. Представители дома Абхазских Багратидов непременно желали отметить свое пребывание на престоле выпуском монет. Монеты отражали различные стороны государственной деятельности монарха и составные элементы официальной идеологии. Монетный чекан позволяет очертить круг основных идей, которыми эмитенты пытались воздействовать на общество, религиозные и культурные особенности определенного исторического момента. Это политико-декларативное средство использовалось не только для подданных короны, но и для демонстрации авторитета династии на внешней арене. Интерпретация нумизматических данных, позволяющих проследить, какие компоненты официальной идеологии нашли свое отражение в монетных типах, тиражировавшихся в период правления царицы Тамар.

Чеканка неправильных медных дирхамов от имени Тамар началась в Тифлисе, в 1187 г. Эти монеты типологически продолжили традиции чекана ее отца Георгия V и демонстрировали полную независимость царицы от мусульманских властей. «На лицевой стороне монет Тамар был помещен вензель царицы и дата чекана по короникону, а на оборотной стороне монет – арабоязычная надпись — в центре размещался титул, лакаб и насаб царицы, а также бенедикция ее отцу Георгию «Царица великая, величие мира и религии, Тамар дочь Георгия, поклонница Мессии, да возвеличит Бог его победы». («Царица великая, Джалāl ад-Дунйā ва-д-Дй н Тāmār бинт Кийūrкй Захйр ал-Масйх, да прославит Аллах его сторонников!»), а в краевой легенде бенедикция самой Тамар: «да возвеличит Бог

славу ее и да удлинит тень ее и утвердит благоденствие ее!» или же выпускные данные: «во имя Божье чеканен этот дирхам в Тифлисе, год 583 (1187–1188)» (Акопян 2022: 28).

Интерес представляют монеты царицы «неправильной» чеканки, снабженные надписями шрифтом асомтаврули, на которых значатся имена Тамар и Георгия. На их лицевой стороне надпись «Гиорги, да возвеличит Бог царя царей», а на оборотной стороне, в центре гириха – «Тамар, да возвеличит Бог царя и царицу». Монеты не снабжены датой и, так как современников Тамар, одноименных Георгиев, было трое (отец, первый муж царицы и ее сын), то вопрос о том, которому из них отдать предпочтение, в течение долгого времени остается дискуссионным. Изначально этот монетный тип был приписан Тамар и ее сыну Георгию VI Лаше, затем предпочтение, были отдано отцу царицы — Георгию V. Последняя точка зрения превалирует в грузинской историографии. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что в легенде монеты Тамар значится под двумя титулами «царя» и «царицы». Еще Е. А. Пахомов привел убедительные доказательства в пользу того, что лицо, чье имя выставлено на монете – первый супруг Тамар, Юрий (Георгий). Исследователь справедливо указывал, что «имена коронованных наследников никогда на монете не выставлялись, а поэтому на чекане Георгия III (Георгия V – Авт.), если бы эта монета принадлежала ему, не появилось бы имени Тамар» (Пахомов 1979: 90). Мнение Е. А. Пахомова разделяет А. В. Акопян, он пишет: «Нет сомнений, что на этих монетах упомянуты Тамара и ее первый муж Георгий Русский, однако время их производства оставалось неясным» (Акопян 2022: 35-36). Он считает, что монеты указанного типа были отчеканены за пределами Тбилиси и восточных областей царства, вообще, «где ... было обязательным наличие арабского текста как минимум на одной стороне», в Кутаиси, а время их выпуска необходимо отодвинуть ближе к мятежу Юрия. (Акопян 2022: 36). Однако автор признает, что «чеканка монет с именами Георгия и Тамары в Кутаиси не согласуется с топографией их находок, известных только с территории Восточной Грузии» (Акопян 2022: 37). А. В. Акопян пытается объяснить данный факт полной демонетизированностью «нижних земель»

государства Абхазских Багратидов, в течение всего в XII в. Мятеж первого супруга Тамар был достаточно быстро подавлен и вряд ли инсургенты в короткий срок сумели бы наладить выпуск монет. На наш взгляд выпуск монет с именами Тамар и Георгия (Юрия) был произведен в период существования их брачного союза.

В 1200 г. от имени Тамары и ее второго мужа Давида Сослана стала чеканиться правильная медная монета, которая типологически, технологически и текстуально продолжила канон правильных монет Георгия III. На лицевой стороне этих монет также выставлялось крупное центральное изображение — но на сей раз не царя, а родового знака Багратионов, вокруг которого затитловано писались имена царицы «Тамар» и ее супруга — «Давит». Вверху и внизу помещается дата: «короникон 420 (1200)». На оборотной стороне пятистрочный текст на арабском языке с титулатурой Тамар: «Царица царей, величие мира и религии, Тамара, дочь Георгия, поклонника мессия!».

При Георгии Лаше на монетах Абхазских Багратидов появляется новшество, монарх указывает свое матчество: упоминая о своем происхождении, он называет не Давида Сослана — своего отца, а мать — царицу Тамару. Несколько позже то же повторяется и на монетах Русудан.

Характеризуя нумизматическую историю царства Абхазских Багратидов в период правления Тамар следует отметить различия между «нижними» и «верхними» землями. Картографирование монетных находок показывает сосредоточенность их в восточной части государства. Наличие крупных городских центров и традициями, сложившимися в предшествующий период, обусловили высокий уровень монетизированности данного региона. Тогда как находки монет, отчеканенных в период царствования Тамар в западных областях государства носят единичный характер. Денежная эмиссия не только как инструмент экономической политики, но и как средств пропаганды и репрезентации царской власти использовалась Тамар, как и ее предшественниками, в первую очередь и главным образом в восточных областях государства, относительно недавно инкорпорированных в его состав, нередко и силой оружие. Именно здесь, для новых подданных короны, оно было особенно актуально и эффективно.

Тамар единственный монарх из династии Абхазских Багратидов, чье правление описано в двух исторических сочинениях, включенных в летописный свод «Жизнь Картлии». Ее воспели в своих произведениях «Абдул-Мессия» и «Тамариани» два поэта панегириста Иоанн Шавтели и Григол Чахрухадзе. Не случайно, что в исторических и литературных сочинениях, созданных в царствование Тамар сохранилось больше, чем от времен ее предшественников. Создание востребованного и эффективного имиджа женщины-монарха, во многом, состоялось благодаря удачному сочетанию фемининных и маскулинных качеств, умелому манипулированию гендерными стереотипами в политическом образе. Например, действие женщины-монарха на внешнеполитическом поприще описываются аналогично, совершаемому правителем-мужчиной, Тамар ассоциируется с военными победами, расширением пределов государства. Вместе с тем, панегиристы прославляют ее как верную жену, заботливую мать, богомолку и рукодельницу, изображают царицу за обычными для высокородной женщины занятиями.

Средневековые историографические и агиографические нарративы склонны подчеркивать женскую слабость и нередко используют женоненавистнический и гендерно-тенденциозный тон при изображении сильных женщин, тексты же, посвященные Тамар, демонстрируют обратное. Царица именуется «помазанницей Божьей», хриstopодобной правительницей, блюстительницей божественного порядка.

Подданные абхазской короны должны были быть уверены в том, что принадлежность монарха к женскому полу не может быть препятствием к успешному осуществлению верховной власти, поскольку, будучи представительницей царской династии Тамар наделена божественной благодатью. Чтобы согласовать ее статус царя с принадлежностью к женскому полу, официальная пропаганда раздвинула границы и создала для Тамар особый сакральный образ монарха, пользующегося благосклонностью Спасителя, несущего мир и процветание своим подданным, обладая всем спектром христианских добродетелей.

4.3. Царица Русудан и ее время в средневековых исторических нарративах.

Царевна Русудан появилась на свет около 1193 г. Об этом событии сообщает второй историк царицы Тамар: «Спустя год (после рождения Георгия Лаши – Авт.) ... родила дочь, подобие свое, Русудан, по поводу чего снова еще большая радость охватила всех (Картлис Цховреба 2008: 308). Согласно сложившейся традиции, царевна была отдана на попечение тетки: «Дочь царя Георгия и сестра Тамар – царевна Русудан была ... воспитательницей младенцев и сирот, достойные из коих оставались при ней с царскими детьми» (Картлис Цховреба 2008: 216). Сведения о юных годах Русудан в источниках отсутствуют. Ширваншах Ахситан сватал еще малолетнюю дочь царицы Тамар за ильдегизида Эмир Эмираана Умара, но получил отказ. Позже, уже во время правления Георгия VI Лаши, на руку царевны претендовал представитель династии Айюбидов: «В то время как страна благоденствовала и преуспевала, его сестру Русудан просил в жены великий султан Мелик, владетель Персии от Египта до Хлата, дабы возвести её на трон Хлата. Однако, благодаря божьему промыслу, этому не дано было осуществиться» (Картлис Цховреба 2008: 217). Р. М. Шукуров пишет, что «хронист имел в виду Малика ал-Ашрафа, хотя не исключено, что и самого Шихаб ал-Дина Гази, владевшего Ахлатом с 1221 по 1224 г.» (Шукуров 2001: 144, прим. 93.). По какой причине указанные брачные предложения были отвергнуты сказать сложно. Русудан пребывала при дворе своего брата, вступившего на престол после смерти матери около 1213 г. Георгий VI Лаша не состоял в браке, о чем сетует летописец «не сумели убедить его вступить в супружество, ... «пребывая в такой беспечности, он не желал вступления в брак» (Картлис Цховреба 2008: 332). Монарх имел многолетнюю, незаконную связь, от которой прижил сына Давида. Настойчивые увещания духовенства, в том числе обоих католикосов, возымели действие лишь отчасти: «Удалили женщину ту, мать Давида, и вернули ее мужу» (Картлис Цховреба 2008: 333). Воспитательницей незаконнорождённого сына царя становится Русудан.

В период правления Георгия VI Лаши привычный миропорядок стремительно рушился под ударами монголов. В условиях сложной международной ситуации, связанной с появлением на авансцене грозных завоевателей, которые дважды нарушали границы царства, монарх озаботился устройством брака своей сестры с традиционным союзником – ширваншахом. «В Ширван отправили эристава Картли, а сам царь Георгий прибыл в Багаван, чтобы подготовить свадьбу сестры своей. Пробыл там десять дней и решил уже возвращаться, но воздал Господь за грехи наши: скончался царь Георгий в Багаване 18 января, в среду, в хроникон 442 (1223 г. – Авт.)» (Картлис Цховреба 2008: 217). Ранний уход царя из жизни был связан с ранением, полученным в одном из сражений с монголами.

По сообщению анонимного автора «Столетней летописи», находясь на смертном одре, Георгий Лаша назвал своей преемницей сестру. Коронация Русудан произошла с согласия знати и духовенства обеих частей царства Абхазских Багратидов: «По преставлении царя собрались все именитые царства его, имеры и амеры, оба католикоса и епископы, от Никопсии до Дарубанда, все пребывавшие в подданстве его, и признали государыней Русудан, возвели ее на престол государевый и по чину поздравили ее с воцарением» (Картлис Цховреба 2008: 338). Приход к власти женщины-монарха представляется анонимом событием вполне обычным. Очевидные успехи царствования Тамар и её прочное положение на троне в последние десятилетия правления вряд ли могли дать возможность для каких бы то ни было сомнений в «естественном» праве на престол женщины. Прецедент женского правления, обеспечил беспрепятственный переход власти в руки Русудан, при том, что, скорее всего, она не являлась при жизни Георгия Лаши его сопрестольницей. Отсутствие законных наследников мужского пола у покойного монарха только укрепляло позиции царицы.

На момент коронации Русудан было около тридцати лет. Уже взойдя на престол, в 1224 г., она сочеталась браком с младшим сыном правителя Эрзерума Абдул-Хариджа Мухаммада Мугис ад-Дина Тогрул-шаха, Мухаммадом Мугиса ад-дином Тюркан-шахом (Historical dictionary of Georgia 2007: 560).

Согласно «Столетней летописи», он прибывал при дворе Русудан в качестве заложника. «Был он ладно скроен, в возрасте зрелом, совершенен статью, отважен и многосилен. Приглянулся он (Мухаммад Мугиса ад-дин Тюркан-шах – Авт.) царице Русудан, и явила желание женить его на себе, что и исполнила» (Картлис Цховреба 2008: 340). По свидетельству анонима, решение о вступлении в брак со знатным Сельджукидом, венценосица принимает самостоятельно, не совещаясь со своим окружением. Ибн ал-Асир сообщает, что инициатива заключения брачного союза исходила от правителя Эрзерума. Последний, узнав, что Русудан озабочена поиском достойного супруга и желала бы сочетаться браком с представителем правящего дома, направил к ней посольство, которое предложило в мужья царице сына Тогрул-шаха. Надо отметить, что правители Эрзерума и ранее проявляли интерес к заключению брачных альянсов с Абхазскими Багратидами. Один из представителей династии Салтукидов, владевшей Эрзерумом с 1071 по 1202 г. – Мозаффер-ад Дин сватался к Тамар. Царица отклонила предложение эмира, но способствовала устройению брака Салтукида с побочной дочерью царя Георгия V. На сей раз царский двор отверг предложение о сватовстве принца из рода Сельджукидов, сославшись на то, что тот принадлежит к мусульманской вере. Тогда, по словам Ибн ал-Асира, произошло невиданное для исламского мира событие, правитель Эрзерума повелел сыну принять христианство ради совершения брака с царицей (The Chronicle of Ibn al-Athîr 2008: 244). По некоторым данным, в крещении муж Русудан получил имя Дмитрий. Таким образом, выбор в супруги царицы сына правителя Эрзерума, помимо, личной симпатии царицы, был обусловлен его благородным происхождением, принадлежностью к могущественному, влиятельному дому, что позволяло сообщить будущему потомству достаточную степень знатности. Кроме того, родственные отношения с Сельджукидами по линии отца благоприятно сказались бы на отношениях с мусульманскими династиями Малой Азии. Предполагалось, что супруг станет соправителем царицы Русудан (The Chronicle of Ibn al-Athîr 2008: 244). Однако после сообщения о заключении брака, автор «Столетней летописи» более не упоминает о Мухаммаде Мугиса ад-дине Тюркан-шахе. Между тем, став мужем

венценосной особы, он должен был быть удостоен царского титула, но ни один из средневековых авторов не называет его «царем». Имя супруга венценосицы не фигурирует на монетах, отчеканенных от имени Русудан. Похоже, что Мухаммад Мугис ад-дин Тюркан-шах не был допущен к участию в государственных делах и командованию войсками. Ни грузинские, ни армянские источники не содержат сведений о его деятельности на военном или административном поприщах, он явно не был наделен теми статусом и полномочиями, которыми пользовался Давид Сослан, супруг царицы Тамар. О том, что вся полнота власти была сосредоточена в руках Русудан, а муж ее «был слабым» убедительно свидетельствует Ибн ал-Асир (*The Chronicle of Ibn al-Athîr* 2008: 244). Брак царицы с Мухаммадом Мугис ад-дином Тюркан-шахом продлился около трех лет. У них родились двое детей.

Автор «Столетней летописи» старательно умалчивает об обстоятельствах личной жизни правительницы, о которых довольно подробно сообщают мусульманские авторы. Как видно из источников, царица была мало склонна к супружеской верности. Когда муж позволил упрекнуть ее в недостойном поведении, она приказала ему покинуть царский двор. По данным Ибн ал-Асира, супруг Русудан лишился свободы передвижения и постоянно пребывал под надзором верных царице лиц. После захвата в 1226 г. Тбилиси Джелал ад-Дином, Мухаммад Мугис ад-дин Тюркан-шах был освобожден, возвратился к вере предков и получил от хорезмийцев гарантии безопасности. Но, как только султан покинул город, по словам ан-Насави, «сын правителя Арзан ар-Рума, вернулся в яму безбожия», он попытался возвратиться к бывшей супруге, но «царица вышла замуж за другого, объявив о разводе с ним» (ан-Насави 1996: 215).

Второй брак Русудан заключила с персоной явно неравного с ней положения. Царица послала в земли алан, за двумя мужчинами, которые были описаны ей как очень красивые, за одного из них она пожелала выйти замуж, но впоследствии развелась (*The Chronicle of Ibn al-Athîr* 2008: 244). Затем она захотела женить на себе некоего мусульманина из Гянджи, но тот отказался сменить веру. Против ее неразборчивости в выборе мужей выступили придворные во главе с Иване Мхаргрдзели (*The Chronicle of Ibn al-Athîr* 2008: 244). Знать воспротивилась

возможному браку царицы с аллодоксом. Не сумев заключить законный союз с иноверцем, Русудан тем не менее продолжила сожительствовать с ним.

Сообщения источников позволяют утверждать о гораздо большей свободе царицы Русудан в вопросах заключения брака, по сравнению с Тамар. Кандидатуры претендентов на руку последней рассматривались на совете представителей знати и мнение самой царицы зачастую не являлось решающим. Русудан же многократно вступала в отношения руководствуясь своими симпатиями, и только желание вступить в брак с мусульманином из Гянджи вызвало негативную реакцию ее окружения. Судя по всему, ни один из мужей царицы не являлся значимой политической фигурой, полностью пребывая в тени женщины-монарха.

Царствование Русудан совпало с серьезным ухудшением международной обстановки. Тяжелым испытанием для царства Абхазских Багратидов стало нашествие хорезмийцев. После поражения от монголов последний хорезмшах Джелал-ад-Дин Мангуберди закрепился в Западном Иране. В 1224 г. он двинул свои войска в Азербайджан, а летом следующего года Джалал-ад-Дин выступил в поход против государства Абхазских Багратидов. Соседним мусульманским владетелям он сообщил, что намеревается положить конец господству «неверных» и защитить истинную религию. На ультиматум хорезмийского правителя покориться и признать его власть, Русудан ответила, что полна решимости отстаивать свою независимость. Джелал ад-Дин разорил окрестности Двина и подошел к Гарни, близ которого расположились лагерем царские войска под командованием атабага Иване. В жестоком сражении победу одержали хорезмийцы. В короткий срок под контроль Джелал-ад-Дина перешли Гянджа, Байлакан, Шамхор. В начале зимы 1226 г. он был занят подготовкой к походу на Тбилиси. До начала военных действия в крепости Бджни, по инициативе хорезмшаха, состоялась его встреча сыном Иване Мхаргрдзели Авагом. Летописец вкладывает в уста Джелал-ад-Дина следующие слова: «Я – сын высокого и великого царя хорезмшаха и под властью моею была Персия от Адарбадагана до Джеона и от Джеона до Индии, (а также) Туран, Хатаети, Чин-Мачин и весь Восток ... Но покинуло счастье дом хорезмшахов, и всюду я был осилен. ... покинул я

царство мое... Слышал я, что царствует над вами женщина, сделайте меня супругом ее и вашим царем, и одолеем мы всех врагов наших. Когда же вы не примите этого, да разорится царство ваше. И пусть я даже удалюсь, но татары-то ведь пришли, а противостоять им вам непосильно и не выдержите борьбы с ними. Отправь посланника к царице вашей и поведайте ей все сказанное мною...» (Картлис Цховреба 2008: 340). Отметим, что ранее, Джалал ад-Дин, нарушив законы шариата, женился на бывшей супруге атабека Узбека. Государство атабеков Азербайджана прекратило свое существование, а территории, подвластные потомкам Шамс ад-Дина Илдениза, перешли под власть Джалал ад-Дина (Буниятов 1999: 102) вплоть до середины 1231 г. В Хлате была взята в плен жена представителя династии Айиубидов, ал-Малика ал-Ашрафа, дочь Иване Мхаргрдзели Тамта, которая также стала супругой хорезмшаха (Киракос 1976: 361-362). Надо полагать, что путем системы брачных союзов Джелал ад-Дина надеялся создать новое государство, объединив под своей властью Южный Кавказ и земли Передней Азии. В деле реализации этого намерения, брак с Русудан представлялся наиболее выгодным предприятием.

Аваг послал гонцов к царице, но та отвергла предложение Джелал ад-Дина. Получив отказ, он начал военные действия. Войска Русудан, усиленные отрядами аланов, лаков и кыпчаков, выступили навстречу хорезмшаху, однако Джалал ад-Дин в нескольких сражениях разбил их и, преследовал до самого Тбилиси. Царица Русудан и ее двор перебрались в Кутаиси, оставив в Тбилиси гарнизон под командованием братьев Мемны и Боцо Боцосдзени. В одном из сражений воины Джалал ад-Дина, не без помощи живших в Тбилиси мусульман, ворвались в город через Гянджинские ворота. Защитники Тбилиси были вынуждены укрыться в цитадели города — Исани. Узнав о безвыходном положении гарнизона, царица Русудан приказала им сдаться. Тбилиси был взят Джалал ад-Дином 9 марта 1226 г. После этого хорезмшах совершил опустошительный рейд в Картли, Триалети, Самцхе, Тао, Джавахети и Артаани, предпринял попытку захвата Ани и Карса, а также крепости Хлат. Воспользовавшись отсутствием Джелал ад-Дина, Русудан удалось овладеть Тбилиси и изгнать хорезмийцев из Шаки. Активная

дипломатическая деятельность царского двора позволила привлечь на сторону Абхазских Багратидов сельджукских правителей, в частности Румского султана. Коалиционеры намеревались согласовать план совместной борьбы с хорезмийцами. Узнав о переговорах, Джелал-ад-дин срочно снял осаду Хлата, и решил разбить их поодиночке, до объединения сил союзников. Его главный удар был направлен против царства Абхазских Багратидов. Русудана спешно «созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатуртухуцеса Шаншэ, амирспасалара Авага, мсахуртухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, месхов, таойцев, Цотне Дадияни, человека почтенного и благонаправленного, абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила овсов, дурдзуков и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве несчетном, и отправила царица их на войну с хорезмийцами» (Картлис Цховреба 2008: 344). В сражении, состоявшемся зимой 1228 г. в Болниси, победа осталась за Джелал ад-Дином, после чего он вновь занял Тбилиси. В ходе военных действий на Южном Кавказе Джелал ад-Дин неоднократно предпринимал попытки перейти Лихский хребет. Скорее всего, он не терял надежд лишить Русудан ее царства и захватить саму царицу. По сообщению Ибн ал-Асира, Джелал ад-Дин дважды из Тифлиса направлял экспедиции «в страну абхазов» (Ибн ал-Асир 2005: 400), но, судя по всему, не имел успеха. В «нижних землях» Русудан находилась в относительной безопасности. В 1230 г. Джелал ад-дин получил известие, что монголы подступили к Иранскому Азербайджану. Хорезмийский правитель не смог собрать сколько-нибудь значительных сил, способных противостоять врагу, лишенный свиты и войск, он погиб во время бегства.

В повествовании о борьбе с хорезмийской агрессией Русудан предстает полновластной правительницей, умным политиком, пытающимся в сложной обстановке сохранить целостность и независимость государства. По ее приказу созываются войска, командовать которыми она поручает Иване Мхаргрдзели. Русудан собственноручно вверяет ему царское знамя. Вынужденная покинуть Тбилиси, она поручает его оборону военачальникам Боцо и Мемне и только по

повелению царицы защитники города оставляют его. Анонимный автор отмечает: «С трудом царица Русудан убедила Боцо покинуть (Исани), потому как многократно отсылала им грамоты с разрешением того, как пишет о том Старец Мгвимели» (Картлис Цховреба 2008: 342). Утверждение инока Магакии (Григора Акнерци), о том, что Русудан правила государством при содействии Иване, имевшего звание атабека и его сына Авага (История монголов 1871: 6) верно лишь отчасти. Действительно супруг (или супруги) царицы не были допущены к исполнению функций военачальника, они были возложены на представителя знатного рода Мхаргрдзели. Однако поражение в битве при Гарни 1225 г. серьезно пошатнуло позиции атабека. Вину за проигранное сражение царица возложила на Иване Мхаргрдзели. В очередной раз отправляя войска против Джелал ад-Дина, Русудан «царский стяг не сопровождала им из-из дела атабага Иване» (Картлис Цховреба 2008: 344). Царица проявила твердость и решительность в противостоянии с хорезмшахом. Попытки Джелал ад-Дина начать переговоры с Русудан, его предложение заключить брачный союз были отвергнуты со всей категоричностью: «Как только достигли (царицы и визирей ее) то предложение и прочие послания, диву далась царица, необычным было для нее дело сие. Сообщили Авагу не внимать делам его и напрочь их отклонить» (Картлис Цховреба 2008: 341). В 1227 г. появились медные монеты, помеченные именем Русудан, первоначальный их выпуск производился в Кутаиси, где пребывала царица. В отличие от монет ближайших предшественников, медные монеты Русудан изготавливаются исключительно по способу «правильной» чеканки: начиная с этого времени, почти все монеты опять приобретают относительно правильную круглую форму и имеют приблизительно одинаковый вес и размер. Легенда монеты: «Царица царей и цариц, величие мира, царства и религии, Русудан, дочь Тамары, поклонница Мессии, да возвеличит Бог победы его!» (Шамба 1987: 102).

Продолжавшееся в течение пяти лет военное присутствие хорезмийцев подорвало силы стран Ближнего Востока и Закавказья и способствовало военному и политическому успеху монголов. Мирная передышка длилась недолго, уже в 1236 г. свои захватнические экспедиции возобновили монголы. К 1240 г. часть

территории царства Абхазских Багратидов была оккупирована степняками, в ряде крепостей разместились их гарнизоны. Царица отдала приказ, в случае подхода монголов придать Тбилиси огню, что и было сделано. Русудан и ее окружение вновь сочли за благо удалиться в Кутаиси. Принятие такого решения, судя по всему, было обусловлено осведомленностью о настроениях элиты «верхних земель». При появлении монголов в пределах страны, представители высшей знати, либо с готовностью изъявляли полную покорность завоевателям, либо отъезжали в свои наследственные владения. Так, амирспасалар Аваг заперся в крепости Каэни. Монголы взяли Шамхор, Лоре, Дманиси, Самшвилде, Ани. «Облеклась страна в безутешное зло, а могущественные эриставт-эриставы и визири, сначала бывшие в согласии, отвергли друг друга, потому как царица Русудан окончательно поселилась по ту (сторону) Лихи и не возвращалась она на сую сторону Лихи, да и здешние не являлись пред ней в силу занятости, разве только беглые. И вот таким образом оставались без всяких связей и согласия...» (Картлис Цховреба 2008: 346).

заключает летописец. Получив от монголов гарантию безопасности, атабек и амирспасалар Аваг покорился монголам, в то время как царица еще находилась в состоянии войны с ними. Примеру Авага последовали Варам Гагский, Шанше Мхаргрдзели и другие династы Эретии, Кахети, Картли. Наконец, после непродолжительной борьбы, с согласия царицы Русудан, монголам подчинился и владетель Самцхе — Кваркваре Джакели. Захватчикам не удалось проникнуть в «нижние земли», где находилась Русудан. Таким образом, царство Абхазских Багратидов оказалось разделенным на независимую западную и зависимую от монголов восточную части. Американский исследователь Т. Мэй пишет, что Русудан была единственным правителем не покорившимся монголам в ходе военной кампании на Кавказе и в Малой Азии в 30-х гг. XIII в. (May 2012: 137).

Царица предпринимала активные действия на дипломатическом фронте в надежде найти союзников для совместной борьбы со степняками. Еще во второй половине 1239 г. г. она направила послание папе римскому Григорию IX, в котором просила понтифика организовать крестовый поход для отражения монгольской инвазии. Свою просьбу Русудан подкрепляла обещанием содействовать сближению

католической и православной церквей. В отличие от письма царицы 1223 г. папе Гонорию III, в котором она именуется себя «*Russutana humilis regina de Aneguiā*» (Русудан, покорная королева Анегвии) (Хаутала 2015: 124-125), второе послание венценосицы не сохранилось, и его содержание можно восстановить по ответу понтифика. В эпистоле Григория IX, адресованной не только Русудан, но и ее сыну Давиду, наместник Святого престола приветствует намерение монархов «соединить Восток и Запад в одно тело церковного единства» (Хаутала 2015: 184), но в тоже время, сообщает о невозможности организации военной экспедиции против монголов.

Закавказье, оккупированное степняками во время правления Угэдэя, фактически оказалось под властью монгольских военачальников (нойонов), Чормакана, а затем Байджу, которые всячески отстаивали свою самостоятельность, демонстрируя подчинение воле исключительно великого хана. Однако права на территорию предъявлял и Бату-хан. «На юге владычество Бату простиралось до Крыма и Северного Кавказа. ... из всех чингисидов Бату ближе всех географически располагался к арене событий, и был старшим по отношению к остальным. При таких обстоятельствах можно было ожидать от него, что он проявит некоторый интерес к этим недавно завоеванным землям...» (Вернадский 1997: 148). Аваг Мхаргрдзели, сын покойного атабека Иване, настойчиво уговаривал царицу покориться монголам. Русудан и ее окружение, вероятно осведомленные о противоречиях между нойонами и главой улуса Джучи, сделали ставку на последнего. По приказу венценосицы, для ведения переговоров к хану Бату было направлено посольство во главе с Арсеном Чкондидским. По их результатам: царица Русудан сохранила суверенитет над «нижними землями», но признала верховную власть монголов над восточной частью государства Абхазских Багратидов, территорией завоеванной степняками силой оружия. «Верхние земли» ежегодно обязаны были выплачивать хану 50.000 перперов (золотых монеты) и принимать участие в походах (Картлис Цховреба 2008: 350). Царица Русудан и её сын Давид, около 1242 г. получили возможность прибыть в Тбилиси. Киракос Гандзакети отмечает: «Русудан ... послала послов к ... Бату ... предлагая признать

свою зависимость от него, поскольку тот был вторым после хана лицом. И Бату велел ей восседать в Тифлисе, и татары не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан» (Киракос 1976: 181). Еще до возвращения посольства монгольские военачальники, готовившие поход против Румского султаната, потребовали от Русудан направить им в помощь войска. Военная экспедиция планировалась против союзника и зятя царицы Гийас-ад-Дина Кей Хосрова II. Русудан оказалась в весьма затруднительном положении. По словам Киракоса Ганлзакеци, царица «выставила лишь небольшое войско и, поручив его сыну Иванэ Авагу» (Киракос 1976: 180). Но, возможно, амирспасалар выступил в поход самостоятельно, без санкции царицы, а по приказу монголов. Отметим, что некоторые представители военной элиты царства Абхазских Багратидов находились в рядах армии Гийас-ад-Дина Кей-Хосрова II. Наиболее яркой фигурой среди них следует признать Дардина Шервашидзе. Румский султан доверил Дардину Абхазу командование войсками в судьбоносной битве с монголами при Кесе-Даге 26 июня (1 июля) 1243 г. Таким образом, в то время как знать «верхних земель» вынуждена была принимать участие в военных мероприятиях под руководством монголов, аристократия «нижних земель» влилась в ряды антимонгольской коалиции, в составе Румского султаната, Трапезундской и Никейской империй. Гийас-ад-Дина Кей-Хосров II и его союзники были разбиты. После указанных событий, вероятно, потеряв всякую надежду на улучшение политической обстановки, Русудан отправила своего сына, в сопровождении знатных вельмож, в ставку хана Бату для утверждения его в правах на восточную часть царства. Таким образом, Давид получал возможность соединить под своей властью как «нижние земли», над которыми неизменно сохранялся суверенитет абхазской короны, так и над «верхними» – в качестве вассала великого хана. Давид был переправлен Бату в Каракорум, к великому хану Гуюку. Сама же царица неизменно отвечала отказом на призывы лично прибыть в ставку хана или монгольского наместника на Кавказе. Армянский автор Киракос Гандзакеци объясняет нежелание Русудан покидать пределы своего государства тем, что «будучи женщиной красивой, не решалась поехать ни к кому из них, дабы не быть

опозоренной» (Киракос 1976: 195). На наш взгляд, царица опасалась быть принужденной к браку, который позволил бы монголам завладеть не только восточной, но и западной частью царства Абхазских Багратидов.

Грузинские и армянские источники единодушно обвиняют царицу в желании обеспечить права на престол своему сыну в обход племянника. Согласно «Столетней летописи», перед кончиной Георгий Лаша не только поручил сестре воспитать его сына, но и «когда ему будет посильно править и станет воином, ... поставить его государем и наследником царства...» (Картлис Цховреба 2008: 337). Это сообщение противоречит данным «Летописи времен Георгия Лаши». Его автор утверждает, что у покойного царя «не осталось венценосного наследника от жены его», продолжательницей династии он называет сестру монарха: «Бог, великий милостью своей не оставил царство, пощадив его от погибели: по воле Божьей оставшуюся с нами Русудан в том же году посадили на престол» (Картлис Цховреба 2008: 217). Более того, аноним заключает свое сочинение молитвой обращенной к Спасителю с просьбой даровать правительнице потомство: «...защити царство сие и царицу нашу, венценосную Русудан, сотвори плод ее нам в радость от рода к роду, даруй ей многие лета, ...» (Картлис Цховреба 2008: 217).

Племянник Русудан Давид был рожден не просто царской наложницей, Георгий Лаша прижил сына от женщины, состоявшей в законном браке с другим мужчиной. Это обстоятельство делало положение Давида весьма двусмысленным. Немаловажен и тот факт, что связь Георгия Лаши с незнатной замужней женщиной была резко осуждена церковью. Установление опеки со стороны Русудан (тетки по отцу) обеспечило Давиду достойное место при царском дворе. С появлением у царицы наследников, рожденных в законном браке, чье знатное происхождение и по отцу, и по матери не вызывало сомнений проблема престолонаследия в царстве Абхазских Багратидов была решена.

Покинувшая Кутаиси, в период нашествия хорезмийцев, царица приняла решение короновать пятилетнего сына: «созвала воинство свое абхазское, Дадриан-Бедианов, эристава Рачинского и католикоса Абхазии. Посадили царем Давида, сына Русудан, благословили в Кутатиси и возложили ему венец; возвели на

царский престол и по обычаю поздравили с воцарением, а католикос исполнил чин миропомазания» (Картлис Цховреба 2008: 343). Очевидно, что речь идет не просто о соправительстве, а о провозглашении Давида монархом равным в правах с Русудан. Об этом недвусмысленно свидетельствуют совершенное абхазским католикосом таинство миропомазания и возложение царского венца. Коронация Давида, сына Русудан не встретила противодействия знати, правда на церемонии присутствовали только представители властной элиты западной части царства. Автор «Столетней летописи» отмечает, что незадолго до этого события племянник царицы, по ее приказу был удален от двора и отправлен к зятю Русудан, в Румский султанат. Данное сообщение анонима вызывает сомнение, церемония коронации Давида произошла в 1230 г., а брак дочери царицы с Гийас ад-Дином Кей-Хосровом II был заключен около 1240 г. Согласно сведениям Киракоса Гандзакеци, племянник Русудан находился в свите царевны Тамар, когда она прибыла в Рум, по случаю бракосочетания с султаном (Киракос 1976: 180). Кстати, последний факт подтверждает и грузинский летописец, сообщающий, что Давид сын Георгия Лаши в течении ряда лет прибывал при дворе сельджукского правителя, в большом почете. Вместе с тем он обвиняет царицу в том, что она отослала Давида к своему зятю султану Рума, «дабы погубить племянника и оставить царство своему сыну в безопасности и безраздельно» (Картлис Цховреба 2008: 343). Аналогичные данные находим у Киракоса Гандзакеци. (Киракос 1976: 180).

Отрывок «Столетней летописи», посвященный злоключениям сына Георгия Лаши, преследуемого сельджукским правителем по наущению царицы, явно носит легендарный характер и, судя по всему, является поздней вставкой. В указанном пассаже, Русудан представлена хитрой, коварной, тщеславной правительницей. Аноним отмечает: «хотя и не пристало говорить о царях что-либо непристойное, ибо глаголет Моисей, лицезревший Господа: «О возглавившем народ твой не говори дурного». Однако, поскольку книга сия является посредницей между добродетелями и злодеями, да будут позволительны слова мои, ибо хронография есть православие, но не повязывание чьих-либо глаз. Ибо в ту пору запомнила она страх Божий, завет брата своего и присягу, которые заповедал царице Русудан брат

ее; вынесла она решение чуждое – утвердить царство сыну своему Давиду» (Картлис Цховреба 2008: 350). Однако изложение последующих событий летописцем не позволяет усомниться в законности прав на престол сына Русудан. После поражения от монголов, царский двор пребывал в Кутаиси. Дабы восстановить контроль над «верхними землями», царица пошла на переговоры с ханом Бату, который обещал утвердить за ней и ее сыном утраченные ранее территории, при условии признания верховной власти хана. Прибывший в Тбилиси, в сопровождении представителей знати «нижних земель», Давид был горячо приветствуем аристократией восточной части царства и всецело поддержан ею. Вскоре, туда приезжает и царица: «и встречала ее вся знать царства ее. И отправила сына своего Давида к казнам, ... вновь оказалось царство под властью царицы Русудан» (Картлис Цховреба 2008: 350). Таким образом, даже в период длительного нахождения венценосцев в западной части царства Абхазских Багратидов их политический авторитет и легитимность не ставились под сомнение. По информации Киракоса Гандзакеци, несмотря на прибытие Давида сына Русудан в ставку великого хана, в Каракорум, монгольские власти «посылали одного за другим гонцов к царице Русудан, [предписывая] ей явиться к ним, хочет она этого или не хочет. То же самое и Бату — он отослал ее сына к хану, а сам звал Русудан явиться к нему» (Киракос 1976: 195). Таким образом, монголы намеревались удерживать Давида до прибытия его матери. Беспокойство за судьбу сына сократили дни Русудан, «она, притесняемая с обеих сторон, приняла смертоносное зелье и покончила с жизнью» (Киракос 1976: 195). «Столетняя летопись» свидетельствует о смерти царицы по естественным причинам. Царица была погребена в Гелати в 1245 г. Наступил период безцарствия, который отмечен важными событиями, в числе которых Кохтаставский заговор, возможно последняя попытка согласованных действий знати «нижних» и «верхних» земель в деле борьбы с монголами и разрешения кризиса престолонаследия, которая, однако не принесла результата. В этот сложный момент некоторые представители элиты восточных областей царства Абхазских Багратидов, опасаясь все более возрастающих амбиций Эгарслана Бакурцихели, вспомнили о незаконном сыне

Георгия Лаши. Вслед за двоюродным братом он также был отправлен в Каракорум. Летописец сообщает: «И пребывали оба – Давид и Давид – при Кубил каэне и каждый пекся о царстве для себя. Саргис из Тмогви упорно противостоял самому Нарин Давиду и те, кто были пред ним, воспитанники его, яко говорили: «Не след, чтобы бабье отродье заняло царство, а не сын самодержавного царя – мужчины». Но те ответствовали, а именно: «Хотя Нарин Давид и бабье отродье, но была же венценосной Русудан, наследовавшая брату ее Георгию, а (потому) и Нарин Давид является царем». И как затянулись прения...» (Картлис Цховреба 2008: 359). Данный отрывок вполне определенно указывает на то, что согласно политическим традициям Абхазского царства, допускавшим наследование по женской линии, права Давида Нарина на власть не могли быть оспорены. Притязания бастарда по мужской линии на трон не имели оснований. Сторонникам сына Георгия Лаши оставалась единственная возможность – апеллировать к монгольской политической практике. Интересные сведения на сей счет сохранились у Плано Карпини. Он сообщает об обоих Давидах, пребывавших в ставке великого хана, причем, по его словам, «один был законный (он называет его Мелик – Авт.), а другой, ... имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния» (История монголов 2008: 269). Автор вкладывает в уста последнего следующие слова, обращенные к хану: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше...» (История монголов 2008: 270). Эти данные подтверждает и Джувейни: «А Давида, сына Кыз-мелик (Русудан – Авт.), он подчинил другому Давиду» (Чингисхан 2004: 177). Однако решение великого хана могло быть продиктовано не столько обычаями степняков, сколько соперничеством между чингизидами. Р. Ю. Почекаев пишет: «Во всех этих назначениях Гуюк руководствовался только одним соображением – не согласиться с выбором Бату, возвести на троны вассальных государств собственных ставленников и тем самым ослабить влияние наследника Джучи в этих регионах» (Почекаев 2007: 181). «Все еще пытаюсь найти общий язык с

Гуюком, Бату отправлял в Каракорум претендентов на троны вассальных государств... В пику Бату Гуюк назначил правителями как раз тех, кто меньше устраивал наследника Джучи. Александру Невскому он предпочел его младшего брата Андрея. Младший сельджукский принц Рукн ад-Дин стал султаном под именем Килич-Арслана IV и получил в управление восточные земли султаната – Сивас, Эрзинджан, Эрзурум и другие города, тогда как старшему, Кей-Кавусу II, остались западные владения – Конья, Анкара, Анталья» (Почекаев 2007: 181), а бастард Георгия Лаши был поддержан в пику законному отпрыску царского рода Давиду, сыну Русудан. Данную точку зрения разделяет и американский исследователь Т. Мэй. П. О. Рыкин, обративший внимание на «поразительную однотипность» решений великого хана, делает вывод, что последовательное введение двоевластия привело сначала к дестабилизации, а затем и распаду государств, оказавшихся в сфере действия указанного порядка (Рыкин 2000).

При преемниках Тамар наметилась смена приемов построения образа власти. Георгий Лаша и Русудан, в течение своего правления, вынуждены были в запутанной геополитической ситуации решать сложные задачи: борьба с грозными внешними врагами, регулярно вторгавшихся на территорию царства, поиск компромисса с усиливающейся аристократией, отчаянное сопротивление центробежным тенденциям, как снежный ком нараставшим, на фоне агрессии хорезмийцев и монголов, стали главными направлениями их деятельности. Суровые реалии первой половины XIII в. лишили интеллектуалов возможности создавать хвалебные жизнеописания монархов. Исчезают биографии и панегирики, являвшиеся основными источниками сведений по исследуемой проблематике, для периода конца XI-XII вв. В этих условиях единственными свидетелями деяний Абхазских Багратидов становятся летописцы. Образ царицы Русудан не получил воплощения в композиционно целостных трудах, подобно образу ее матери Тамар. Его очертания проступают сквозь призму конкретных действий женщины-монарха, описания определенных ситуаций, оценок, даваемых ее поступкам летописцами. Заметим, что царствование Русудан освящено историческими источниками заметно лучше, чем правление иных монархов-мужчин из династии

Абхазских Багратидов. Облик Русудан, сконструированный средневековой историографической традицией, находился в прямой зависимости от тех глобальных политических изменений, которые претерпевал окружающий мир, в период ее правления. Вполне закономерно, что в критический для династии период, к женщине-монарху не мог быть приложен образ идеального государя. Политическое фиаско царской власти делало невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универсалистских притязаний династии Абхазских Багратидов. К Русудан, как и к Тамар неизменно прилагались мужские титулы «царь» и «царь царей», но в отличие от матери она не удостоилась сравнения с Давидом, Соломоном, Александром Македонским, или Константином Великим – т. е. положительной оценки для женщины-правителя. Лучшей похвалой в устах хронистов женщине-монарху становилось указание на то, что она осуществляет свои функции подобно мужчине. Женщина могла управлять и, в частности, управлять государством, «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо (Тогоева 2010: 19). В репрезентации Русудан отсутствует опора на авторитет мужских представителей династии, в частности, брата или деда по матери, тогда как образ Тамар неразрывно связан с ее предшественником Георгием V, ее отцом. Вместе с тем, пространство, отведенное царице в тексте источника, несравнимо с объемом внимания, которое анонимный автор уделяет мужчинам из ее окружения.

Разочарование, вызванное последствиями вражеских вторжений, а затем и распадом единого государства придало образу царицы Русудан очертания реальной исторической персоны. В средневековой историографии крайне сложно найти неидеализированное описание монарха. Существовала некая предзаданность облика правителя, связанный с ним определенный набор представлений, конвенциональных норм. Поэтому, оценки успешных властителей, как правило, достаточно стереотипны. Гораздо больше материала для анализа дают описания монархов, в деятельности которых авторы средневековых нарративов видели и положительные, и отрицательные стороны. Киракос Гандзакечи именует царицу «сладохрастной Шамирам (Семирамидой – Авт.)» (Киракос 1976: 155). а Ибн Биби считает Русудан «выдающимся правителем» (Öztürk 1996: 420-421).

Живописуя царицу, автор «Столетней летописи» обыгрывает сразу несколько аспектов ее образа: внешняя красота, доброта, христианская добродетель, хорошие манеры: «Была Русудан обличьем благозданна, как и блаженная мать ее, незлоблива, щедра, человеколюбива, почитательница людей благонравных» (Картлис Цховреба 2008; 338). В то же время, согласно автору ей присущи женское коварство, распущенность и праздность. Русудан в изображении анонима отличает жажда власти и благополучия, умение проявить решительность, в том числе и в военных вопросах, принимать взвешенные, обдуманые решения. В таком описании очевиден симбиоз подлинных черт личности и качеств сугубо конвенциональных, упоминание которых определялось самим замыслом и задачами сочинения. Средневековые нарративы были направлены на фактографирование власти, давали описание деяний правителя. Поступкам царицы дается оценка сквозь призму общечеловеческих моральных ценностей, в то же время, в осмыслении связанных с ней событиях присутствует и религиозная семантика. Бурная политическая реальность первой половины XIII в. позволила рельефно отразить специфику и стратегии женского правления, «не золотого века» царицы Русудан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка изучить особенности социально-правового положения представительниц правящей элиты Абхазского царства, реконструировать биографии некоторых из них, была предпринята с целью восполнить пробел, возникший в отечественной историографии. Сложился устойчивый взгляд на средневековье как на эпоху, которая говорит мужскими голосами, а инвективы средневековой культуры в адрес женщины звучат вполне определенно.

Вместе с тем, для представительниц высшей аристократии существовала возможность трансформации традиционных гендерных маркеров. Хорошо известно, что процессы именно в среде знати зачастую имели для всего общества значение престижного образца или, по крайней мере, прецедента. Политическая активность женщин из династий Леонидов и Абхазских Багратидов устойчиво прослеживается с момента образования Абхазского государства и на протяжении последующих почти пяти столетий. Источники свидетельствуют об их причастности ко многим важным государственным событиям.

Индивидуальные возможности царственных женщин зависели от целого ряда факторов: рождение наследника, статуса ее семьи, этнической принадлежности, способности налаживать тесные контакты с родственниками или соотечественниками, в том числе и за пределами Абхазского царства. Соответственно ее политическое влияние напрямую коррелировалось данными обстоятельствами. Стоит отметить, что личные качества самой женщины, смелость, решительность, умение руководить, способствовали вовлечению их в политическую борьбу.

Престиж царской династии, потребность в преемственности и придании власти законную силу сделали женщин главным источником передачи легитимности. Статус царственной вдовы давал возможность женщине стать непосредственным участником политической игры, принимать важные решения.

Следующим фактором, способствовавшим укреплению политической роли женщины в Абхазском царстве, был статус соправительницы или опекуна

малолетнего монарха (наследника престола), в этом качестве могли выступать как матери, так и тетки по отцу (чаще).

Опека над наследником престола выступала как надежное средство сохранения династического континуитета после смерти правителя, осуществлявшая ее особа располагала значительными полномочиями и могла участвовать в отправлении функций государственного управления. Проявление политической инициативы женщинами, как правило, связано с кризисными моментами для династии, яркий пример – деятельность царевны Гурандухт, матери основателя второй династии Абхазского царства. В пространстве летописания она действует не только как мать монарха, но и как правитель, обладающий чуть ли не всей полнотой властных функций. Как показывают исследователи, соправительницы или опекуны монархов нередко репрезентировались в качестве символа правящего дома, самостоятельно или совместно с сыном или племянником правителем. Отметим, что изображение знатных женщин в исторических текстах оказываются типологизированными и указывают не на персональные, индивидуальные действия, а представляют их как наиндивидуальный тип, связанный с выполнением предписанных функций.

В процессе рассмотрения событийно-политической истории Абхазского царства высвечиваются некоторые особенности стратегий царственных женщин, способы их самореализации в культурном контексте изучаемой эпохи. Причем показательно, что представительницы властной элиты не только сумели успешно адаптироваться к системе дискриминированной феминности, а то и преодолеть ее, но и смогли оказать на нее трансформирующее воздействие.

Уход от мира и монашество для многих царственных женщин были проявлением повышенной жизненной активности. Они сохраняли связь с обществом и располагали массой средств для репрезентации себя в нем. Их авторитет был высок, царственные монахини выполняли сакральную и дидактическую функции, являясь образцом для подражания. Неоценимой остается деятельность абхазских цариц и царевен, принявших иноческий обет на ниве

благотворительности, поддержания высокого духа населения в тяжелые времена военных конфликтов, а также строительства церквей и монастырей.

Функционирование царской антропонимической системы является органическим компонентом жизнедеятельности династии как в синхронном, так и в диахронном плане и находится в прямой зависимости от социально-экономического и культурного развития общества. Именно это определяет ее объектом лингвокультурологии и социолингвистики. Особый интерес для нас имеют династические имена, имена, которыми нарекались представительницы женской части правящих домов Леонидов и Абхазских Багратидов. Средневековое правосознание установило довольно четкую связь между именем и принадлежностью к царскому роду. Последовательное воспроизведение имен являлось отражением идеи преемственности, непрерывности самой династической традиции и обеспечивало единство рода. Причем данное обстоятельство касалось как мужской, так и женской части царского антропонимикона. Активное функционирование отдельных личных имен, например имени «Гурандухт», скорее всего, способствовало развитию дополнительных значений (коннотаций), связанных с властными отношениями, что обусловило особое восприятие этого антропонима в массовом сознании, прочно связав его с правящей династией.

Изучение женского локуса царского именника показывает, что в них на каждом этапе исторического развития антропонимикон является отражением духовных устремлений и культурных ценностей эпохи. В ономастиконе аккумулируется информация о самих носительницах имен.

Брачные союзы были частью политических интересов династии, где главной задачей было не только поддержание мира и стабильности, но и укрепление международного сотрудничества. Бесспорно, женщины не принимали собственных решений относительно брачных союзов, но были их частью, а значит, частью политики, проводимой царями.

В результате междинастических браков формировалось пространство политических и социокультурных трансферов – внешних и внутренних изменений, центральную роль в которых играли посредники трансфера, т.е. сами персоны,

вступающие в брак. Большинство посредников оказывалось в условиях нового для себя социокультурного и политического пространства. Взаимодействуя с двором, новой династией и семьей, они оказывали влияние на это пространство, используя абхазский и иностранный дворы, как коммуникационные площадки. Стоит подчеркнуть, что большее влияние оказывали царственные женщины, поскольку именно они в большинстве случаев меняли место проживания. Определенная двойственность и умение сочетать в своем поведении и репрезентации своего образа принадлежность к двум странам были необходимы для женщин правящих династий. Это было очень важно и в тех случаях, когда абхазские царевны выходили замуж за иноверцев. Несмотря на то, что они имели право на сохранение православного вероисповедания, связанное с высоким статусом династии абхазских царей, эта же исключительность принадлежности к правящему дому налагала определенные отпечатки на процесс их социокультурной ассимиляции. Представительницы династии Абхазских Багратидов, выданные замуж зарубеж, побывали на тронах практически всех соседних с Абхазским царством государств. Для царственных женщин часто опускались такие церковные запреты, как ранний брачный возраст, браки с иноверцами, что, прежде всего, отвечало государственным интересам, поэтому не воспринималось, видимо, так критически. Четко прослеживается факт, что определенные условия брака диктовались именно со стороны правящей династии Абхазского царства что свидетельствует в пользу того, что установление родственных отношений с царями абхазов являлось престижным.

Остается сожалеть, что источниками зафиксирована политическая деятельность лишь некоторых абхазских царевен, выданных замуж за рубеж, однако это отнюдь не умаляет их роли как «политических инструментов» в руках отцов и братьев — абхазских монархов. Многие из царственных супругов Абхазских Багратидов также проявили себя как энергичные, деятельные и способные личности. О внутрдинастических браках сведений нет, скорее всего, на подобные альянсы был наложен запрет.

Направления междинастических браков сложились, в большей степени, под влиянием внешней политики царей абхазов. Династические связи довольно четко отражали политические приоритеты Леонидов и Абхазских Багратидов. Матримониальные альянсы могли предшествовать союзам стран, закреплять их, становясь итогом какого-либо соглашения. При этом была выработана эффективная система подбора кандидатов для женитьбы или замужества которая отражала политические цели.

Активный интерес исследователей вызывают сюжеты, связанные возможностями женщин–правителей. Угроза прерывания правящей династии выносит на повестку вопрос о переосмыслении роли женщин в монархии. Главным импульсом самостоятельности их действий стала принадлежность к царской династии. С древности носителю верховной власти отводилась роль посредника между народом и богом, сакрального обладателя «судьбы», носителя религиозных и политических функций. Наиболее яркими чертами этого архетипа были слитность богатства, власти, харизмы и даже персоны правителя, кровнородственная передача сакральности в рамках рода. В средние века «судьба» монарха заключалась не только в его божественном происхождении, но и в освящении царской власти церковью. С точки зрения ряда исследователей, «церковная модель святости разрушала родовую сакральность, более того, с развитием в VIII-IX вв. практики помазания королей (царей) клирики могли представить королевскую власть как институт внутри ecclesia, данный церковью и на ее условиях» (Можейко 2017: 132).

По нашему мнению, именно тот факт, что обладателями божественной харизмы, в равной степени считались представители как мужской, так и женской части царских домов Абхазии, сделал возможным не только передачу власти по женской линии, но и правление женщин-монархов. Отметим, что важный идеологический институт средневековой Абхазии – церковь, предпринимала усилия для обоснования указанной практики, не выказывая ни малейших антифеминных настроений, как правило, свойственных клиру и тиражируемых им. Создание востребованного и эффективного имиджа женщины-монарха, во многом

состоялось благодаря удачному сочетанию фемининных и маскулинных качеств, умелому манипулированию гендерными стереотипами в политическом образе. Например, действие женщины-монарха на внешнеполитическом поприще описываются аналогичному, совершаемому правителем-мужчиной, вместе с тем панегиристы прославляют ее как верную жену, заботливую мать, богомолку и рукодельницу, отправляющую свои работы в монастыри. Именно поэтому имидж «идеальной» женщины-монарха, Тамар являл собой «золотую середину» между мужскими и женскими характеристиками.

Влияние женщин на государственную политику Леонидов и Абхазских Багратидов, а также их роль в социальной жизни государства были весьма значительны. Само по себе успешное правление женщин монархов могло быть обеспечено только в том случае, если на протяжении предшествующего периода статус царственных женщин был высок, а их вовлеченность в дела государственного управления довольно масштабны.

Таким образом, проблематика женщины высокого социального статуса в средневековой истории представляется актуальной в теоретическом и практическом аспектах, в общественно-политическом и научно-исследовательском плане. Обращение к тендерным сюжетам столь далекого прошлого иллюминирует культурное значение самой средневековой эпохи, помогает осознать и понять социокультурную перспективу настоящего, повышает и улучшает наши знания об этом символически насыщенном пространстве, а также расширяет фундамент для последующих научных изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. **ал-Куфи 1981:** Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний / Перевод З. М. Буниятова. Баку. 1981. 84 с.
2. **Ал-Гарнати 1971:** Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Пер. с араб., вст. статья и прим. О. Г. Большакова. М., 1971. 67 с.
3. **Анна Комнина 1965:** Анна Комнина. Алексиада / Вст. статья, перев., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. 688 с.
4. **Вардан 1861:** Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого / Перевод М. Эмина. М. 1861. 218 с.
5. **Вахушти:** Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. 339 с.
6. **Воскресенская 1956:** Воскресенская летопись. ПСРЛ. VII. СПб. 1856. 345 с.
7. **Асохик:** Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Перевод Н. Эмина. М., 1864. 335 с.
8. **Георгий Мерчуле 1982:** Георгий Мерчуле. Житие Григола Хандзтийского // В кн.: Древнегрузинская литература (V – XVIII вв.). / Сост. Л. В. Менабде. Тбилиси, 1982. 735 с.
9. **Грузинские документы 1982:** Грузинские документы IX – XV вв. / Перевод и комментарии С. С. Какабадзе. М., 1982. 274 с.
10. **Житие и гражданство 1997:** Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца // Символ. Париж, 1997. № 38. С. 253-288.
11. **Ибн ал-Асир 2005:** Ибн ал-Асир, Ал-камил фи-т-та'рих («Полный свод истории») Избранные отрывки / Перевод с араб яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова. Доп. к перев., прим. и комм., введение и указатели Ш.С. Камолиддина. Ташкент – Цюрих, 2005. 596 с.
12. **Иоанн Киннам 1859:** Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Перевод под редакцией проф. В. Н. Карпова. СПб., 1859. 470 с.

13. **Иоанн Шавтели:** Иоанн Шавтели. Абдул-Мессия.
https://royallib.com/book/shavтели_ioann/abdulmessiya.html?ysclid=lsihvedhv7421047593
14. **Иованнес 1986:** Иованнес Драсханакертци. История Армении / Перевод М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. 395 с.
15. **Ипатьевская 1908:** Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. 638 с.
16. **История монголов 2008:** История монголов: История первых четырех ханов из дома Чингисова/ Н. Я. Бичурин (о. Иакинф); История монголов Джованни дель Плано Карпини. М., 2008. 336 с.
17. **История анонимного повествователя 1971:** История анонимного повествователя / Перевод М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1971. 237 с.
18. **Исторические записки 1997:** Исторические записки Никифора Вриенния (976–1087) / Пер. под ред. В. Н. Карпова. М., 1997. 198 с.
19. **История и восхваление 1985:** История и восхваления венценосцев / Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1985. 112 с.
20. **История монголов инока 1871:** История монголов инока Магакии, XIII века / Перевод К. П. Патканова. М., 1871. 104 с.
21. **Картлис цховреба 1973:** Картлис цховреба. / Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1973. Т. IV. (на груз. яз.).
22. **Картлис цховреба 2008:** Картлис Цховреба, (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. 454 с.
23. **Киракос 1976:** Киракос Гандзакечи. История Армении. (до 1265 г.; написана после 19 мая 1241 г.) / Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян. М., 1976. 357 с.
24. **Коковцов 1932:** Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. 134 с.
25. **Константин Багрянородный:** Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. 496 с.
26. **Корпус 1980:** Корпус грузинских надписей, I, Составитель Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1980. С. 170-174.

27. **Латышев 1911:** Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных Графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. 1896. 1/II 1911. Со многими таблицами и рисунками в тексте. СПб., 1911. С.169 – 198.
28. **Летопись Картли 1982:** Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. 112 с.
29. **Мхитар Гош:** Мхитар Гош. Албанская хроника / Пер. З. М. Буниятова. Баку. 1960. 33 с.
30. **Никита Хониат 1860–1862:** Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / Перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого. Т. 1, СПб., 1860–1862. 446 с.
31. **Никита Хониат 1991:** Никита Хониат. Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли / перев. П.И. Жаворонкова // ВО. М, 1991.
32. **Николай (Гулаберисдзе) 1908:** Николай (Гулаберисдзе), католикос-патриарх. Слово о Столпе Животворящем, хитоне Господнем и Церкви главной / Ред.: П. Иоселиани, В. Карбелашвили. Тифлис, 1908. (на груз. яз.).
33. **Панарет 2019:** Панарет М. О великих Комнинах (Трапезундская хроника) / пер. и коммент. С. П. Карпова, Р. М. Шукурова. СПб., 2019. – 200 с.
34. **Повествование вардапета 1968:** Повествование вардапета Аристахэса Ластиверци / Перевод К.Н. Юзбашяна. М., 1968. 194 с.
35. **Прокопий 1996:** Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Перевод С. П. Кондратьева. М., 1996. 167 с.
36. **Пселл 2003:** Пселл Михаил. Хронография. Краткая история / Пер., статья, примечания Я. Н. Любарского; Пер. Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой. СПб., 2003. 396 с.

37. **Распорядок 1993:** Распорядок царского двора / Пер К. И. Сургуладзе. Тбилиси, 1993.
38. **Садр ад-Дин 1980:** Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийа / Пер. З. М. Буниятов. М., 1980. 328 с.
39. **Смбат 1974:** Смбат Спарпет. Летопись. Ереван, 1974. 198 с.
40. **Сообщения 1986:** Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перевод и комментарии Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.
41. **Столпописание 1998:** Столпописание святого богособранного собора, который собрался по велению благочестивого и богохранимого царя нашего Давида, абхазов и грузин, ранов и кахов царя // Символ. Париж, 1998. № 40.
42. **Сумбат Давитис-дзе 1979:** Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979. 69 с.
43. **Статейный список 1954:** Статейный список Федота Елчина (Путешествие русских послов XVI – XVII вв.) М.-Л., 1954.
44. **Хаутала 2015:** Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань, 2015. 496 с.
45. **Царю Давиду 1998:** Царю Давиду – монах Арсений. О Давиде Строителе // Символ. Париж, 1998. № 40.
46. **Джувейни 2004:** Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. Всего с. 689.
47. **Чахрухадзе:** Чахрухадзе. Тамариани. <https://allgeo.org/index.php/ka/1155-2019-06-14-10-13-11>

Литература

48. **Абаев 1949:** Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949. 601 с.
49. **Агрба 2011:** Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII-X вв.). Сухум, 2011. 188 с.

50. **Агаджанов 1991:** Агаджанов С. Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. М., 1991. 303 с.
51. **Агаджанов 1980:** Агаджанов С. Г. Брачные и свадебные обряды огузов Средней Азии и Казахстана в IX -X III вв. / Страны и народы Востока. Вып.22, кн.2. М., 1980. С. 225-238.
52. **Аджинджал 1996:** Аджинджал Е. К. Церковь и государство: политика и суверенитет в Абхазии X в. // В сборнике: Актуальные проблемы истории народов Кавказа. (Материалы научной конференции, посвященной 70-тилетию со дня рождения З. В. Анчабадзе) Сухум, 1996. С. 189 – 201.
53. **Авалишвили 1989:** Авалишвили З. Из эпохи крестоносцев (Четыре исторических очерка) Тбилиси, 1989.
54. **Акопян 2022:** Акопян А. В. Типогенетический подход к систематизации грузинских монет долгого двенадцатого века // Graphosphaera. 2022. Т. 2. № 2. С. 10–88. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-10-88>
55. **Аладашвили 1977:** Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI веков. М., 1977. 275 с.
56. **Алемань 2003:** Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. 608 с.
57. **Алибегашвили 1979:** Алибегашвили Г. Светский портрет в грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1979. 147 с.
58. **Амиранашвили 1957:** Амиранашвили Ш. Я. Истории грузинском монументальной живописи. Т. 1. Тбилиси, 1957. 736 с.
59. **Амичба 1999:** Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии VI-X вв. Сухум, 1999. 124 с.
60. **Амичба 2010:** Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования). Сухум, 2010. 312 с.
61. **Антелава 1980:** Антелава, И.П. Вопросы социально-политической истории Грузии XI-XV вв. – Тбилиси, 1980. - 264 с.;
62. **Антелава 1983:** Антелава И. П. Из родословной царского дома Грузии XI века. // Вестник АН СССР Грузии. Т. III, № 2, 1983. (на груз. яз.).

63. **Антелава 1988:** Антелава И. П. Грузинские исторические источники XI–XIV вв. – Тб., 1988. С. 42–47 (на груз. яз.).
64. **Анчабадзе 1960:** Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков / Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского карачаевского народов (22– 26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960. 113-126.
65. **Анчабадзе 2010:** Анчабадзе З. В. Избранные труды (в двух томах) Т. 1. Сухум, 2010. 554 с.
66. **Арнаутова 1995:** Арнаутова Ю. Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в средние века / «Одиссей. Человек в истории». М., 1995. с. 151-169.
67. **Артамонов 2002:** Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. 688 с.
68. **Асатиани 1968:** Асатиани Ш. Политические взаимоотношения Грузии и Ширвана в XII в. Труды ТГУ. Т. 125, Тбилиси, 1968. (на груз. яз.).
69. **Ахиджанов 1995:** Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 291 с.
70. **Ашхацава 1925:** Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном Краеведческом Съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г. Издание Наркомпроса Абхазии. 1925.
71. **Ашхацава 2019:** Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории // Избранные труды. Сухум, 2019.
72. **Ашурбейли 1983:** Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. 343 с.
73. **Байрам 2015:** Байрам Ф. Хахульский триптих и Марфа-Мария Аланская // Публикации исследовательского центра археологии университета Мерсины. Olba XXIII. Мерсина, 2015. (на тур. яз.). С. 447-485.
74. **Бакрадзе 1978:** Бакрадзе Дм. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб. 1878. 370 с.
75. **Бардола 2017:** Бардола К. Ю. Этапы переговоров о династическом союзе в практике византийской дипломатии // Вісник Харківського національного

- університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Історія. Харків, 2017. Вип. 53. С. 17-25.
76. **Бгажба 1967:** Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967. 70 с.
77. **Безобразов 1899:** Безобразов В. П. Хрисовул императора Михаила VII Дуки // Византийский Временник. СПб., 1899. Т. VI. С. 140–143.
78. **Белецкий, Виноградов 2019:** Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019. 392 с., 48 цв. ил.
79. **Бердзенишвили 1973:** Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. IV. Тбилиси, 1973. С. 88. (на груз. яз).
80. **Беручашвили, Бичикашвили 2002:** Беручашвили Н., Бичикашвили И. Новая атрибуция креста Квирикэ Хахульского складня // Византийский временник № 86. М., 2002. С. 172-186.
81. **Беручашвили 2017:** Беручашвили Н. История венчальной на царство короны царей Имерети. Тбилиси, 2017. 64 с.
82. **Бибииков 1998:** Бибииков М. В. Историческая литература Византии. Серия Византийская библиотека. СПб., 1998. 315 с.
83. **Бикеева 2010:** Бикеева Н. Ю. «Век аббатис и королев»: «Власть женщин» в раннее средневековье. Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем // Материалы Третьей международной научной конференции Российской ассоциацией исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 1–3 ноября 2010 года, Череповец Т.1., М., 2010. Т.1. С. 13-18.
84. **Бойцов 2009:** Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. 550 с.
85. **Болдырева 2009:** Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI в. Автореферат диссертации (на правах рукописи). Саратов, 2009. 23 с.

86. **Босворт 1971:** Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971. 324 с.
87. **Буниятов 1966:** Буниятов З. М. Грузия и Ширван в первой половине XII в. / Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966.
88. **Буниятов 1978:** Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136-1225 годы). Баку, 1978. 271 с.
89. **Буниятов 1999:** Буниятов З. М. Избранные сочинения в трех томах, Т. 3. Баку, 1999. 376 с.
90. **Ванеев 1989:** Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. 1. Цхинвали, 1989. 417 с.
91. **Васильевский 1894:** Васильевский В. Г. Василия Охридского неизданное надгробное слово // Византийский временник. Т. 1. М., 1894. 55-132.
92. **Васильевский 1908:** Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908.
93. **Васильевский 1913:** Васильевский В. Г. Труды Т. 2. Вып. 1. СПб., 1913.
94. **Вейс 1999:** Вейс Герман. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь. «Темные века» и Средневековье (IV – XIV вв.) Т. 2. М., 1999. 599 с.
95. **Вернадский 1997:** Вернадский В. Г. Монголы и Русь / Перевод с англ. Е. П. Беренштейн, Б. Л. Гумбана, О. В. Строговой. М., - Тверь, 1997. 476 с.
96. **Вильчевский 1957:** Вильчевский О. Л. Хакани. Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта / Советское востоковедение № 4. М., 1957. 63-76 с.
97. **Виноградов, Гугушвили 2018:** Виноградов А. Ю. Гугушвили Ш. Очерк истории Абхазского католикосата. Часть 2. XI–XV вв. / Богословские труды. Вып. 47–48. М., 2018. С. 290–320.
98. **Виноградов, Белецкий 2015:** Виноградов А. Ю. Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М., 2015. 371 с.
99. **Виноградов, Чхаидзе 2021:** Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора всей Алании (ок. 1065–

- 1075 гг.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2021. Т. 49. С. 115–134.
100. **Вирсаладзе 2007:** Вирсаладзе Т. Б. Фресковая роспись художника Микаела Маглакели в Мацхвариши // Избранные труды: Грузинская средневековая монументальная живопись. Тб., 2007. С. 145-224;
101. **Вонсович 2002:** Вонсович Л. В. Знаменитые женщины средневековой Германской империи (X—XII века). Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Выпуск 2 / Гл. ред. И.Р. Чикалова. Минск, 2002. С. 61 - 76.
102. **Воронов 2014:** Воронов Ю, Н. «Очерки истории Абхазии». Научные труды в 7-ми томах. Т. 4. Сухум, 2014. 408 с.
103. **Гагин 2001:** Гагин И. А. Нормы обычного права при заключении международных политических договоров в период раннего средневековья (на примере политических связей Руси и Волжской Булгарии в X-XII вв.) // Вестник Академии права и управления. М., 2001. № 1.
104. **Гаглойти 1969:** Гаглойти Ю. С. Средневековые летописи о Давиде Сослане // Литературная Осетия. № 33, 1969. С. 120 – 127. <http://osinform.org/44438-srednevekovye-letopisi-o-davide-soslane.html#sel=53:2,53:20>
105. **Гадло 2004:** Гадло А. В. К истории отношений Руси и Грузии второй половины XII в. / Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2004. <http://www.hagahan-lib.ru/library/predystoriya-priazovskoy-rusi21.html>
106. **Гвинчадзе 1981:** Гвинчидзе Г. К вопросу первого замужества царицы Тамар // Вестник Академии наук Грузинской ССР. 1981. Т. 102. № 1. С. 205-207.
107. Гордилевский Вл. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. СПб., 1941. 198 с.

108. **Горский 1987:** Горский А. А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 1-15.
109. **Грабар 2000:** Грабар Андрэ. Император в византийском искусстве / Пер. с фр. Ю. Л. Грейдинга. М., 2000. 328 с.
110. **Григоровский 2008:** Григоровский С. П. Препятствия к Венчанию и к восприемничеству при Крещении. М., 2008. 56 с.
111. **Григорян 1990:** Григорян Г. М. Очерки истории Сюника. IX—XV вв. Ереван, 1990. 390 с.
112. **Гулия 1986:** Гулия Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. История Абхазии. Этнография. Сухуми, 1986. 327 с.
113. **Гумба 1994:** Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. Сухум, 1994. 19 с.
114. **Гунба 1999:** Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI—XIII вв.). Сухум, 1999. 162 с.
115. **Гуревич 2021:** Гуревич К. И. Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей) // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 97 - 123.
116. **Гуревич 1991:** Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. М., 1991. № 2-3. С. 21-36.
117. **Гутнова 1969:** Гутнова Е. В. Основные этапы развития советской медиевистики. Вопросы истории, № 1ю М., 1969. С. 74-88.
118. **Гуссейн-заде 2011:** Гуссейн-заде Р. Верования, обычаи и обряды тюрок VIII -XII веков (По сирийским источникам) / Кавказ и глобализация. Т. 5. Выпуск 1—2. Баку. 2011. С. 103-121.
119. **Гуссейн-заде 2013:** Гуссейн-заде Р. А. Сельджукская эпоха истории Кавказа. М, 2013. 184 с.
120. **Дбар 2022:** Дбар Д. З. (Архимандрит Дорофей). Письма Константинопольского патриарха св. Николая I Мистика абхазским царям и

- христианизация аланов // Христианство на Северном Кавказе: история, культура, современное общество: сборник научных статей. Владикавказ. 2022. С. 3-25.
121. **Две книги 2001:** Две книги о Михаиле Пселле: П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл и Я. Н. Любарский. Михаил Пселл: личность и творчество. СПб., 2001. 544 с.
122. **Джавахишвили 1929:** Джавахишвили И. А. История грузинского права. Тифлис, 1929. Т. 2. Ч. 2. (на груз. яз.).
123. **Дондуа 1967:** Дондуа В. Д. Сестра царицы Тамар // Исторические разыскания, I, Тбилиси, 1967. С. 79—87 (на груз. яз.).
124. **Жужунадзе 1968:** Жужунадзе О. Г. Из истории взаимоотношений Киевской Руси и Грузии в XII в. // Сборник «Из истории украинско-грузинских связей» Т. I, Тбилиси, 1968. С. 25-37.
125. **Зайцева 2019:** Зайцева Т. И. Статус вдовы правителя в придворном пространстве Германии и Франции (по материалам современной гендерной медиевистики) // Адам и Ева. 2019. Вып. 27. С. 182-195. <https://roii.ru/r/3/27.7>
126. **Закарая 1992:** Закарая П. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992. 192 с. 230 илл.
127. **Иванов 2003:** Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. 375 с.
128. **Инал-ипа 1976:** Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. 463 с.
129. **Инал-ипа 1988:** Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа) Сухуми, 1988. 336 с.
130. **Инал-ипа 2002:** Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп 2002.
131. **Ислам 1998:** Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1 М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН 1998. С. 64. «Сын ал-Л. – Абу ‘Абдаллах ал-Хасан».
132. **Искусство 2011:** Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. 271 с.

133. **Каждан 1974:** Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974. 292 с.
134. **Казарян:** Казарян О. Авторитет папы римского для армяно-халкидонитской общины в период крестовых походов на Восток (XI–XIII вв.). <http://deusvult.ru/102-tserkovnye-kontakty>
135. **Какабадзе 1966:** Какабадзе С. Н. Руставели и его поэма «Витязь в тигровой шкуре». Тбилиси, 1966. (на груз. яз.).
136. **Калмыкова 2007:** Калмыкова Е. О. Гендерный аспект идеи святости в православии и католицизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер, 6. Вып. 3. 2007. 278-282 с.
137. **Капанадзе 1955:** Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955. 185 с.
138. **Касландзия 2017:** Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017.
139. **Карамзин 1991:** Карамзин Н. М. История государства российского / в 12 томах. Т. 2. М., 1991.
140. **Каргалов 2008:** Каргалов В. В. Русь и кочевники. (Тайны Земли Русской). М., 2008. 479 с.
141. **Карпов 2006:** Карпов А. Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006. (ЖЗЛ). 425 с.
142. **Карпов 2011:** Карпов С.П. Средневековый Понт. Российские исследования по мировой истории и культуре / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. Т. 15. Lewiston; Queenston; Lampeter. 2001. 461 с.
143. **Каухчишвили 1936:** Каухчишвили С. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III., Тбилиси, 1936.
144. **Каухчишвили 1974:** Каухчишвили Г. С. Грузинские источники по истории Византии. Т. I. Тбилиси, 1974.
145. **Кварчия 2015:** Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015. 665 с.

146. **Квашилава 2013-2015:** Квашилава К. Еще раз о том, когда стала река Энгури, «пограничной» рекой / Исторические разыскания. Ежегодник. XII. Тбилиси, 2013–2015. С. 120-157.
147. **Кекелидзе 1944:** Кекелидзе К. Древнегрузинская церковная литература [христианский Восток] «Конспективный курс истории древнегрузинской литературы» // Этюды по истории древнегрузинской литературы, Тбилиси, 1944. <http://www.krotov.org/history/08/1944keke.html>
148. **Кекелидзе 1957:** Кекелидзе К. Этюды из истории древней грузинской литературы. Тбилиси, 1957. Т. 4. С. 203-210. (на груз. яз.).
149. **Коновалова 1999:** Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. 253 с.
150. **Кондаков 1914:** Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 1. СПб., 1914. 403 с.
151. **Кораев, Янь 2023:** Кораев Т. К., Янь Миньцзя. Согдийский правящий род на кавказских рубежах Халифата — Саджиды: II — Абу-л-Касим Йусуф (900-е–920-е годы). Ориенталистика. М., 2023; 6(3-4):493–508. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-493-508>.
152. **Котляр 1968:** Котляр Н. Ф. Половцы в Грузии и Владимир Мономах. В сб. / Из истории украино-грузинских связей, Тбилиси, Т. I, 1968.
153. **Котляр 1975:** Котляр Н. Ф. Грузинские сюжеты древнерусских летописей // Сборник. Из истории украино-грузинских связей, Т. III, Тбилиси, 1975.
154. **Кром 2010:** Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
155. **Кудрявцев 1922:** Кудрявцев К. Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922. 184 с.
156. **Кудрявцев 1981:** Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1981. 171 с.
157. **Кудрявцев 2020:** Кудрявцев А. А. Дербентский эмират в истории средневекового Кавказа домонгольского времени (X-XIII вв.) // История: факты и символы. № 3 (24), 2020. С. 83- 95.

158. **Кузнецов 1988:** Кузнецов В. А. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 76-92.
159. **Кузнецов 1992:** Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. 392 с.
160. **Кузнецов 2009:** Кузнецов А. А. Родственники Андрея Боголюбского в аспекте изучения обстоятельств и последствий его гибели // Вестник Нижегородского университета. № 1. Нижний Новгород, 2009. С. 135 – 139.
161. **Куник 1854:** Куник А. Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗ имп. АН по I и III отделениям. 1854. Т. 2.
162. **Курц 1900:** Курц Э. [Два произведения Константина Манасси, относящиеся к смерти Феодоры Контостефанины](#) // Византийский временник. Том VII. СПб., 1900. С. 621-645.
163. **Кучкин, Сумникова 1996:** Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
164. **Леонид (Кавелин) 1885:** Леонид (Кавелин) архимандрит. Абхазия и в ней Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885.
165. **Литвина, Успенский 2010:** Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси кон. XI — нач. XIII века. М., 2010. 207 с.
166. **Литвина, Успенский 2013:** Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. 280 с.
167. **Литвина, Успенский 2014:** Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти / Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλατιορῶσια: ἐν χρόνῳ, ἐν πρόσωπῳ, ἐν εἰδέι. Альманах / Под ред. д.и.н. П. И Гайденко. СПб., Казань, 2014. С. 7-20.

168. **Литвина, Успенский 2018:** Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 63 - 79.
169. **Лихачева 1976:** Лихачева В. Д. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976. 181 с.
170. **Лопарев 1902:** Лопарев Х. Брак Мстиславны (1122) // Византийский временник. Т. 9. СПб., 1902. С. 418—445.
171. **Лордкипанидзе 1974:** Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI — начала XIII в. Тбилиси, 1974. (на груз. яз).
172. **Маан 2020:** Маан О. В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII – XVIII вв.) Историко-этнологическое исследование. – Сухум. 2020. 540 с.
173. **Магарамов 2007:** Магарамов Ш. А. Политические отношения дагестанских владетелей с ширваншахами в IX–XI вв. Вестник института ИАЭ. 2007. № 1. С. 8 – 16.
174. **Майсурадзе 1966:** Майсурадзе Г. М. Один армянский источник о восстании царевича Демны / Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966. (на груз. яз.).
175. **Макарова 2010:** Макарова А. Л. Царский и ктиторский портреты церкви рождества Богородицы в Бетании (Грузия): к вопросу о датировке и атрибуции памятника // Вестник ПСТГУ Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства 2010. Вып. 2 (2). С. 19–32.
176. **Малахов 2019:** Малахов С. Н. Православные властодержцы Алании: антропонимы и небесные покровители // Аланское православие: история и культура [Текст]: сборник материалов VII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / (Серия «Аланская библиотека». Владикавказ, 2019. С. 55-82.

177. **Малахов 2022:** Малахов С. Н. Автократорисса Мария Аланская в системе династических связей Алании, Византийской империи и Грузии // Kavkaz-Forum. Владикавказ, Вып. 11 (18). 2022. С 52-65.
178. **Манандян 1952:** Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа. Т. III., Ереван, 1952. (на арм. яз.).
179. **Материалы по истории Азербайджана 1940:** Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940.
180. **Материалы по археологии 1904:** Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисл. гр. Уваровой; Моск. археолог. о-во. - М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888-1916. - На обл. надзаг. : Кавказ. Вып. 10 : [Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию графини Уваровой]. - 1904. - [8], 184, 40 с. : ил., 47 л. ил. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / Вып. 10. [Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию графини Уваровой. М. 1904.
181. **Марен 2022:** Марен Эжен. Монахи Константинополя III-IX вв. Жизнь за стенами святых обителей столицы Византии / Пер. с фр. И. А. Петровский. М., 2022. 415 с.
182. **Мачавариани 1886:** Мачавариани К. Д. Сухум (От нашего корреспондента). Газета «Новости и биржевая газета», СПб, 1886, № 50.
183. **Метревели 1991:** Метревели Р. В. Царица Тамар: Политико-культурное и социально-экономическое обозрение. Тбилиси, 1991. 389 с.
184. **Метревели 1996:** Метревели Р. В. Дипломатия Давида Строителя на Кавказе / Научная мысль Кавказа. 1996. № 4.
185. **Месхия 1958:** Месхия Ш. А. Цинцадзе Я. З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X-XVIII вв. Тбилиси, 1958.
186. **Месхия 1970:** Месхия Ш. Д. Примечания к истории древней Руси и Грузии. (По поводу статьи И. З. Цинцадзе), «Мнатоби», № 1, Тбилиси, 1970. (на груз. яз.).

187. **Микаберидзе 2005:** Микаберидзе А. Новые штрихи к портрету византийской императрицы Марии Вотаниати / Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 139 - 154
188. **Мильков 2022:** Мильков В. В. Климент Смолятич: русский опыт автокефалии и наследие Солунских братьев // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2022. № 1 (17). С. 30–47.
189. **Минорский 1963:** Минорский К. Ф. История Ширвана и Дербенда. М.: Восточная литература, 1963. Приложения I-VI. С. 188-216.
190. **Митрофанов 2023:** Митрофанов А. Ю. Императрица Мария Аланская в повествовании Анны Комниной: к вопросу о генезисе «древнерусского» самозванчества // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 21–42.
191. **Михайлов 2008:** Михайлов М. И. Западная Алания в XI веке: эпоха династических браков // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, № 3 (28), 2008. С. 83-84.
192. **Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007:** Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. 345 с.
193. **Можейко 2017:** Можейко М. А. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 128–138.
194. **Мохов 2011:** Мохов А. С. Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск 17, № 1. (96) / 2011. Белгород, 2011. С. 58-66.
195. **Мурадян 1969:** Мурадян П. К хронологии некоторых событий в Грузии и Армении конца XII века // Вестник Матенадарана. Т. 9. 1969. С. 125-135.

196. **Мурадян 1973:** Мурадян П. М. Об издании и переводе одного отрывка из памятной записи Давида Кобайрского. Историко-филологический журнал АН АССР № 2. 1973. С. 183-188.
197. **Мурадян 1985:** Мурадян П. М. Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети). Ереван, 1985. 228 с.
198. **Мургулия, Шушарин 1998:** Мургулия М. П., Шушарин В. П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII-XIII веках. М., 1998. 335 с.
199. **Мухамадеев 2021:** Мухамадеев А. Р. Клятвы и договоры как основы регулирования взаимоотношений в кыпчакском обществе. «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 4, Казань, 2021. С. 37 – 48.
200. **Нодия 1978:** Нодия И. М. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии // Византиноведческие этюды / Гл. ред. Т. В. Гамкрелидзе. Тбилиси, 1978. С. 146–155.
201. **Оболенский 1998:** Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. 653 с.
202. **Опись 1890:** Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии, составленная по Высочайшему повелению профессором С.-Петербургского Университета Н. Кондаковым, грузинские надписи прочтены и истолкованы Дмитрием Бакрадзе. С 82 рисунками в тексте. СПб., 1890. 179 с.
203. **Острогорский 2011:** Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем.: М. В. Грацианский; ред.: П. В. Кузенков. М., 2011. 895 с.
204. **Отарашвили, Микеладзе 2020:** Отарашвили А., Микеладзе Н. Византийская царица Мария Багратиони и Грузия. // История, археология, этнология № 3. Тбилиси, 2020. С. 111-117. (на груз. яз).
205. **Отхмезури 1994:** Отхмезури Г. Эпиграфика северной части Шида Картли // Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994. С. 55-70.
206. **Охлупина 2011:** Охлупина И. С. Образы святых женщин в Византии VIII – XII вв.: становление, эволюция, типология. Автореферат диссертации

- на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2011. 26 с.
207. **Очерки 1988:** Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси, 1988. 579 с.
208. **Павлов:** Павлов А. Г. Культурные, религиозные и социальные аспекты безбрачия. Электронного научного издания «Аналитика культурологии». Запись опубликована 07.10.2010 автором admin в рубрике Выпуск 3 (15), 2009. http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/304-article_14-7.html
209. **Паламарчук 2006:** Паламарчук А.А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 404-418.
210. **Папаскир 2020:** Папаскир А. Л. Обезы (абхазы) в древнерусских источниках и некоторые проблемы истории Абхазии. Сухум, 2020. 758 с.
211. **Папаскири 1982:** Папаскири З. В. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982. 152 с.
212. **Папаскири 2001:** Папаскири З. В. От Давида до Давида. Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв. Тбилиси, 2001. 114 с.
213. **Папаскири 2008:** Папаскири З. Абхазия и абхазы в общегрузинском этнокультурном и политико-государственном пространстве. Кавказ & Глобализация. Том 2. Выпуск 2. Часть 1. Баку, 2008. С.120-139.
214. **Папаскири 2013:** Папаскири З. Об одной загадке в грузино-сельджукских взаимоотношениях накануне Манцикертского сражения // Кавказ & глобализация. Т. 7 Вып. 3—4. Баку, 2013. С. 150-162.
215. **Пайчадзе 1989:** Пайчадзе Г. Г. Название Грузии в русских письменных исторических источниках. Тбилиси, 1989. 65 с.
216. **Пападимитриу 1904:** Пападимитриу С. Брак русской княжны Мстиславны-Доброеи с греческим царевичем Алексеем Комниным // Византийский временник. СПб., 1904. Т. 11 (1-2). С. 73-98.

217. **Пахомов 1930:** Пахомов Е. А. О Дербендском княжестве XII-XIII в.; К толкованию пехлевийских надписей Дербенда. Баку, 1930. Известия АзГНИИ ; т. 1, вып. 2. 16 с.
218. **Пахомов 1970:** Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970. 352 с., 12 л.
219. **Плетнева 1976:** Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. 96 с.
220. **Православная энциклопедия 2000:** Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. <https://www.pravenc.ru/text/2562512.html>
221. **Асатиани 2009:** Протоиерей Фридон Асатиани. Время царствования Святой Благоверной царицы Тамары Специальность: Истории Поместных Православных Церквей Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2009. 19 с.
222. **Почекаев 2007:** Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2007. 350 с.
223. **Розина 2019:** Розина О. В. Ордена и обители суфиев в Турции: историко-культурологическое исследование // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2019 № 3 (18). С. 196-206.
224. **Рыкин 2000:** Рыкин П.О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском (антропологический подход) // Михайловский замок. Историко-литературный журнал. № 3. 2000. С. 209-226.
225. **Рышковская 2014:** Рышковская А. Ю., Болгов Н. Н. К истории женского монашества на ранневизантийском Востоке (Египет) // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва - Магнитогорск – Новосибирск, № 4 (46). 2014. С. 53-65.
226. **Салбиев 2018:** Салбиев Т. К. Аланская царская династия в Нартиаде (проблема стадильности эпопеи) // Известия СОИГСИ № 30 (69). Владикавказ, 2018 С. 15-23.
227. **Селезнев 1850:** Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. О древних народах восточного берега с самых отдаленных времен до X века. Книжка 3. СПб, 1850. 179 с.

228. **Сидоров 2019:** Сидоров А.И. Образ Давида в каролингской политической культуре: языки власти (вторая половина VIII – IX вв.) // Люди и тексты: исторический альманах. М., 2019. Вып. 12. С. 7-41.
229. **Сихарулидзе 1943:** Сихарулидзе Кс. Царица Тамар в народном творчестве. Тбилиси, 1943. (на груз. яз.).
230. **Скабаланович 2004:** Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексей I Комнина. В 2-х книгах. СПб., 2004. 450 с.
231. **Словарь 2002:** Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., Информация XXI век. 2002. 256 с.
https://studylib.ru/doc/151282/slovar._-gendernyh-terminov--doc?ysclid=lw4qrprq24558261608
232. **Соколов 2003:** Соколов И. И. Состояние монашества в византийской церкви в IX–XIII вв. (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. 100 с.
233. **Степаненко 1985:** Степаненко В. П. «Совет двенадцати ишханов» и Бодуэн Фландрский. к сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1985. Вып. 22. С. 82-92.
234. **Степаненко 2004:** Степаненко В. П. Брачная дипломатия в западной политике Византии второй половины XII в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 158-161.
235. **Сукиасян 1969:** Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI-XIV вв.). Ереван, 1969. 333 с.
236. **Степнадзе 1987:** Степнадзе Дж. Тетка Тамар Русудан // Мнатоби, № 7, Тбилиси, 1987, сс. 155—161. (на груз. яз.).
237. **Татарченко 2016:** Татарченко С. Н. Роспись церковей монастыря Кинцвиси в контексте грузинского и византийского искусства 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

- Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения
Научный руководитель: доктор искусствоведения, профессор О.С. Попова
Москва 2016. На правах рукописи. 233 с.
238. **Таргамадзе 2017:** Таргамадзе З. Социально-правовой статус женщин в средневековой Грузии. *Международный журнал культуры и истории*, Vol. 3, № 1, март 2017 г. (англ. яз.).
239. **Такайшвили 1952:** Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917-го года в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952.
240. **Тер-Гевондян 1977:** Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. 319 с.
241. **Тогоева 2010:** Тогоева О. И. Женщина у власти в средние века и новое время: о понятии «virago». / *Диалог со временем*. № 31., М., 2010. С. 16 - 35.
242. **Тогошвили 1990:** Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. 133 с.
243. **Толочко 1980:** Толочко П. П. Киев и киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. Киев, 1980. 223 с.
244. **Туаллагов 2019:** Туаллагов А.А. Из истории аланской аристократии и государства // *Nartamongæ*. Т. XIV. №1-2. Владикавказ- Париж, 2019. С.135–220.
245. **Ульянов 2008:** Ульянов О. Г. О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси // *Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов*. М., 2008. С. 133-140.
246. **Успенский 2000:** Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. - М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.).
247. **Успенский 2005:** Успенский Ф.И. История Византийской империи VI–IX вв. Т. 2. М., 2005. 827 с.

248. **Успенский 2017:** Успенский Б. А. Митрополит Климент Смолятич и его послания // *Slověne*. № 1. М., 2017. С. 171 - 218.
249. **Фадеев 1934:** Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии (с древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). Ч. 1. Сухум, 1934.
250. **Физерстоун 2015:** Физерстоун Дж. Император и императорский двор // *Оксфордское руководство по византистике* / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швец; гл. ред.: С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль, А. А. Роменский; пер. и адапт. указателя А. Н. Домановский. – Вып. 2. – Харьков: Майдан, 2015. – 604 с. (Нартекс. *Byzantina Ucrainensia*. Том 4).
251. **Хонелия 1965:** Хонелия Р. А. Некоторые вопросы истории Абхазии и абхазов по армянским источникам // *Историко-филологический журнал АН Арм. ССР*. 1965. № 4 (31). С. 92-104.
252. **Хонелия 1967:** Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX-X вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ереван, 1967. 26 с.
253. **Цатурова 2006:** Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // *Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти*. – М., 2006. – С. 78–95.
254. **Цинцадзе 1956:** Цинцадзе И. З. Разыскания по истории русско-грузинских взаимоотношений (X—XVI вв.). Тбилиси, 1956. (на груз. яз.).
255. **Циркин 2010:** Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010. 455 с.
256. **Цкитишвили 1966:** Цкитишвили Г. К. К прочтению одного места из «Истории и восхваления венценосцев» / Сборник «Грузия в эпоху Руставели». Тбилиси, 1966. С. 307. (на груз. яз, резюм. на рус.) С. 222-227.
257. **Цулая 1982:** Цулая Г. В. Источниковедческие проблемы «Летописи Картли» // В кн: *Летопись Картли* / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. 112 с.

258. **Цулая 1995:** Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995. 171 с.
259. **Чирикба 2013:** Чирикба В. А. К этимологии этнонима апсуа «абхаз» // Абхазоведение. Труды АБИГИ. Язык. Фольклор. Литература. Выпуск IV. Сухум, 2013.
260. **Чубинашвили 1957:** Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. VIII-XVIII вв. Тбилиси, 1957. 20 с., 27 с. текста,
261. **Чугунная 2016:** Чугунная Е. С. Брачная дипломатия Рюриковичей как фактор укрепления международных отношений // The Newman In Foreign Policy № 33 (77), октябрь-ноябрь. Ростов-на-Дону, 2016. С. 49-51.
262. **Чхаидзе 2021:** Чхаидзе В. Н. Византийско-абхазские и византийско-аланские связи по данным памятников сфрагистики // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М, 2021. С. 70-90.
263. **Шамба 1987:** Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. - XIII в. н.э.). Тбилиси, 1987. 135 с.
264. **Шандровская 1994:** Шандровская В. С. К Истории фемы Васпуракан // Византийский временник. Т. 55. (80). Часть 1. М., 1994. С. 152-161.
265. **Шефик Джан 2008:** Шефик Джан. Мевляна Джалаледин Руми – жизнь, личность, мысли. М., 2008. 432 с.
266. **Ан-Насави 1996:** Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996.
267. **Штриттер 2011:** Штриттер И. Г. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. Переведенные труды византийских авторов. Анакопия – Новый Афон, 2011.
268. **Шукуров 2001:** Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204-1461). СПб., 2001. 448 с.
269. **Юзбашян 1988:** Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX – XI вв. М., 1988. 298 с.

270. **Юрасов 2017:** Юрасов М. К. Венгрия и Русские княжества в XII веке / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. (на правах рукописи). М., 2017. 626 с.
271. **Юревич 2004:** Юревич Октавиуш. Андроник I Комнин / Пер. с англ. К. Л. Дробинской СПб., 2004. 256 с.

Источники и литература на иностранных языках

272. **Alexidze 1991:** Alexidze A. Martha-Maria: A Striking Figure in the Culture History of Georgia and Byzantium // *The Greeks in The Black Sea from the Bronze Age to the Early Twentieth Century* (ed. M. Koromila), Athens. 1991. P. 204-212.
273. **Armenia and the Crusades 1993:** *Armenia and the Crusades, tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa* /translated from the original Armenian with a commentary and introduction by Ara Edmond Dostourian; foreword by Krikor H. Maksoudian. - Lanham, N. Y., L. 1993. https://www.vostlit.info/Texts/rus3/Matfei_II/frametext32.htm
274. **Anselli Cantoris:** Anselli Cantoris S. Sepulcri Epistola ad Ecclesiam Parisiensem // MPL. T. 162. Col. 729-732. (730);
275. **Aflâkî 1918-1922:** Aflâkî. Manaqib-ul-'arifin. Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs. Récits traduits du persan et annotés. t. I—II. Paris, 1918—1922. 391 p.
276. **Βαρζοσ 1984:** Βαρζοσ Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνων. Θεσσαλονικη. 1984. Τ. Α. 379 σ.
277. **Brosset 1849:** Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. St.-Pétersbourg, 1849. 694 с.
278. **Chronique de Matthieu d'Édesse 1858:** Chronique de Matthieu d'Édesse [962-1136] Continuéе par Grégoire le prêtre [jusqu'en 1162.] [D'après trois manuscrits de la Bibliothèque impériale de Paris]. Paris, 1858. 546 с.
279. **Cheyne, Vannier 2003:** Cheynet J.-C., Vannier J.-F. Les Argyroip // Zbornik Radova Vizantološkog Instituta. Београд, 2003. Т. 40. С. 57-90.

280. **Constantinus Porphyrogenitus 1829:** Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / Ed. J. J. Reiske. Bonn, 1829. 807 p.
281. **Eastmond 1998:** Eastmond A. Royal Imagery in Medieval Georgia. Pennsylvania State University Press, 1998.
282. **Falkenhausen 1982:** Falkenhausen V. v. Olympias, eine normannische Prinzessin in Konstantinopel. Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi. Vita e pensiero. Milano, 1982. P. 56–72.
283. **Garland 1999:** Garland L. Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527-1204. London - New York, 1999. 564 p.
284. **Garland, Ripp 2006:** Garland L., Ripp S. Mary of "Alania": Woman and Empress Between Two Worlds // Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200 / Ed. L. Garland / Publications for the Centre for Hellenic Studies, Kings College London. London, 2006. P. 91–124.
285. **Gesta 1967:** Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum: The Deeds of the Franks and the Other Pilgrims to Jerusalem, edited and translated by Rosalind Hill, Oxford, 1967.
286. **Garitte 1956:** Garitte G. «La Passion géorgienne de Sainte Golindouch». Analecta Bollandiana, vol. 74. 1956.
287. **Golden 1984:** Golden P. Cumanica I: The Qipčaq in Georgia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 4. Wiesbaden, 1984.
288. **Gautier 1970:** Gautier Paul. La curieuse ascendance de Jean Tzetzés // Revue des études byzantines. tome 28. Paris, 1970. pp. 207-220.
289. **Gautier 1974:** Gautier Paul. Le typikon du Christ Sauveur Pantocrator // Revue des études byzantines. T. 32. Paris, 1974. pp. 1-145;
290. **Gautier 1985:** Gautier Paul. Le typikon de la Théotokos Kécharitôméné // Revue des études byzantines. T. 43. Paris, 1985. pp. 5-165;
291. **Historical dictionary of Georgia 2007:** Historical dictionary of Georgia / Alexander Mikaberidze. Historical Dictionaries of Europe, No. 50. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2007.

292. **Histoire des Seldjoudes de l'Irâq 1889:** Histoire des Seldjoudes de l'Irâq, par al-Bondari, d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. Texte arabe publié... par M. Th. Houtsma, Leide, 1889.
293. **Joannis Tzetzae 1826:** Joannis Tzetzae. Historiarum variarum Chiliades / graece ed. Th. Kiesslingius, Lipsiae, 1826. 568 c.
294. **Iohannes Zonaras 1897:** Iohannes Zonaras, Epitome historiarum, III, ed. Th. Buttner Wobst, Bonnae, 1897. 932 c.
295. **Ioannis Scylitzae 1973:** Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum // Corpus fontium historiae byzantinae. V. 5 Berlin, 1973. Pp. 580.
296. **Ibn BiBi 1996:** Ibn BiBi (El-Hüseyin B. Muhammed B. Ali El-Ca'feri Er-Rugadi). El-Evampirü'l-Alâ'iyye fi'l-Umûri'l-Alâ'iyye (Selcuknâme). I. Ankara, 1996. 458 s.
297. **Kolia-Dermitzaki 1997:** Kolia-Dermitzaki A. Michael VII Doukas, Robert Guiscard and the Byzantine-Norman Marriage Negotiations // Byzantinoslavica. Vol. LVIII (2). Prague, 1997. P. 251-268.
298. **Kanon 2011:** Kanon pokutny Galobani sinanulisani გალობანი სიძანულისანი. Zjęzyka starogruzińskiego przełożył Dawid Kolbaia Warszawa. 2011.
299. **Κουντουράκης 2021:** Κουντουράκης Δημήτριος. Παπίκιον Όρος και Ιβηρική Αριστοκρατία του Βυζαντίου. Η Μονή του Αγίου Γεωργίου, η Μαρία η Αλανή και ο Γρηγόριος Πακουριανός, Ιερά Μητρόπολις Μαρωνείας και Κομοτηνής, Κομοτηνή, 2021. (πεζ. να αηγλ.). 560 c.
300. **Lampsides 1971-1972:** Lampsides O. Peri ten hidrysin toil kratous ton megaton Komnenon // AP. 1971 -1972. T. 31. P. 3 – 18.
301. **Laonici Chalcocandylae 1927:** Laonici Chalcocandylae. Historiarum demonstrationes / ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. T. 2.
302. **Mikaberidze 1998:** Mikaberidze A. Maria-Martha Bagrationi in Byzanz und Georgien (Bemerkungen zu ihrer Prosopographie im Lichte jungster

- archaologischer Ausgaben) // CAUCASICA. The Journal of Caucasian Studies, vol. I, Tbilisi 1998.
303. **May 2012:** May Timothy. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan / Caucasus during the Mongol Period - Der Kaukasus in der Mongolenzeit Edited by Jurgen Tubach, Sophia G. Vashalomidze and Manfred Zimmer Reichert Verlag Wiesbaden, 2012.
304. **Nikolaishvili 2019:** Nikolaishvili Sandro. Byzantium and the Georgian World c. 900–1210: Ideology of Kingship and Rhetoric in the Byzantine Periphery / Doctoral Dissertation. Budapest, 2019.
305. **Öztürk 1996:** Öztürk Mürsel. El-Evamiru'l-Alaiyye fi'l-Umuri'l-Alaiyye: Selçuk name. C.1., Ankara, 1996.
306. **Prinke 2011:** Prinke R. T. Kata of Georgia, Daughter of King David IV the Builder, as Wife of Sebastokrator Isaakios Komnenos // Foundations. 2011. No. 3 (6). P. 489–502. Published by the Foundation for Medieval Genealogy (FMG), Vowchurch, Hereford, England <https://fmg.ac/publications/journal/volume-3/category/58-fnd-3-6>.
307. **Parani 2003:** Parani M. G. Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th – 15th Centuries). Leiden, Boston, 2003.
308. **Ruth de Collenberg 1971:** Ruth de Collenberg W. Le «Thorakion». Recherches iconographiques // Melanges de l'Ecole Frangaise de Rome. Rome, 1971. T. 83.
309. **Seibt 1978:** Seibt W. Die Eingliederung von Vaspurakan Byzantinische Reich (etwa Anfang 1019 bzw. Anfang 1022). Handes Amsorya 92. 1978. 49–66.
310. **Seibt 2004:** Seibt W. Metropoliten und Herrsher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10–12 Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры: сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004. С. 50-59.
311. **Seibt 2011:** Seibt W. Zukunftsperspektiven der byzantinischen Siegelkunde — Auf welchen Gebieten sind die bedeutendsten Wissenszuwächse zu erwarten? //

- ῾Ηπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigillography (Ioannina, 1.–3. October 2009). Wiesbaden 2011. S. 17–36.
312. **Seibt 2012:** Seibt W. The Byzantine Thema of Soteriupolis-Anakopia in the 11th century // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Tbilisi, 2012. Vol. 6. № 2. P. 174-178.
313. **Seibt 2016:** Seibt W. The Eastern Frontier of Byzantium in the Decennia after Mantzikert — Can Seals Help Reconstruct Development? // Studies in Byzantine Sigillography. GmbH, Berlin, Boston, 2016. T. 12. P. 31, n. 36.
314. **Skhirtladze 2011:** Skhirtladze Zaza. Another Portrait of Queen Tamar? // Anadolu Kültürlerinde Süreklilik ve Değişim Dr. A. Mine Kadiroğlu'na Armağan. Ankara, 2011. 505–523.
315. **Sengalevich 2017:** Sengalevich G. Aristocratism and piety along the banks of Maritsa. The Case of Komnenos' Monastery of the Mother of God Kosmosoteira // Cities in southeastern thrace: continuity and transformation / Edited by Daniela Stoyanova, Grigor Boykov, Ivaylo Lozanov. Sofia, 2017. P. 147-158.
316. **Step'annos Orbelean 2015:** Step'annos Orbelean, History of the State of Sisakan / Translated by Robert Bedrosian from the Classical Armenian text of K. Shahnazarean (Paris, 1860). Long Branch, NJ., 2015.
317. **Shukurov 2013:** Shukurov Rustam. Harem christianity: The byzantine identity of seljuk princes // The Seljuks of Anatolia. Court and Society in the Medieval Middle East / Edited by A.C.S. Peacock and Sara Nur Yildiz. London-New York, 2013. P. 115-150.
318. **The Chronicle of Ibn al-Athîr 2008:** The Chronicle of Ibn al-Athîr for the Crusading Period from al-Kâmilfi'l-ta'rikh Part 3 The Years 589-629/1193-1231 The Ayyübid after Saladin and the Mongol Menace / Translated by D.S. Richards. London and New York, 2008.
319. **Thierry 1977:** Thierry N. La peinture médiéval Géorgienne// La peinture d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X et XI s./ Thierry N. London, 1977.

320. **Theophylacti Achridensis 1980:** Theophylacti Achridensis orationes, tractatus, carmina; epistulae / Recensuit, gallice vertit, notis indicibusque instruxit P. Gautier. Thessalonike, 1980. (1986). 418 c.
321. **Tezelashvili 2022:** Tezelashvili I. T'amar Bagrationi (1184–1210). Encyclopedia 2022, 2, 1483–1493. <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2030100>
322. **Tolga 2010:** Tolga Erkan. Anadolu selçuklu sanatındaki insan figürlerinin uygurların mağara resimleri ve Gaznelilerin duvar resimleriyle konu ve biçim yönünden karşılaştırılması // International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 5/3 Summer 2010. P.1218-1263.
323. **Vannier 1975:** Vannier Jean-F. Familles Byzantines les Argiroi (IXe-XIIe siècles) // Serie Byzantina Sorbonensia 1. Paris, 1975.
324. **Vannier 1986:** Vannier J.-F. Les premiers Paléologues // Études prosopographiques (Centre de recherches d'histoire et de civilisation byzantines. Byzantina Sorbonensia 5. Paris, 1986. P. 133-186.
325. **Vannier 1998:** Vannier J.-F. Notes généalogiques byzantino-géorgiennes // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Byzantina Sorbonensia 16. tome II. Paris, 1998. p. 673-688. <https://books.openedition.org/psorbonne/4251> (дата посещения).
326. **Varzos 1984:** Varzos K. Η Hegenealogia ton Komnenon. Thessalonike, 1984. T. 2.
327. **Vasiliev 1936:** Vasiliev A. A. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204-1222) // Speculum. 1936. Vol. II. Fase. 1.
328. **Ζηκος 1994:** Ζηκος Ν. Παλίκιον όρος μοναστίρηακο συγκροτημα Ληνου Ροδόπις // Αρχαιολογικο Εργο στη Μακεδονία και Θράκη. Thessalonica, 1994. T. 8. Σ. 371-383.
329. **Жекова 2022:** Жекова Ж. Печати на жени от фамилията Комнини от България // Годишник на Шуменския университет «Епископ Константин Преславски». Факултет по хуманитарни науки. Материали от юбилейната международна научна конференция «Хуманитаристиката – традиции и

предизвикателства». Т. XXXIII А/2 История и археология, литературознание и фолклористика. Шумен, 2022. С. 49-55.

330. **Йорданов 1989:** Йорданов И. Византийски оловни печати от музея в Нова Загора // Известия на музеите от Южна България, Т. 11, Пловдив, 1989. С. 37-44.